

С.В. Медведев

Эксперимент Зубатова.
Легализация рабочего движения
в первые годы XX в.

Русский фонд содействия образованию и науке

2018

«Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. / Медведев С.В.»: Русский фонд содействия образованию и науке; Москва; 2018

ISBN 978-5-91244-235-3

В 1901–1904 гг. альтернативой революционной борьбе стало создание легальных объединений рабочих. В монографии С. В. Медведева предлагается комплексный анализ попытки решения рабочего вопроса в Москве, Минске и Одессе, а также переосмысливается личность С. В. Зубатова – главного идеолога эксперимента по внедрению в рабочую среду тайных агентов полиции, проводившегося на фоне конфликта Министерства финансов и Министерства внутренних дел. Благодаря привлечению широкого массива архивных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, читатель представит себе атмосферу всеобщей подозрительности начала XX века, узнает интересные подробности из жизни представителей революционного подполья, рабочей среды и, конечно, секретных сотрудников Московского охранного отделения. Книга рекомендована как специалистам, так и самой широкой аудитории.

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Рецензенты:

Андреев Д. А. – кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова;

Гайда Ф.А. – доктор исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

Введение

Деятельность Департамента полиции в первые годы XX столетия представляет особый интерес для изучения истории сыска, рабочего движения и общественных настроений. Накануне Первой революции в России в правительственные учреждения поступали различные проекты по нормализации трудового процесса на промышленных предприятиях, создавались межведомственные комиссии для их обсуждения, пресса проводила кампании в поддержку тех или иных законопроектов. В создавшихся условиях не мог не активизироваться и Департамент полиции, руководство которого поощряло инициативу на местах. Результатом этого стал известный эксперимент начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова по легализации рабочего движения, а также более внимательное отношение политической полиции к анонимным донесениям обеспокоенных граждан. Менее известны инициативы Зубатова по установлению контроля над высшими учебными заведениями и тюремными учреждениями Москвы, прежде всего Бутырской тюрьмой. На несколько лет Московское охранное отделение заняло определяющую позицию в системе политического сыска, распространяя свое влияние на охранные отделения и губернские жандармские учреждения целого ряда российских городов (Минск, Одесса, Вильна). Секретные агенты Зубатова пытались организовать рабочие общества на местах, сообщая об успехах и неудачах в Москву.

Так как органы политического сыска Москвы были подведомственны Министерству внутренних дел, а их деятельность часто не отвечала интересам большей части отечественных и иностранных фабрикантов, Министерство финансов, защищая промышленников, разработало свою законотворческую стратегию по целому ряду общественных проблем. На практике это привело к конфликту фабричной инспекции, подведомственной Министерству финансов, с представителями секретной агентуры политической

полицейской. Положение осложнялось конфликтом «между полициями», а также нестабильными взаимоотношениями С. В. Зубатова со своим непосредственным начальством (Ц. Ф. Треповым, В. К. Плеве) и секретными сотрудниками (к примеру, Г. И. Шаевичем, М.В. Вильбушевич).

В монографии осуществлена попытка проанализировать деятельность Московского охранного отделения, направленную на создание подконтрольных полиции обществ рабочих, а также субъективные или объективные факторы, благоприятствующие или, наоборот, препятствующие реализации проекта С. В. Зубатова. К субъективным факторам можно отнести успешные или ошибочные решения авторов эксперимента, к объективным – обстоятельства, неподвластные их воле: протестную активность рабочих, экономическое положение в стране, влияющее на зарплаты и продолжительность рабочего дня, общественное восприятие Департамента полиции, Московского охранного отделения, губернских жандармских управлений.

Отдельный раздел посвящен анонимным донесениям, поступившим в Московское охранное отделение в течение 1900-х гг., проанализирована реакция сотрудников полиции на информацию, содержащуюся в доносах обеспокоенных обывателей или в угрозах провокационно настроенных граждан.

Широко используемым в тексте термином «легализация рабочего движения» автор обозначает политику создания рабочих обществ взаимопомощи, действующих под контролем Московского охранного отделения и Особого отдела Департамента полиции. Активную деятельность обществ можно обозначить периодом 1901–1903 гг., начало – фактом создания устава первой организации взаимопомощи рабочих механического производства, постепенную ликвидацию – увольнением С. В. Зубатова с должности главы Особого отдела. После 1903 г. общества действуют во многом инерционно, представляя интересы рабочих в минимальном объеме. Легализация рабочего движения была в значительной

мере условной: согласование устава Общества взаимопомощи рабочих с московским генерал-губернатором и обер-полицмейстером, официальное разрешение деятельности организации не означало доступа зубатовских рабочих объединений к свободной деятельности в рамках закона.

Министерство финансов в лице его руководителя С.Ю. Витте, фабричные инспекторы и даже некоторые губернаторы активно противодействовали обществам, оспаривая законность их мероприятий. На данный момент не найдено архивных документов, позволяющих доказать симпатии министра внутренних дел В. К. Плеве к инициативам С. В. Зубатова в рабочем вопросе, скорее, наоборот, история с увольнением главы Особого отдела демонстрирует постепенно нарастающее недоверие Плеве к легализации рабочего движения, кульминацией чего стало обвинение агентов Зубатова в развязывании забастовок на юге России летом 1903 г. Таким образом, недоверие правительственных чиновников к легализации рабочего движения, ее кратковременность и зависимость от «главного архитектора идей» позволяют именовать эту политику «экспериментом Зубатова».

Поскольку именование (государственным) социализмом социальной политики в период развития капиталистического характера экономических отношений и противодействия государства социалистическим оппозиционным движениям ведет к терминологической путанице и тавтологии, в рамках данного исследования термин «государственный социализм» не используется. Автор также не находит возможным использование термина «полицейский социализм»¹, считая его некорректным, имеющим негатив-

1 См., например: Корелин А. П. Архитектор «полицейского социализма» // Родина. 1994. № 11; Ушаков А. В. «Полицейский социализм» в Москве // Вопросы отечественной истории и историографии: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. М., 2001; Милевский О. А.,

ную коннотацию, не отражающим содержания деятельности рабочих обществ взаимопомощи в 1901–1903 гг. Во-первых, полицейские агенты в зубатовских организациях, наоборот, способствовали развитию антисоциалистических взглядов в среде рабочих, организовывали возложение цветов к памятнику Александру II в 1902 г.; во-вторых, никакого равенства, начиная с окладов агентов и заканчивая членскими взносами и выплатами рабочим, в обществах не было. До сих пор остается спорным и не вполне ясным отношение С. В. Зубатова к забастовкам с целью выполнения работодателями условий договорных отношений. Впрочем, эта мера признавалась крайней и постепенно разочаровывала и его, и адептов легализации рабочего движения.

* * *

Литературу по проблематике работы можно разделить на две группы: исследования о политике и методах Московского охранного отделения по решению рабочего вопроса и труда, посвященные истории и структуре органов российской полиции.

Наиболее ярким и известным исследованием в дореволюционный период можно назвать «Политику по рабочему вопросу в России за последние годы» И.Х. Озерова, в котором автор постарался обобщить свои беседы с рабочими и выявить их самые распространенные требования. Наряду с этим И.Х. Озеров пытался понять, каким образом рабочие дошли до фатального недоверия к правительству, ярко проявившегося в годы Первой революции. Профессор предпринял смелую попытку анализа правительственной политики по рабочему вопросу, начиная с 1880-х гг. Особую

Терехова С. А. В дебрях «полицейского социализма»: Л. А. Тихомиров и «зубатовщина» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 2; Овченко Ю.Ф. Философия «полицейского социализма» // Вопросы истории. 1998. № 11–12; глава 7 новой монографии Овченко Ю.Ф. «Охранка и зубатовщина» (М., 2017) также называется «Философия полицейского социализма»; и др.

ценность в свете проблематики данной работы представляет раздел исследования, посвященный начинаниям С.В. Зубатова. И.Х. Озеров подробно описывает свою деятельность по выработке устава Общества взаимопомощи в механическом производстве, проведению лекций и собраний. Ни разу не упомянув о связи рабочих обществ с полицией, он искренно недоумевает, почему они вызвали волну критики радикальных партий, если способствовали улучшению положения трудящихся. Изменение направления правительственной политики в отношении рабочих И.Х. Озеров связывает с недовольством фабрикантов, о последствиях которого автор пишет следующее: *«Московские Ведомости на нас вылили ушат клевет и ругани»*². После этого устав был *«изуродован»*, а профессорам пришлось уйти. В заключение своих воспоминаний И.Х. Озеров горько замечает: *«Я отдавал всего себя в дело внесения света в темную массу, работал, как художник над картиной: с любовью, упованием; эта картина была испорчена одним ударом, одним взмахом, без возможности даже сказать публике, что это не то, что мы делали. <...> Вверху искалечили устав, в публике извратили все дело»*³.

Служебную деятельность С. В. Зубатова во главе Московского охранного отделения попытался исследовать М. Григорьевский в работе «Полицейский социализм в России». Концептуальная направленность работы предопределила довольно стандартный для оппозиционно настроенных авторов набор штампов: полицейское правительство и «тупые» буржуа⁴, «гнилой» Запад⁵ и «грязные руки зубатовщины»⁶. Рефреном всей книги М. Григорьевского

2 Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 222.

3 Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 231.

4 Григорьевский М. Полицейский социализм в России. СПб., 1907. С. 4.

5 Там же. С. 8.

6 Там же. С. 64.

можно назвать тезис о непримиримости правительства и пролетариата. Исходя из этого убеждения, он анализирует сущность *«русской зубатовщины»*. По его мнению, легализация рабочего движения была абсолютно бесполезным явлением, так как *«требования, вытекавшие из самих ненормальных отношений на фабрике, все равно вышли бы наружу и вылились бы либо в форму коллективных жалоб, либо забастовок»*⁷. Наряду с бесполезностью, М. Григорьевский говорит о неосуществимости идей и непорядочности методов С. В. Зубатова, который был лишь марионеткой в руках администрации. Система С. В. Зубатова была порождена *«анархией, развращенностью и бессилием бюрократии»*⁸ в решении рабочего вопроса. Подводя итог своей обличительной речи, М. Григорьевский заключает, что политика охранных отделений *«была одним из проявлений глубочайшего кризиса в правительстве»*⁹. Работа М. Григорьевского целиком и полностью посвящена рассмотрению идеи легализации рабочего движения, однако автор нередко игнорирует или бездоказательно интерпретирует исторические факты¹⁰.

7 Там же. С. 17.

8 Там же. С. 53.

9 Там же.

10 К примеру, оценивая программные документы легализации рабочего движения, автор не цитирует исторические источники, а ограничивается подобными замечаниями: *«Она (программа. – С.М.), очевидно, хотела как бы показать рабочим: законы святы, но исполнители лихие супостаты»* (Григорьевский М. Полицейский социализм в России. СПб., 1907. С. 16); *«Таков, повидимому, был план организаторов правительственного рабочего движения»* (Григорьевский М. Полицейский социализм в России. СПб., 1907. С. 7). Порой следуют излишне обобщающие фразы, откровенно грешащие против истины: *«Рабочему не платили за труд, в чем бы тот не выражался, следуемое не записывалось в книги, и потом на рабочих негодовали за то, что они не могут доказать суммы иска!»* (Там же. С. 19). Григорьевский не пишет о выплатах рабочим в

Исследование А. Морского «Зубатовщина» во многом перекликается с упоминавшейся выше книгой И.Х. Озерова. Автор также рассматривает политику правительства и подконтрольных ему структур в рабочем вопросе в 1880-1890-е гг. Характерной чертой работы А. Морского является поддержка Министерства финансов и фабричной инспекции во всех конфликтах с Министерством внутренних дел на почве решения рабочего вопроса. По его мнению, работе фабричной инспекции препятствовало не только самовластие губернаторов, но и вмешательство полиции в ее деятельность. Объяснялось это тем, что *«Министерство внутренних дел полагало целесообразным сосредоточить фабричную инспекцию в своем ведении»*¹¹. В дальнейшем борьба Министерства внутренних дел и Министерства финансов привела к созданию проекта легализации рабочего движения. Эксперименты Московского охранного отделения оцениваются А. Морским тенденциозно: оценочная часть заметно превалирует над фактологической. Общества С. В. Зубатова А. Морской называет *«конспиративными ячейками революционного пошиба»*¹², имеющими *«собственные политические клубы»*¹³, *«безумным предприятием»*¹⁴. Сворачивание политики легализации связывается им с одесскими беспорядками 1903 г., которые, как он считает, были генеральной репетицией Первой ре-

обществах взаимопомощи, не связывает легализацию рабочего движения с активизацией общественной дискуссии о законе о страховании рабочих, умалчивает о том, что некоторые фабриканты высказывались в поддержку зубатовских обществ и т. д.

11 Морской А. Зубатовщина. М., 1913. С. 20.

12 Там же. С. 108.

13 Там же. С. 129.

14 Там же. С. 178.

волюции. Таким образом, А. Морской повторяет распространенный в литературе тезис¹⁵ о том, что зубатовщина привела к революции: *«Круг опыта зубатовщины, длившийся свыше 7 лет, был логически завершен катастрофой 9 января 1905 года...»*¹⁶

В. И. Ульянов (Ленин) не смог избежать распространенных мифологем в оценке деятельности Московского охранного отделения в первые годы XX столетия: он, как и многие другие, был склонен считать ответственным за происходящее исключительно С. В. Зубатова, а также явно переоценивал роль проектов политической полиции в подогревании и ускорении революционного процесса в России: *«В конце концов, легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым... В этом смысле мы можем и должны сказать Зубатовым и Озеровым: старайтесь господа, старайтесь»*¹⁷. По мнению В. И. Ульянова (Ленина), легализация рабочих обществ в конце концов приведет к тому, что социалистам будет легче находить себе адептов. В том, что это произойдет, сомнений у Ленина не было, так как он глубоко верил в дух солидарности и революционный инстинкт пролетариата. В своих прогнозах он отдает легализации роль средства для пролетариата на пути к цели достижения революции: *«...самые отсталые рабочие втянутся в движение зубатовцев, а там уже дальше само царское правительство позаботится толкнуть рабочих дальше, сама капиталистическая эксплуатация подвигнет их от мирной и насквозь лицемерной зубатовщины к революционной социал-демократии»*¹⁸. Данный постулат раскрывает вполне очевидное противоречие в трудах вождя пролетарской революции. С одной стороны, Ленин высказывался за скорейшее прекращение легализации, называя ее

15 См. работы В. И. Ленина, В.Д. Новицкого.

16 Морской А. Зубатовщина. М., 1913. С. 179.

17 Ленин В. И. Что делать? // Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 40.

18 Ленин В. И. Первые шаги // Полное собрание сочинений. Т. 9. С. 220–221.

«развращением политического сознания рабочих»¹⁹, а с другой – отмечал ее полезность в революционной организации рабочих масс. Касаясь истоков легализации рабочего движения, Ленин пишет, что «зубатовщина – это истинно русское изобретение»²⁰.

Еще одним распространенным заблуждением, дожившим до наших дней, являлось и является убеждение в том, что «зубатовский социализм» означал воздействие исключительно на рабочую общественность. В соответствии с этим тезисом В. И. Ульянов (Ленин) неоднократно проводил связь между деятельностью организаций взаимопомощи и официальной идеологией церкви и полиции: господа Зубатовы *«тянут его (рабочее движение. – С.М.) по линии поповско-жандармской идеологии»²¹*. Что представляла собой идеология полиции начала XX века, вождь мирового пролетариата предпочел не разъяснять.

В 1920-е гг. начали выходить труды, исследующие легализацию рабочего движения в ее региональном аспекте развития. К ним относится книга Д. О. Заславского «Зубатов и Маня Вильбушевич». Как следует из названия, эта работа вряд ли может претендовать на статус научной монографии, однако многие сообщаемые Д. О. Заславским сведения могут быть полезными для изучения политики Московского охранного отделения. Автор уделяет много внимания анализу личностных особенностей С. В. Зубатова, его взаимоотношений с окружающими. Составляющими воплощения планов С. В. Зубатова в жизнь Д. О. Заславский называет наивную простую веру рабочего, фантастические проекты полиции и растерянность власти. Особое внимание в книге уделяется еврейскому

19 Ленин В. И. Петербургская стачка // Полное собрание сочинений. Т. 9. С. 174.

20 Ленин В. И. Возражения против поправок к пунктам 2, 3, 6 проекта резолюции // Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 194.

21 Ленин В. И. Что делать? // Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 40.

рабочему движению до 1905 г., которое, будучи обусловлено дискриминацией прав евреев, уже с конца XIX в. приобретает оппозиционный характер по отношению к действующей власти. Еврейских рабочих пороли розгами, студенты не имели возможности учиться, «на бесправных евреев устраивали облавы, как на зверей»²². Успех легального движения в Минске вызывает большое удивление Д. О. Заславского. По его мнению, общества С. В. Зубатова были основаны на взаимном обмане и самообмане и состояли из «темных середняков-рабочих, не затронутых социалистической и революционной пропагандой»²³. Это явная неправда, так как агенты С. В. Зубатова сами были бывшими членами союза «Бунд». Также, как считает автор рассматриваемого публицистического труда, привлечению рабочих в движение способствовала проповедь сионизма. Разоблачению рабочих обществ в Минске, по мнению Д. О. Заславского, оказала содействие социал-демократическая периодика: «Зубатовщина была разоблачена и ошельмована. В первом же номере “Искры” (декабрь 1900 г.) была напечатана большая статья “Новые друзья русского пролетариата”, посвященная Зубатову. Было указано в статье, что зубатовщина воскрешает приемы и методы знаменитого Судейкина»^{24, 25}. В то же время следует отдать должное автору в том, что он указывает одну из главных причин ликвидации полицейских рабочих обществ: «Зубатов видел, что при неже-

22 Заславский Д. О. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923. С. 9.

23 Там же. С. 10.

24 Заславский Д. О. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923. С. 11.

25 Судейкин Г. П. (1850–1883) – подполковник, инспектор Петербургского охранного отделения, убит 16 декабря 1883 г. на конспиративной квартире народовольцами, при содействии своего секретного агента С.П. Дегаева. В 1882 г. С.П. Дегаев способствовал арестам многих революционеров.

лании правительства внести перемену в политику его хитро задуманный план терпит крушение»²⁶. В книге Д. О. Заславского обильно цитируются отрывки из агентурных донесений С. В. Зубатова и его переписка с М.В. Вильбушевич, однако номера фонда, описи и дела не приводятся²⁷. Так как полностью, без изъятий, эти документы пока не стали достоянием общественности, хочется выразить надежду, что они еще найдут своего исследователя и публикатора.

9 января 1924 г., в годовщину Первой русской революции, в двух рабочих центрах Москвы – в «Первой Образцовой типографии» и в клубе «Труд и творчество» Симоновского района – прошел инсценированный суд над Зубатовым и Талоном, по результатам которого была издана одноименная книга под редакцией писателя и критика Валериана Фёдоровича Плетнёва. Как признавался Председатель суда в своем вступительном слове: *«Почему необходимо судить именно их? Потому, что очень часто их имена произносятся наряду с воспоминаниями о 9-м января. Первое имя – Зубатова – с презрением, второе – Гапона (он ведь шел с крестом впереди толпы) – иногда сочувственно, и почти всегда его роль в событиях 9-го января для широких масс недостаточно ясно выявлена»*²⁸.

26 Заславский Д. О. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923. С. 62.

27 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316 (1908). Д. 538. Ч. 1–3.

28 Суд над Зубатовым и Гапоном: Инсценировка. М., 1925. С. 13.

Обложка книги под редакцией В. Ф. Плетнёва «Суд над Зубатовым и Гапоном: Инсценировка», изданной по материалам постановки 1924 года

Свидетели, выступавшие на этом процессе, позиционируются редактором книги как современники и участники зубатовских и гапоновских обществ, однако проверить эти данные невозможно,

так как выступают они анонимно: свидетель А-н, свидетель Б-н, В-н и так далее. Свидетельские показания построены в соответствии с изначальной заданностью процесса: почти все «современники» минимизируют свою роль в полицейских обществах и не забывают упомянуть о том, как в конце концов начали заниматься саботажем легализации рабочего движения. Так, свидетель А-н говорил о том, что *«сказки зубатовцев не убаякивали рабочих»*, а сам он *«долго сомневался в провокаторстве Красивского и других»*²⁹, свидетель В-н *«настаивал всегда на удалении полиции, что иногда и удавалось. У зубатовцев доверием не пользовался...»*³⁰, свидетель В-н *«к концу зубатовщины начал срывать собрания»*³¹, а свидетель М-н пострадал из-за своей доверчивости: *«Когда мы в первый раз пришли к нему (к Зубатову. – С.М.), боялись, не снимают ли нас тайком. А потом он долго говорил с нами: что сам был эсером, был сослан, что добивается, чтобы рабочие сознательные были, не боялись заведующих. А мы, правда, боялись. После этого поверил я и пошел в организацию»*³².

Некоторые свидетели-рабочие жаловались на дороговизну мероприятий обществ взаимопомощи: *«Пошли к митрополиту, а митрополит по-своему: сначала, говорит, богословие, а потом уж экономическое. Богословие нам дали даром, а за другое брали по 20 коп. за вход»*³³. Безымянный защитник после показаний свидетелей утверждал, что легализация рабочего движения не подорвала *«здоровье русского пролетариата»*, а *«организации, созданные “в целях отвлечения рабочих от влияния преступной пропаганды”, для разложения их, объективно выполнили по широкому фронту главно революционизирующую роль»*³⁴.

29 Суд над Зубатовым и Гапоном: Инсценировка. М., 1925. С. 16.

30 Там же. С. 17.

31 Там же.

32 Там же. С. 22.

33 Там же.

34 Там же. С. 50, 52.

Интересно, что примерно в то же самое время похожими словами писал о революционизирующей роли зубатовских организаций рабочий Ф. Богданов-Евдокимов: *«Зубатовская организация в глазах рабочих постепенно умирала, ее сохранили лишь для того, чтобы пользоваться ее легальной вывеской, и она была нужна для массовых выступлений: ее собрания часто превращались в массовки, на которых выступали Петры, Денисы, Седы, Леониды и Владимиры Ивановичи и многие другие... <...> Я непосредственно участвовал во всех видах и формах зубатовской организации в Москве сначала и до конца ее существования и состоял одно и то же время в организации Р.С.Д.Р.П. Восстанавливая в своей памяти своеобразные картины различных затей охранников, я, как это ни странно покажется, с большим трудом могу провести линию, где зубатовская организация кончается, и где начинается организация Р.С.Д.Р.П. Одни и те же рабочие работали и там и тут»³⁵.*

Тем не менее, по законам жанра, обвинитель и председательствующий суда «заклеймили позором» и Зубатова и Гапона: *«Заклеймить позором имя Зубатова и его сотрудников, как гнуснейших провокаторов, разлагавших рабочее движение России, направявших его в сторону рабского преклонения перед кровавым царским престолом... Судом опровергнута слава Гапона, как руководителя-вождя масс в день 9-го января»³⁶.*

С. С. Айнзафт и Н.А. Бухбиндер в своих работах анализировали воздействие идей С. В. Зубатова на еврейский пролетариат Минска и Одессы³⁷.

Для темы исследования важен труд Б.П. Козьмина «С. В. Зубатов и его корреспонденты», вышедший в 1928 г. Работа представляет собой первую публикацию документов из личного архива С.

35 ГА РФ. Ф. Р-6889. Оп. 1. Д. 602. Л. 7.

36 Суд над Зубатовым и Гапоном: Инсценировка. М., 1925. С. 61.

37 Айнзафт С. С. Рабочее движение в России до 1905 года. М., 1925; Бухбиндер Н.А. Зубатовщина и рабочее движение в России. М., 1926.

В. Зубатова. В основном это переписка с коллегами по работе – С.Э. Зволянским, А. А. Лопухиным, Е.К. Климовичем, В. В. Ратко, А. И. Войлошниковым, рабочим Ф. А. Слеповым. По характеристике автора, *«все они очень видные фигуры в политическом розыске, вписавшие своей деятельностью немало гнусных страниц в черную книгу злодейств и преступлений старого режима»*³⁸. Б.П. Козьмин уделяет пристальное внимание переписке С. В. Зубатова с редактором журнала «Былое» В. Л. Бурцевым, подвергая анализу их взгляды; комментирует публицистические статьи первого на страницах журнала «Гражданин» в 1906–1907 гг. Во вступительной статье Б.П. Козьмин раскрывает основные взгляды бывшего начальника охранного отделения и заключает, что и после революции он не порвал со своими реакционными убеждениями, оставаясь убежденным монархистом³⁹.

Легализация рассматривается Б.П. Козьминым и в монографии «Рабочее движение в России до революции 1905 года». Он замечает, что резкое повышение недовольства общественности, обнаружившееся во второй половине 1890-х гг., и непосредственное участие в нем рабочего класса, заставили правительство изменить формы борьбы с революционным движением. Главной целью новой политики правительства в рабочем вопросе стала *«отчаянная попытка взять рабочее движение в свои руки, освободив его от влияния нелегальных партий»*⁴⁰. Далее Б.П. Козьмин анализирует доклад обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова на имя генерал-губернатора, написанный С. В. Зубатовым. Так или иначе этого доклада касаются почти все исследователи, занимающиеся политикой Департамента полиции в рабочем вопросе в первые годы XX в. Главное значение записки для Б. П. Козьмина состоит в том, что

38 Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928. С. 7.

39 Там же. С. 17–18.

40 Козьмин Б.П. Рабочее движение в России до революции 1905 года. М., 1925. С. 149.

именно в ней проводится мысль, ставшая девизом обществ С. В. Зубатова: *«...для успокоения рабочих необходимо... ослабить волнующие их недочеты соответствующего порядка, предоставив рабочим возможность законным путем добиваться улучшения своей участи»*⁴¹. Успех легальных рабочих обществ в Москве автор монографии объясняет *«слабостью местной социал-демократической организации, не успевшей оправиться от разгрома, которому она подверглась в конце 90-х годов»*⁴². По мнению Б.П. Козьмина, с конца 1902 г. происходит закат зубатовского движения в основных промышленных центрах страны, в частности в Москве и Минске. Он заключает, что в основе идей С. В. Зубатова лежали противоречия, так как *«правительство не могло пойти против капиталистов, на которых опирался существующий политический строй... все сводилось к частичным улучшениям, имевшим временный характер»*⁴³. Итоговый результат деятельности С. В. Зубатова Б.П. Козьмин видит в *«общем недовольстве деятельностью правительства, обнаружившего свою слабость и страх перед ростом революционного настроения в стране»*⁴⁴. По его мысли, всё это привело к тому, что в рабочее движение *«были привлечены отсталые и незатронутые до тех пор борьбой слои рабочего класса, которые увеличили его силу и напряжение»*⁴⁵.

В рамках концепции Козьмина выступает и Н. Ростов, посвятивший эксперименту Зубатова небольшую книгу «Крушение одного опыта». О карьерном крахе Сергея Васильевича Ростов рассказывает одним абзацем: *«Козлом отпущения явился Зубатов. 17 сентября 1903 г. Плеве в резкой форме предъявил Зубатову обвинение*

41 Там же. С. 151.

42 Там же. С. 153.

43 Там же. С. 154

44 Там же. С. 157.

45 Козьмин Б.П. Рабочее движение в России до революции 1905 года. М., 1925. С. 157.

в организации стачек. Он тут же был уволен из Петербурга с воспрещением жить в обеих столицах. Назначенная ему пенсия 250 руб. в месяц прекращалась, “если он позволит себе какие-либо действия, государственной пользе противящиеся”. После убийства Плеве пенсия была увеличена до 5000 рублей в год. В 1910 году Зубатову разрешили поселиться в Москве. Здесь он, в дни революции 1917 г., получив сообщение о низвержении монархии, застрелился»⁴⁶.

В работе В. И. Игнатьева «Борьба против зубатовщины в Москве» также анализируется эксперимент С. В. Зубатова. Его развитие автор связывает с активизацией рабочего движения в разных регионах России, вызванной промышленным кризисом конца XIX в. В. Игнатьев упоминает о крупных стачках в Ростове-на-Дону, Закавказье, на юге России, касается деятельности Московского рабочего союза. Как он отмечает, под влиянием социал-демократов экономические лозунги рабочих сменяются политическими требованиями, главное из которых – свержение самодержавия. В этом согласиться с Игнатьевым не представляется возможным, так как говорить об организованном рабочем движении против монархии в первые годы XX столетия не приходится. Зарождение организаций С. В. Зубатова, по мысли Игнатьева, было откликом на активизацию социал-демократической пропаганды в рабочей среде. В основе их создания В. И. Игнатьев усматривает оппортунистическое течение – экономизм: «Они считали, что политическая борьба – дело либеральной буржуазии, что же касается рабочих, то с них достаточно и экономической борьбы с хозяевами»⁴⁷. Исследуя характер действий С. В. Зубатова и его помощников, В. И. Игнатьев заключает, что, «отвлекая рабочий класс от общеполитической борьбы с царизмом, ограничивая его задачи некоторыми формами экономической борьбы с отдельными хозяевами, С.

46 Ростов Н. Крушение одного опыта. М., 1927. С. 28.

47 Игнатьев В. И. Борьба против зубатовщины в Москве. М., 1939. С. 17.

В. Зубатов обрекал рабочих на вечное рабство»⁴⁸. Автор не отказывает С. В. Зубатову в логичности и последовательности в достижении поставленных целей, называя его «иезуитом»: «Московская охранка и ее руководитель Зубатов великолепно понимали, что одной только духовной пищей рабочих не удовлетворишь. Зубатовцы были вынуждены под давлением разрешить им заниматься обсуждением своих экономических нужд»⁴⁹. Одним из средств привлечения на сторону официальной власти рабочих была антисоциалистическая пропаганда: «Агитация против революционной интеллигенции внутри зубатовских организаций приняла настолько широкий размах, что московский комитет РСДРП должен был выпустить несколько прокламаций, разъясняющих причины преследования зубатовцами социал-демократической интеллигенции»⁵⁰. В своей монографии В. И. Игнатьев широко освещает содержание листовок социал-демократов, статей Ленина в «Искре», речей «сознательных» рабочих на собраниях легальных обществ, призывавших к борьбе против самодержавия. Крах системы С. В. Зубатова объясняется В. И. Игнатьевым в соответствии с точкой зрения Ленина: «Оправдалось предвидение революционных социал-демократов о том, что революционный инстинкт рабочего класса и его солидарность возьмут верх над всякими полицейскими уловками. Отсталые рабочие, будучи втянуты в движение зубатовцами, на предметных уроках убедились в полицейской сущности зубатовских организаций. <...> Пролетариат порвал рамки полицейской зубатовщины, и вся масса легального рабочего обществаоснованного для борьбы с революцией, пошла по революционному пути»⁵¹.

В 1968 и 1973 гг. были опубликованы две статьи А. П. Корелина, в которых рассматривается легализация рабочего движения.

48 Игнатьев В. И. Борьба против зубатовщины в Москве. М., 1939. С. 18.

49 Там же. С. 28.

50 Там же. С. 34.

51 Там же. С. 52, 54.

Автор проанализировал идеологические истоки нового для России явления, исследовал программные документы полицейских организаций, определил внутренние противоречия легального рабочего движения⁵².

В 1964 г. вышла работа А.Ф. Вовчика «Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период». Опираясь на ленинские оценки правительственной политики по рабочему вопросу на пролетарском этапе освободительного движения, широко используя архивные и опубликованные документы, многие из которых впервые введены в научный оборот, автор всесторонне исследовал заявленную тему. А.Ф. Вовчик солидарен с В. И. Игнатьевым в определении базиса, на котором строилась идеологическая доктрина легального рабочего движения. Им также подмечается схожесть взглядов лидеров этого движения с убеждениями экономистов. На основании записок Л. А. Тихомирова, Д. С. Сипягина, И.Х. Озерова А.Ф. Вовчик раскрывает суть политики С. В. Зубатова в рабочем вопросе. Основные тезисы этих проектов: рабочий класс должен быть введен в семью других классов, из класса превратиться в сословие, признанное государством, и сословие, государству служащее. Главная же мысль записок, по А.Ф. Вовчику, – внушить рабочим, что государство заинтересовано в облегчении их положения. Неслучайно лидеры легальных обществ ратовали за отмену наказаний за стачки, создание широких пролетарских коалиций. Во всем этом А. Ф. Вовчик видит *«не эксперимент московской охраны, а политическую линию правящей верхушки, получившую наиболее полное воплощение в планах Зубатова и пользующуюся*

52 Корелин А. П. Русский «полицейский социализм» // Вопросы истории. 1968. № 10; Корелин А. П. Крах идеологии «полицейского социализма» в царской России // Исторические записки. 1973. № 92.

постоянной поддержкой правящих кругов»⁵³. Поддержка правительственных кругов, по А. Ф. Вовчику, состояла в «содействии агентам Зубатова на местах... путем благосклонного отношения к их начинаниям»⁵⁴ (об этом исследователь судит на основании записки 1908 года!), а также в том, что министр внутренних дел Д. С. Сипягин поручил в 1901 г. директору Департамента полиции С. Э. Звялянскому составление записки о зубатовском движении⁵⁵. Почему факт составления аналитического отчета о легализации рабочего движения связывается историком с правительственным лоббированием идей начальника Московского охранного отделения, объяснить затруднительно.

Автор не обходит вниманием вопрос распространения легального рабочего движения и в других городах, в том числе Одессе, Санкт-Петербурге, где, так же как и в Москве, активным препятствием для деятельности агентов С. В. Зубатова явилась пропаганда социал-демократов. Еще одним барьером для легальных обществ стала фабричная инспекция, выражавшая интересы крупной промышленной буржуазии. А. Ф. Вовчик рассматривает этот конфликт шире, а именно в свете противоречий между Министерством финансов и Министерством внутренних дел: *«В Министерство финансов промышленники пачками посылают жалобы на действия московской охранки... так как нередко члены совета зубатовских организаций стали вмешиваться в конфликты рабочих с хозяевами, в демагогических целях занимая стороны рабочих»*⁵⁶.

53 Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964. С. 114.

54 Там же. С. 113.

55 Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964. Там же. С. 114.

56 Там же. С. 136–137.

Именно конфликтом советов рабочих обществ с предпринимателями А.Ф. Вовчик объясняет *«крах зубатовской авантюры»*⁵⁷. Анализируя причины первоначального успеха обществ С. В. Зубатова, А.Ф. Вовчик приходит к следующим выводам: *«В начале XX века в России функционировало большое количество мелких и средних предприятий, кустарных и ремесленных мастерских рабочие которых были слабо организованы, забиты, мало связаны между собой и с революционной социал-демократией»*⁵⁸. То, что большинство рабочих были выходцами из разорившегося крестьянства, религиозны и малограмотны, облегчало работу агентам С. В. Зубатова. Как пишет

А.Ф. Вовчик, *«суть зубатовщины состояла в том, чтобы отвлечь рабочих от революционной борьбы с самодержавием и капитализмом, путем раздробления сил пролетариата создать фальшивые легальные рабочие организации под опекой и контролем полиции, направить рабочее движение в русло узких экономических требований, разложить революционные организации, подрвать влияние социал-демократов на рабочий класс и методами провокации, шпионажа, массовых арестов, систематической монархической пропаганды и натравливания рабочих на социал-демократию покончить с революционным движением в стране»*⁵⁹.

В рамках того же метода критики эксперимента С. В. Зубатова находится работа В.Я. Лавёрычева «Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.)». Это фундаментальное исследование правительственной политики в отношении рабочего класса написано с привлечением обширной базы не публиковавшихся ранее источников. Неоспоримыми достоинствами монографии В. Я. Лавёрычева можно признать последовательное изложение перипетий ведомственной борьбы, подробное ознакомление читателей с выска-

57 Там же. С. 155–156.

58 Там же. С. 148.

59 Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964. С. 155.

званиями должностных лиц, четкость и законченность концептуальной основы, разработанность доказательной базы постулируемых положений. В то же время историк уделяет недостаточное внимание вопросу инициатив С. В. Зубатова в рабочем, студенческом и тюремном вопросах. Архивный материал используется выборочно, многие фактические особенности развития легального рабочего движения автором игнорируются. Основными выводами, к которым в результате проделанной работы пришел В. Я. Лавёрычев, являются положения о том, что *«буржуазная по природе идея легализации рабочих организаций реализуется в специфической оболочке и под прямым идейным воздействием попов и светских реакционеров»*⁶⁰ и, *«пытаясь оказать определенное идеологическое воздействие на пролетариат, царские власти стали широко применять социальную демагогию, сочетая ее с активной пропагандой в рабочей среде идей “народности” самодержавия»*⁶¹.

Итоговую черту под изучением советскими историками легализации рабочего движения подвела коллективная монография «Кризис самодержавия» под редакцией Б. В. Ананьича, В. С. Дякина и Р. Ш. Ганелина⁶². Московское охранное отделение также не было предметом их специального исследования. Политика С. В. Зубатова рассматривалась ими в связи с проводившимся в конце XIX – начале XX в. широким кругом правительственных мероприятий в рабочем вопросе. Неудачный опыт С. В. Зубатова ставится в работе на один уровень с остальными обреченными на бесполезность реформами аппарата власти.

Завершая обзор советской литературы о деятельности Московского охранного отделения в первые годы XX столетия, хотелось бы подчеркнуть, что архивные материалы дореволюционного

60 Лавёрычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 154.

61 Там же. С. 170.

62 Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.

периода получили свое первое освещение в научных монографиях. Рабочий вопрос, центральный в трудах лидеров партии и корифеев советской исторической науки, предопределил однобокий интерес к С. В. Зубатову и его сотрудникам. В силу наиболее полной, в сравнении с остальными начинаниями, реализации эксперимента по легализации рабочего движения, советские историки практически не исследовали другие новаторские идеи одиозного начальника Московского охранного отделения. Организационные, кадровые и финансовые проблемы московской политической полиции как структурной единицы Департамента полиции Российской империи также остались вне поля зрения исторической науки СССР.

Российский период исследования темы характерен стремлением авторов отойти от устоявшихся традиционных для советского времени однозначных оценок. Первой работой о С. В. Зубатове, вышедшей в 1990-е гг., стала научно-популярная книга В. В. Кавторина «Первый шаг к катастрофе». Как признается сам автор, мотивом для написания книги явился притягательный образ начальника Московского охранного отделения, который был *«не просто чиновником и политиком, но личностью»*⁶³. В. В. Кавторин пытается выяснить, кем же на самом деле был С. В. Зубатов: предателем, провокатором, шпионом, беспринципным карьеристом, ловцом чинов или денежных средств. Задаваясь целью освободиться от десятилетиями транслируемого советскими учебниками образа С. В. Зубатова,

В. В. Кавторин в то же время уже с первой главы расставляет акценты: *«Цель моя выяснить, что же шатнуло его ко злу?»*⁶⁴. Для достижения поставленных целей В. В. Кавторин последовательно анализирует революционное кружковое движение 1890-х гг., развитие легальных полицейских рабочих обществ в Москве, Минске, Одессе.

63 Кавторин В. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992. С. 15.

64 Кавторин В. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992. С. 15.

Новым словом в изучении темы стало признание и обоснование автором крайне важной мысли о том, что *«идея Зубатова не несла в себе ничего утопичного»*⁶⁵. По мысли В. В. Кавторина, *«Зубатов предлагал путь, по которому уже пошло рабочее движение многих стран и в длительной исторической перспективе добилось результатов весьма впечатляющих»*⁶⁶. Вполне сознательно он отказывается от терминов «зубатовщина» и «полицейский социализм», так как *«с социализмом легализация боролась»*⁶⁷. Оценивая лекции И.Х. Озерова, В. В. Кавторин отмечает, что результатом их стал рост общечеловеческого, личностного самосознания и самоуважения⁶⁸. Не обходит своим вниманием автор исследования конфликт фабрикантов и рабочих обществ С. В. Зубатова. К числу слабых мест работы можно отнести недостаточное освещение узловой проблемы в истории легальных рабочих обществ, связанной с их переходом в 1902 г. в формат просветительских организаций, игнорирование деятельности Комиссии по устройству общеобразовательных чтений.

Эксперимент С. В. Зубатова исследуется и в монографии А. В. Ушакова «Рабочий класс и рабочее движение в Москве в конце XIX – начале XX века». Автор, наряду с прочим, анализирует экономическое положение рабочих накануне Первой революции в России. Эта тема имеет непосредственное отношение к легализации рабочего движения, так как полицейские рабочие общества боролись за улучшение бытовых и производственных условий. В исследовании

А. В. Ушаков использует статистические сведения по количеству фабрик и заводов, источникам формирования пролетариата и его численности, заработной плате рабочих, стоимости пищевых продуктов. Немаловажное для историков значение имеет информация о жилищных условиях рабочих

65 Там же. С. 79.

66 Там же.

67 Там же.

68 Там же. С. 101.

Москвы, санитарных условиях на фабриках и заводах, особенностях производственного процесса на рубеже веков. Работая над исследованием, А. В. Ушаков привлек богатую источниковую базу, однако выводы не отличаются глубиной и аргументированностью. Автор дает своеобразные комментарии исследуемым вопросам. Например, анализируя деятельность рабочих обществ С. В. Зубатова, он пишет: *«Москва являлась центром зубатовской деятельности. Это объяснялось главным образом тем, что в ней имелись наиболее широкие слои отсталых рабочих, не порвавших еще с мелкобуржуазной психологией»*⁶⁹. Критерии полезности деятельности легальных рабочих обществ соответствуют, по мнению автора, позиции газеты «Искра»: *«Искра писала, что эти беседы не имеют ничего общего ни с научностью, ни со справедливостью, ни с действительной помощью рабочему классу»*⁷⁰.

А. Ю. Володин исследовал личный состав фабричной инспекции, проанализировал посредническую деятельность данного института⁷¹. В контексте изучения взаимосвязи фабричной инспекции и обществ взаимопомощи материал монографии представляется важным.

Вторая большая группа исследований объединена тематикой истории и структуры Департамента полиции.

В период революции 1917 г. и непосредственно после нее начали выходить работы по организации деятельности охранных отделений⁷². Авторами первых работ были члены комиссии по

69 Ушаков А. В. Рабочий класс и рабочее движение в Москве в конце XIX – начале XX века. М., 2003. С. 105.

70 Там же. С. 109.

71 Володин А. Ю. История фабричной инспекции в России, 1882–1914 гг. М., 2009.

72 Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917; Членов С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919; Жилинский В. Б. Организация и жизнь охранных отделений во времена царской власти // Голос минувшего. 1917. № 9-10.

разбору документов Департамента полиции, охранных отделений, губернских жандармских управлений в дореволюционный период. В этих книгах, не претендующих на статус научных монографий, можно найти первые классификации секретных сотрудников, описание методов, применявшихся органами политической полиции для контроля за неблагонадежными лицами.

В последующие пятьдесят лет историки не обращались к теме исследования структуры и истории Департамента полиции, так как сама по себе она не была актуальной. Положение изменилось в 1970-1980-е гг.: этот период отличается увеличением интереса к различным аспектам сыскной деятельности полиции дореволюционной России. Исследователи изучали историю, структуру, кадровый состав Департамента полиции, охранных отделений, губернских жандармских управлений⁷³. Новаторский подход в исследовании проблем развития органов полиции присутствует в монографии Д. И. Шинджикашвили. Он рассмотрел внутреннюю и внешнюю агентуру политической полиции и в результате проделанной работы предложил классификацию агентуры⁷⁴. В 1980-е гг. вышли первые серьезные научные работы о Департаменте полиции. Прежде всего, следует отметить диссертационные исследования Л. И. Тютюнник, З.И. Перегудовой и Ю.Ф. Овченко, в которых обзревалась структура Департамента и выявлялись особенности

73 Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976; История полиции дореволюционной России (сб. док.) / под ред. В.М. Курицына. М., 1981; Мулукаев Р. С. История полиции дореволюционной России. М., 1981.

74 Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царски России в период империализма. Омск, 1973.

борьбы революционного движения с сыскными мероприятиями полиции⁷⁵.

В 1990-е и 2000-е гг. выходили научные сборники, посвященные памяти различных ученых, международным конференциям и определенным проблемным темам. В этих сборниках содержатся статьи, которые имеют непосредственное отношение к нашей тематике. Их характерной особенностью является стремление найти ранее непроработанные сюжеты в истории рабочего движения⁷⁶.

Постперестроечное время отмечено повышенным интересом к исследованию органов дореволюционной полиции. Издавались как публицистические работы, отличавшиеся широтой тематики и игнорированием Источниковой базы, так и специальная литература, в которой рассматривались различные аспекты сыскной деятельности. Такие авторы, как Э.Ф. Макаревич, С. О. Гонюхов, В. Г. Джанибекий и Н.Г. Сысоев изучали историю полиции через призму

75 Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX веков (1880–1904). М., 1986; Перегудова З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема). М., 1988; Овченко Ю.Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением. М., 1989.

76 Потолов С. И. Из истории манифеста 17 октября 1905 г: кто стоял за кулисами событий; Бородкин Л. И. Динамика реальной зарплаты рабочих в период дореволюционной индустриализации; Новиков А. В. Власть и предприниматели в регулировании трудовых конфликтов периода первой российской революции // Рабочие – предприниматели – власть в XX веке. Кострома, 2005; Ольховский Е. Р. Формирование рабочей интеллигенции в России в конце XIX – начале XX века; Полищук Н. С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX века); Потолов С. И. Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905–1907 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб., 1997; Политический сыск в России. История и современность. СПб., 1997.

судеб ее руководителей, а также наиболее заметных сюжетов, связанных с организацией сыска⁷⁷.

Одним из наиболее основательных исследований по истории Департамента полиции в период с 1880 по 1917 г. является монография З. И. Перегудовой «Политический сыск России», вышедшая в 2000 г. в Москве. В отдельной главе З. И. Перегудова анализирует деятельность Особого отдела – «ключевой структуры Департамента полиции... со второй половины 90-х годов»⁷⁸. Созданный в ответ на усиление забастовочного движения рабочих и рост пропаганды социал-демократической партии, Особый отдел предъявлял серьезные требования к кандидатам на должность его главы. Перечисляя наиболее ярких руководителей этого подразделения, в число которых, конечно, входит и С. В. Зубатов, З.И. Перегудова подробно описывает жизненный и карьерный путь каждого из них, исследуя изменения, происходившие в структуре и организации деятельности Особого отдела. В числе заслуг С. В. Зубатова З.И. Перегудова называет создание московской школы филёров, собственной секретной агентуры, воспитание целого поколения специалистов политического сыска. Возглавляя Особый отдел, С. В. Зубатов распространил опыт охранных отделений на все наиболее крупные региональные центры, обновил кадровый состав розыскных органов, организовал деятельность «двух столов», отвечавших за работу охранных отделений и службу наружного наблюдения. Касаясь причин отставки С. В. Зубатова, З.И. Перегудова раскры-

77 Гонюхов С.О. Российская полиция в мундире. М., 2000; Макаревич Э.Ф. Политический сыск: офицеры и джентльмены: истории, судьбы, версии. М., 2002; Джанибемян В. Г Провокаторы и охранники. М., 2005; Сысоев Н.Г. Тайный сыск России: от жандармов до чекистов. М., 2005; Брачёв В. С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998.

78 Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 43.

вает основные черты его тактики в рабочем вопросе, воздерживаясь от каких-либо комментариев. Довольно любопытны собранные автором монографии отзывы самого С. В. Зубатова, а также его современников о жизни, которую вел бывший глава Особого отдела после отстранения от дел. Также важным достоинством раздела о С.В. Зубатове являются указатели на номера периодических изданий, в которых публиковались его статьи и письма. В целом работа З.И. Перегудовой отличается пересмотром, по сравнению с научной литературой советского времени, результатов деятельности главы Особого отдела и его роли в формировании полицейского аппарата. Совершенно справедлив тезис автора о том, что *«Зубатова можно по праву назвать создателем системы политического сыска предреволюционной России»*⁷⁹. Монография З.И. Перегудовой открывает общественности не Зубатова – провокатора, шпиона и предателя, а Зубатова – талантливого деятеля сыска, трудившегося во благо родины. До исследования З.И. Перегудовой, за исключением слабых попыток реабилитации Сергея Васильевича со стороны В. Кавторина, в российской научной литературе не предпринимался анализ его конструктивных начинаний.

В 2010-е гг. исследователи обращают внимание на многообразие проблем, сопровождавших процесс реформирования политической полиции XX в., исследуют биографии наиболее ярких деятелей политического сыска, анализируют организационный и финансовый кризис структурных единиц Департамента полиции, изучают сотрудничество полиции и церкви⁸⁰.

79 Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 52.

80 Овченко Ю.Ф. Безопасность империи: (политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880–1917 гг.) М., 2012; Кононова О. А. «Под сенью церкви православной»: религиозная риторика «полицейского социализма» С. В. Зубатова // Вестник Московского университета. Серия: Политические науки. 2014.

Особый интерес представляет исследование А.Ю. Дунаевой, посвященное В.Ф. Джунковскому, последовательно занимавшему должности адъютанта великого князя Сергея Александровича, московского губернатора, товарища министра внутренних дел и командующего Отдельным корпусом жандармов. Эксперимент Зубатова проходил в годы нахождения Джунковского в должности адъютанта великого князя. В книге Дунаевой приводятся его слова о собраниях обществ взаимопомощи: *«Собрания эти, представлявшие собой в то время совершенно необычное явление, новое в русской жизни, возникли по мысли Великого Князя, который полагал, что, разрешая подобные собрания рабочим для обсуждения своих экономических нужд, этим самым он удаляет их от политики... Соглядатаи и чины полиции не присутствовали, да и вообще в народные дома они никогда не являлись, дабы не стеснять посетителей. В очень редких исключительных случаях администрации народного дома случалось обращаться к содействию полиции»*⁸¹. Секретарь союза рабочих табачного производства Ф. Богданов-Евдокимов подтверждал интерес Джунковского к обществам взаимопомощи: *«С началом русско-японской войны, при помощи зубатовской организации, был устроен ряд патриотических манифестаций. Как-то вечером, собравшись в Сухаревском народном доме, куда приехал также градоначальник Джунковский, толпа членов зубатовской организации с флагами прошла по улицам Москвы до дома губернатора, который*

№ 1; Она же. Молодые годы С. В. Зубатова // Русский сборник: Исследования по истории России, М., 2016. Том XVIII; Грабко М.Е. Организация церковной жизни при промышленных предприятиях Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 2; Она же. Деятельность Русской православной церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX века. М., 2017.

81 Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Фёдорович Джунковский. М., 2012. С. 85.

встретил их на улице и заявил, что он передаст чувства рабочих царю»⁸².

К концу 1904 г. посещавший собрания Джунковский разочаровался в искренности их участников, и *«потому... решено было с началом зимы понемногу свести их на нет, ликвидировать»⁸³*. В. Я. Лавёрычев цитирует данные отчета об обществах трезвости, в котором приводилась информация о зубатовских обществах: *«Три года работает организация, и три года при разумной постановке дела в организации должно быть не три тысячи человек, а десятки и даже сотни тысяч... Организация ищет выхода, и руководители, как белка в клетке, мечутся и стараются разными способами не потерять расположение народа»⁸⁴*. Этот отчет хранился в бумагах В.Ф. Джунковского, по всей видимости, действительно равнодушно относившегося к инициативам С. В. Зубатова в рабочем вопросе⁸⁵.

В то же время, несмотря на имеющиеся статьи по отдельным сотрудникам полиции⁸⁶, до сих пор не опубликованы научные биографии не только С. В. Зубатова, но и его ближайшего профессионального окружения. Этапом в деле написания в будущем большой монографии о жизненном и карьерном пути С. В. Зубатова можно считать работы А. В. Куканова и Ю.Ф. Овченко⁸⁷.

82 ГА РФ. Ф. Р-6889. Оп. 1. Д. 602. Л. 4–5.

83 Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Фёдорович Джунковский. М., 2012. С. 85.

84 Лавёрычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 161.

85 В ГА РФ хранится записка В.Ф. Джунковского «Зубатовщина», датированная началом 1900-х годов. См. Ф. 826. Оп. 1. Д. 197.

86 Например: Перегудова З.И. Главный филёр царской России //Из глублины времен. М., 1998. Вып. 10.

87 Куканов А. В. Сергей Васильевич Зубатов // Жандармы России. М., 2002; Овченко Ю.Ф. Сергей Васильевич Зубатов // Вопросы истории. 2005. № 8; Он же. Охранка и зубатовщина. М., 2017.

В статье А. В. Куканова Сергей Васильевич удостоивается характеристик человека «*исключительных способностей*» и «*огромной работоспособности*», «*виртуозно владеющего тактикой и техникой розыска*»: «*Зубатов много читал специальной, общеобразовательной и революционной литературы, выходявшей как в России, так и вне ее*»⁸⁸. Из недостатков статьи можно отметить излишнее доверие исследователя к мемуарам С.Ю. Витте, поскольку однозначно утверждать о глубоком уважении В. К. Плеве к Зубатову на основании свидетельства министра финансов, не подтверждаемого другими источниками, нельзя: «*Авторитет Зубатова в глазах Плеве был очень высок. В беседе с С. Ю. Витте он заявил, что “полицейское спокойствие государства в руках Зубатова, на которого можно всегда положиться”*»⁸⁹. В некотором противоречии с этим тезисом находится утверждение автора двумя страницами ниже: «*В. К. Плеве не понимал зубатовских нововведений и не верил в них. Для него, как сторонника жесткой репрессивной политики, зубатовские теории были чрезмерно тонки*»⁹⁰.

В недавно вышедшей монографии Ю.Ф. Овченко «Охранка и зубатовщина» биография Сергея Васильевича излагается, начиная с третьей главы. Восемь первых цитат о молодом Зубатове – это выдержки из нелегального журнала за 1903 г. «Освобождение» (свидетельства «*неизвестного соученика Зубатова и неизвестного читателя статьи о Зубатове*»⁹¹), воспоминания народовольцев К. М. Терешковича, М.Р. Гоца, Л. А. Кузнецова, П.А. Аргунова, началь-

88 Куканов А. В. Сергей Васильевич Зубатов // Жандармы России. М., 2002. С. 428–429.

89 Там же. С. 433.

90 Куканов А. В. Сергей Васильевич Зубатов // Жандармы России. М., 2002. С. 435.

91 Овченко Ю.Ф. Охранка и зубатовщина. М., 2017. С. 80–81.

ника Киевского ГЖУ, генерала В.Д. Новицкого, «ненавидевшего выскочку Зубатова»⁹². Подобная выборка источников способна сформировать у читателей однозначно отрицательное отношение к инициативам молодого Зубатова, подкрепляющееся эмоциональными авторскими комментариями: «...безусловно, Зубатов лицемерил...»⁹³, «...для того, чтобы занять “как можно более серьезное положение”, Зубатов легендировал свои возможности...»⁹⁴, «...здесь Зубатов безусловно лукавил...»⁹⁵. Следует заметить, что глава 3 является исключением: остальные разделы монографии написаны непредубежденно, с преимущественным привлечением архивных материалов.

Недоверчиво относясь к идеям Зубатова, автор не отказывает ему в талантах: «Он был самобытным и мыслящим государственным деятелем, стремящимся удержать государство от развала»⁹⁶. Несмотря на небольшие недочеты, исследование Ю.Ф. Овченко является наиболее содержательно-полным, документально-фундированным научным трудом по служебной деятельности С. В. Зубатова в первые годы XX столетия. Автор подробно и вдумчиво разбирает его политические идеи, прослеживает их эволюцию, скрупулезно анализирует статьи, написанные Сергеем Васильевичем после увольнения. В работе намечаются сюжеты, которые не обсуждались ранее в научной литературе: «Семью Зубатова вряд ли можно назвать монархической. Его жена, золовка с мужем стояли скорее на либеральных позициях, что не могло не сказаться на мировоззрении Зубатова, который считал, что “правильно понятая монархическая идея” в состоянии дать все нужное стране»⁹⁷. Гапона

92 Там же. С. 82.

93 Там же. С. 89.

94 Там же. С. 91.

95 Там же. С. 291.

96 Там же. С. 306.

97 Овченко Ю.Ф. Охранка и зубатовщина. М., 2017. С. 289.

Овченко не считает последователем Зубатова: *«После возвращения из Москвы Гапон сделал письменный доклад Зубатову, где негативно отозвался о работе рабочих союзов. Он предложил создать независимые и свободные союзы. Видимо, на него повлияло мнение его прихожанина, который в беседе с Районом высказался, что союзы – хитрая ловушка, организованная полицией для того, чтобы отвлечь рабочих от интеллигенции и таким образом убить политическое движение»*⁹⁸.

Не получили подробного научного освещения такие вопросы, как «Плеве и Зубатов», «Зубатов и Витте», «обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов и рабочий вопрос», «научная интеллигенция и полицейские эксперименты Зубатова», «московский губернатор А. Г. Булыгин и легализация рабочего движения», «генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович и Зубатов»⁹⁹, «агенты С. В. Зубатова в студенческой среде», «групповой портрет секретных агентов Московского охранного отделения», «секретные агенты С. В. Зубатова и их судьба после Первой революции в России» и т. д.

98 Там же. С. 256.

99 Принято считать, что великий князь Сергей Александрович поддерживал инициативы Зубатова, как и обер-полицмейстер Москвы Д. Ф. Трепов. Однако в ГА РФ хранится дело под названием «Письмо великого князя Сергея Александровича Булыгину Александру Григорьевичу с выражением беспокойства по поводу забастовки типографских рабочих и с пожеланием убрать Зубатова из Москвы» от 16 сентября 1903 года (ГА РФ. Ф. Р-8091. Оп. 71. Д. 51). Автору не удалось прочитать это дело из-за крайне неразборчивого почерка великого князя. Можно предположить, что отношение великого князя Сергея Александровича к Зубатову менялось в отрицательную сторону, либо изначально он неоптимистично оценивал деятельность полицейских обществ взаимопомощи. Многие прояснит расшифровка дела.

Внимания заслуживают статьи исследовательницы О. А. Кононовой. Интересно, что в статье «Под сенью церкви православной» бездоказательно тиражируются практически все стереотипы о С. В. Зубатове: он и насаждает легальный марксизм, и не образован, и дела ему нет до народа, царя и рабочих, он и провокатор, и собрат священника Георгия Гапона¹⁰⁰. К сожалению, подобные оценки могут быть вызваны некритичным отношением к историческим источникам и априорной тенденциозностью исследователя, приступающего к анализу проблемы или психологического портрета героя. В статьях О. А. Кононовой проявляется большое доверие автора к свидетельствам представителей революционного лагеря, заинтересованных в максимальном «очернении» идеологического противника. Характеристики М. Р. Гоца, П. А. Аргунова, В. М. Чернова, цитаты из труда советского историка Д. О. Заславского дополняются нелестными отзывами разочаровавшейся в Зубатове М.В. Вильбушевич. Кроме того, О. А. Коконова достаточно вольно трактует высказывания самого начальника Московского охранного отделения: так, приводя его высказывание о том, что рабочий к самодеятельности не способен, исследовательница делает вывод о *«крайне невысоком мнении Зубатова о русском рабочем»*¹⁰¹, а разочарование С. В. Зубатова в людях и его *«вера в греховность человеческой натуры»* под пером О. А. Кононовой превращаются в *«презрительное отношение к человеку, как к таковому»*¹⁰². Термины «полицейский социализм» и «провокация» не раскрываются, их внутренний смысл и правомерность употребления по отношению к экспериментам политической полиции не обосновываются. Связь эксперимента Зубатова с теорией легального марксизма обозначается, однако какие именно концепты принимались

100 Кононова О. А. «Под сенью церкви православной»: религиозная риторика «полицейского социализма» С.В. Зубатова // Русский сборник. М., 2013. Т. XIV. С. 292, 293, 306.

101 Там же. С. 299.

102 Там же. С. 304.

начальником МОО как руководство к действию, исследовательница не конкретизирует. По мнению О. А. Кононовой, хотя С. В. Зубатов, в силу отсутствия образования, «глубоко не проник» в сочинения П. Ружье, В. Зомбарта, Л. Вигуру, Э. Бернштейна, не понял их идеи, он всё же попытался реализовать их на практике: «Он не задавался вопросом, действительно ли возможно воплощение идей легального марксизма и экономизма в ситуации абсолютной монархии»¹⁰³. В новой статье исследовательница опровергает себя же: «Не подлежит сомнению – Зубатов прекрасно ориентировался в запрещенной литературе того времени... Впоследствии, при общении с задержанными, он будет ошеломлять их своей осведомленностью в теоретических разногласиях социалистов»¹⁰⁴. Соглашаясь в статье 2013 г.¹⁰⁵ с Вильбушевич в том, что Зубатов преследовал личные цели, проявляя равнодушие к царю и рабочим, в статье 2016 г. О. А. Кононова утверждает, что «Сергей Зубатов до конца своих дней не будет сомневаться в правильности и порядочности всего содеянного»¹⁰⁶. Вероятно, исследовательница не имела в виду, что Зубатов остаток жизни гордился правильностью проявленного равнодушия к рабочим.

В чем же заключалась злонамеренность действий Зубатова? О. А. Кононова замечает, что обсуждавшиеся рабочими вопросы нельзя причислить к разряду политических, «но в царской России, где любой протест приравнивался к выступлению против существу-

103 Там же. С. 292.

104 Кононова О.А. Молодые годы С. В. Зубатова // Русский сборник. М., 2016. Т. XVIII. С. 313.

105 Кононова О. А. «Под сенью церкви православной»: религиозная риторика «полицейского социализма» С.В. Зубатова // Русский сборник. М., 2013. Т. XIV. С. 293.

106 Кононова О.А. Молодые годы С. В. Зубатова // Русский сборник. М., 2016. Т. XVIII. С. 326.

ющего в государстве порядка вещей, они неизбежно приобретали политический статус». Проект Зубатова, по мысли исследовательницы, стимулировал рабочих к революционной деятельности, однако в другом месте статьи противоречиво замечается: *«Отрешенность от земного на деле выливалась в несправедливость и произвол, которые надо было просто молча терпеть»*¹⁰⁷. Таким образом, О. А. Кононова пишет, с одной стороны, что Зубатов инициировал дискуссии в среде рабочих, побуждал бороться за свои трудовые права, а с другой – что Зубатов, используя Церковь как инструмент, призывал их к терпению и бездеятельности. В статье 2016 г. О. А. Кононова, отмечая, что в юности С. В. Зубатов не состоял ни в одном кружке последователей «Народной воли», а также не сочувствовал программе организации¹⁰⁸, выражает удивление «быстротой», с которой он принимает предложение начальника Московского охранного отделения Н. С. Бердяева об агентурной деятельности. Оценивая моральную нечистоплотность Зубатова, исследовательница пишет: *«...надо иметь достаточные моральные основания (или их отсутствие), чтобы обрекать людей на каторгу из своего ближайшего окружения»*¹⁰⁹. Сразу после этого суждения следует цитата известного, но не подтверждающегося другими источниками свидетельства М. Р. Гоца о том, что в юности Зубатов, в целях воспитания воли, задался целью совершить *«гадости, о которых в печати даже и говорить неудобно»*¹¹⁰. Вызывает недоумение, почему автор статьи называет аморальным желание будущего начальника Московского охранного отделения бороться с революционерами,

107 Кононова О. А. «Под сенью церкви православной»: религиозная риторика «полицейского социализма» С.В. Зубатова // Русский сборник. М., 2013. Т. XIV. С. 298.

108 Кононова О.А. Молодые годы С. В. Зубатова // Русский сборник. М., 2016. Т. XVIII. С. 316.

109 Там же. С. 320.

110 Там же. С. 321.

многие из которых уже в 1880-е гг. вступили на путь уголовных преступлений. Неясно и то, почему люди, с которыми общался в юности Зубатов, не разделяя их убеждений, называются *«его ближайшим окружением»*¹¹¹. Властный характер Зубатова также отождествляется О. А. Кононовой с аморальностью¹¹².

Вопрос личной религиозности начальника полиции решается исследовательницей упрощенно и противоречиво. Мысль Зубатова о демократичном характере христианства (речь идет о том, что в перспективе Страшного Суда не имеет значения уровень доходов или происхождение, любые другие преимущества) беспартийно отвергается О. А. Кононовой как демагогия. *«В России не власть “вдохновлялась” христианской религией, а религия и церковь “вдохновлялись” указаниями властей»*¹¹³, – поправляет С. В. Зубатова О. А. Коконова. Не будем спорить с последним утверждением, однако отметим, что из текста всё же непонятно, на основании чего Зубатову отказывается в праве придерживаться мнения о демократичности христианства. Да и тезисы о Зубатове как беспринципном и безнравственном мудром политике опровергаются кратковременностью его пребывания как во главе Московского охранного отделения, так и во главе Особого отдела. Конфликты с Д. Ф. Треповым, настороженное отношение министров Сипягина, Плеве, Витте, директоров Департамента полиции рисуют совсем другой образ Зубатова, не укладывающийся в рамки подобных утверждений: *«Сергей Васильевич понял, что тактику надо подкорректировать, иначе не сносить головы»*¹¹⁴. Человек, заботящийся о

111 Там же. С. 320.

112 Там же. С. 326.

113 Коконова О. А. «Под сенью церкви православной»: религиозная риторика «полицейского социализма» С.В. Зубатова // Русский сборник. М., 2013. Т. XIV. С. 305.

114 Коконова О. А. «Под сенью церкви православной»: религиозная риторика «полицейского социализма» С.В. Зубатова // Русский сборник. М., 2013. Т. XIV. С. 293.

сохранении постов, не стал бы рисковать многим, пускаясь в смелые, уникальные для России начала XX в. эксперименты. Карьерист не испортил бы отношения с начальством, лавируя между компромиссами и лестью. Чиновники не приняли Зубатова в том числе потому, что он не особенно заботился о том, чтобы его приняли. Начальник Московского охранного отделения понимал, что легализация рабочего движения идет вразрез с интересами самых разных корпораций, однако неотступно, в той степени, в какой это позволяли его полномочия, продолжал продвигать эксперимент. Этим объясняется его отказ вернуться на службу через несколько лет после увольнения. Зубатов без легализации рабочего движения не был бы собой. Продолжение эксперимента после Первой революции в России было невозможно.

Столь же несправедливо отождествление деятельности С. В. Зубатова с инициативами Г. А. Гапона. О. А. Кононова отмечает желание Г. А. Гапона создать *«действительно независимые и свободные союзы рабочих»*¹¹⁵, забывая, что эта идея кардинально противоречит политике С. В. Зубатова, не отходившего от концепции «полицейского попечения рабочих». Петербургская исследовательница И.М. Карусева, соглашаясь с тем, что гапоновское собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга на этапе основания отражало попытку Департамента полиции распространить эксперимент Зубатова и на столицу, тем не менее вносит уточнение об «антизубатовской» направленности организации, начиная с конца 1903 г.: *«Из организации были изгнаны откровенные зубатовцы»*¹¹⁶.

Несмотря на то, что Г. А. Гапон, по сообщениям из разных источников, несколько раз получал деньги из бюджета Департамента

115 Там же. С. 306.

116 Карусева И. М. Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга. Автореферат диссертации // Сайт «История профсоюзов» [Электронный ресурс]. URL: http://istprof.ru/1124.html#_ftn42 (дата обращения: 13.03.2018).

полицейской, он не стал секретным сотрудником, заботясь об автономности своего общества от полицейского контроля. Последующие контакты Г. А. Гапона с эсерами, а также попытки установить параллельную связь с полицией, не выводят «революционного батюшку» из разряда таких преступных авантюристов, как С.П. Дегтяев, Е.Ф. Азеф, Д. Г. Богров и др. В рамках исследования о Московском охранном отделении не предполагалось подробно рассматривать деятельность Георгия Гапона и созданного им общества, однако к этой проблеме мы все-таки обратимся в пункте 3.3.

В целом, 2000-е гг. характеризуются более пристальным вниманием исследователей к не изученным ранее аспектам деятельности Московского охранного отделения: структуре, кадровому составу, бюрократическим и внутриагентурным конфликтам. Теоретическому осмыслению проблемы «полицейского государства» были посвящены два семинара НИУ ВШЭ с участием ученых, профессионально занимающихся историей полицейских учреждений: З. И. Перегудовой, Л. В. Бибиковой, В. И. Гурьева, А. Ю. Дунаевой. На семинарах обсуждались такие вопросы, как «генезис института полиции и история его трансфера в Россию», «проблемы институциональной истории российских органов правопорядка», «полиция как политическая технология», «историческая эволюция представлений о полиции как реализованном порядке».

Зарубежные исследователи оценивают легализацию рабочего движения, обращая внимание в первую очередь на факторы, препятствующие ее развитию. Тидмарш и Кочен называют главным фактором противодействия усилия фабрикантов, опирающихся на чиновничий аппарат Министерства финансов¹¹⁷. Что интересно, Кочен подчеркивает происхождение Зубатова, оценивая негативно его молодость (*«человек из политического полусвета царской России с печальным прошлым»*), осведомительскую деятельность сравнивает с предательством (*«he intended to betray»*), а общества

117 Tidmarsh K. The Zubatov idea. ACEER. V. 19, № 3, P. 339; Kochan L. Russia in Revolution. 1880–1918. Letchworth, Hertfordshire, 1966. P. 36.

взаимопомощи вслед за И.Х. Озеровым приравнивает к рабочей политике Бисмарка (*«Бисмарк говорил, обеспечивайте рабочего, когда он болен и когда он стар, тогда программа социал-демократов для него будет пустым звоном», «birdcalls in vain»*)¹¹⁸. Виктория Боннель, считая Зубатова автором правительственной стратегии в рабочем вопросе (*«Sergey Zubatov... conceived and implemented the new government strategy for labor»*¹¹⁹), придерживается мнения о том, что отъезд Сергея Васильевича в Петербург в 1902 г. поставил общества в сложные обстоятельства (*«experiment suffered a severe setback»*¹²⁰). Несмотря на это, заключает исследовательница, посредством лекций и бесед с зубатовскими организациями могли контактировать тысячи рабочих, и даже когда лекции стали преимущественно религиозными, их посещали от 500 до 700 человек¹²¹. Весьма оригинально исследовательница высказывается о значении бесед в обществах взаимопомощи: это *«первый легальный форум в Москве по открытому обсуждению проблем фабричной жизни»*¹²².

Дейли основной конфликт видит в противостоянии секретной агентуры и революционеров¹²³, Макдэниэл объясняет лоббирование

118 Все цитаты по: Kochan L. *Russia in Revolution. 1880–1918*. Letchworth, Hertfordshire, 1966. P. 35; Озеров И.Х. *Политика по рабочему вопросу в России за последние годы*. М., 1906. С. 215–216.

119 Bonnel Victoria E. *Roots of Rebellion*. Berkeley, 1983. P. 81.

120 Ibid. P. 82.

121 Ibid. P. 84.

122 Ibid.

123 Daly J. *Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia. 1866–1905*. Illinois: Decalb, 1998.

ние Министерством финансов закона о фабричных старостах «заинтересованностью в ослаблении роли полиции на заводах»¹²⁴, Джадж подробно останавливается на конкурировании полиции и фабричной инспекции на заводах, что, по мнению исследователя, приводило Витте и фабрикантов в бешенство («were furious»)¹²⁵. Также Джадж отмечает исключительную роль Зубатова в организации обществ взаимопомощи. Сергей Васильевич выбирал лидеров из среды рабочих, представлял их властям, заступался за них перед Треповым и великим князем Сергеем Александровичем, помогал советом и деньгами, открыто поддерживал рабочих во время забастовок: «He personally chose the workers who would lead the movement, introduced them to authorities, intervened for them with Trepov and the Grand Duke, and gave them advice, assistance, and financial support»¹²⁶. Похожие проблемы исследует Шнейдерман в монографии «С. В. Зубатов и революционный марксизм»: «Витте не соглашался с разъяснениями министром внутренних дел причин рабочих волнений и рекомендациями по их предотвращению»; «Витте стремился сорвать предложения Сипягина по фабричным жилищам и расширению обязанностей фабричных инспекторов в области контрактных споров и штрафов»; «когда безопасность власти оказалась под угрозой пробужденного рабочего класса, министры обменивались взаимными обвинениями...»¹²⁷. Отдельная глава в книге Шнейдермана посвящена «полицейским технологиям Зубатова»¹²⁸: подготовке секретных агентов, организации фотокартотеки и регистрации нелегальных

124 McDaniel T. *Autocracy, Capitalism, and Revolution in Russia*, Berkeley, 1988. P. 90–91.

125 Judge E.H. Plehve. New-York. 1983. P. 131.

126 Ibid. 1983. P. 132, 133.

127 Schneiderman J. *Sergei Zubatov and revolutionary Marxism*. London, 1976. P. 43, 44, 45.

128 Ibid. P. 53.

лиц. Успехи Зубатова метафорически сравниваются с «ослепительной вспышкой» (meteoric)¹²⁹. Особое внимание в монографии Шнейдермана уделяется «королеве провокации» (mistress) Анне Егоровне Серебряковой¹³⁰.

В 1987 г. была издана книга Д. В. Поспеловского «На путях к рабочему праву», в которой зубатовские общества (им посвящено две главы) рассматриваются в контексте формирующегося профсоюзного движения. Как пишет сам автор, это перевод на русский язык его диссертации, защищенной в Лондонском институте экономических и политических наук: *«Перевод и переработка текста проводились автором в относительной канадской глуши, где он теперь живет и преподает в университете русскую историю, и у него не было под рукой большинства тех документов, которые он использовал, когда собирал материал в богатейших книжных фондах Англии. В результате, все цитаты в первых трех главах книги в обратном переводе, за что автор приносит свои извинения читателю»*¹³¹. Книга Поспеловского написана исключительно на опубликованных материалах; несмотря на заявление автора, неточности содержатся и в четвертой главе. Так, вольно цитируя письмо Зубатова по книге Заславского «Зубатов и Маня Вильбушевич», Поспеловский несколько искажает смысл документа: *«Жандармы все портят, а потом нам придется снова биться головой о стенку в поисках новых решений. Я, например, только сейчас начинаю понимать, что рабочее движение – не политическое и не социалистическое явление, а прежде всего капиталистическое. Единственные полностью положительные элементы для него – это кредит, освобождение от нужды и от темноты. Но кто объявит об этом во всеулышание? Рабочие слишком темны, интеллигенция не может этого понять, а если и*

129 Ibid. P. 56.

130 Ibid. P. 77.

131 Поспеловский Д.В. На путях к рабочему праву. Франкфурт-на-Майне, 1987. С. 5.

поймет, то ей это не понравится, потому что тогда в ее распоряжении не останется нужного для нее инструмента для борьбы за политические проблемы мирового масштаба. Правительство? Его деятельность носит строго пассивный характер»¹³². Признавая обоснованность политики Зубатова («Мало кто в государственном аппарате России и в Министерстве внутренних дел, в частности, понимал всю глубину и весь потенциал замысла Зубатова»¹³³, «...на коротком отрезке идея Зубатова, возможно, была самой разумной, особенно если учесть такие факторы, как рост антагонизма в русском обществе и относительно низкий уровень образования русских рабочих, особенно на периферии»¹³⁴), Поспеловский безапелляционно и бездоказательно оценивает отношение к легализации рабочего движения в преподавательской среде Москвы: «Против Зубатова была не только вся московская университетская профессура, но, например, и такие государственно мыслящие люди, как Петр

132 Там же. С. 91. Автор цитирует Заславского, с. 62–63; ср. с оригиналом: «Жандармы, скушав любезно предлагаемое, напакостят нам и ничего оттого не потерпев, заставят нас опять об стену лбом колотиться и искать выход “из положения”. Я до сих пор не уяснил себе (и кто это себе уяснил), что рабочее движение вещь не политическая и не социалистическая, а может быть, капиталистическая. Здорово только последнее (кредит, освобождение от нужды, бедности, темноты), а не борьба с правительством или хозяевами. Но кто это может громко сказать? Сами рабочие – глупы. Интеллигенция и понять сего не может, да ей и невыгодно это понимать, ибо останется без рук в своей борьбе за мировые проблемы. Правительство? Но деятельность его исключительно рефлексивная, состоящая из простых ответов на выходки революционеров» (Заславский Д. О. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923. С. 70–71); ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 3. Л. 305.

133 Поспеловский Д. В. На путях к рабочему праву. Франкфурт-на-Майне, 1987. С. 50.

134 Там же. С. 56.

Бернгардович Струве. В журнале “Освобождение” он написал, что зубатовщина – это подкуп и коррупция рабочих масс, превращаемые в систему»¹³⁵.

Нельзя сказать, что зарубежные историки ввели в научный оборот обширные массивы неизвестных отечественным специалистам источников или выявили новых акторов легализации рабочего движения. Ценность их трудов заключается в оригинальной для середины XX столетия интерпретации экспериментов С. В. Зубатова, попытке преодолеть общеизвестные стереотипы и фактические ошибки.

* * *

Привлеченные к исследованию источники можно разделить на четыре группы: 1) законодательство; 2) официальное делопроизводство; 3) документы личного происхождения; 4) периодика.

Первую группу составляют законодательные акты, опубликованные в 3-м собрании Полного собрания законов Российской империи¹³⁶. Эти материалы позволяют определить меры, которыми власть пыталась обеспечить порядок в государстве и содержание охранительной политики.

Основной массив составили материалы официального делопроизводства Московского охранного отделения (ГА РФ. Ф. 63), Особого отдела Департамента полиции (ГА РФ. Ф. 102). Они дают возможность проанализировать основные направления политики Департамента полиции, определить позицию тех или иных должностных лиц по широкому кругу разбираемых вопросов. К этой

¹³⁵ Там же. С. 55.

¹³⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Третье собрание (1881–1913). Т. 21, 22, 23, 24 // Сайт «Российская национальная библиотека» [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1423 (дата обращения: 13.03.2018).

группе источников относятся письма С. В. Зубатова и Д. Ф. Трепова главе Особого отдела Л. А. Ратаеву и директору Департамента полиции С.Э. Зволянскому, секретным сотрудникам, их резолюции по ходатайствам рабочих обществ, докладные записки и записки для памяти, распоряжения генерал-губернатора и губернатора Москвы, министров внутренних дел и министра финансов, различные проекты по рабочему вопросу, агентурные сведения. В фонде Департамента полиции были проработаны также описи 6-го делопроизводства, в которых содержатся документы по созывавшимся в первые годы XX в. межведомственным совещаниям. Документы состоят из резолюций, циркуляров, а также из переписки между чиновниками Министерства внутренних дел и Министерства финансов. Делопроизводственные материалы Департамента полиции информативны и позволяют пересмотреть некоторые принятые в исторической специальной литературе оценки взаимоотношений между высшими чинами политической полиции. К примеру, некоторые письма главы Особого отдела Л. А. Ратаева к начальнику Московского охранного отделения Зубатову свидетельствуют о его амбивалентном отношении к экспериментам и личности Сергея Васильевича, в то время как в историографии распространено убеждение об их сотрудничестве и единомыслии. Многие исследователи придерживаются мнения о прекрасных взаимоотношениях между московским обер-полицмейстером Треповым и Зубатовым, однако архивные документы рисуют иную картину. Напротив, деловые и неформальные связи между товарищем министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским и С. В. Зубатовым до сих пор не стали предметом подробного научного анализа, в то время как, судя по переписке 1900–1901 гг., можно предположить, что наиболее доверительные в этот период отношения сложились у Сергея Васильевича именно с Петром Дмитриевичем.

До тех пор, пока значительная часть документов Особого отдела и Московского охранного отделения не опубликована, преждевременно делать однозначные выводы о характере формальных

и неформальных связей между сотрудниками Департамента полиции.

Следующую группу составляют документы полицейских рабочих организаций: 1) программные документы: программа и устав Общества взаимопомощи, протоколы Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве, опубликованные Н.А. Бухбиндером; 2) документы, относящиеся к деятельности Комиссии по устройству общеобразовательных чтений: программа Комиссии, публикации в прессе о проходящих чтениях, отзывы и комментарии; 3) документы делопроизводства обществ взаимопомощи: прошения, ходатайства, письменные обращения Советов рабочих обществ на имя администрации города Москвы; 4) письма секретных сотрудников к С. В. Зубатову (ГА РФ. Ф. 1695 – личный фонд С. В. Зубатова). Этот комплекс источников позволяет судить об эволюции деятельности рабочих обществ С. В. Зубатова, нуждах их сотрудников, проводящихся для них мероприятиях, финансовых операциях касс взаимопомощи и потребительских лавок, причинах внутреннего разложения обществ. В 1920-е гг. в журнале «Красный архив» профессор С. А. Пионтковский опубликовал источники по легализации рабочего движения в Минске, Одессе и Вильне¹³⁷. К этой же группе можно отнести документы, связанные с деятельностью С. В. Зубатова, которые в 2009 г. начал публиковать Ю.Ф. Овченко в журнале «Вопросы истории». В номерах с четвертого по девятый исследователь опубликовал программные записки начальника Московского охранного отделения, его письма сотрудникам Департамента полиции, анализ мероприятий в рамках легализации рабочего движения. К числу слабых мест публикации можно отнести не совсем точные ссылки на номера фондов Государственного архива Российской Федерации.

137 Пионтковский С. А. Новое о зубатовщине // Красный архив. М., 1922. Т. 1.

В последние годы возрос интерес к документам по политическому сыску: значительную выборку материалов по деятельности Департамента полиции осуществила исследовательница Е.И. Щербакова¹³⁸.

Обширную и разнообразную информацию предоставляют мемуары. Особую важность для раскрытия темы имеют воспоминания представителей государственного аппарата, деятелей политического сыска. Они позволяют раскрыть особенности борьбы различных политических сил в правительстве и Департаменте полиции. Помимо личного фонда С. В. Зубатова в работе использован фонд Л. П. Меньщикова (ГА РФ. Ф. 1723), который предоставляет много информации для выявления личностных особенностей и методов работы секретных сотрудников. В процессе подготовки исследования проработан массив воспоминаний рабочих, опубликованный в разные годы дореволюционного, а также советского времени. Как правило, их мемуары имели схожую структуру: описание детства, работы на заводах, стачек, пребывания в тюрьме, подпольной работы. Отдельный интерес для исследуемой темы представляют воспоминания К. Миронова, рассказывающего об организации боевых касс и потребительских обществ, И.М. Голубева, описывающего нравы обществ трезвости, и Ф. Н. Самойлова, передающего особенности взаимоотношений рабочих и мастеров¹³⁹.

Отдельную группу воспоминаний составляют мемуары чиновников высшего правительственного аппарата. Министр финансов С.Ю. Витте и товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко в

138 Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плеве до В.Ф. Джунковского. М., 2015.

139 Миронов К.В. Из воспоминаний рабочего. М., 1906; Голубев И.М. От стачек к восстанию. М.; Л., 1931; Самойлов Ф.Н. Воспоминания: в трех томах. М.; Л., 1922–1927.

своих воспоминаниях оценивали политику С. В. Зубатова в рабочем вопросе, исходя из ее итогов¹⁴⁰. С.Ю. Витте, имевший в своем распоряжении обширный документальный материал по этой теме, не включил его в свои мемуары. Государственный секретарь, а затем министр финансов В.Н. Коковцов объяснял организацию легальных рабочих обществ недовольством Министерства внутренних дел деятельностью фабричной инспекции. Большое внимание в своих воспоминаниях В.Н. Коковцов уделяет министерскому конфликту, возникшему из-за желания В. К. Плеве перевести фабричную инспекцию под контроль Министерства внутренних дел¹⁴¹.

Коллеги Зубатова по политическому сыску также оставили мемуары. Воспоминания начальника Киевского охранного отделения А. И. Спиридовича и начальника Кишиневского охранного отделения П.П. Заварзина важны с точки зрения рассмотрения отзывов о профессиональных достоинствах С. В. Зубатова лично симпатизирующих ему коллег¹⁴². Фланг критикующих главу Особого отдела современников представляют начальник Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов и начальник Киевского губернского жандармского управления В.Д. Новицкий¹⁴³. Их мемуары, сквозящие крайним неудовольствием по отношению к С. В. Зубатову, во многом продиктованным соображениями личного ха-

140 Витте С.Ю. Воспоминания: в трех томах. М., 1994; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000.

141 Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Т. 1.

142 Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991; Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Пегуродовой. М., 2004. Т. 2.

143 Герасимов А.В. На лезвии с террористами // Там же; Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.

рактера, позволяют выяснить воззрения старой гвардии Департамента полиции на новаторские методы розыскной работы главы Особого отдела.

В 1930-е гг. в СССР была учреждена «государственная комиссия по сбору материалов и созданию многотомного издания “Фабрики и заводы Москвы”»¹⁴⁴. Воспоминания некоторых рабочих посвящены легализации рабочего движения, особое место в них занимает описание конфликта на заводе французского подданного Гужона, произошедшего в 1902 г.¹⁴⁵ Еще до образования комиссии отдельные рабочие написали воспоминания об обществах взаимопомощи, не опубликованные ни в советский, ни в постсоветский периоды истории¹⁴⁶.

144 Грабко М.Е. Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX в. М., 2017. С. 23.

145 ГА РФ. Ф. Р-7952. Он. 3. Д. 209.

146 Богданов-Евдокимов Ф. Зубатовщина в Москве (воспоминания рабочего-участника) //ГА РФ. Ф. Р-6889. Оп. 1. Д. 602. В этих воспоминаниях, написанных в 1923 г., Богданов-Евдокимов упоминает о том, что многое забыл, предлагая обратиться за информацией к Красивскому и Афанасьеву: *«Во время приезда царя в Москву депутация от общества во главе с Афанасьевым, Красивским, Соколовым и некоторыми др. “представителями от рабочих” (многие имена изгладилась из памяти) поднесли царю Николаю хлеб-соль на блюде, деланном рабочими, с полотенцем, специально сотканном на фабрике Щапова, отличавшимся на немецком рынке изяществом и красотой своих изделий... Некоторые делегаты к царю, как например, Красивский, Афанасьев, и по сей час живы, пусть они сами подробно расскажут об этом...»* // ГАРФ. Ф. Р-6889. Оп. 1. Д. 602. Л. 2; ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 4062. Статья неизвестного автора «Материалы по вопросу о провокаторских приемах Зубатова» очень напоминает по стилистике и содержанию сочинения рабочих в 1920-1930-е гг.

В целом, имеющиеся воспоминания о политике С. В. Зубатова в рабочем вопросе предоставляют оценочные суждения и фактический материал противоположных по убеждениям деятелей государственного аппарата, полицейского сыска, революционеров и рабочих. Однако, несмотря на диаметрально высказываемых ими взглядов, информативность рассматриваемых сочинений недостаточна. При работе с этими источниками учитывался субъективизм авторов воспоминаний, их политическая и идеологическая позиции.

Из периодической печати дореволюционного времени использованы как подцензурные официальные газеты, так и газета «Искра», публиковавшая материалы радикальной оппозиции. В дореволюционных журналах, таких как «Гражданин» и «Былое», печатались материалы на исследуемую тему. В нескольких номерах «Гражданина» за 1906 и 1907 гг. вышли статьи и письма бывшего главы Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатова на различные политические темы¹⁴⁷. В журнале В.Л. Бурцева «Былое» были опубликованы фрагменты воспоминаний М.Е. Бакая, С. В. Зубатова, доклад последнего на имя директора Департамента полиции¹⁴⁸.

Несмотря на хорошую изученность материалов Московского охранного отделения (ГА РФ. Ф. 63. МОО), исследователи не обращали должного внимания на дела под номером 44 за разные годы, в которых содержатся анонимные обращения простых людей в полицию: возможно, ученых отпугивает их кажущаяся малоинформативность, возможно, непреодолимые сложности создает неразборчивый почерк большинства безымянных сообщений. Доносы убедительно доказывают тот факт, что нижние полицейские чины

147 Гражданин. 1906. № 3, 19, 82, 87; 1907. № 61, 62, 69, 70, 73.

148 Бакай М.Е. Из воспоминаний // Былое. 1909. № 11–12; Зубатов С.В. «Зубатовщина» // Былое. 1917. № 4 (26); Доклад чиновника особых поручений 5 класса при Департаменте полиции Зубатова директору Департамента полиции от 4 октября 1903 г. // Былое. 1917. № 1 (23).

практически не отличались от среднестатистических представителей российского общества 1900-х гг.: уровень образования, в отдельных случаях вредные привычки, нежелание ответственно относиться к службе, стереотипы мышления – по всем перечисленным параметрам у полицейских урядников и околоточных было больше общего с авторами анонимок, чем с высшими чинами Департамента полиции. Большой проблемой можно признать и то, что урядники и околоточные, проверяющие информацию доносов, с одной стороны, относились халатно к своим обязанностям, а с другой – были недостаточно подготовлены «по политической части».

В приложении к монографии анализируются анонимки за 1902–1911 гг. Автор сознательно расширил хронологические рамки по этой теме. Выбранный период позволяет наиболее полно проанализировать общественные настроения до и после революции 1905–1907 гг. Кроме того, представляется важным сравнить содержание и характер анонимных донесений, поступающих в Московское охранное отделение как при С. В. Зубатове, так и через несколько лет после его отставки.

Недостаточное освещение в науке получила тема апостериорного осознания роли С. В. Зубатова в истории политической полиции его современниками. Исследователи неоднократно анализировали труды известного публициста и разоблачителя Е.Ф. Азефа В. И. Бурцева, однако, к примеру, письма историка Б. И. Николаевского до сих пор не были предметом научного анализа. Между тем в письмах за 1927 г. из Берлина Б. И. Николаевский неоднократно высказывался об экспериментах Московского охранного отделения в первые годы XX столетия: *«Я убежден, что ни один беспристрастный историк не сможет принять Вашего утверждения о покровительстве Департамента полиции легальному марксизму 90-х... Для меня несомненно одно: Департамент полиции полагал, что в известных пределах полемика внутри революционного лагеря ему полезна, и в этих пределах он ее допускал. Но тот факт, что он чаще обрушивался своими парами на марксистов, чем на народников,*

*показывает, что опаснее с его точки зрения и тогда были марксисты... Все, что мы знаем о заветных планах Зубатова, показывает, что он хотел в известных пределах идти по пути Бисмарка, если приписываемая ему фраза “мы заставим революционеров перейти к террору и тогда раздавим” и не верна, то она, во всяком случае, верно передает руководящую мысль его полицейской политики»¹⁴⁹.
Неизвестны оценки эксперимента Зубатова эмигрировавшими агентами МОО М.В. Вильбушевич, Г. И. Шаевичем; о судьбе многих секретных сотрудников после свертывания политики легализации рабочего движения информации нет.*

Представленные источники, опубликованные и неопубликованные, позволяют в полной мере проследить эволюцию рабочей политики министерств внутренних дел и финансов до периода Первой русской революции. Министерские циркуляры и делопроизводственные документы охранных отделений информируют о направлениях правительственной мысли в рабочем вопросе, периодика отражает реакцию общественности в ответ на инициативы чиновников, а воспоминания современников исследуемого периода дополняют создающуюся картину.

Иногда документы цитируются с купюрами, что может объясняться неразборчивостью почерка автора или сознательным вычеркиванием им некоторых фраз. К примеру, даже в официальной переписке между чинами разных отделений, губернаторами и начальниками охранных отделений и ГЖУ встречаются исправления и вымарывания текста. Нередко резолюции на документах писались размашисто, поверх текста, что в отдельных случаях также затрудняло прочтение.

При цитировании документов сохранена орфография и особенности стиля авторов, пунктуация приводится в соответствии с современными правилами русского языка.

Фамилии некоторых героев исследования даны без инициалов, поскольку иногда их прочтение затруднялось неразборчивостью почерка, в отдельных случаях в архивных документах фамилии упоминаются именно в такой форме.

* * *

Монография написана на основе защищенной в 2010 г. на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова диссертации на соискание ученой степени кандидата наук на тему «Департамент полиции и рабочий вопрос в 1901–1904 годах». В монографию внесены дополнения: найдены новые документы по взаимодействию Московского охранного отделения и администрации московских тюрем, более полно освещены инициативы политической полиции в студенческом вопросе, расширена информация о секретных агентах в рабочей среде, внесен новый раздел об анонимных письмах, поступающих в Московское охранное отделение (приложение), проанализирована новая литература по теме диссертации, вышедшая за период с 2010 по 2017 г.

Монография состоит из четырех глав и приложения. В первой главе «С. В. Зубатов и агенты Московского охранного отделения в рабочей среде» даны краткие биографические справки о начальнике Московского охранного отделения и его сотрудниках, рассмотрены основные способы привлечения агентов в политическую полицию и сложности их службы, особенности сыскной деятельности МОО в начале 1900-х гг.

Вторая глава «Легализация рабочего движения в 1901–1902 годах» посвящена началу и развитию политики организации полицейских обществ взаимопомощи рабочих в разных городах: подробно рассматриваются такие вопросы, как уставная документация обществ, примеры борьбы рабочих за свои права в рамках трудового законодательства, первые внутренние и внешние проблемы организаций, межведомственные дискуссии о легализации

рабочего движения. Глава содержит сообщения периодической печати о собраниях и чтениях рабочих обществ.

Третья глава «Трансформация рабочей политики в 1902–1904 годах» описывает постепенную ликвидацию обществ взаимопомощи. Развиваясь, как клубы по ликвидации экономической безграмотности, площадки для устройства потребительских лавок, общества в течение 1902 г. эволюционируют в «учебные заведения» под эгидой Комиссии по устройству общеобразовательных чтений: изучение политэкономии и ознакомление с критикой книг просоциалистически настроенных авторов сменяют проповеди священников и занятия по физике. Снижение интереса к обществам взаимопомощи со стороны обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова и генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича совпало по времени с переводом С. В. Зубатова на должность начальника Особого отдела в Петербург. Существовая де-факто, и даже продолжая выдавать пособия нуждающимся рабочим, общества перестают бороться с фабрикантами за более приемлемые условия труда.

В четвертой главе «Инициативы С. В. Зубатова в оценке современников» рассматриваются взгляды на легализацию рабочего движения представителей правительственного аппарата, Департамента полиции, апологетов и недругов Сергея Васильевича. Не остается без внимания точка зрения членов радикальных партий, оставивших воспоминания о зубатовских обществах. Вопрос увольнения С. В. Зубатова из Департамента полиции, требующий дополнительного рассмотрения и обнаружения новых документов, также освещается в разделе.

Хочу выразить глубокую признательность за советы, поддержку и конструктивные замечания своему научному руководителю – д. и. и. Гайде Федору Александровичу. Мое плодотворное сотрудничество с Федором Александровичем продолжается с 2004 года, когда я начал писать дипломную работу, обучаясь на историческом факультете ПСТГУ. Благодарю за помощь и содействие к. и.

и. Андрея Валентиновича Мамонова, с которым я также неоднократно обсуждал отдельные разделы своего диссертационного исследования. Семинар д.и.н. Ларисы Георгиевны Захаровой, который я посещал несколько лет, обучаясь в аспирантуре МГУ, был очень полезен для меня. К сожалению, в 2017 году Ларисы Георгиевны не стало.

Отдельную благодарность я выражаю своим университетским преподавателям к. и.н. Б. А. Филиппову, к.и.н. А.И. Яковлеву, к.и.н. о. Андрею Постернаку. Научные дискуссии с к.и.н. Л.В. Бибиковой (Ульяновой) мне помогли на разных этапах исследовательской работы. Мудрые советы д.и.н. З.И. Перегудовой, ее неизменная заинтересованность в обнаружении неопубликованных документов Департамента полиции, внушали мне оптимизм в сложные периоды подготовки монографии.

Признателен редактору М. Н. Михновой за творческое сотрудничество и искренний интерес к теме моего исследования.

Благодарю своих школьных учителей А. И. Карнаухова (история), Г. В. Нерсесян (русский язык), О.Н. Кичатову (алгебра), Г. К. Воронцову (английский язык). Методику их работы со школьниками я в настоящее время использую в преподавательской работе.

Отдельное спасибо моей маме, Тамаре Борисовне Медведевой, за веру в меня, терпение и заботу.

Глава 1

С. В. Зубатов и агенты Московского охранного отделения в рабочей среде

На протяжении всего XIX века происходил процесс развития отечественной промышленности, сопровождавшийся активным притоком в города рабочей силы, в большинстве своем состоявшей из бывших крестьян. Новые реалии требовали изменений в работе сыскных учреждений Российской империи. Однако Департамент полиции руководствовался одними и теми же методами в проведении розыскных и карательных мероприятий в отношении как крестьян, так и рабочих. Чиновники охранных структур империи переносили свои представления о консервативности крестьян, не принявших идеологию упорно «ходивших в народ» революционеров, на рабочих. Долгое время среди них бытовало мнение, что рабочий, как бывший крестьянин, не имеет политических запросов, а потому правительству не стоит опасаться организованных форм протеста. Революция и народ признавались взаимоисключающими понятиями в силу радикальности лозунгов первой и природной патриархальности последнего. Исходя из такого восприятия общественно-политической жизни, для подавления отдельных стачек Департамент полиции широко пользовался аппаратом насилия – «кнутом и нагайками», по выражению революционеров. Так как в России «рабочего вопроса не было», то, проводя мероприятия по усмирению пролетариата, власти не задумывались об их вероятных последствиях.

Момент истины наступил в 1896–1897 гг., когда массовые забастовки текстильщиков столицы обратили на себя серьезное внимание правящих кругов. Правительственное представление о неразвитости и патриархальности рабочих, не способных централизованно бороться за свои права, было признано ошибочным. В результате этого последние годы XIX в. были отмечены регулярным проведением совещаний, на которых правящая элита пыталась выработать единое направление в решении рабочего вопроса.

После нескольких лет бесплодных дискуссий на рассмотрение правительства стали поступать проекты разных должностных лиц, которые повлияли на принципиальное изменение политического курса в отношении рабочего класса. Наряду с обычными для конца XIX – начала XX в. методами силового подавления забастовок рабочих, всё большую популярность начали приобретать идеи проправительственной агитации в среде трудящихся и борьбы за улучшение их материального положения вне контекста политической риторики. Политика попечения нашла своего приверженца в лице начальника Московского охранного отделения (МОО) С. В. Зубатова, рьяно взявшегося за дело.

С назначением в 1896 г. С. В. Зубатова на должность начальника Московского охранного отделения и Д.Ф. Трепова на должность московского обер-полицмейстера началась практическая деятельность полиции по руководству рабочим движением. По замыслу Зубатова, оно должно было находиться в ведении Московского охранного отделения. Благодаря созданию собственной агентурной сети, стало бы возможным проведение подготовительной работы, в результате чего полиция и рабочие могли быть связаны прочным звеном организаций взаимопомощи. Это, в свою очередь, должно было существенно облегчить выявление политически неблагонадежных элементов на фабриках и заводах.

1.1. Краткая биография С.В. Зубатова

Сергей Васильевич Зубатов родился 26 марта 1864 г. в семье обер-офицера. Воспитывался будущий полицейский в 5-й московской гимназии, но полного курса не окончил, доучившись лишь до

седьмого класса¹⁵⁰. По поводу исключения Зубатова есть несколько версий, но доподлинно неизвестно, какая из них достоверна. Сам он в письме В. Л. Бурцеву, издателю журнала «Былое», пишет 27 ноября 1906 г.: *«Не учебное начальство исключило меня, а родной отец в минуту раздражения на моих товарищей»*¹⁵¹. По другим сведениям, Зубатов был исключен из гимназии за неблагонадежность, или же перестал посещать ее сам. В 1884 г. он поступил на службу канцелярским служителем в Московскую дворянскую опеку¹⁵², а через два года был зачислен на должность телеграфиста третьего разряда на Московскую Центральную станцию.

С. В. Зубатов

150 По Уставу Гимназий 1871 г., принятому при министре народного просвещения Д. А. Толстом, обучение в гимназиях продолжалось восемь лет (седьмой класс был двухгодичным).

151 Козьмин Б.П. Зубатов и корреспонденты. М., 1928. С. 54.

152 Образована на основании закона «Учреждения для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. для назначения опекунов над малолетними, наблюдения за действиями опекунов и рассмотрения их отчетов. Упразднена декретом ВЦИК и СНК от 10 ноября 1917 г.

После женитьбы на Александре Николаевне Михиной он стал заведовать библиотекой, которой владела его жена. За библиотекой, пользовавшейся популярностью среди интеллигентской молодежи, вела пристальное наблюдение полиция. Для большей эффективности наблюдения в Московском охранном отделении решили завербовать в агенты молодого библиотекаря, и летом 1886 г. он был вызван к начальнику Н.С. Бердяеву. Вот как сам Зубатов описывает эту встречу в справке о служебной деятельности: *«Начальник отделения был крайне удивлен, что я целям революционеров никогда не сочувствовал и не сочувствую, а с большинством посещавших библиотеку не знаком, а потому я был очень рад доказать фактически, что я всегда стоял на стороне существующего порядка и никогда не был противоправительственным человеком, почему и согласился быть сотрудником отделения»*¹⁵³.

Деятельность С. В. Зубатова в качестве секретного сотрудника продолжалась три года и была довольно успешной. В результате его внедрения в организацию «Народная воля» некоторые ее члены были арестованы и сосланы в Сибирь. 27 ноября 1888 г. Зубатов подает прошение министру внутренних дел Д.А. Толстому с ходатайством об определении на государственную службу с причислением к Министерству внутренних дел и откомандированием в распоряжение московского обер-полицмейстера. С начала 1889 г. он официально служит в Московском охранном отделении в качестве чиновника для поручений. С 1894 г. Зубатов – помощник начальника Московского охранного отделения, в тот же год он получает орден святого Станислава второй степени: *«Государь Император в 18 день сего мая Всемилостивейше соизволил пожаловать его, Зубатова, кавалером ордена св. Станислава 2 степени; “об отличной усердной и ревностной службе Помощника Начальника Отде-*

153 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 16–17.

ления, губернского секретаря Сергея Зубатова, по засвидетельствованию Господина Министра Внутренних Дел»¹⁵⁴. В 1896 г. С. В. Зубатов назначен начальником Московского охранного отделения, а уже в 1900 г. он получил очередную награду, на этот раз из Болгарии. 15 марта 1900 г. представитель дипломатического агентства Болгарского княжества обращался к Сергею Васильевичу с депешей: *«Я покорнейше прошу мне подтвердить получение их (документов о награде. – С.М.) и в то же время сообщить, получили ли Вы уже их: Вы – командирский Крест, а Г-н Медников – офицерский Крест Болгарии гражданской службы»*¹⁵⁵.

Практически сразу после повышения по должности С. В. Зубатов начинает претворять в жизнь свои наработки в политическом розыске и производит аресты среди московских социал-демократов, пытаясь завербовать из их числа агентов для руководства рабочими организациями. Посредством неформальных разговоров с подследственными Зубатов формировал секретную агентуру для реализации своих идей в деле политического сыска. Пройдя школу секретных сотрудников, он лучше, чем кто-либо, понимал их психологию, был ближе к их интересам. Сам Сергей Васильевич так отзывался о своих разговорах с арестованными: *«Теперь для меня ясно, почему я мучился столько времени: мне нужно было по совести сознать свое превосходство над революционерами, и здесь шахермакхерствуют самым богопротивным способом; я искренне говорю с людьми и тем самым щиплю их за сердце, а тут ловкость акробата. Если так надо вести дела, то я – пошлый дурак, зря себя мучающий. Но это не так. Моя система бесед адски трудная, но, думаю, бесконечно благодарнее таких “приемов”. Ведь, узнав о них, можно все и вся возненавидеть от всей души, сердца и помышления. Это не примирение с врагом, а разрыв на век»*¹⁵⁶.

154 ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 24. Л. 10.

155 Там же. Л. 6.

156 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Б. Л. 172.

Встречи с подследственными чередуются с полезными командировками: так, 5 ноября 1900 г., по собственному признанию, Зубатов вернулся из Гродно: *«Вернулся в воскресенье, 5 ноября, из командировки. Проговорил за это время 33 часа. Забастовка у Шершеневского работницами (130 человек) проиграна. 30 папиросниц стали на работу, вместо забастовавших запаковщиц. Полиция не арестовывала. Революционная интеллигенция, подбившая их на забастовку, жестоко потрясла свой авторитет. Имевшие, в случае благоприятного исхода, стать – пекари, портнихи, Харина, Лапина и др. – от своей мысли отказались, сконфуженные инцидентом»*¹⁵⁷. Эта поездка, вероятно, была совмещена с посещением Варшавы 31 октября, о котором Сергей Васильевич писал П.Д. Святополк-Мирскому: *«Завтра, во вторник, 31 октября, со скорым поездом еду на свидание, в Варшаву. Проживу нелегально, на имя Павлова, и ни с кем из тамошних, кроме Сачкова, не увижусь. В отлучке пробуду 5–6 дней. Чтобы не задерживать дела, не откажите продолжать писать на мое имя. Вскрывать будет Е.П., а отвечать записками Сазонов»*¹⁵⁸.

В 1901 г. организуются общества взаимопомощи рабочих в Москве и других городах: некоторое время рабочие под контролем агентов полиции пытались бороться за свои экономические права и заниматься образованием.

Розыскные способности и успешные экспериментальные действия С. В. Зубатова на посту начальника Московского охранного отделения способствовали его повышению: в октябре 1902 г. он был назначен заведующим Особым отделом Департамента полиции.

Однако проработав в этой должности всего 10 месяцев, Зубатов был уволен министром внутренних дел В. К. Плеве в августе 1903 г. Как пишет исследователь дореволюционной полиции Ю.Ф. Овченко, *«стачка юга России вызывала серьезную угрозу для Плеве,*

157 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 3. Л. 295.

158 Там же. Л. 293.

который как глава политической полиции не смог ее предвидеть и предотвратить... Плева ничего не оставалось, как пожертвовать Зубатовым. Среди недругов начальника Особого отдела распространились слухи, что стачка в Одессе была организована полицией. Ее непосредственным исполнителем был Шаевич, действующий под руководством Зубатова. Немалую роль в его устранении сыграл и сам Витте. Поддерживая промышленников, Витте противодействовал Зубатову, который и в Петербурге стремился к легализации рабочего движения»¹⁵⁹. Зубатов был выслан во Владимир, где и проживал с женой и сыном Николаем. Известно, что в этот период с ним хотел встретиться публицист и издатель В. Л. Бурцев, но так как Сергей Васильевич не хотел приезжать в Москву, встреча не состоялась. Перепиской Бурцева с Зубатовым интересовалась пресса: к примеру, в 1911 г. газета «Голос Москвы», цитируя письмо Зубатова, содержащее высокие оценки в адрес Д. Ф. Трепова, иронично комментировала: «Зубатов претендует на роль отца русской конституции»¹⁶⁰.

Во Владимире Зубатов переписывался с бывшими коллегами и сотрудниками; особое место в этой переписке занимает несправедливо обойденное исследователями эпистолярное общение Сергея Васильевича со своей бывшей секретной агенткой З.Ф. Жученко-Гернгросс (в письмах Зубатову подписывалась как «Зинаида Жукова». – С.М.)¹⁶¹.

159 Овченко Ю.Ф. Охранка и зубатовщина. М., 2017. С. 275–276.

160 Цит по ГА РФ. Ф. 102. Он. 316. Д. 538. Ч. 1. Л. 21.

161 Эта переписка, без указания на номера архивного фонда, описи и дела, впервые опубликована в книге: Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930; Переизд.: Он же. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004. С. 245–251. Публикация содержит небольшие купюры, порядок писем, по сравнению с архивным делом, перепутан. Письма опубликованы единым текстом, сопровождаются ироничными комментариями автора издания, например: «Если

Первое известное письмо Жукова отправила из Лейпцига во Владимир, в дом Тарасова на Дворянскую улицу, 11 января 1904 г.: *«Schau, schau, и вы, дорогой друг, собираетесь повидать свет и, правду сказать, пора будет вам оглянуться и посравнить воочию, а не с птичьего полета. Оставьте дома тоску и всяческие искания, приезжайте “знатным иностранцем” и повидайте действительно широкие горизонты... После таких этапов, как Москва, Питер и вдруг Владимир, с широкими, тихими горизонтами, для довершения крайностей, Германия – совсем разумное дело. Письмо ваше всколыхнуло мои “тихие воды”...»*¹⁶² На это довольно фривольное письмо Зубатов отвечал обстоятельно, рассеивая сомнения бывшей сотрудницы относительно материального обеспечения: *«Могу вас уверить и успокоить, что происшедшие перетоны на вас нисколько не отразились, и вы будете также и впредь гарантированы от материальных невзгод. В этом я получил уверения»*¹⁶³.

В этом же письме Сергей Васильевич, с одной стороны, воспекает тишину и спокойствие провинциального города, а с другой – старательно скрывает пробивающуюся между строк тоску: *«В настоящее время ушел с головою в зубрежку немецких вокабул, этимологий и синтаксисов. Это и полезно, и нравственно успокоительно. В нашем городе нет ни театра, ни чего-либо иного. Безлюдье на улицах и отсутствие какой-либо общественной жизни... Жене и мне сие особо нравится. Газеты получают из Москвы в тот же день, и по ним можно не отставать от жизни. Звон многочисленных церквей напоминает Москву – и я в родной сфере. Если мой немецкий окажется к Пасхе в больших онерах, то, может быть, проедусь летом*

не знать, в чем дело, никогда не придет в голову, что стать кузнецом собственного счастья, на языке автора письма, значит, поступить в секретные сотрудники!» (Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004. С. 248).

162 ГА РФ. Ф. 571. Оп. 1. Д. 17. л. 1.

163 Там же. Л. 4.

в Германию, чтобы повидать жизнь воочию, а не так, как я привык видеть до сего времени. Конечно, повидаемся и вспомним старину»¹⁶⁴. Поездка Зубатова в Германию не состоялась, и Жукова не скрывала глубокого разочарования: «Милый плюс моего Лейпцигского “пленения” – ознакомление с социал-демократическим течением – является хорошей мне помощью не предстать перед братией в состоянии спящей или спавшей царевны... При этом я, как всегда и везде, думаю о вас, дорогой друг, и как мне больно было узнать, что поездка не сбылась: буду надеяться, что этот план отложен, а не сдан в архив»¹⁶⁵. В ответ Зубатов поделился мыслями, вероятно, присущими ему на протяжении всего периода, начиная с увольнения из Особого отдела: «Неоднократно приходилось нам с вами обсуждать, что за оказия такая, что над хорошими людьми тяготеет часто какой-то гнусный рок, и на вас это было особо явственно»¹⁶⁶.

В последнем письме Жуковой от 11 мая 1904 г. Зубатов жаловался на здоровье: «Спасибо вам сердечное за внимание к моим глазам и вообще к моей особе. После операции я, боясь сначала шрифта, отодвинул на задний план немецкий, а потом обнаружилось столько позапущенного на отечественном языке, что я со страстью упиваюсь возмещением пропусков, и надежду на заграничное путешествие пришлось отложить»¹⁶⁷.

Несмотря на потерю влияния и проблемы со здоровьем, Сергей Васильевич не забывал давать своим друзьям по переписке советы (к примеру, советовал Жуковой изучать ницшеанство, символизм и неокантианство¹⁶⁸), а порой и не стеснялся выступить в роли «доморощенного психолога», поучая некую Прасковью Алексеевну Семенову: «Такого фантазера и глупого человека на выстрел

164 Там же.

165 Там же. Л. 6.

166 ГА РФ. Ф. 571. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

167 Там же. Л. 8.

168 Там же. Л. 7.

подпускать к серьезным делам нельзя. Этот психопат вас по миру пустит и сделает это с самым простодушным видом. Он вас так изучил и влез в ваше доверие, что вы черное в его поведении считаете за белое и наоборот. Я убежден, что он вас разорит, и теперь же настоятельно вам советую: изгнать его с глаз своих долой и впредь его к себе не пускать. Если этого не сделаете, то будете несчастным человеком»¹⁶⁹.

30 ноября 1904 г. последовало распоряжение министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского о снятии ограничений с проживания и назначении С. В. Зубатову ежегодной пенсии от Департамента полиции в размере 5000 рублей, однако в Москву он переехал только в 1910 г.¹⁷⁰

После революции 1905–1907 гг. Зубатов писал в журналы «Гражданин» и «Вестник Европы»¹⁷¹.

Роковой вестью для него стало отречение Николая II и его брата Михаила Александровича от престола: «Спиридович вспоминал, что известие об отречении Зубатов узнал за обедом у себя на квартире в Замоскворечье. Он молча выслушал страшную вест, вышел в другую комнату; раздался выстрел. Начальник канцелярии МВДД. Н. Любимов считал, что Зубатов шел на самоубийство осознанно, в то время как Спиридович усматривает в нем эмоциональный сиюминутный порыв»¹⁷².

169 Там же. Л. 5.

170 Более подробно см.: Овченко Ю.Ф. Охранка и зубатовщина. М., 2017. С. 286–288.

171 Гражданин. 1906–1907 гг.; Вестник Европы. 1906. № 3. Большая часть писем С. В. Зубатова в журнал Гражданин размещена на сайте «Документы XX века». URL: <http://www.doc20vek.ru>.

172 Овченко Ю.Ф. Охранка и зубатовщина. М., 2017. С. 306.

В «Утре России» была опубликована небольшая заметка о самоубийстве С. В. Зубатова¹⁷³: *«В эти дни, когда весь русский народ радостно дышал воздухом свободы, сошел в могилу один из ревностнейших сподвижников старого режима, видный охранник и провокатор, предтеча гапоновщины, азефовщины, создатель целой эпохи в истории освободительного движения в России, названной “зубатовщиной”. Не вынесла мрачная душа холопа реакции яркого света свободы. Зубатов застрелился»*¹⁷⁴. В сообщении газеты приводились данные о том, что сын покойного, чиновник Государственного банка Николай Зубатов, позвонил в лечебницу доктора Лурье на Пятницкой улице с просьбой «оказания медицинской помощи застрелившемуся человеку». *«При осмотре трупа оказалось, что Зубатов выстрелил себе в правый висок, и пуля вышла в левый висок. Смерть наступила моментально. На лице следы кровоподтеков, происшедших, по мнению доктора, от того, что покойный стрелял в себя стоя и затем после выстрела рухнул на землю вниз лицом. На письменном столе лежали записанные рукой покойного записки, в которых он просит никого не винить в его смерти, прощается с сыном и делает некоторые распоряжения»*¹⁷⁵. Несмотря на то, что, по свидетельству анонимного автора статьи, сын Зубатова назвал причиной самоубийства *«страшную тоску»* по стремительно разрушающемуся монархическому строю, вряд ли этот мотив был единственным. Многолетняя травля со стороны как бывших коллег, так и революционеров, нереализованность в профессиональном плане осознающего свои таланты человека, возможные сложности в личной жизни – всё это могло составить комплекс внутренних проблем некогда влиятельного начальника Московского охранного отделения.

173 Автор благодарит Кирилла Белокурова за предоставленный материал.

174 Утро России. 1917. 5 марта. С. 7.

175 Там же.

Товарищ прокурора московского окружного суда Лисовский выдал разрешение на предание земле тела самоубийцы¹⁷⁶. В архивных документах и литературе не удалось найти данных о том, где был похоронен один из самых ярких руководителей московской политической полиции.

1.2. Портреты секретных сотрудников Московского охранного отделения и соратников С. В. Зубатова

Основным источником сведений об агентах С. В. Зубатова в рабочей среде являются заметки его заместителя Леонида Петровича Меньщикова¹⁷⁷, который, работая в Московском охранном отделении, старался записывать информацию об их характерных особенностях и внешних данных. Впоследствии Меньщиков составил алфавитные списки и систематизировал эти заметки в двух томах под общим названием «Черная книга»¹⁷⁸. В записках Меньщиков обращал внимание на то, каким образом агент поступил на работу в полицию, отмечал его розыскные успехи, а в некоторых случаях описывал его судьбу после увольнения. О каждом сотруднике охранки он писал по три или четыре лаконичных, но информативных предложения.

В секретные сотрудники попадали по-разному. Наряду с «заагентуриванием» революционера существовали и другие пути устройства агентом полиции. Нередко в губернские жандармские

176 Утро России. 1917. 5 марта. С. 7.

177 Меньщиков Леонид Петрович (1869–1932) – в 1902 г. помощник начальника Московского охранного отделения, с 1903 г. – старший помощник делопроизводителя Департамента полиции. В 1909 г. эмигрировал во Францию, писал в разные газеты разоблачительные статьи об органах политического сыска в России. Умер в Париже в 1932 г.

178 Не опубликована. Находится в личном фонде Меньщикова в ГА РФ.

управления (ГЖУ) и охранные отделения приходили люди, оказавшиеся в затруднительном финансовом положении. В качестве примера можно привести сообщение начальника казанского ГЖУ в Департамент полиции от 14 марта 1905 г.: *«10 сего марта ко мне явился студент 4 курса Казанской духовной академии В. А. Львов и заявил, что ввиду крайней необходимости уплаты долга в размере 256 рублей он выражает готовность содействовать агентуре и указать на преступную революционную деятельность некоторых лиц, при условии, если ему выдано будет вознаграждение лежащего на нем долга»*¹⁷⁹. Как правило, у подобных личностей не было шансов попасть в агентуру, так как имеющий большие долги человек не мог вызвать доверия и казался безответственным. *«Сын богатого московского домовладельца, растратив изрядную сумму отцовских денег и опасаясь преследований, обратился в охранный отдел с просьбой принять его в сотрудники, полагая, вероятно, что звание шпиона застрахует его от всяких напастей; Зубатов от услуг П. отказался»*¹⁸⁰.

В охранные отделения и ГЖУ приходили устраиваться и откровенные авантюристы: *«Миончинский К.П., находясь на Кавказе в 1904 году, прислал в Департамент заявление с предложением услуг: обрадовавшись возможности заполучить “интеллигента”, Особый отдел Департамента полиции поспешил выписать этого доброхота в Петербург, однако из бесед с М. сразу выяснилось, что это аферист, ему отказали»*¹⁸¹. Забавно и показательны, что Миончинский после того, как ему отказали, требовал возместить все транспортные расходы.

Одиозные искатели приключений досаждали не только полиции, но и противоположному лагерю борьбы. В «Черной книге» Меньщикова содержится документ о некоем Исааке Персице, который около 1900 г. явился в Женеву к Плеханову, признавшись,

179 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 457–458.

180 Там же. Л. 573.

181 Там же. Л. 506.

что состоял агентом Зубатова. Он заявил о своем раскаянии и готовности загладить грехи, предложив свои услуги в роли нового Дегаева¹⁸². Предложение было отклонено Плехановым, находившим, что «*раскаяние шпиона – вещь более чем сомнительная...*»¹⁸³. Раскаившимся революционерам в МОО верили больше.

Будущие руководители и активисты легального рабочего движения становились секретными сотрудниками по стандартной схеме. Как правило, это были выходцы из революционного подполья, разочаровавшиеся в его идеологии вследствие общения с Зубатовым или же тяжелых условий содержания под стражей. Они были грамотны, отличались высоким уровнем интеллектуального развития. Многие руководители легальных рабочих обществ обладали харизмой, красноречием, различными другими талантами. Они надеялись на карьерный рост и связи с влиятельными людьми.

Стоит, впрочем, отметить, что увольнение и разоблачение сотрудника приводило его к полному жизненному краху и невозможности найти новую работу. Такие агенты, ежедневно опасавшиеся за свою жизнь, могли рассчитывать только на небольшую пенсию от Департамента полиции, но в некоторых случаях не получали и этого. В архиве сохранилось немало писем бывших агентов полиции, подобных этому: «*...из дому меня выгнали <...> теперь я скитаюсь кое-где и как-нибудь. Искал место, но не нашел... Вследствие чего я осмеливаюсь просить Вас, не поможете ли вы мне в улучшении моего положения. Гавриил Иван Боголюбов*»¹⁸⁴. Бывших агентов выго-

182 Дегаев Сергей Петрович (1857–1921) – член «Народной воли», сотрудничавший с подполковником Отдельного корпуса жандармов Г. П. Судейкиным. Выдал полиции многих народовольцев. Спасая свою жизнь, организовал убийство Судейкина, позже, по решению партийного суда, уехал в США, где и умер в 1921 г.

183 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 572.

184 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 2. Д. 30. Л. 113.

няли из семей, с работы, они вынуждены были прятаться от революционеров. Последние, впрочем, сами прятались от агентов полиции, ведя при этом асоциальный образ жизни: *«Все разъехались, и я должен был жить без прописки целую неделю, таскаясь целые ночи на улицах... Спал даже в церквях, во время ранних служб. Ох, как измучился. Я не могу никому показаться из знакомых студентов и курсисток, боясь нацепить себе шпиона. Они все живут на Васильевском острове, а там шпионов целая улица... Дни пришлось проводить в публичной Библиотеке и заниматься философией. Положительно все выхвачены»*¹⁸⁵. Тяжелые жизненные условия бывших агентов и действующих революционеров были весомой причиной смены идеологического лагеря.

Процитированное выше перлюстрированное письмо от 24 февраля 1902 г. принадлежало студенту, занятому, и очевидно давно, нелегальной деятельностью. Письмо адресовалось в немецкий Шарлоттенбург, район Берлина, довольно часто упоминавшийся в нелегальной переписке. Среди прочих подробностей в нем сообщалось о многочисленных арестах среди студенчества, унылых настроениях в среде оппозиционных деятелей, распространившихся в высших учебных заведениях секретных агентов полиции: *«...в Горном один студент Б. выдал жандармерии 25 человек. Его судили профессора и студенты, и он исключен без права поступления во все учебные заведения России»*¹⁸⁶. Возможно, студент выдавал желаемое за действительное, поскольку в следующем абзаце он живописует, как в Бутырской тюрьме арестованные студенты *«издают 4 газеты, довольно приличного содержания»*. Удивительное содержание перлюстрированного письма резюмировалось не менее удивительной резолюцией заведующего Особым отделом Л. А. Ратаева: *«Это очень серьезное письмо. Автор очевидно (выделено автором статьи. – С.М.) нелегальный. Поскорее вытребовать*

185 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 9.

186 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 9.

*письмо, надо послать в Москву для соображений по почерку. Выяснить германский адрес»*¹⁸⁷. Несмотря на то, что в письме содержалась фамилия московского знакомого автора (Быков), в архиве нет сведений о том, удалось ли задержать информированного студента.

Похожая история произошла с еще одним перлюстрированным письмом из Москвы во Фрайбург от 26 октября 1902 г. на имя Маркузе, написанным, по всей видимости, студентом. Автор сетовал, что *«функции полиции и Университета перепутались»*, *«выдача оканчивающим Университет зачетных свидетельств производится обер-полицмейстером, ректор же у себя в кабинете арестовывает при помощи сыщиков студента и отправляет его в охранку»*¹⁸⁸. Резолюция Зубатова была краткой: *«Кто это»*. Письмом заинтересовался исполняющий должность директора Департамента полиции А. А. Лопухин, предлагавший Зубатову *«выяснить негласным путем личность автора означенного письма»*. Однако 17 марта 1903 г. Зубатов отчитывался: *«Автора корреспонденции на имя Маркузе выяснить до сего времени не представилось возможным»*¹⁸⁹.

Лаконичная резолюция не предусматривала отчета о проделанной работе, анализа причин неудачи сыска в отношении анонимного автора. Таким образом, руководство Департамента не могло судить том, какая работа была проделана в этом направлении и была ли проделана вообще.

Письма отразили тенденцию глубокого проникновения политической полиции и ее агентов в университетскую среду за несколько лет до Первой революции в России. Атмосфера всеобщей подозрительности и страха, недоверия и презрения к полиции заставляла профессуру и студентов объединяться и принимать меры

187 Там же.

188 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 50. Т. 2. Л. 101.

189 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 102.

против распространения секретных агентов полиции в аудиториях. Многочисленные аресты студентов значительно усложняли работу агентов Зубатова в университетах, краеугольным камнем которой были негласный надзор и осведомительская деятельность.

* * *

В оценках тайных агентов полиции С. В. Зубатов неизменно благожелателен, тогда как Л. П. Меньщиков с трудом сдерживает сарказм и мизантропию. Диаметрально противоположные отзывы объясняются не только разным отношением одного и другого к эксперименту по легализации рабочего движения, но, как видится, и противоположным восприятием людей: увлекающийся, творчески настроенный, оптимистичный Зубатов приписывал своим сотрудникам качества, которые не были им присущи, в то время как Меньщиков, злобствуя и критикуя, тотально отказывал рабочим в способностях к оперативной работе. Ниже приведен краткий очерк о главных учениках и помощниках начальника Московского охранного отделения.

М. А. Афанасьев, председатель Общества взаимопомощи

О председателе Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве модельщике Михаиле Афанасьевиче Афанасьеве Меньщиков писал следующее: «...московский мещанин Кузнечной слободы, был 6 июля 1896 года арестован по рабочему кружку Колокольникова. У Афанасьева нашли нелегальную литературу, но в виду откровенных показаний через неделю освободили»¹⁹⁰. За этими сухими полуофициальными фразами скрывалась история завербования одного из самых талантливых в будущем агентов Зубатова.

190 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 41.

Далее Меньщиков сообщал о первых успехах Афанасьева на фронте борьбы с распространением оппозиции: *«Будучи привлечен к дознанию в 1889 году, Афанасьев на допросе в Московском РЖУ дал уличающие Ольгу Смидович показаниям»*¹⁹¹. В начале XX в. этого было достаточно, чтобы выдвинуться на заметные позиции в сыском деле.

С течением времени контакты между Зубатовым и Афанасьевым расширились, что повлияло на назначение последнего председателем Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве. Меньщиков писал, что уже с 1900 г. Афанасьев выступил его организатором. Он председательствовал на общих и районных собраниях, имел непосредственные контакты с преподавателями и лекторами рабочих, представителями полиции.

Интересно, что в самом начале эксперимента по легализации рабочего движения, в феврале 1901 г., Афанасьева снова арестовали за то, что он *«добывал от рабочих сведения по вопросам листкам, разбрасывал воззвания»*¹⁹². По всей видимости, это были обычные мероприятия по привлечению рабочих в общества взаимопомощи, но личностью рабочего-агента заинтересовалось Министерство юстиции, сообщившее прокурору Московской судебной палаты о желательности помещения Афанасьева в одиночную камеру в Санкт-Петербурге сроком на шесть месяцев. Эта информация изложена в справке на имя *«мещанина Михаила Афанасьевича Афанасьева»*, поверх текста которой росчерком синего карандаша было написано: *«Не надо переводить (подчеркнуто двумя чертами. – С.М.), прошу пересмотреть»*. Далее простым карандашом: *«Просить Ратаева спешно (с Зубатовым), чтобы он рекомендовал Афанасьеву по истечении одного месяца заключения – подать прошение о помиловании. По получении прошения снести с Министерством юстиции о помиловании»*¹⁹³.

191 Там же.

192 ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 100. Д. 392. Л. 5.

193 Там же.

Эта загадочная история позволяет выдвинуть две гипотезы: во-первых, в феврале 1901 г. у наиболее активных секретных сотрудников Зубатова в рабочей среде могли быть проблемы с различными учреждениями правительственной власти; во-вторых, уже зимой и ранней весной 1901 г. Афанасьев был настолько важен для легального рабочего движения и политического сыска, что за него брались ходатайствовать представители высших эшелонов Департамента полиции. После того, как дело было передано в Департамент полиции, ему было объявлено, что *«на основании Высочайшего повеления, последовавшего в 21 день марта 1901 года, в решении дознания по обвинению его в государственном преступлении, он, Афанасьев, подлежит, взамен определенным ему Высочайшим повелением 28 февраля 1901 года шестимесячного тюремного заключения, надзору полиции в избранном месте жительства на 1 год, считая срок с 28 февраля 1901 г.»*¹⁹⁴.

Помимо исполнения разнообразных обязанностей председателя, в историю легальных рабочих обществ он вошел как неутомимый поставщик идей по развитию их деятельности. Создание совета рабочих механического производства подвигло председателя сформулировать идею объединения руководства различных легальных организаций в центральный орган, который контролировал бы общества по всей стране. Афанасьев искренне переживал за то дело, которое было ему доверено. Начиная с 1903 г., когда рабочие общества захлестнул кризис, и их деятельность была затруднена, он проявил недюжинную смекалку и как мог пытался отсрочить их полный крах. Неоднократно Афанасьев обращался к московскому обер-полицмейстеру Д. Ф. Трепову с просьбой разрешить проведение семейно-танцевальных вечеров, приносящих обществам небольшую прибыль.

С января 1903 г. в помещении правления общества на Маросейке в доме братьев Еремеевых в квартире № 23 начался прием

194 ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. Оп. 100. Д. 392. Л. 9.

пожертвований. Санкционированный сбор средств мог свидетельствовать о том, что другие источники пополнения касс взаимопомощи были исчерпаны. Растерянность членов легальных обществ и непонимание ими происходящего хорошо отражены в письмах Афанасьева на имя Зубатова, с 1902 г. занимающего должность главы Особого отдела и не имеющего возможности в том же объеме, как и раньше, принимать участие в их судьбе. 20 октября председатель механиков писал: *«Лекции, устраиваемые для рабочих, начинают приедаться, так как кроме истории да непонятных лекций по физике ничего еще для слушателей не предложено, да и в скором будущем пока что ничего не видно. Положение дела очень похоже на толчение воды в ступе»*¹⁹⁵. Руководители легальных обществ тщетно предпринимали усилия по приглашению на лекции виднейших представителей науки и культуры: *«Федор Иванович Шаляпин отказался наотрез, благодаря тому, что якобы Высочайшим Указом нет на каких-либо частных концертах ему, безусловно, воспрещено. <...> На этих днях были у В. О. Ключевского... который читать отказался наотрез»*¹⁹⁶. Афанасьев сомневался в целесообразности существования легальных рабочих организаций в подобных условиях: *«В следующее заседание, безусловно, отказываюсь от дел, так как пользы ни для меня, ни для рабочих нет ровно никакой. <...> Стыдно брать жалование, которое я беру в размере 60 рублей в месяц, и даровую квартиру. <...> Руки у меня совершенно связаны для дела, которое каждый мог бы назвать полезным для рабочих»*¹⁹⁷. В этих сложных условиях С. В. Зубатов пытался материально помогать обществам взаимопомощи, и 11 марта 1903 г. его благодарил ткачи: *«Рабочие ткачи и правление общества кассы взаимопомощи просят передать Вам благодарность за пожертвование»*¹⁹⁸. Однако

195 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 4. л. 6.

196 Там же.

197 Там же. Л. 9.

198 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 461. (1909 г). Л. 171.

кардинально улучшить финансовую деятельность рабочих организаций это, безусловно, не могло.

Положение осложнялось агрессией революционеров, которые в своей прессе невысоко оценивали способности Михаила Афанасьевича: *«Г. Афанасьев не может пользоваться популярностью, он не может хорошо говорить, не может завладеть собранием и говорит, точно о покойнике звонит, и все же, как главное лицо в собраниях, не роняет свой престиж и ловко защищает правительство, выставляя его заботливой матерью для рабочих»*¹⁹⁹.

Как бы то ни было, главный «легализатор» среди рабочих остался на председательской должности до 1905 г., которым датируется его последнее письмо из тех, что удалось обнаружить в фондах ГА РФ. В февральском послании на имя Д. Ф. Трепова он описывал, как революционные события отразились на Обществе взаимопомощи рабочих в механическом производстве: *«После Вашего отбытия из Первопрестольной столицы враги энергично набросились на нашу организацию, не останавливаясь для сокрушения ее ни перед какими средствами. Собрания наши ныне почти прекратились из-за скандальной обструкции всевозможных видов оппозиции, а мы, вожак, не гарантированы уже от опасных оскорблений не только на улице или общественных собраниях, но даже и у себя на квартирах»*²⁰⁰. О дальнейшей судьбе Афанасьева ничего не известно.

Ф.А. Слепов, секретарь Общества взаимопомощи

Вторым по влиянию рабочим-агентом С. В. Зубатова был токарь Фёдор Алексеевич Слепов, назначенный секретарем Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве. Довольно яркая личность, с четко выраженным стремлением к твор-

199 Искра. 1902. 1 января. С. 10–11.

200 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 5. Л. 373.

честву, он удостоился в труде Меньщикова лаконичной характеристики: «...пописывал патриотические стишки и статейки в “Московские ведомости” и в издания Шарাপова»^{201,202}. Внешность Федора Алексеевича также описывается Меньщиковым в негативном ключе: «Слепов – маленького роста, темнорусый, сухощавый, с грубым носом»²⁰³. Ироничный стиль отзыва о творчестве Слепова свидетельствовал о прохладном отношении автора к политической позиции рабочих-агентов. Помимо указанного Меньщиковым, Слепов написал свою автобиографию в газете «Русское дело», а также известен как автор стихотворения о Зубатове «Контр-Мина».

Контр-Мина

(посвящается, С. В. Зубатову)

Мы недавно статью прочитали
В нелегальной печати, где вас
Очень нагло и сильно ругали
Пресловутые наши «друзья».

...

Пусть в подпольной печати бездарность
О вас пишет пустые статьи,
Мы же шлем от души благодарность
За всё то, что нам сделали вы.
Эти люди, что вас ненавидят,
Они также не любят и нас
И отраду как будто бы видят
В тяжкой жизни трудящихся масс:
На словах они счастья желают

201 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 702.

202 Шарাপов Сергей Фёдорович (1855–1911) – один из учредителей монархической организации «Союз русских людей», сотрудник журнала «Русская беседа», издатель «Московского сборника».

203 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 702.

Чуть не для всех бедняков,
А на деле их в тюрьмы сажает
И доводит порой до оков...
Эти люди живут без отчизны,
Ничего нет святого у них,
И девиз их беспочвенной жизни:
«цели все благородны» для них...
В их поступках не видно и тени,
Чтоб рабочих любили они,
У них нет никаких убеждений,
У них только интриги одни...
Прикрываясь маской коварства,
Хитрой мести, обмана и лжи,
Топчут в грязь идеал Государства,
Разрушают основы семьи...
Они мыслят воздвигнуть насильем
Равенству, Братству, Свободе алтарь,
И... объятые злобным бессильем,
Горячо проповедают нам:
«Собирайтесь в толпу колоссальную,
Угнетенный работой народ...
И с ножами, дубинами, камнями
Устремляйтесь потоком вперёд...
Всё ломайте с спокойною совестью,
Города предавайте огню,
Никакой не гнушайтесь подлостью...
И про честь позабудьте свою...
И когда всё, что есть, вы разрушите,
Мы вам новую жизнь создадим,
Вы тогда своей властью будете
Управлять государством своим...
Вам устроим парламент, как в Англии,
Сами будем мы в нём восседать,
Всем имуществом вашим и вами

Будем ловко тогда заправлять...»

...

Но мы рады, что ясно вы поняли
Мысли злых и жестоких людей,
Этих гнусных предателей родины,
Проповедников адских идей...
Мы довольны, что мину ужасную
Обессилить задумали вы...
И за вашу идею прекрасную
Благодарность вам шлём от души.

Слепов

Секретарь Слепов, наряду с Афанасьевым, много выступал на собраниях рабочих, был активистом всех наиболее заметных событий, подносил адрес от всех рабочих Общества взаимопомощи царю на встрече, состоявшейся в 1902 г. Протоколы заседаний Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве хорошо передают личностные особенности Ф.А. Слепова. Прежде всего стоит отметить, что и Слепов, и Афанасьев обращались к присутствующим рабочим подчеркнуто уважительно, называя их не иначе как «господами», и это, вероятно, должно было контрастировать с грубой обстановкой на промышленных предприятиях.

Секретарь общества почти на каждом собрании вносил предложения по улучшению производственной жизни рабочих. Так, на заседании 26 мая 1901 г., состоявшемся в чайной Общества народных развлечений на Смоленском рынке, Слепов выступил с радикальным предложением отменить «спрыски» и «клёпки», традиционные неофициальные мероприятия рабочих на протяжении многих лет. Когда новый рабочий приходил на завод, по неписаным правилам он был обязан закупить алкогольную продукцию на всех своих товарищей по работе. Данный обычай ложился тяжким бременем на вновь прибывшего служащего завода. Об этом и говорил

Слепов на собраниях: *«Случается так, что рабочий перед поступлением на место был без работы месяца 2–3, поступает на небольшой оклад, и с него рабочие того завода или фабрики настоятельно требуют деньги на sprыски, в противном случае угрожают насилием, прячут у него инструмент, словом, приносят ему всякие неприятности...»*²⁰⁴ Для того чтобы выступить в консервативной среде рабочих против установившегося издавна обычая, нужно было иметь не только личное мужество, но и авторитет.

На собраниях Общества взаимопомощи Слепов выносил на обсуждение важные вопросы противопожарной безопасности квартир рабочих и общей зависимости их от домовладельцев. Такие темы не могли не вызывать горячего интереса у членов общества, так как, по признанию абсолютно всех исследователей рабочего вопроса, бытовые условия, в которых приходилось жить и трудиться рабочим, были неприемлемыми. Интересно, что секретарь общества, иницилируя обсуждение тех или иных тем, в дальнейшем несколько отстранялся от дискуссии, давая трибуну самим рабочим и следя за ходом их мыслей. Несмотря на то, что обсуждение было довольно беспорядочным, рабочие выдвигали разумные идеи по улучшению быта.

Еще одной характерной особенностью Слепова был несколько патетический, книжный стиль, которым он изъяснялся во время обсуждений и из-за которого его речи довольно сильно контрастировали с выступлениями других рабочих. На собрании 22 сентября 1901 г. в центре внимания была тема издания газеты Общества рабочих механического производства. Афанасьев рассказывал собравшимся о том, что периодический орган уже утвержден московским обер-полицмейстером и планируется как ежемесячно, а потом и еженедельно выходящий. Как пишет в предисловии пуб-

204 Протоколы заседаний общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве // История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 182.

ликатор протоколов заседаний зубатовских рабочих Н.А. Бухбиндер, *«инициатива исходила от профессора Озерова. Она (газета. – С.М.) должна была выходить под редакцией Озерова и называться “Газетой рабочих механического производства”. Предполагалось, что она будет выходить 2 раза в месяц, со временем же станет еженедельной. Цена ее недорогая – 3 рубля в год»*²⁰⁵. В газете должны были печататься сами рабочие в таких рубриках, как быт, внутреннее обозрение, литературный отдел, «смесь» (разное), фельетоны. Рабочие выражали надежду на то, что издание будет «живым», не похожим на другие газеты: предполагались интервью, зарисовки о быте рабочих, нескучные описания танцевальных вечеров. В конце собрания Слепов выступил с пламенной речью, которая прекрасно демонстрирует его вышеописанные особенности. Среди прочего он выразил уверенность в том, что газета *«поможет прочнее скрепить узы братства; она поможет лучше всего в деле распространения просвещения среди рабочей массы, для которой оно требуется больше, чем пища»*²⁰⁶: *«...будет эхом нашей безотрадной жизни; благодаря газете русские рабочие не только встанут наравне с иностранными рабочими, но и опередят их, и над нашей дорогой родиной засияет яркая звезда знания и просвещения»*²⁰⁷. Стоит отметить, что данных о газете рабочих найти не удалось, хотя малым тиражом она могла выходить.

Далее секретарь общества начал обстоятельный рассказ о пользе просвещения и верности правительству: *«Мы не должны идти в разрез с правительством, которое всегда будет на нашей стороне, если мы будем поступать так, как поступали до сих*

205 Протоколы заседаний общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве // История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 178.

206 Там же. С. 195.

207 Там же. С. 179.

пор»²⁰⁸. Верноподданническая риторика отличала большинство речей секретаря Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве. На том же собрании Слепов выступил с инициативой устройства чайных и столовых, которые могли приносить небольшой доход: «... при чайной мы можем понемногу вводить колониальную торговлю чаем, сахаром, табаком, папиросами и проч. В столовой можно будет торговать съестными припасами и мало помалу при таких условиях у нас может развиваться торговля. <...> При чайной можно будет иметь библиотеку, газеты, журналы»²⁰⁹. По проекту в чайных должны были работать дочери, жёны и сёстры рабочих.

Заключительные дни Слепова в роли рабочего-агента полиции были, как у многих, наполнены тяготами и унынием. В письме генерал-майору обер-полицмейстеру Москвы Д. Ф. Трепову он сообщал: «В настоящее время я нахожусь в таких прескверных обстоятельствах, из коих только и есть три выхода: босячество, путь преступлений и смерть. Наступила зима, а у меня нет ни занятий, ни определенного места, ни средств к существованию. Будьте добры, дайте мне какое-либо место в Вашей канцелярии или вообще по полиции. Пробовал было я обратиться на некоторые заводы, но вследствие того, что я в течение двух с лишком лет занимался в организации рабочих, нигде не берут!»²¹⁰.

Затруднительные обстоятельства вынудили Ф.А. Слепова в декабре 1905 г. обратиться за помощью к сестре Императрицы Александры Фёдоровны великой княгине Елизавете Фёдоровне, которая к тому времени уже потеряла своего мужа великого князя Сергея Александровича. Секретарь великой княгини писал в Канцелярию московского градоначальника Г. П. Медема: «Известный

208 Протоколы заседаний общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве // История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 179.

209 Там же. С. 196.

210 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 5. Л. 289.

Управлению Господина Московского Градоначальника, крестьянин Федор Алексеев Слепов обратился к Ея Императорскому Высочеству с прилагаемым при сем прошением о пособии. Вследствие сего, по приказанию Ея Императорского Высочества, имею честь просить сообщить мне с возвращением приложения, для доклада Ея Императорскому Высочеству, подробные сведения о поведении, образе жизни, занятиях, семейном и имущественном положении просителя, и насколько Слепов заслуживает участия со стороны Великой Княгини Елисаветы Федоровны»²¹¹. Градоначальник Москвы обратился в Московское охранное отделение; ответ помощника начальника отделения ротмистра П.А. Фуллона секретарю великой княгини последовал только 27 марта 1906 г.: «...крестьянин Вeneвского уезда, Касяевской волости, Федор Алексеев Слепов, 34 лет, поведения одобрительного, жизнь ведет тихую, трезвую, женатый, но с женою не живет. Имеет трех дочерей: Анну 10 лет, воспитывающуюся в Ершовской школе, Антонину 8 лет и Марию 4 лет, воспитывающихся в Александровской школе на Малой Серпуховке, хотя одевает их за собственный счет. Слепов занимается перепиской на машине Ремингтон, иногда рисует и кроме того сотрудничает в газете "Русский листок", зарабатывая за все от 15 до 20 рублей в месяц, живет в комнате, за которую платит 6 рублей в месяц, в комнате, кроме необходимой обстановки, ничего не имеет. Слепов действительно состоял в числе организованных рабочих и, по выходе из названной организации, позволил себе написать в журнале "Русское дело" статью, в коей разоблачал все действия организации, а также про действия Охранного Отделения и его начальствующих лиц»²¹². П.А. Фуллон не рекомендовал назначение пособия Слепову.

В 1908 г. Фёдор Слепов был одним из редакторов журнала-приложения к националистической газете правого толка «Вече», отличавшейся критикой чиновников и антиеврейской

211 ГА РФ. Ф. Р-6935. Оп. 3. Д. 646. Л. 1.

212 Там же. Л. 1–2.

направленностью. Статьи Слепова, очевидно, соответствовали редакционной политике, результатом чего стал интерес к ним самых разных контролирующих инстанций. 5 марта 1908 г. прокурор Московской судебной палаты писал в Первый департамент Министерства юстиции: «В № 3 еженедельного журнала “Вече” от 24 января сего года, в шуточном отделе под заглавием “Ха... ха... ха...” помещена телеграмма следующего содержания: “Спб. Из самых достоверных источников сейчас узнали, что октябристский батька²¹³ на днях слетает. Он будет пожалован за его великие труды высоким званием графа Аптекарского. Итак, в России скоро будет два графа: граф Полу сахалинский²¹⁴ и граф (цело-) Аптекарский. Уррра... Прогрессируем...”»²¹⁵ Далее в письме сообщалось, что «прокурорский надзор Московского Окружного суда нашел, что приведенная журнальная заметка представляет собой выраженный в грубо-шуточной форме оскорбительный отзыв о Председателе Совета Министров П.А. Столыпине, иронически именуемом графом Аптекарским, по месту нахождения в недавнее время квартиры его в Санкт-Петербурге, на Аптекарском острове»^{216, 217}. Глумливый тон, с которым бывший зубатовец писал о о человеке, пережившем теракт, в результате которого погибло 30 человек (в том числе пензенский гу-

213 Вероятно, автор заметки полагал, что П.А. Столыпин действовал в интересах партии Союз 17 октября.

214 Речь идет о председателе Комитета министров С.Ю. Витте, который 23 августа 1905 г. подписал в Портсмуте (США) мирный договор с представителями Японии. В соответствии с документом, Россия передавала Японии контроль над южной частью острова Сахалин.

215 ГА РФ. Ф. 124. Оп. 46. Д. 1006. Л. 1.

216 Там же.

217 12 августа 1906 г. эсеры-максималисты осуществили взрыв на казенной даче премьер-министра П.А. Столыпина с целью его устранения. Погибли, по разным данным, от 27 до 30 человек, сам премьер не пострадал.

бернатор С. А. Хвостов, адъютант премьер-министра генерал-майор А. Н. Замятнин, член совета министра внутренних дел князь Н.В. Шаховской, однофамилец автора пасквиля унтер-офицер И. Слепов) и пострадали малолетние дети премьер-министра, тем не менее не вызвал возмущения прокурора: «...ни явно неприязненный тон заметки в отношении “октябрьского батьки” Столыпина, ни сообщение из якобы достоверных источников о смещении его с высокого поста, независимо от степени действительной достоверности этого сообщения, враждебного к премьер-министру отношения со стороны населения или хотя бы читателей “Вече” вызвать, очевидно, не могут, и что в виду сего помещение на столбцах журнала “Вече” юмористической телеграммы о предстоящем оставлении П.А. Столыпиным должности Председателя Совета Министров с пожалованием его в звание графа Антекарского, не заключая в себе признаков преступного деяния по 281 ст. улож. о наказ., является преступлением, предусмотренным 1040 ст. того уже улож, неподлежащем, однако, уголовному преследованию за отсутствием инициативы со стороны оскорбленного должностного лица (реш. Уг. Касс. Деп. Сен 83), а потому в заключении своем полагаю ходатайство Московского комитета по делам печати о возбуждении судебного преследования против ответственного редактора журнала “Вече” крестьянина Федора Алексея Слепова... оставить без удовлетворения, а означенный № 3 журнала “Вече”, на основании 7 ст. врем, прав, о периодич. печ. (зак. 18 марта 1906 г.), уничтожить по судебному приговору»²¹⁸.

Скандалная история, судя по всему, никак не отразилась на Слепове, так как в 1910 г., в серии «Издание для рабочих» московского издательства «Русская печатня», был опубликован его социально-экономический рассказ «Путь к счастью»²¹⁹.

218 ГА РФ. Ф. 124. Оп. 46. Д. 1006. Л. 1.

219 Слепов Ф.А. Путь к счастью. М., 1910. Эта книга есть в РГБ. Подробнее см.: сайт Российской государственной библиотеки (URL: <https://www.rsl.ru>).

В 1915 г. Фёдор Слепов, уже священник, написал письмо товарищу министра внутренних дел и командующему Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковскому: *«Прочитав в газетах выдержки о заседаниях Г. Думы, я был глубоко возмущен некорректными, выражаясь мягко, выпадами по Вашему адресу депутата, бывшего нижегородского бюрократа-губернатора А. Н. Хвостова. Но удар то попал не по коню, а по оглоблям... Вас – и заподозрить в германофильстве! Вот сюрприз поистине необычайный...»*²²⁰ По всей видимости, это было не первое обращение Слепова к Джунковскому, так как в этом же письме отец Фёдор просил товарища министра выслать ему стенографические отчеты заседаний Государственной Думы. Следующее его известное письмо застало обоих корреспондентов на фронтах Первой мировой войны: Джунковский командовал 8-й Сибирской стрелковой дивизией на Западном фронте, а Слепов служил священником в перевязочном отряде 34-й пехотной дивизии 7-го армейского корпуса: *«От всей души поздравляю Вас с высокотожественным праздником Светлого Воскресения Спасителя и приветствую по-русски. Христос Воскресе! Как-то Вы поживаете? Да хранит Вас Всевышний! Присылаю свое “произведение”, за которое получил благодарность от протопресвитера»*²²¹. Очередное стихотворение Слепова, опубликованное в газете «Церковность», называлось «Примерный сын, или Материнское благословение навеки нерушимое» и состояло из 14 небольших разделов.

Н.Т. Красивский, один из руководителей обществ взаимопомощи

Одним из самых популярных руководителей обществ взаимопомощи был Никифор Тимофеевич Красивский. Как и у многих,

220 ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 748. Л. 2.

221 Там же. Л. 3.

его карьера агента началась с ареста за революционную деятельность: «...в 1897 году воспрещено жить в Москве за подстрекательство рабочих фабрики Габая к забастовке»²²². Каким образом Красивский стал агентом Московского охранного отделения, Меньшиков не указывал, но на основании других примеров можно предположить, что для этого ему пришлось поделиться с полицией информацией об известных ему нелегальных кружках. Меньшиков довольно высоко оценивал способности рабочего табачной фабрики: «По окончании срока высылки Красивский вернулся в Москву и сделался одним из главнейших деятелей рабочей организации независимцев²²³, как человек начитанный и речистый, он был наиболее рьяным проповедником зубатовских идей “полицейского социализма”, одновременно ему приходилось исполнять и “чисто агентурные поручения” Охранного Отделения, от которого выдавалась ему “месячная субсидия” в 100 рублей в месяц»²²⁴.

222 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 407.

223 Независимцы – члены Независимой Еврейской рабочей партии (НЕРП), созданной в 1901 г. в Минске и других городах черты оседлости для противодействия партии «Бунд» и объединения рабочих на основе экономических интересов.

224 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 407.

Фотография Н. Т. Красивского из материалов охранного отделения

Как Афанасьев и Слепов, Красивский был постоянным участником собраний Общества взаимопомощи рабочих-механиков. Протоколы собраний рабочих обществ взаимопомощи отразили некую двойственность его выступлений. С одной стороны, они отличались чрезмерным оптимизмом: *«Представьте себе, в “Курьере” напечатана статья, что о нашей организации заговорили в отдаленном медвежьем уголке Пермской губернии за 2 000 верст от Москвы, где рабочие думают устраивать такое общество, как наше.*

*Видите ли, если так далеко известно о нашей идее, значит, она имеет огромную важность, чего не бояться надо, а радоваться, что на Руси рабочие стали относиться сознательно к экономическим вопросам своей жизни»*²²⁵. С другой стороны, слова Красивского были излишне осторожны и пессимистичны: *«В самом деле, разве плохо-бы работать 8 вместо 10-ти, но дело вот в чем, не надо нам*

²²⁵ Протоколы заседаний общества взаимопомощи в механическом производстве // История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 196.

забывать, что этот вопрос является преждевременным. Да кроме того, короткий день может послужить в некотором роде для некоторых вредом...»²²⁶; «Сейчас же мы в сравнении с рабочими других стран как китайцы перед европейцами. У них нет ни единодушия, ни солидарности между собой. Посмотрите на английских рабочих: они работают меньше, а получают больше, французские, наоборот, – больше работают, а меньше получают, потому что они невежественнее английских. Нам надо подражать им»²²⁷.

По тону выступлений Красивского можно предположить, что в Обществе взаимопомощи он следил за дисциплиной. На одном из собраний Никифор Тимофеевич выступил с разоблачительной речью в адрес рабочих, позволивших себе неблагоприятный поступок – распитие спиртных напитков в чайной. В суровых выражениях Красивский осудил этот эксцесс и пригрозил взысканиями: *«В следующий раз, если будет повторено кем-либо из нас вышеприведенное, то мы попросили секретаря записать имена таковых в протокол и прочесть всему собранию на суд. Это будет, так сказать, товарищеский суд»²²⁸*. Члены Общества взаимопомощи уже с первых собраний приучались отвечать за свои поступки и заботиться о репутации легального движения. После данного инцидента была выбрана контролирующая комиссия, целью которой было не допустить повторения подобных случаев в будущем. Одним из ее членов стал Н.Т. Красивский, который в дальнейшем возглавил Общество взаимопомощи рабочих в табачном производстве и отметился в истории с увольнением за пьянство председателя Общества взаимопомощи рабочих в текстильном производстве Ф. И. Жилкина²²⁹.

226 Там же. С. 187.

227 Там же. С. 198.

228 Протоколы заседаний общества взаимопомощи в механическом производстве // История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 188.

229 См. подробнее: стр. 211 настоящего издания.

С другой стороны, несмотря на авторитет и харизму, Никифор Тимофеевич порой излишне творчески понимал свои обязанности секретного сотрудника полиции. В апреле 1902 г. начальник Особого отдела Л. А. Ратаев писал С. В. Зубатову: *«Крестьянин Шаловской волости, Богородского уезда, Московской губернии, И. П. Рузин в январе и начале февраля 1902 года работавший на фабрике Мусси в городе Москве, 15 марта явился на шелко-ткацкую фабрику Зотова, 3 стана Богородского уезда и, собрав ткачей, которых на означенной фабрике 20 человек, рассказал им о том, что из Санкт-Петербурга прибыл в город Москву Адъютант Государя Императора Полковник Красивский, который поместился во дворе Московского Генерал-Губернатора великого князя Сергея Александровича, что Красивский лично беседовал, причем говорил, что у нашего Царя много денег и что все бросившие работу на означенной фабрике получают деньги от казны, а казна возьмет у фабриканта Мусси... Далее Рузин говорил, что Красивский всем забастовавшим рабочим платит по 3 рубля в неделю для поддержания стачечников, причём показывал деньги и уверял рабочих, что получил их от Красивского и что через несколько дней поедет в Москву за получением следующих 3 рублей»*²³⁰. Судя по реакции Зубатова, который не удивился, а выразил оптимистичную, можно сказать, радостную заинтересованность (*«...сообщенные в Департамент полиции сведения о членах Совета рабочих... являются, по моему мнению, высоко интересными и глубоко занимательными...»*²³¹), Красивский не всегда разубеждал легковверных рабочих в своем венценосном происхождении. Удивительно, что начальника Московского охранного отделения не настораживали потенциально опасные слухи, а, наоборот, воодушевляли: *«.. Красивского считают в народе за незаконного сына в Бозе Почившего Императора Александра II, и объясняют особое внимание к нему 19 февраля Великого Князя Сергея Александровича, и, по мнению инспекции,*

230 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 136.

231 Там же. Л. 137.

лишь благодаря этой легенде можно объяснить себе тот громадный успех, которым пользуется Красивский среди рабочих»²³².

Весной-летом 1917 г. дело Н.Т. Красивского расследовалось Комиссией по обеспечению нового строя при исполнительном комитете московских общественных организаций: его обвиняли в антисемитизме, принадлежности к «Союзу русского народа», провокаторстве и сотрудничестве с зубатовскими рабочими организациями²³³. К сожалению, микрофильмированное дело 547 фонда 504 «О Красивском Никифоре Тимофеевиче (Красивцеве), обвиняемом в провокаторстве и принадлежности к “Союзу русского народа” и Зубатовской организации», вопреки названию, не содержит информации о Красивском: вместо информации о бывшем агенте Зубатова, оно хранит данные «Отдела комиссии по разбору политических дел о расходах, произведенных из аванса (июль 1917)»²³⁴. Остается надеяться, что в будущем это важное архивное дело станет доступно исследователям.

В 1926 г. на основании сведений о службе секретным сотрудником Московского охранного отделения Красивский был приговорен коллегией ОГПУ к 10-летнему заключению в лагерь²³⁵. В архивном деле о нем говорится предельно лаконично: *«Красивский Никифор Тимофеевич, дело № 36447, папиросник, беспартийный. Состоял секретным сотрудником московской охранки. В 1902 году по поручению Зубатова принимал активное участие в “Легальной рабочей организации”. Стоял во главе организации табачников. Получал 100 р. в м-ц. В 1905 году нач. Мос. охр. отд. предложил не прерывать сношения с быв. зубатовцами (в частности с Красивским) и не уменьшать содержания. 6.09.26. заключен в к/л на 10 лет»²³⁶.*

232 Там же. Л. 136.

233 ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 547.

234 Там же. Л. 9.

235 ГА РФ. Ф. 1742. Оп. 2. Д. 168.

236 ГА РФ. Ф. 1742. Оп. 2. Д. 168. Л. 2.

П. П. Емелин и Ф. Игнатов, рабочие-агенты

Меньшиков писал и о рабочих-агентах П.П. Емелине и Ф. Игнатове. О первом в его заметках можно найти довольно много информации. *«Мещанин Богородского уезда Фронтовской слободы, был арестован 6 августа 1896 года по делу о Московском Рабочем Союзе»*²³⁷. Через две недели после ареста раскаявшийся революционер написал письмо господину Лебедеву (старый псевдоним Зубатова) о замышлявшихся стачках, пропаганде среди рабочих и прочих планах бывших товарищей. Такие люди в Московском охранном отделении были нужны, и П. Емелина выпустили из-под стражи. Далее Павел Павлович поступил учеником на Пречистенские курсы рабочих, где обучались многие из будущих членов обществ взаимопомощи. На этих курсах его *«начала пропагандировать “Анна Сергеевна”»* (Карасёва), в чем ей помогала другая учительница – Мария Фёдоровна Щеглова. *«Карасева давала читать “Англичане” Водовозовой и предлагала ответить на вопросы из прочитанного, между прочим о жизни английских рабочих, их заработной плате, их союзах и правах (по этому поводу он спрашивает, отвечать или нет на эти вопросы)»*²³⁸. На Пречистенских курсах формировалось самосознание будущих пайщиков обществ взаимопомощи, впервые проявлялся интерес к жизни рабочих на Западе, появлялось стремление заимствовать у них формы организации. Показательно и то, что каждое свое действие Емелин согласовывал с МОО. Фраза Меньшикова о том, что *«свои доносы он чаще всего сопровождал просьбами относительно пособийца»*²³⁹, означает, что службу в полиции Емелин воспринимал прежде всего как подработку, дополнительную возможность прокормить семью.

237 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 273.

238 Там же. Л. 274.

239 Там же.

В 1898 г. 25-летний Павел Емелин, мещанин из Богородска, был токарем, проживал с женой Евдокией Васильевной Галуховой и сыном Николаем в Москве²⁴⁰. В 1898 г. по Высочайшему повелению от 4 марта он был подчинен гласному надзору на один год вне столицы и столичной губернии. В документах архивного дела хранится расписка Емелина: *«Избираю местожительство г. Ригу»*²⁴¹. Причины высылки агента определить затруднительно: в документах сообщается о том, что в 1896 г. Емелин участвовал в какой-то *«сходке на квартире Мячкова»*²⁴², однако гласный надзор был назначен только через два года.

Прожив в Риге с июня 1898 г. по февраль 1899 г., Емелин обратился с просьбой к обер-полицмейстеру Москвы полковнику Д. Ф. Трепову, а тот в свою очередь адресовал его прошение в Департамент полиции: *«Богородский мещанин Павел Павлов Емелин обратился с прошением о разрешении ему по отбытии срока гласного надзора жительства в Москве, в виду старости и болезненного состояния его матери, проживающей в Москве, без всяких средств к существованию и кроме того обремененной двумя дочерьми, каковые лица получали материальную помощь только от него, Емелина, в чем нуждаются и в настоящее время»*²⁴³. Обращение Трепова в Департамент полиции по делу Емелина свидетельствует о важности секретного сотрудника для Московского охранного отделения, а также о том, что в 1899 г. обер-полицмейстер тесно и плодотворно сотрудничал с начальником Московского охранного отделения.

Информацию о жизни Емелина в Риге предоставляло в Петербург Лифляндское губернское жандармское управление: *«Сведения*

240 ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 97. 1899 г. Д. 565. Л. 2.

241 Там же. Л. 4.

242 Там же. Л. 3.

243 Там же. Л. 10.

с 1 января 1899 года до 1 июля 1899 года, город Рига, токарь, работает на заводе Лейтнера»²⁴⁴. В апреле 1899 г., незадолго до окончания срока гласного надзора над Емелиным, вице-директор Департамента полиции П.Н. Лемтюжников направил начальнику Лифляндского ГЖУ распоряжение о подчинении Павла Павловича негласному надзору: «...Департамент полиции имеет честь просить Вас, милостивый государь, учредить за означенным лицом негласный надзор, руководствуясь указаниями циркуляра от 1 декабря 1889 года за № 4113. По истечении не менее двух лет со времени подчинения Емелина надзору, если в деятельности его не будет замечено ничего предосудительного, Вам надлежит с прекращением надзора войти в Департамент с представлением...»²⁴⁵ Тот факт, что негласный надзор должны были осуществлять чины Лифляндского ГЖУ, красноречиво указывает на то, что Лемтюжников или сотрудники Департамента полиции, инициировавшие это предложение, были заинтересованы в продлении срока высылки сексота Московского охранного отделения. Однако уже в июле 1899 г. Емелин работал токарем на заводе Бромлей в Москве, зарабатывая 50 рублей в месяц²⁴⁶, а 17 декабря 1899 г. Департамент полиции снял негласный надзор²⁴⁷, после чего будущий лидер зубатовских обществ взаимопомощи выбыл в Тулу. Что удивительно, тульское ГЖУ продолжило наблюдать за Емелиным, сообщая о нем в Департамент полиции: «Имел постоянное жительство в городе Туле, состоя в механическом заведении Виктореев. 9 августа 1900 года выбыл в Москву, о чем донесено Департаменту полиции 10 августа того же года»²⁴⁸. Негласный надзор продлился до 1 июля 1901 г., этой же датой фикс-

244 Там же. Л. 24.

245 ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 97. 1899 г. Д. 565. Л. 17.

246 Там же. Л. 23.

247 Там же. Л. 18.

248 Там же. Л. 21.

сируется последний отчет о подозреваемом с отметкой под печатью: «представлен к освобождению». Зимой – весной 1901 г. Емелин «служит на металлическом заводе Дангауэр и Кайзер, зарабатывая до 30 рублей в месяц. Ни в чем предосудительном в политическом отношении замечен не был»²⁴⁹.

Фёдор Игнатов выступал на районных собраниях общества рабочих механического производства с предложениями, иногда высказывал свое мнение по актуальным проблемам. Так, именно ему принадлежала идея о реализации штрафных капиталов промышленных учреждений Москвы: «На каждом заводе, фабрике накопилось много денег, которые, как известно, в расчетных книжках (что они сберегаются на нужды самих же рабочих). Я думаю, что теперь этих денег накопилось в Москве не менее 200 тысяч рублей, это я основываюсь на том, что, как я слышал, на заводе Вейхельт было за последнее время что-то около 20 тысяч, а во всей Москве капитала штрафного должно быть по моему счету не менее 200 тысяч. Я вполне согласен со Слеповым, что квартиры наши гадки, но как избежать это зло. Я так думаю, нельзя ли из штрафного фонда употребить на постройку дешевых квартир для рабочих»²⁵⁰. Идеи Игнатова отражали взгляды рабочего, которому хотелось вырваться за привычные рамки скромного непрехотливого быта: «...чайные посещаются такой публикой, с которой и наш брат рабочий стесняется сидеть рядом. Желательно было бы, чтобы чайные ходили не на трактиры, а именно напоминали бы английские клубы, где можно было бы рабочему человеку отдохнуть после тяжелых трудов, где он мог бы и развлечься игрой какой-нибудь, кегельбаном, например, или биллиардом, почему не так. Хорошо было бы так, чтобы на стенах чайной вместо дешевых картин помещались карты, атласы и кар-

249 Там же. Л. 19.

250 Протоколы заседаний общества взаимопомощи в механическом производстве // История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 185.

тины более серьезного содержания, недурно так-же иметь в них глобусы с соответствующими руководствами к ним... очень мало дешевых словарей, необходимых для рабочих при чтении книг и в особенности газет, сплошь испещренных иностранными словами»²⁵¹.

Меньшиков об Игнатове упоминает скупо: «...один из деятелей зубатовского общества рабочих в Москве, исполнявший и агентурные поручения охранного отделения, которым выдавалась ему месячная субсидия в размере 30 рублей»²⁵². Факт ассигнования 360 рублей в год из сумм охранного отделения на агентурную деятельность человека, который, судя по редким упоминаниям в архивных документах, не являлся первостепенным лидером полицейских обществ, позволяет предположить, что сыскная работа с рабочими являлась одним из самых важных направлений деятельности политической полиции.

* * *

Вопрос о единомышленниках С. В. Зубатова остается открытым до сих пор. Очевидно, в условиях периодической обструкции Сергея Васильевича представителями различных эшелонов власти, их не могло быть много. Помимо некоторых рабочих, подпавших под обаяние личности Сергея Васильевича, главу Московского охранного отделения, безусловно, уважали начальник Минского ГЖУ Н.В. Васильев, чиновник особых поручений А. И. Войлошников и глава Летучего отряда филёров Е.П. Медников.

Н.В. Васильев, начальник Минского ГЖУ

Личность Никиты Васильевича Васильева прекрасно характеризует его переписка с товарищем министра внутренних дел князем П. Д. Святополк-Мирским, которая состоялась в июне – июле

251 Там же. С. 191.

252 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 327.

1901 г. Уже начало депеши Васильева в Петербург демонстрировало, что ее автор нестандартно и неформально подходит к управлению ГЖУ во вверенном ему округе: *«Усматривая из точного смысла 318 статьи Устава о наказаниях, что закон беспристрастно относится как к хозяевам, устраивающим синдикаты для притеснения рабочих, так и к рабочим, я стал знакомиться с ремесленным и фабричным законодательством»*²⁵³. Далее следовали обычные для равнодушного полицейского руководителя того времени сетования на бездействие фабричной инспекции и ее неспособность предотвратить стачки рабочих. Однако на этом Васильев не останавливается и идет в своих размышлениях дальше: *«Правительство, руководясь старыми учениями Адама Смита и его последователей, возведшими индифферентность государства по отношению к продолжительности и цене труда в догму, проводило в своей внутренней деятельности политику невмешательства»*²⁵⁴. В подтверждение теории об административной беспомощности в вопросах улучшения быта рабочих начальник ГЖУ рассказал историю о хлебопеках, которые работали 48 часов, а 12 часов отдыхали. Придя к фабричному инспектору с жалобами, они были направлены им к мировому судье, а затем пошли к раввину, и ни один из них не смог решить их проблему. После раввина за дело взялся Васильев, и, судя по его рассказу, только он смог помочь хлебопекам.

За небольшое время пребывания на посту начальника ГЖУ Никита Васильевич установил порядок взаимоотношений с недовольными условиями труда рабочими: *«Рабочие какого-либо цеха, нуждающиеся в моей поддержке, являются ко мне, и я при этом им разъясняю вред, который приносят им их нелегальные общества и организации, малый успех их стачек, материальные и нравственные страдания, являющиеся невольными следствиями их нелегальной деятельности, и те возможные улучшения, которых они могут добиться путем легальным. Указываю, наконец, что я могу сделать для*

253 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 4. ч. 22. Л. 150.

254 Там же.

них. Рабочие откровенно говорят со мной о своих нуждах и своем положении. Затем я им разрешаю собраться на обсуждение своих дел и для выбора из своей среды наиболее развитых людей, представителей цеха, с которыми я уже имею дело и веду все переговоры: этим выборным рабочие сообщают о своих нуждах для передачи мне. Получив заявление от выборных, в назначенный день я приглашаю выборных и от хозяев, и путем взаимных переговоров устанавливаем возможное, после чего хозяева и рабочие делают уступки с обеих сторон и мирно расходятся, причем согласие их является обязательным для всего цеха»²⁵⁵. Несмотря на то, что подобными методами Васильеву удалось установить фиксированный 12-часовой рабочий день почти на всех предприятиях Минска, Департамент полиции не дал разрешения продолжать такую «самодеятельность».

Меньшиков описывает Васильева резко неприязненно: *«Как человек Васильев являл смесь нахальства, хитрости и тупости – всего в изрядном количестве; изрытая оспинами красная фельдфебельская физиономия с щетинистыми усами и рыбьими глазами вполне отвечала его натуре сыщика, злого, дерзкого, бесцеремонного»²⁵⁶. Стоит отметить, что Меньшиков перечислял лишь отрицательные стороны личности начальника минского ГЖУ, абсолютно игнорируя положительные. Эпитеты, описывающие лицо, явно намекали на пороки Васильева: пьянство, обжорство, ограниченность. Говоря о профессиональной деятельности Васильева, Меньшиков также не мог сдержать презрения: *«...в угоду Зубатову разводил независимых, после многочисленных обществ хвалился в 1903 году: теперь у меня в руках вся минская организация»²⁵⁷.**

255 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 4. ч. 22. Л. 153.

256 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 132.

257 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 132.

А. И. Войлошников, чиновник особых поручений

В «Черной книге» находится место и для Александра Ивановича Войлошникова (сер. 1870-х – 1905), занимавшего при Зубатове должность чиновника особых поручений. Его личность примечательна тем, что он был «вторым я» самого начальника Московского охранного отделения. В конспиративных или каких-либо других целях Войлошников не раз представлялся Зубатовым и действовал от его имени. *«Войлошникову, любившему рисоваться и важничать, давали преимущественно выходные роли: он принимал “за начальника отделения” многочисленных посетителей, ездил для переговоров с официальными лицами, распоряжался на обысках, руководил переписями участников сходок и так далее»*²⁵⁸. Как и многих, Меньщиков описывает Войлошникова умственно ограниченным и заносчивым чиновником, выдвинувшимся благодаря карьеристской хватке и чутью. Однако тот факт, что Войлошников не без успеха проводил расследования довольно крупных беспорядков (например, на Прохоровской фабрике²⁵⁹), а также имел собственную агентуру, говорит об обратном.

Интересно, что бывший секретарь Союза рабочих табачного производства Фёдор Богданов-Евдокимов в воспоминаниях, написанных в 1923 г., называет Войлошникова создателем зубатовского движения: *«Чувство самосохранения или материальная необеспеченность заставили ряд рабочих, в том числе Афанасьева, Слепова,*

258 Там же. л. 152.

259 Прохоровская фабрика (Трёхгорная мануфактура) – старейшее московское текстильное предприятие, основанное в конце XVIII в. Расположено между улицами Рочдельская, 1905 года и Краснопресненской набережной. В дни Декабрьского восстания 1905 г. «Трёхгорка» была главной базой боевых дружин. В помещении прядильной фабрики была организована мастерская по изготовлению оружия, в химической лаборатории производились взрывчатые вещества.

Красивского, Соколова и некоторых других, соблазнить на предложение охраны и стать в ряды врагов рабочего движения, строго сохраняя это в тайне от других рабочих. При помощи их Войлошниковым и была создана так называемая Зубатовская организация в Москве»²⁶⁰. По свидетельству Богданова-Евдокимова, Войлошников занимался контролем и запугиванием рабочих-зубатовцев: «Однажды без ведома руководителей была созвана совещательная комиссия рабочих-табачников и в своем заседании приняла постановление с выражением недоверия своему руководителю Красивскому. За это члены комиссии были вызваны в охранку, где Войлошников, после угроз, что за своеволие члены комиссии могут попасть в большие неприятности, читал до глубокой ночи своим невольным гостям нотации и убеждал их в бесполезности тайных собраний. Он вообще старался склонить рекомендованных ему Красивским рабочих вступить с ним в постоянную связь, но, как видно, из нашей среды не оказалось ни одного способного поступить на службу в охранное отделение и стать в лагерь врагов рабочего класса...»²⁶¹

В начале революции 1905 г. Войлошников был назначен исполняющим обязанности главы сыскной полиции, однако «во время декабрьского восстания был захвачен дружинниками на своей квартире, отвезен на Кудринскую площадь, где после краткого суда был убит»²⁶².

260 Зубатовщина в Москве (воспоминания рабочего участника) //ГА РФ. Ф. Р-6889. Он. 1. Д. 602. Л. 1.

261 Там же. Л. 6.

262 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 152.

Е. П. Медников, заместитель Зубатова по наружному наблюдению

Немало критических стрел в книге Меньщикова было направлено на заместителя Зубатова по наружному наблюдению Евстратия Павловича Медникова (1853–1914). Меньщиков поэтапно описывает карьерный путь Медникова, отмечая особенности его характера, природный ум и русскую смекалку, позволившие ему получить чин помощника делопроизводителя, несмотря на малограмотность. О том, каким образом помощник делопроизводителя стал заведующим наружного наблюдения, Меньщиков не пишет, сразу переходя к описанию его методов работы: «...сделавшись правой рукой Зубатова, не переставал за малейшие успехи представлять филеров к всевозможным наградам и этим путем добился от них “собачьей преданности”»²⁶³. По мнению автора «Черной книги», именно на постоянных подношениях и поощрениях основывалась система наружного наблюдения Медникова.

В скором времени – в начале 1900 г. – Медников стал «главным руководителем политического сыска по всей России». Каким образом такое положение дел могло сложиться при здравствующем и активно работающем Зубатове, Меньщиков не указывал. В очерке о Медникове очень много надуманной, имеющей отрицательный характер информации. Сложно поверить и в то, что, «пользуясь безграничным доверием, он бесконтрольно распоряжался отпускаемыми денежными суммами Департамента полиции»²⁶⁴. В самом по себе факте растраты казенных сумм не было ничего необычного для описываемого времени, но Меньщиков идет дальше и рассказывает, что, когда Медников вслед за Зубатовым был переведен в

263 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 522.

264 Там же.

Петербург, накопленные Департаментом полиции деньги в несколько сот тысяч рублей *«растаяли по карманам нахлынувших в Петербург зубатовцев менее чем в полтора года»*²⁶⁵.

Присвоение сумм Департамента шло по определенной наработанной схеме: филёры, находящиеся в командировках, представляли счет в двух экземплярах. В одном писали суммы по издержкам, в другом – только подпись, а всё остальное вписывалось помощником Медникова Луценко, который произвольно его заполнял.

Рассказы автора «Черной книги» о том, что филёры отстраивали Медникову загородный дом, его жалование составляло 6000 рублей в год, а после перехода в Петербург пенсия достигала 2400 рублей, также не отличаются достоверностью и не находят подтверждения в других источниках.

Интересно, что уважение Медникова к Зубатову было настолько глубоким, что он всерьез верил в способность своего начальника примирить министра внутренних дел В. К. Плеве и министра финансов С.Ю. Витте, отношения которых были далеки от идеальных. 14 февраля 1903 г. Евстратий Павлович писал своему другу А. И. Спиридовичу, начальнику Киевского охранного отделения: *«Не знаю, писал ли я вам, что Сергей Васильевич познакомился с Витте и что последний от Сергея Васильевича в восторге и очень сожалел, что познакомился очень поздно! Здорово, и кажется, Плеве и Витте скоро будут с одной ложки кушать, и на днях у князя Мещерского имел состояться обед с Витте и Плеве, – специально, их хотят помирить! Плеве Сергея Васильевича как то вечером сильно благодарил и обнял и расцеловал много раз; недурно!»*²⁶⁶.

265 Там же. Л. 523.

266 Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917 гг. М., СПб., 2006. С. 63. Цитируется по: Красный Архив. М., 1926. Т. 4 (17). С. 198–199.

Влияние Е.П. Медникова в первые годы XX столетия было значительным: бывшие и действующие сотрудники Департамента полиции буквально забрасывали его просьбами об улучшении условий службы или выплатах пособий²⁶⁷. Так, бывший полицейский надзиратель Петров писал ему 4 июня 1903 г.: *«Прослужив в Петербургском охранном отделении около 20 лет и будучи уволен от службы согласно прошения по болезни с назначением пенсии в размере 360 рублей в год, в настоящее время имея семейство, состоящее из 9 человек, проживать в столице и дать образование детям, при всей аккуратности в расходах, не имея других занятий, положительно не представляется возможным. По сему имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего Высокоблагородия о выдаче мне единовременного пособия на выезд с семейством в город Пошехонье Ярославской губернии, как избранный мною “постоянным местом жительства”»*²⁶⁸.

Некоторые сотрудники, пытаясь выбраться из затруднительных обстоятельств, откровенно льстили Евстратию Павловичу, пытаясь сыграть на противоречиях и конкуренции губернских жандармских управлений и охранных отделений: *«Зная давно от других безграничную доброту Вашего сердца и всегдашнюю отзывчивость к своим подчиненным, я, движимый отчаянным своим положением, в котором очутился, поступив в начале декабря прошлого года на службу в Уфимское охранное отделение <... > я все-таки остался тверд в своем решении, имея ввиду, что перехожу на службу такого гуманного и вместе с сим высшего учреждения, как Департамент полиции, памятуя при этом, что труды и старания мои будут скорее оценены и получают должное вознаграждение, чем в Жандармском Управлении, где мало того, что нет движения по службе, но даже по*

267 См., например: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 461. 1909 г. Л. 25, 26, 90, 91, 94–97, 182 и др.

268 Там же. Л. 170.

ограниченности отпуска, не вполне оплачивается труд...»²⁶⁹ Очевидно, большое количество просьб на имя Медникова свидетельствует о том, что по мере сил и возможностей он старался помогать своим сотрудникам.

Личные качества Е.П. Медникова демонстрируются и в доверительной переписке, которую он вел со своим бывшим начальником С. В. Зубатовым после того, как тот был уволен с поста главы Особого отдела в 1903 г. и отправлен на жительство во Владимир. Этой переписке не помешал тот факт, что самого Медникова едва не уволили вслед за Зубатовым. В архиве хранится циркулярное письмо исполняющего должность директора Департамента полиции Н. П. Зуева на имя начальников охранных отделений страны: *«Уведомляю <...> что Надворный Советник Зубатов 19 сего августа уволен в двухмесячный отпуск и что заведывание Особым Отделом Департамента полиции поручено исправляющему должность начальника Санкт-Петербургского Охранного Отделения подполковнику Сазонову. Вместе с сим прошу Г.г. начальников Отделений объявить зав. наружным наблюдением, что сообщения Департамента полиции, перечисленные в “Инструкции филерам Летучего Отряда” и “филерам Охранных отделений”, кои посылались на имя Надворного Советника Медникова, впредь надлежит направлять, в течение двух месяцев, времени отпуска Г. Медникова, по адресу: Санкт-Петербург, Фонтанка, 16. Григорию Михайловичу Труткову»²⁷⁰.*

Медникову удалось остаться на службе, и он был одним из многих людей, продолжавших поддерживать отношения с опальным и некогда влиятельным начальником Московского охранного отделения. Сохранились письма периода Первой революции. В них Медников подробно рассказывает об отношениях между чиновниками Департамента полиции, делится впечатлениями о бурной по-

269 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 461. 1909 г. Л. 275.

270 Там же. Л. 233.

литической жизни, не забывает и о событиях, связанных непосредственно с ним самим. Письма тревожного и драматичного времени передают растерянность и обеспокоенность Медникова, не видящего выхода из сложившегося положения: *«Каждый божий день по несколько убийств, то бомбой, то из револьверов, то ножом и всякими орудиями; бьют и бьют чем попало и кого попало»*²⁷¹.

Положение осложнялось и тем, что в предреволюционный и революционный периоды катастрофически не хватало агентов службы наружного наблюдения – филёров. В 1902 г. тогда еще обер-полицмейстер Москвы Д. Ф. Трепов писал директору Департамента полиции С.Э. Зволянскому: *«Для осуществления наблюдения по г. Москве за лицами политически неблагонадежными в Московском охранном отделении состоит по штату 30 человек филеров. Из означенного числа людей третья часть почти всегда находится в иногородних командировках, неся службу Летучего отряда Департамента полиции, что вызывает все более и более увеличивающимся кругом деятельности Отделения. Подобное незначительное число филеров для Москвы является крайне недостаточным как по массе дела, так и по величине самого города, косвенным доказательством чего может служить то обстоятельство, что для таких городов, как Киев и Харьков признано необходимым держать 30 и 27 человек филеров, в Петербурге же число их доведено до 80... Не представится ли возможность увеличить с 1 сего апреля штат филеров Московского охранного отделения на 30 человек, положив на каждого ежемесячно по 50 рублей жалованья и по 30 рублей расходных (извозчики, суточные и конспиративные квартиры), что составляет в месяце 2400 рублей ежемесячного расхода»*²⁷².

Об этом же, правда, другими словами, С. В. Зубатов сообщал начальнику Особого отдела Департамента полиции Л. А. Ратаеву: *«Вследствие поступивших требований о командировании филеров*

271 Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928. С. 111.

272 ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 100. Д. 7. Л. 6.

Летучего Отряда в города Орел, Владимир и Варшаву имею честь сообщить Вашему Высокородию, что в настоящее время филеры находятся в 22 пунктах, в каждом из коих требуется не менее трех человек... Имея ввиду все возрастающие потребности розысков, как иногородних, так и местных, я покорнейше прошу Ваше Высокородие войти к Господину Директору с представлением о том, не будет ли признано Его Превосходительством возможным для увеличения состава Летучего Отряда ассигновать к 1 апреля сего года сумму, потребную для найма 25 человек с ежемесячным окладом жалования в 50 рублей каждому. К сему уместным считаю присовокупить: благодаря своей малочисленности, филеры Летучего Отряда находятся в командировках иногда по 2 года, работая все время без строгого контроля, следствием чего является некоторый упадок дисциплины, постепенно забываются уроки, полученные в Москве, теряется прогрессивность навыка и сноровки, которая приобретает филером в постоянном общении с начальством и товарищами...»²⁷³ В подтверждение прошения приводился финансовый отчет за 1897 г., из которого следовало, что 30 филёров тратили в месяц 405 рублей на разъезды, 500 – на найм лошадей, 60 – на вознаграждение дворников, 2050 – на содержание секретной агентуры, 100 – на содержание агентурных квартир. Расходы филёров по наблюдению рассчитывались отдельно²⁷⁴. В письме товарищу министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому 10 сентября 1900 г. С. В. Зубатов писал о том же: «Расширить Летучий отряд необходимо. Секретную агентуру желательно децентрализовать, ибо каждый офицер должен уметь вести ее, а филерскую службу желательно централизовать»²⁷⁵.

К 1904 г. ситуация не изменилась. Так, начальник витебского ГЖУ 28 мая 1904 г. жаловался в Департамент полиции, что в Витебске и Двинске филёрами служило всего два человека, а негласное

273 ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 100. Д. 7. Л. 5.

274 Там же. Л. 7.

275 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 2. Л. 257.

наружное наблюдение постепенно теряло смысл: *«Но так как за несколько лет службы жители знают их хорошо в лицо и, в виду недостатка в количестве унтер-офицеров для обыкновенной текущей службы в Витебске и Двинске – вследствие исключительного положения дел с каждым годом все более и более растущего – их приходится отвлекать от филерских обязанностей, а с конца прошлого года одевать, по мере надобности, в форменную одежду, тем более что оставление их в статском платье, вследствие известности их населению, а главным образом наблюдаемым, теряет смысл, а заменить их новыми нет возможности – филерская служба их не может приносить той пользы, которая требуется от них, и потому сведения по существу устанавливаемых наблюдений добываются здесь через посредство участковых унтер-офицеров обыкновенным путем»*²⁷⁶. Розыскные пункты в Белостоке, Гродно и Ярославле сигнализировали о том, что филёры не могли разнообразно одеваться для того, чтобы объекты наблюдения их не узнали: *«Необходимо приобрести несколько перемён зимнего и летнего статского платья, которого в Управлении совсем нет»*²⁷⁷.

Революционные события способствовали кадровым перестановкам в Департаменте полиции. В июле 1905 г. исполняющим должность директора был назначен Петр Иванович Рачковский, ранее заведовавший заграничной агентурой. Из того, как Медников описывает изменившуюся в связи с этим назначением обстановку в департаменте, становится ясно, что он не избегал участия в различных внутренних объединениях и группировках: *«...своя рубашка ближе к телу, ну, конечно, дело на заднем плане, а главное, своя политика, то есть поменьше дела, побольше слов... Мне кажется, 77. И. (Рачковский. – С. М.) не агентурный человек, мало он понимает эту отрасль, интрига на первом месте у него процветает»*²⁷⁸. По мнению Медникова, одной из основных задач Рачковского было

276 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 560. Л. 30.

277 Там же. Л. 28–29.

278 Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928. С. 111.

осуществление влияния на петербургского губернатора Д. Ф. Трепова, назначенного на эту должность 11 января 1905 г. В его письмах экс-обер-полицмейстер Москвы предстает крайне внушаемой личностью, зависимой от того, кто из подчиненных одержит верх за право пользоваться его доверием. Именно поэтому в кругах департамента считалось, что Трепов долго не продержится на должности, требующей ответственности, самостоятельности мышления и разумной решительности: *«А Д. Ф. сильно под влиянием Петра Ивановича, а последний ему все сучит, то тот, то другой хочет видеть Д. Фед., а последний мякнет от удовольствия – да П. И. вывезли эти знакомства... Никого он близко не подпускает к Д.Ф. Я раз забрался, но мне и досталось, влоск положили и уложили...»*²⁷⁹

Усиление позиций партии Рачковского ознаменовало собой перспективу скорой потери мест сотрудниками опального Зубатова. В этот процесс вполне естественно был вовлечен ближайший сотрудник Зубатова Медников, который на себе почувствовал все тяготы положения меньшинства. В своих письмах он злобно критиковал деятельность Рачковского на посту директора Департамента полиции, подозревая его в приверженности личным выгодам и переложении ответственности на других. Зубатову он писал о том, что Петр Иванович, раньше являясь его верным союзником, после увольнения Сергея Васильевича резко переменялся и начал *«петь песнь о том, что Зубатов – фантазер»*. Причины такого поведения Медников усматривал в том, что новая власть полиции боялась бывшего начальника Московского охранного отделения и делала всё, чтобы он вновь не появился на горизонте управления агентурой. Данные предположения скорее были написаны в угоду Зубатову, потому как предположить, чтобы в революционное время он был вновь призван к деятельности, довольно затруднительно.

279 Там же. С. 113, 117.

В 1906 г. пришел черед Медникова уйти из Департамента полиции. Как деятельный и активный человек он сразу занялся хозяйством, о чем не забывал сообщать своему дорогому другу и учителю, с которым их связывало очень многое: *«На выставке скотоводства я купил бычка с серебряной медалью, строю кладовую каменную 30 аршин на 12 для складывания всех продуктов, имущества и машин»*²⁸⁰. Бывший глава филёров с большой выгодой для себя торговал маслом на 1200 рублей в год, свининой на 600 рублей и *«коровами-браковками»* на 500 рублей. Врожденные качества сноровки и предприимчивости с успехом применялись им и в животноводстве. В то же время у Медникова не было недостатка в предложениях о продолжении карьерной деятельности в разных областях. Находясь на пенсии, он занимался изданием какой-то газеты (*«...дайте раз дохнуть, надо газеткой заниматься»*); служивший в Петербурге начальник дворцовой Охранной агентуры А. И. Спиридович активно звал *«заняться делом»* явно сыскного характера; приглашали на работу в градоначальство. На все эти предложения Медников отвечал отказом, понимая, что прежние позиции в департаменте ему занять не удастся, да и опасное время не располагало к взятию на себя большой ответственности.

По письмам Евстратия Павловича явственно ощущается накопившаяся усталость человека, много пережившего, утомленного непрекращающимися интригами в Департаменте полиции и трудностями беспокойного времени. Живя в своем загородном поместье, он продолжал интересоваться происходящими политическими событиями, о чем почти каждый раз писал Зубатову. В мае 1906 г. Медникова интересовала тема выборов в Государственную Думу: *«Я просматривал списки думских депутатов – эта книжка стоит 12 копеек – где они разбиты по партиям, но, конечно, многими скрыты настоящие их направления»*²⁸¹. Высказывание подобных предположений означало сходство взглядов Медникова и Зубатова

280 Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928. С. 119.

281 Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928. С. 119.

на политическую обстановку в стране, которое облегчало им совместную работу в полиции в первые годы XX столетия.

Изменения в политической жизни вполне естественно влияли на перемены в Департаменте полиции. Так, в августе 1906 г., когда петербургский губернатор Д.Ф. Трепов смертельно заболел астмой, вся полиция переживала объяснимое волнение, связанное с тем, что перемена на губернаторской должности нередко означала и смену директора Департамента полиции, Медников с присущим ему юмором описывал суету и беспокойство чинов сыска: *«Наши каналы в большом смущении и сильно повесили носы, но я думаю, Спиридович уйдет, его все же хотят вытащить в Особый отдел, но он очень торгуется и едва ли ему это удастся. <...> На Фонтанке работы пропасть, хоть еще такой же состав давай, но там занимаются более статистикой, чем делом, так все пишут, пишут и пишут...»*²⁸² Вследствие личной заинтересованности Медникову было выгодно представлять обстановку в Департаменте как деструктивную, но массовые увольнения старых сотрудников подтверждали частичную правоту его слов. Наряду с политическими и внутридепартаментскими новостями Медников в каждом письме расспрашивал о том, как поживают близкие Зубатова – жена и сын Николай, приглашал их в гости: *«Если будешь в Москве, то непременно заезжай»*²⁸³. Стилистика эпистол доказывает, что между бывшими коллегами по работе существовали теплые, приятельские отношения. К сожалению, письмами к Зубатову исчерпываются источники о бывшем руководителе филёров Московского охранного отделения. Известно, что в 1910 г. он был помещен в психиатрическую больницу, где через некоторое время окончил свою жизнь. О том, из-за чего Евстратий Павлович мог попасть в клинику, сказать затруднительно, однако Меньщиков брал на себя смелость утверждать, что это случилось из-за его сенсационных

282 Там же. С. 123.

283 Там же. С. 120.

разоблачений: *«Узнав о разоблачениях Меншикова, которому он очень доверял, помешался и умер в больнице для душевнобольных»*²⁸⁴.

1.3. Организация, сыскной деятельности Московского охранного отделения

В данном разделе уместно коснуться условий, в которых проходила служба чинов полиции. Большой проблемой для Московского охранного отделения было хроническое безденежье, о чем свидетельствуют агентурные сведения из Москвы от 27 декабря 1900 г., которые сообщал С. В. Зубатов: *«...были бы деньги, а прочего для практики не требуется, ибо эта система и самая выгодная, самая легкая и самая полезная для авторитета Департамента... Мы закладываемся у частных лиц, ждем денег»*²⁸⁵.

Помимо финансового неблагополучия, работа Московского охранного отделения осложнялась непростыми взаимоотношениями Зубатова с московским обер-полицмейстером Д. Ф. Треповым. Сергей Васильевич был недоволен вмешательством Трепова в работу московской полиции и нередко поверял свои мысли бумаге, что нашло отражение в агентурных сведениях: *«...а между тем обер-полицмейстерская власть только исполнительная, распорядительная власть у генерал-губернатора и министра (по Департаменту). Всей наблюдательной деятельностью по параграфу 6 Положения о Корпусе жандармов министр внутренних дел ведает через Департамент»*²⁸⁶.

По твердому убеждению Зубатова, в следственной деятельности Московское охранное отделение должно было подчиняться Департаменту полиции, в строевом же отношении – московскому обер-полицмейстеру. Путаница в разграничении сфер деятельности порождала конфликты, которые в дальнейшем отразились на

284 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 524.

285 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 2. Ч. 1. л. В. Л. 210.

286 Там же. Л. 67.

эффективности работы московской полиции. Должностные полномочия Зубатова явно не соответствовали успешной реализации его инициатив, а любые начинания и мероприятия он был обязан согласовывать с далеко не всегда сговорчивым обер-полицмейстером: *«Трепов властно распоряжается, но мало соображает, мы соображаем, но не можем распоряжаться. А сговориться – не в привычках Трепова»*²⁸⁷.

По оценке Зубатова, компетенция Трепова в следственных мероприятиях была крайне невысокой и периодически служила причиной провалов в розыске и задержании революционно настроенных групп. Аресты и обыски, производившиеся по распоряжениям Трепова, порой компрометировали Зубатова перед собственной агентурой, завербованной из числа революционеров. Усилия обер-полицмейстера, повторяющие опыт полицейской борьбы с революционерами в прошлые годы, сводили на нет новаторские действия начальника Московского охранного отделения.

Когда в феврале 1901 г. Трепов в очередной раз провалил его планы, Зубатов написал: *«Я во всем виню Д. Ф-ча: он опозорил Москву, скомпрометировал Великого Князя, явив дурной пример небывалого в Москве, который будут стремиться повторить искусственно (и не только в Москве)»*²⁸⁸. Состоявшиеся массовые аресты вызвали у начальника Московского охранного отделения досаду: *«Мы крупными арестовывали, а тут одним махом сведена вся работа на нет. Больно, досадно, обидно, и готов укунить свой собственный локоть, да поздно, не достанешь уж его»*²⁸⁹.

Вместе с тем служащие Московского охранного отделения явно не справлялись с объемом работы, который увеличивался по мере активизации революционных сил и роста забастовочного

287 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 2. Ч. 1. л. В. Л. 100.

288 Там же. Л. 38.

289 Там же. Л. 40.

движения. Директор Департамента полиции Сергей Эрастович Зволянский был недоволен тем, что допросы арестованных лиц не достигали своих целей и почти не помогали следствию²⁹⁰.

Наряду с инициативами по включению в ведение Особого отдела и Московского охранного отделения студенческого вопроса, руководство московской полиции планировало распространить свое влияние на Главное управление по делам тюрьмы. Данная мера диктовалась необходимостью единого и централизованного управления официальными учреждениями, деятельность которых была в эпицентре борьбы с революционными организациями.

Зимой 1902 г. чиновникам Департамента полиции удалось перлюстрировать письмо бывшего арестанта Бутырской тюрьмы Сергея, высланное в Гомель на имя некоего врача В. С. Барабашкина. Письмо дошло до министра внутренних дел, его заместителя, руководящих чинов политической полиции, спровоцировав нешуточный скандал. Неоднозначное письмо было посвящено описанию *«сильного человека, выжившего 20 лет в живой могиле (Шлиссельбургской крепости. – С. М.)»*, Михаила Николаевича Тригопи. *«И только сила веры дала ему возможность так сохраниться и явиться нам примером и вместе с тем укором за нашу слабость: мы просидели две недели и уже развинтились...»*²⁹¹ Письмо явственно свидетельствовало о том, что вместо исправления и становления на путь истинный политические заключенные московских тюрем проходят новый этап агитации наглядным примером со стороны закоренелых и неисправимых народовольцев. Получалось, карательные и исправительные учреждения дореволюционной России превращались в школы молодых революционеров, своеобразные лаборатории по передаче опыта нелегальной работы.

290 Там же. Л. 41.

291 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 6.

Всё это не могло не волновать высшие чины полиции само по себе, но дальше в письме Сергея содержались издевательские для карательных органов сентенции: *«Тригони там танцует и поет и без конца рассказывает... Через политических ему был поднесен адрес от обитателей 3 этажа и курсисток»*²⁹². Читающие эти строки вряд ли могли отделаться от ощущения, что описываемые события происходят не в тюрьме, а в каком-то нелегальном клубе революционеров под прикрытием. Реакция товарища министра Петра Дмитриевича Святополк-Мирского была соответствующей: *«Хорош надзор и у нас в Шлиссельбурге и в Бутырках. Я приказал вызвать в среду Полковника Обуха»*²⁹³. В папке полицейского дела содержатся еще несколько перлюстрированных писем, воспевающих несокрушимую силу духа старого народовольца Тригони.

Продолжением истории стало письмо главы Особого отдела Л. А. Ратаева начальнику Московского охранного отделения С. В. Зубатову, содержащее плохо скрываемое раздражение, служебные распоряжения и язвительные формулировки: *«Вашему Высокоблагородию, несомненно, известно о порядках, которые практикуются в Бутырской тюрьме, предоставляющих возможность совершенно свободно сноситься и вести продолжительные беседы с единомышленниками»*²⁹⁴. Упреки в адрес Зубатова были справедливы: перлюстрация писем в Москве, контроль за передвижениями неблагонадежных лиц, их выявление и арест были прямой обязанностью политической полиции. Свободная переписка арестантов, ихвольное поведение в Бутырской тюрьме, доступ курсисток к арестантам свидетельствовали не только о недоработках администрации карательного учреждения, но и о серьезных упущениях чинов московской охранки.

292 Там же.

293 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 6.

294 Там же. Л. 20.

Письмо Л.А. Ратаева датировалось 6 марта 1902 г., в этот же день Зубатов написал в Особый отдел красноречивый ответ. Оперативность отчета начальника Московского охранного отделения могла объясняться его готовностью к критике со стороны Особого отдела и желанием перевести обвинения на руководство Бутырской тюрьмы. В донесении Зубатова Ратаеву описывалась пренеприятная история, случившаяся с чиновником для поручений МОО штаб-ротмистром А. И. Спиридовичем в Пересыльной тюрьме. Целью поездки представителя Отдельного корпуса жандармов Спиридовича в тюрьму были допросы содержащихся там курсисток высших женских курсов. Интересно, что командирован в тюрьму Спиридович был самым директором этих курсов, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук В. И. Герье²⁹⁵. После допроса курсисток Спиридович и В. И. Герье проходили через так называемую сборную комнату, в которой арестанты встречались с приходящими к ним посетителями. Как пишет Зубатов, *«...все пространство было занято сплошь толпой студентов, которые расхаживали по палате и вели разговор только между собой, так как лиц, желавших иметь свидания с ними, не находилось... толпились и разгуливали около окон, хотя быть им там совершенно не надлежало. В сборной стоял общий шум. При проходе же названного офицера начался свист»*²⁹⁶. Таким образом, полицейскому угрожала опасность, но ни директор Герье, ни тюремная администрация обуздать возбужденную студенческую публику не могли. Начальник Пересыльной тюрьмы, по сведениям Зубатова, упрашивал студентов успокоиться, а дежурный тюремный чиновник и вовсе посоветовал Спиридовичу удалиться, опасаясь за его жизнь и здоровье.

Анархией и беспорядком в посетительской и за ее пределами объяснялся свободный обмен письмами между арестантами и

295 Там же. Л. 23.

296 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 23.

вольготные условия содержащихся в тюрьмах политических заключенных. Желавшие навестить родственников или знакомых в тюрьме должны были получать пропуска-разрешения в охранном отделении. Излишне говорить, что часто этот порядок нарушался. В сообщении Зубатова рассказывается о даме, которая не постеснялась заявить во всеулышание; *«Напрасно вы беспокоите и охранное отделение и нас вашими пропусками, когда и так можно иметь свидания»*²⁹⁷.

В конце письма Зубатов обвинял в сложившемся хаосе и бездействии начальника Пересыльской тюрьмы, конвойную команду и тюремных смотрителей. При всей неоднозначности и правдивости информации (сообщаемые факты Особый отдел мог легко проверить), полученной от начальника Московского охранного отделения, стоит признать, что приведенный выше оперативный донос положил начало спланированной и целенаправленной кампании по дискредитации руководителей Главного управления по делам тюрьмы в Москве. В течение марта 1902 г. Зубатов адресовал главе Особого отдела Л. А. Ратаеву несколько перлюстрированных писем, содержание которых подтверждало информацию об организационном хаосе, царящем в камерах политических заключенных. Интересно, что до марта 1902 г. Московское охранное отделение либо вовсе не перлюстрировало писем подобного содержания, либо по каким-то причинам не высылало их в Петербург. Интересно также, что письма заключенных из тюрьмы отличались довольно странным содержанием: выдержанные в глумливо-бахвальном тоне, без какого-либо намека на конспирацию, послания информировали о прекрасных условиях тюремного заключения, создавая полное впечатление «санаторно-курортного» настроения их авторов.

Арестанты не могли не знать, что письма из тюрьмы часто попадают в руки полиции, следовательно, даже если описываемое ими хотя бы частично было правдой, администрация тюрьмы или

297 Там же.

полиция в кратчайшие сроки могли ликвидировать любые вольности. Если предположить, что письма из тюрьмы были написаны сотрудниками Московского охранного отделения в целях дискредитации Главного управления по делам тюрьмы, то непонятно одно: неужели начальник Московского охранного отделения Зубатов, к 1902 г. более 10 лет служивший на различных должностях политической полиции, мог решиться на такую грубую и безыскусную фальшивку?

Приведем несколько цитат из перлюстрированных московской охранкой писем из тюрьмы: *«Если нет разрешения на свидание, приходи во вторник так, зайцем, это очень легко... Приходи как-нибудь, когда не бывает свиданий, т. е. среда, четверг, пятница, воскресенье... к начальнику тюрьмы и попроси его повидаться со мной. Он, наверное, пустит, ко многим таким образом ходят»*²⁹⁸.

*«Не писал тебе до сих пор, потому что адреса твоего не помнил... В тюрьме живет весело... Пиши по старому адресу, мне будут доставлять потихоньку. До сих пор не допрашивают. Я исключен из Универса без права поступления, но надеюсь поступить»*²⁹⁹.

*«...Я и мои товарищи по Бутыркам, как я вам уже писал, управляем все потребности культурного человека, удовлетворяем каждой своей прихоти и вообще не терпим каких-нибудь особенных лишений»*³⁰⁰.

Впрочем, в последних строках сквозит нескрываемая ирония, которая может служить подтверждением как жестких порядков, так и нарушений режима.

Продолжением массированной кампании Московского охранного отделения по информационному вбросу в Особый отдел стало отношение товарища прокурора московского окружного

298 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 31.

299 Там же. Л. 36.

300 Там же. Л. 37.

суда. В нем были представлены тезисы, подтверждающие и дополняющие жалобы московских полицейских на московские тюрьмы. Товарищ прокурора писал, что *«в башнях происходит между собой общение заключенных в одиночных камерах лиц», «сношение с волей путем отправки через прислугу писем», «арестованные получают новинки нелегальной литературы, корреспондируют в заграничные нелегальные органы, условливаются относительно побега при отправлении в места ссылки, запасаясь для сего не только деньгами, но и подложными паспортами», «производят переговоры через зеркало», «при свидании мужа с женой допускается исполнение супружеских обязанностей* (подчеркнуто в документе. – С.М.)»³⁰¹. Московские пересыльные тюрьмы фактически превращались в центры подготовки будущего побега арестантов.

Через несколько дней, вероятно, в ответ на жалобы со стороны Московского охранного отделения, администрация Центральной пересыльной тюрьмы ужесточила порядки и отказала в свидании с посетителями, не получившими пропуска в полицию. В ответ на это заключенные отказались от свиданий и объявили забастовку, сопровождавшуюся вывешиванием двух красных флагов и требованием свободы стачек.

Об этом инциденте отчитывался в Департамент полиции московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов: *«Вечером же начальник конвойной команды обратился ко мне по телефону с ходатайством о назначении на усмирение команды воинской части, ввиду появления в окнах тюрьмы отблесков огня и возможности вследствие сего возникновения серьезного беспорядка. Запрошенный по сему поводу, по телефону, Губернатор отозвался полным неведением обо всем доложенным мной»*³⁰².

Студенты жгли соломенные матрацы, флагами оказались красные рубашки, бунт вызвал большое скопление народа вокруг

301 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 30.

302 Там же. Л. 42.

тюрьмы, но важно не это. Секретное обращение обер-полицмейстера в Департамент полиции преследовало две цели: продемонстрировать уровень распушенности и независимости арестантов, а заодно свести счеты с губернатором Москвы А. Г. Булыгиным, являвшимся последовательным противником эксперимента по легализации рабочего движения, руководителями которого были Зубатов и Трепов³⁰³.

Подавление студенческих восстаний в тюрьме повлекло за собой еще большее противодействие сторон. Уже 19 марта перлюстрируется еще одно написанное заключенным письмо несколько странного содержания. В разгар экстраординарных событий, фактически побоищ между арестантами и полицией, некто Вадим Руднев пишет госпоже Мазуренко в Лозанну: *«В то время, пока мы здесь в Якиманской тюрьме объедаемся всяческими приношениями, в Бутырьках происходит нечто ужасное. В ответ на притеснения всякого рода, с неделю назад заключенные объявили голодовку. Два студента – Дигуров, медик 3 курса, и Петерсон – уже умерли – случаи цинги, курсистки легли в больницы. Вчера на аудиенции женщина стреляла в Трепова... Она подошла, вытянула руку и сказала: “Архангельск”. Он схватил ее за горло»*³⁰⁴.

Стилистика перлюстрированных за весну – лето 1902 г. писем резко меняется. Характерно, что даже после разгромных событий марта 1902 г. возможность отправлять письма на волю у заключенных осталась. В жалобах на тюремные порядки арестанты не забывали проводить параллели с тем, что было раньше: *«...наша башня превратилась из гостиницы в тюрьму»*³⁰⁵. Интересно, что факт превращения тюрьмы в тюрьму обескураживал и расстраивал заключенных. Объектом критики арестантов была и тюремная боль-

303 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 139.

304 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 67.

305 Там же. Л. 94.

ница: *«палачи и шпионы в роли врачей»* отбирали вещи у поступивших и выдавали грязные халаты *«непосредственно от заразных больных, в том числе сифилитиков»*³⁰⁶. В больнице не гнушались успокоением больных посредством смирительных рубашек: *«...и лежит больной по целым часам, отправляя естественные надобности на месте»*³⁰⁷.

Безусловно, радикальное ужесточение тюремных правил было вызвано целым рядом акций заключенных, в числе которых можно выделить попытки празднования 1 мая, обмен письмами, цветами и адресами, распространение нелегальных произведений, пение «Марсельезы» и других агитационных песен. Беспорядки, наблюдающиеся в московских тюрьмах, имели причиной равнодушие, а иногда и откровенные симпатии тюремной администрации к политическим арестантам, недостаточный контроль со стороны агентов охранных отделений, продолжительное и безосновательно затягивающееся следствие и долгое пребывание нелегальных в пересыльных тюрьмах, отсутствие надежных и бесперебойных информационных каналов, благодаря которым политическая полиция могла бы получать необходимые сведения.

В то же время страдания московских заключенных продолжались недолго. Уже в 1904 г. новый начальник Московского охранного отделения В. В. Ратко жаловался директору Департамента полиции: *«Слабость надзора за содержащимися в московских Пересыльной и Губернской тюрьмах дает заключенным полную возможность, при посредстве низших тюремных служащих, иметь сношения как между собой, так и со своими единомышленниками, находящимися на свободе»*³⁰⁸. В отличие от Зубатова, Ратко пошел дальше и называл конкретных виновников тюремных непорядков: *«Указанные явления объясняются тем, что начальник Пересыльной тюрьмы*

306 Там же.

307 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 94.

308 Там же. Л. 145.

подполковник Мецнер и помощник начальника московского губернского Тюремного замка коллежский ассесор Яков Иванов Печников являются несоответствующими своему назначению – первый – по старости, второй – по своим убеждениям, явно направленным к оказанию заключенным всяких незаконных льгот»³⁰⁹.

В течение 1900-х гг. московские тюрьмы постепенно стали плацдармом нешуточной ведомственной борьбы между охранными отделениями и губернскими жандармскими управлениями. Чины обоих учреждений обвиняли друг друга в формальном характере работы, приводящем к многочисленным нарушениям дисциплины в тюрьме. Так, в уже упоминавшемся донесении Ратко в Департамент полиции указывалось: «...привлеченная Шнеерсон числится содержанием под стражей за московским ГЖУ, действия ее стоят вне контроля охранного отделения...»³¹⁰ Контроль тюремного учреждения со стороны ГЖУ многократно осложнял сыскную деятельность сотрудников охранного отделения на подведомственном жандармам участке.

Чины ГЖУ в долгу не оставались, доказательством чему может служить обращение начальника МГЖУ вице-директора Пятницкого в Департамент полиции: «...чины Московского охранного отделения допрашивают политических арестованных плохо, соблюдая лишь одну формальность, что касается самого их содержания под стражей, то политические переписываются между собой, а в одной из московских тюрем нижние жандармские чины читают вместе с политическими заключенными газеты, нелегальные издания и при освобождении последних провожают их пением Марсельезы»³¹¹.

Сыскная деятельность сотрудников Московского охранного отделения затруднялась многими обстоятельствами. В числе прочего хотелось бы отметить постоянные конфликты с жандармами

309 Там же.

310 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 125. Л. 145.

311 Там же. Л. 202.

и взаимодублирование ведомств, хроническое безденежье и неорганизованность на фоне конфликтов обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова и начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова, всеобщее недоверие рабочих обществ к секретным агентам и их противостояние с фабричными инспекторами из-за неопределенного статуса последних, сочувствие заключенным со стороны тюремной администрации и целенаправленное создание помех политическому сыску в тюрьме, интриги руководителей Департамента полиции и их нейтралитет в многолетнем конфликте между ГЖУ и охранными отделениями.

Эксперимент по легализации рабочего движения в частности и политический сыск Московского охранного отделения в 1901–1902 гг. в целом, как представляется, не могли быть эффективными из-за всеобщего конфликта «всех со всеми». Данный тезис подтверждают и агентурные записки начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова. Иначе, как криком души, откровения руководителя московской полиции назвать сложно. *«Мы все перехворали, но мы за всех сработать не можем: мы агентурием, мы выслеживаем, мы арестуем, мы допрашиваем, мы тюремствуем, мы родным слезы вытираем, мы подитанники принимаем, мы на вокзал отправляем, мы официальную переписку ведем. Словом, за всех и за вся. Как отстранился, так скандал. За всеми учреждениями, как нянька, ходи, да своих дел не забывай... Ах, если б можно было только своим делом заниматься! А им приходится заниматься только между делом... Словом, все посторонние лица и учреждения существуют только для того, чтобы портить нами сделанное... Будь мы в состоянии сработать за Главное Тюремное управление и Управление Российских железных дорог – давно бы все студенты сидели в местах ссылки. Но этого нельзя – и является призрак новых беспорядков. Удивительные беспорядки царят в земле Российской»*³¹².

Грандиозную путаницу порождала неясность и размытость должностных компетенций и сферы ответственности разнообразных учреждений полиции. Например, контроль за тюрьмами возлагался и на МОО, и на ГЖУ, и на Главное управление по делам тюрьмы, однако в случае беспорядков спрашивали именно с представителей охранных отделений. Именно поэтому С. В. Зубатов предлагал сосредоточить под наблюдением и контролем своего ведомства заводы и фабрики, фабричную инспекцию, университеты, тюрьмы. С этой целью некоторые университетские преподаватели и студенты работали на МОО³¹³, против Главного управления по делам тюрьмы весной 1902 г. была проведена дискредитирующая кампания, ГЖУ ставилось в вину препятствование сыскной деятельности, а на промышленных предприятиях агенты Зубатова пытались бороться за экономические права рабочих, сойдясь в неравной схватке с фабрикантами, фабричной инспекцией и противодействием местных властей. Как известно, довольно быстро

313 Заведующий Особым отделом Департамента полиции Л. А. Ратаев писал осенью 1901 г. С. В. Зубатову: *«Я не могу воздержаться, чтобы не выразить Вам восторга именно по поводу последней попытки. У меня уже давно мелькала мысль, что студенчество, выпускающее на беспорядки 4600 человек, есть именно та среда, где подобная политика имеет более всего шансов и не сопряжена с теми некоторыми неудобствами, как в рабочей среде»* (ГА РФ. Ф. 63. Оп. 1901. Д. 1090. Т. 1. Л. 270). Сам С. В. Зубатов, в свою очередь, высказывался на тему политики МОО в студенческой среде в письме Ратаеву: *«Имею честь препроводить Вашему Высокородию № 11 газеты “Искра”, содержащий статью о Московском Обществе взаимопомощи рабочих в механическом производстве, еще раз свидетельствующую, насколько не по сердцам революционерам не только профессиональные союзы рабочих, но и “студенческий парламент”, как выражаются харьковские социалисты, имея ввиду, очевидно, попытки легальной курсовой организации студенчества, не встретившей, впрочем, сочувствия со стороны высшей администрации Министерства Народного Просвещения»* (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1901. Д. 404. Л. 73).

сыскные эксперименты С. В. Зубатова были свернуты. Министерство внутренних дел, а вслед за ним и политическая полиция, действовали более традиционными и проверенными методами.

Агенты Московского охранного отделения осуществляли секретную деятельность в сложных условиях недостаточного финансирования, конфликтов с начальством, реальной опасности быть вычисленными революционерами. Несмотря на то, что начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов добивался максимальной конфиденциальности их работы, секретные сотрудники не могли в полной мере доверять своему руководству. Бессилие московской политической полиции в организации сыскной работы в университетах и тюрьмах, а также кратковременность успеха обществ взаимопомощи не могли не способствовать разочарованию секретных сотрудников. 6 июля 1906 г. бывшие зубатовцы парфюмер Иван Платов и пуговичник Иосиф Белов выступили с заявлением в адрес московского комитета РСДРП: *«Мы, нижеподписавшиеся, состоявшие ранее в “зубатовской организации”, сим заявляем: что мы, принимая деятельное участие в зубатовской организации, мы не намерены были провоцировать и тормозить ход освобождения рабочего класса в России, мы думали, что созданием какой-либо организации мы можем помочь освобождению рабочего класса, но, попав в руки полиции, мы только должны были подчиниться этой полиции. Теперь же, признавая всю гнусность и зло этой полицейской организации и находя наше настоящее положение безвыходным, когда каждый встречный рабочий клеймит нас “зубатовцами” и провокаторами (чего никогда в действительности не было), мы просим, московский комитет Р.С.Д.Р.П. принять нас в ряды пролетарской партии, ибо мы по своему положению и убеждению не можем быть иными; предлагаем объявить организованным рабочим, чтобы они нас не считали за провокаторов, и дать ответ на это заявление. В случае надобности напечатания в газетах, просим не оглашать наши фамилии»*³¹⁴.

Глава 2

Легализация рабочего движения в 1901–1902 гг

Создание обществ взаимопомощи рабочих тесно связывалось с программой образования их сотрудников. Грамотные рабочие, знакомые с трудами Зомбарта и Вебба³¹⁵, должны были защищать свои законные права в обсуждениях с представителями фабрикантов, уметь аргументированно дискутировать с фабричными инспекторами. Повышение образовательного уровня помогло бы рабочим вести бездефицитную экономическую деятельность своих организаций: устройство касс, потребительских лавок и культурно-массовых мероприятий. Негласный контроль со стороны политической полиции был призван препятствовать своевольным действиям фабричной администрации, предупреждать забастовки и конфликты между самими рабочими. По сути, целью легализации рабочего движения было создание лояльных царю ячеек из рабочих, чуждых революционной агитации, придерживающихся патриархального крестьянского общинного мировоззрения, являющихся верными членами Церкви, сплоченно отстаивающих статус фабричного законодательства.

2.1. Эксперимент С. В. Зубатова по созданию Общества взаимопомощи в механическом производстве

Для того чтобы секретные сотрудники охранного отделения могли стать эффективным орудием в деле влияния на многочисленную массу московских рабочих, было необходимо заняться их

315 Зомбарт Вернер (1863–1941) – немецкий экономист, занимался вопросами экономической истории: изучал возникновение капитализма, проблемы роста благосостояния рабочих. Полемицировал с представителями марксистских взглядов. Вебб Сидней Джемс (1859–1947) – английский экономист, автор трудов «История тред-юнионизма», «Промышленная демократия».

обучением. Собственными силами охранное отделение в Москве выполнить эту задачу не могло, поэтому С. В. Зубатов решил обратиться к профессору И.Х. Озерову³¹⁶, ассистенту А. Э. Вормсу³¹⁷ и приват-доценту В. Э. Дэну³¹⁸.

Весной 1900 г. рабочие механического завода Листа³¹⁹ решили создать кассу взаимопомощи. Это произошло после нескольких месяцев усиленной агитации, проведенной среди них агентами Зубатова. Агитаторы еженедельно вели беседы, в которых

316 Озеров Иван Христофорович (1869–1942) – ординарный профессор кафедры финансового права Московского университета. Непродолжительное время сочувствовал легализации рабочего движения по проекту Зубатова: читал лекции в Историческом музее, консультировал рабочих. В советское время работал в наркоматах путей сообщения и связи. Сохранилось много архивных документов этого периода о деятельности ученого (ГА РФ. Ф. 1838. Озеров И.Х.). Умер от голода во время блокады Ленинграда в Великую Отечественную войну.

317 Вормс Альфонс Эрнестович (1868–1939) – юрист, экономист, выпускник и магистр юридического факультета Московского университета, в 1906 г. занял должность приват-доцента юридического факультета Московского университета. В советское время выступал одним из защитников на процессе по Шахтинскому делу (1928). Арестован в 1936 г. за использование в своих статьях экономических сведений секретного характера. Умер в 1939 г. в Бутырской тюрьме.

318 Дэн Владимир Эдуардович (1867–1933) – приват-доцент Московского университета, с 1902 г. профессор экономического отделения Политехнического института, в советское время заведующий кафедрой экономической географии в Ленинградском политехническом институте. В 1930-е гг. началось широкое общественное осуждение научной школы Дэна, ряд ученых был подвергнут травле и обвинениям в антисоветской деятельности.

319 Бутырский машиностроительный завод Густава Листа построен в 1898 г., располагался в районе Сушевского вала, на улице Филаретовской (ныне Складочная).

разъясняли рабочим основные положения легальной деятельности, подчеркивая, что она должна привести к миру и согласию с правительством и предпринимателями. Они доказывали, что нелегальные сходки и собрания, организуемые интеллигенцией, не преследуют цели помочь рабочим, а сеют смуту в надежде совершить переворот. Рабочим необходимо организоваться под руководством компетентных и влиятельных лиц и под покровительством органов власти добиться постепенного улучшения экономического положения, которое не зависит от формы политического строя, свидетельством чему является опыт западных стран. Ссылаясь на Запад, сотрудники МОО указывали, что в Англии, Германии, Америке и Франции, несмотря на различные формы государственного строя, мирное профессиональное движение рабочих происходит одинаково. Что касается России, то главной плодотворной формой должна быть форма не классовый борьбы, а классового сотрудничества³²⁰. В поддержку первого успешного начинания агенты охраны распространяли среди рабочих книги, призванные повысить их интеллектуальный уровень.

После удачной агитации на заводе Листа было решено создать общество взаимопомощи. Великий князь Сергей Александрович и обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов выразили готовность способствовать благому начинанию объединения рабочих в легальные формы организации. Профессор И.Х. Озеров и приват-доцент В. Э. Дэн дали согласие возглавить движение рабочих и читать для них лекции. Вскоре после этого Озеров явился в охранное отделение и получил указания, в каком направлении должна осуществляться деятельность общества. Об этом посещении С. В. Зубатов в письме директору Департамента полиции писал: *«В отделение явился профессор Озеров. Шаг исключительный. В прежние времена профессора посещали нас не иначе, как под конвоем. Приходил за тем, чтобы получить направление общества, условиться о совместной работе, уве-*

320 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 801. Ч. 1. Л. 13.

ря в лояльности лекторов и неизменной их корректности, вырисовывая успех их стремления создания социального мира в торгово-промышленной деятельности, и осведомился, насколько курс этот тверд и авторитетны его источники. Просил не оставить советом и указанием, буде нам покажется что-нибудь в их деятельности не так, как должно, ибо у него никаких особых источников для осведомления не имеется. Видимо, остался доволен до чрезвычайности. Во всяком случае, совместная просветительная работа охранного отделения и профессуры зрелище любопытное и необычайное»³²¹.

Профессор И.Х. Озеров стал руководителем легального рабочего движения в Москве неслучайно. Еще задолго до развернувшейся деятельности общества в особой записке на имя Департамента полиции он изложил свои взгляды и «указал пути для образования легальных союзов». Озеров высказывался за необходимость введения советов рабочих, которые принимали бы жалобы от своих товарищей и доводили их до сведения фабричной администрации, что должно привести к созданию прочного социального мира. Он писал: «Рабочий класс вырос в России, рабочие теперь уже не безмолвные рабы, у них развиваются культурные привычки, окольными путями к ним проникает знание, и эта возможность получения знания окольными путями чревата крупными социальными последствиями»³²².

Опасаясь развития стачечного движения, И.Х. Озеров считал необходимым открыть легальные пути для умственного развития рабочих: «Следовательно, профессиональные организации будут иг-

321 Там же. Л. 78.

322 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 801. Ч. 1. Л. 76.

рать даже сдерживающую роль относительно выставления чрезмерных требований со стороны рабочих»^{323, 324}. Схожих взглядов на рабочий вопрос придерживался С.В. Зубатов. В агентурных сведениях за 1900 г., направляемых товарищу министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому, он неоднократно писал о необходимости усиления контроля за исполнением законодательства: «Издание Министерского циркуляра (В.Д.) с предписанием строжайшего наблюдения за соблюдением ст. 431 Устава о ремесленной промышленности, устанавливающей 12-часовой рабочий день, с 2-х часовым перерывом на завтрак и обед. Надзор этот возложить не только на общую полицию, но и на жандармскую с фабричной»³²⁵.

Возмущало начальника Московского охранного отделения и то, что к рабочим, пытающимся заявлять о своих правах, дарованных им волей Императора, надзорные органы относятся, как к революционерам: «...работают вместо 12 по 17 часов, а за защиту требований закона (т. е. воли Его Величества) рабочих арестовывают, как бунтовщиков; не следует ли издать циркуляр применительно к сводному циркуляру Министерств Внутренних Дел и Финансов по фабрично-заводским делам (4 сентября 1898 года, № 3384, 580), по коему полиция может вмешаться лишь в случае наличности (далее слово неразборчиво. – С.М.) явной политики, во всех же остальных случаях ведается одна инспекция»³²⁶.

Фабричная инспекция, по мысли Зубатова, не выполняла возложенных на нее функций: «Издать циркуляр фабричным инспекто-

323 Там же.

324 Сравните с утверждением Зубатова: «Опасение потерять учреждение, созданное на их собственные деньги, парализовало бы всякие попытки неблагонадежных лиц, так как рабочее «большинство» их прямо бы выгоняло» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 2. Л. 255).

325 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 2. Л. 254.

326 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 2. Л. 254.

рам, пригласив их не ранее утверждать проекты фабричных нововведений, чем рабочие выскажут о них свое мнение фабричному инспектору. К концу срока найма иногда хозяева желают изменить какие-либо условия работы и заработка на будущий срок. Проекты эти фабриканты посылают фабричным инспекторам. Таких проектов накапливается у инспектора масса, и он чисто кабинетным образом подписывает их, не спрашивая мнение другой «договаривающейся стороны». Договор становится фикцией, и нередко из-за этого бывают беспорядки»³²⁷.

В целом Сергей Васильевич предлагал меры по юридическому просвещению рабочих и их семей: к примеру, Министерство юстиции могло бы выпускать популярные брошюры и газеты, разъясняющие им действующие законы, в школах для детей следовало ввести уроки права («Учат в школах закону Вожию и законам природы, а закону Государеву нигде и никто не учит»³²⁸). В данной схеме большое значение имела взаимосвязь инициатив по рабочему вопросу центральной и местных властей, вследствие чего губернаторы должны были также участвовать в «попечительности рабочей массы». Посредником между правительством и губернаторами, по мысли Зубатова, должны были стать структуры Департамента полиции: идеальным порядком для Сергея Васильевича были бы издающиеся на имя губернаторов «циркуляры по полиции», «разъясняющие взгляды центральной власти на рабочие дела»³²⁹. Именно Департаменту полиции было по силам восстановить авторитет монархии: «При бездеятельности мы доведем до того, что монархизм совсем потеряет свой нравственный авторитет в массе, все более и более развращаемой интеллигенцией. Кому же возбудить этот вопрос, как не Департаменту, возящемуся с общественными движениями»³³⁰. Правительство, в свою очередь, имело все возможности

327 Там же. Л. 255–256.

328 Там же. Л. 256.

329 Там же. Л. 255.

330 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 2. Л. 306.

для организации авторитетной комиссии, в недрах которой был бы подготовлен общеобязательный документ, регламентирующий все стороны быта рабочих: *«Глубоко убежден, что с рабочим революционным движением может покончить лишь особая Правительственная Комиссия, имеющая выработать “Особое положение об устройении быта рабочих”, наименовав его Положением Императора Николая II (на манер крестьянского), в котором и урегулировать весь частный обиход рабочего (теперь регулируются лишь служебные отношения рабочего), то есть кредит на случай родин, крестин, помещения детей в школы, безработицы, эксплуатации торговцев и т. д. На Западе это сделали общества взаимопомощи»*³³¹.

В апреле 1901 г. совместными усилиями профессора И.Х. Озерова и приват-доцента В.Э. Дэна, а также группы рабочих-активистов был подготовлен устав московского Общества вспомоществования рабочих в механическом производстве. Целями Общества провозглашались *«оказание помощи действительным членам и их семействам путем выдачи возвратных и безвозвратных денежных пособий. Средства общества образовывались из единовременных и ежемесячных взносов действительных членов, из сумм, получаемых от продажи билетов на концерты, спектакли, семейные вечера, а также из добровольных пожертвований»*³³². Предполагалось, что бюджет Общества будет сформирован из оборотного и основного капиталов. Основной капитал считался неприкосновенным и мог быть потрачен только на приобретение недвижимости, а из оборотного капитала выплачивались пособия.

Члены Общества делились на три группы: действительные, соревнователи, почетные. В действительные члены принимались рабочие, состоящие на механических заводах Москвы и ее пригородов. В примечаниях устава помещались пункты о том, что *«действительными членами не могут быть служащие и мастера»*, а

331 Там же. Л. 305.

332 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 404. Л. 3.

также «лица, достигшие 50 лет»³³³. Каждый рабочий, имеющий желание быть принятым в Общество, писал заявление, обозначая в нем свою профессию. Также он был обязан представить рекомендацию двух действительных членов. Закрытость Общества свидетельствовала об опасении организаторов легального движения относительно проникновения провокационно настроенных революционеров. Принятый в Общество рабочий получал удостоверение и экземпляр устава. Лица, которые не являлись рабочими в механическом производстве, но тем не менее сочувствовали целям Общества и вносили в кассу ежегодно не менее пяти рублей, принимались в Общество в статусе соревнователей. Эту категорию жертвователей дополняли специалисты, оказывающие членам Общества безвозмездную помощь в различных областях. Крупные меценаты, вкладывающие значительные финансовые средства, автоматически зачислялись в почетные члены. Признание человека соревнователем или почетным членом не давало ему никаких привилегий и носило чисто символический характер.

Действительные члены платили ежемесячные взносы в размере 1 руб. Эти взносы были очень важны для деятельности Общества, подтверждением чему является пункт 25 устава, гласящий, что «действительный член, не уплативший трех ежемесячных взносов, считается выбывшим»³³⁴. Выдача пособий осуществлялась в случае затруднительных обстоятельств, таких как смерть, болезнь, безработица или пожар, только тем рабочим семьям, кормилец которых был действительным членом не менее года.

Администрация московского Общества вспомоществования рабочих в механическом производстве включала в себя Правление, Ревизионную комиссию и Общее собрание. Правление состояло из восьми членов и восьми кандидатов, набираемых к ним Общим собранием из числа действительных членов на год. Оно избирало из своей среды председателя, его товарища, казначея и собиралось

333 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 404. Л. 3.

334 Там же. Л. 5.

для занятия делами Общества не менее одного раза в неделю. Решения в Правлении принимались большинством голосов. В компетенции Правления были следующие обязанности: *«прием действительных и членов-соревнователей, прием всех поступающих в Общество взносов и сумм, ведение книг, составление журналов заседаний и отчетов, сбор сведений о положении действительного члена, просящего пособия, разрешение выдачи разного рода пособий, созыв обыкновенных и чрезвычайных Общих Собраний, хранение общественных сумм, приобретение процентных бумаг»*³³⁵.

Проверкой денежных сумм, приходорасходных книг, имущества и отчетов ежемесячно занималась Ревизионная комиссия, состоящая из десяти действительных членов. Деятельность Ревизионной комиссии находилась в ведении московского обер-полицмейстера, который мог в любое время инициировать ее работу.

На Общие собрания собирались все действительные члены для обсуждения вопросов, имеющих непосредственное отношение к определенной уставом деятельности Общества. Обязательным пунктом проведения было условие о том, чтобы их программа была доведена до сведения московского обер-полицмейстера. К ведению Общих собраний относились вопросы избрания членов Правления и Ревизионной комиссии, утверждение сметы расходов на предстоящий год, обсуждение тем, предоставленных Правлением, Ревизионной комиссией, московским обер-полицмейстером, министром внутренних дел, избрание почетных членов, изыскание средств к осуществлению целей Общества, утверждение инструкций для Правления и Ревизионной комиссии, а также других инструкций, обсуждение предположений об изменении устава и наблюдении за его исполнением, приобретение недвижимого имущества, рассмотрение жалоб на Правление, увольнение членов Правления, постановление о закрытии Общества.

Рабочие механического производства были ознакомлены с этим уставом, после чего выразили желание, чтобы профессор кафедры финансового права Московского университета И.Х. Озеров прочитал им лекцию о кассах взаимопомощи. Озеров сочувственно отнесся к этой идее, но *«отчасти за тревожностью времени, отчасти по личным обстоятельствам откладывал с воскресенья на воскресенье прочтение лекций, хотя помещение в Историческом музее было даже один раз снято»*³³⁶. Трудность заключалась в том, что лекция была разрешена попечителем учебного округа как публичная, что не исключало прихода на нее нежелательных лиц, способных сорвать мероприятие. Вследствие этого рабочие подали в Министерство финансов записку с ходатайством о том, чтобы лекция была признана специальной и подведомственной фабричной инспекции. В этом случае на лекцию пришли бы только члены Общества. Однако ходатайство не было удовлетворено под предлогом того, что рабочая организация не является юридическим лицом и, следовательно, собрание для бесед о кассе взаимопомощи следует считать публичным и подведомственным попечителю округа.

Несмотря на отказ, есть сведения о том, что секретные агенты С. В. Зубатова установили связь со старшим фабричным инспектором С. П. Чижовым. В письме начальника Московского охранного отделения заведующему Особым отделом Л. А. Ратаеву можно прочесть, что именно с помощью Чижова, к которому рабочие были *«дружественно настроены»*, они *«дважды успели предупредить забастовку выгодным для себя исходом»*³³⁷. Далее Зубатов сообщал, что *«ввиду выраженного старшим фабричным инспектором желания иметь заблаговременно от самих рабочих точные и беспристрастные сведения о затеваемых где-либо недоразумениях или беспорядках, рабочие просили в Охранном отделении собираться по субботам в*

336 Письмо С. В. Зубатова Л.А. Ратаеву //ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 404. Л. 11.

337 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 404. Л. 11.

небольшом количестве в чайной Общества народных развлечений, дабы лично знакомые старшему фабричному инспектору рабочие могли там узнавать от своих товарищей новости касательно фабрично-заводских недоразумений, а равно вести пропаганду против забастовок на почве разъяснения целей затеянного ими Общества»³³⁸. Следует признать, что еще до официального разрешения рабочей организации фабричная инспекция в лице Чижова была крайне заинтересована в сотрудничестве и содействии со стороны активных ее членов.

2 мая 1901 г. Озеров и Дэн доставили обер-полицмейстеру выработанный устав. После поправок обер-полицмейстера и генерал-губернатора устав был подписан, а московское Общество вспомоществования рабочих в механическом производстве официально разрешено. После этого инициативная группа рабочих обратилась в Комитет Общества народных развлечений с просьбой предоставить им для совещаний аудиторию, вмещающую до 250 человек, так как летом она была свободна. Разрешение было получено: *«Г. Обер-Полицмейстер изволил разрешить учредителям Московского Общества вспомоществования рабочим в механическом производстве пользоваться, в летнее время, помещением Общества Народных развлечений в доме Орловых; по воскресным дням, для совещаний названного Общества под руководством ассистента римского права в Московском Университете Вормса с тем, чтобы на их собраниях был всегда представитель от полиции»³³⁹.*

27 мая состоялось первое заседание под руководством приват-доцента Вормса. С. В. Зубатов писал: *«Собрание было открыто речью одного из рабочих, отметившего всю значительность этого дня, как вступление на новый путь мирного развития, который стал для них возможным лишь после того, как они запаслись доверием сто-*

338 Там же. Л. 12.

339 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 229. Д. 1090. Т. 1. Л. 53.

личной администрации, силой просвещенного ума профессуры, содействием и покровительством фабричной инспекцией и сочувствием Общества народных развлечений, которое считает в числе своих членов самых уважаемых обывателей города, не исключая и самого обер-полицмейстера»³⁴⁰. На заседании Вормс выступил с речью о значении для рабочих будущего общества и познакомил слушателей с правилами устройства и пользования кассой взаимопомощи. Отчет об этой лекции был опубликован в московской газете «Русское слово» и петербургской Торгово-промышленной газете. С этого времени в этих и других газетах началось регулярное печатание отчетов о происходивших собраниях.

После первых лекций, обрадованный успехом своего начинания, С. В. Зубатов решил расширить деятельность полицейских обществ и существенно увеличить как количество самих организаций, так и число своих последователей в среде рабочих. Директор Департамента полиции С. Э. Зволянский писал по этому поводу: *«Представлялось крайне желательным немедленно приступить к подготовке рабочей массы и будущей деятельности общества взаимопомощи, тем более что за наступлением глухого летнего времени, когда радикальный элемент обыкновенно оставляет Москву, момент для такого рода совещания казался наиболее благоприятным и безопасным, в особенности, имея в виду необходимость комплектования сильной и многочисленной группы рабочих мирного направления, способной выдержать осенью натиск возвратившихся революционеров»*³⁴¹.

Уже в середине июля аудитории Общества народных развлечений не справлялись с притоком всех желающих послушать лекции о кассах взаимопомощи, и обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов отправил на имя заведующего Историческим музеем Н.С. Щербатова прошение о предоставлении Обществу актового зала: *«...по воскресным и праздничным дням бесплатно, впредь до наступления*

340 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 404. Л. 13.

341 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 801. Ч. 1. Л. 90–91.

периода времени, когда помещение это будет сдаваться для разных надобностей платно. При этом просители заявляют, что собрания свои они будут приурочивать к двум часам дня, чтобы избежать расходов на освещение залы музея»³⁴². Прошение было удовлетворено, и в конце июля совещания Общества вспомоществования рабочих в механическом производстве были перенесены в Исторический музей. На этих собраниях по совету Московского охранного отделения, очевидно, с целью выяснения настроения рабочих масс, лекторы перед каждой лекцией раздавали рабочим заранее отпечатанные вопросные листы, на которых к следующим совещаниям рабочие должны были написать ответы. Эти ответы систематизировались администрацией Общества, в результате чего составлялись небольшие аналитические записки: «Рабочие отмечали, что книгами они пользуются очень мало, вследствие их дороговизны. Читают без всякой системы, что попадает под руку. В частных библиотеках не читают, так как там книги выдаются только под залог, а бесплатных городских читален очень мало»³⁴³.

Из числа агентов С. В. Зубатова были избраны председатель и секретарь собрания М.А. Афанасьев и Ф.А. Слепов. Также были выбраны особые контролеры, которые следили за порядком и дисциплиной: вылавливали рабочих, проникавших на собрания для их срыва, и препровождали в полицию.

Летние сообщения С. В. Зубатова в Департамент полиции отличались неизменным оптимизмом: «*В настоящее время рабочие, придерживающиеся мирной программы, торжествуют победу по всем пунктам. Оставшиеся на свободе, не арестованные рабочие из кружка Дмитриевой и Луначарских стали, несомненно, под влиянием интеллигенции, распускать слухи о провокаторстве Афанасьева и Красивского, но встретили такой единодушный и сильный отпор, что им пришлось смолкнуть. Когда же рабочий Канкорин принёс для раздачи пачку прокламаций из полученного в Москве транспорта, то*

342 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 404. Л. 40а.

343 История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 181.

учредитель общества... (фамилия неразборчиво написана. – С.М.) не только отобрал у него эти прокламации и уничтожил их, но даже его самого хотел побить. Рабочие решили сами учредить надзор за появлением нелегалыщины, которую по обнаружении или уничтожать, или доставлять в Охранное Отделение, не называя тех, у кого они ими отобраны. Во время прений на совещаниях рабочие зорко отличают лиц, кажущихся им подозрительными, и наводят затем о них друг другу справки. Они пришли к удивительному для себя заключению, что самыми плохими ораторами и тупомысленными оказываются рабочие, известные среди своих за социалистов. Кончилась история тем, что такие рабочие или вовсе перестали говорить в виду свиста, или же прекратили свои посещения совещаний. Успехи в обращении на свой путь повели к тому, что рабочие чутко прислушиваются к появлению радикальных голосов и, определив их источник, посылают туда своих начётчиков для контр-пропаганды»³⁴⁴.

Несмотря на отзывы начальника Московского охранного отделения, выдержанные в мажорных тонах, протоколы собраний обществ взаимопомощи рисуют несколько иную картину. К примеру, рабочий Глаголев уже на одном из первых собраний заявил: *«У нас многие рабочие не ходят на собрание потому, что боятся чего то, некоторые распускают слухи, что здесь у страивают ловушку»³⁴⁵*. На это Фёдор Игнатов вполне резонно заметил: *«Какая тут может быть ловушка, когда мы действуем открыто и пресловутая ловушка – есть выдумка невежественных людей..»³⁴⁶* Сам Фёдор Игнатов вызывал у некоторых рабочих раздражение: *«Морозов: Всякий человек считает себя образованным, что же делать, если Фёдору Игнатову фортуна улыбнулась. Ему можно читать газеты и книги, а другому нет возможности доставать их. Да я хоть не читаю газет, а не хуже всякого другого сумею сказать»³⁴⁷*.

344 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 2. Ч. 1. л. Д. Л. 4.

345 История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 196.

346 Там же.

347 История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 197.

Администрация Москвы на первых порах очень пристально следила за характером совещаний и лекций Общества и в случае малейших отклонений от устава немедленно проявляла свое недовольство. В одном из писем руководителю 3-го делопроизводства Департамента полиции³⁴⁸ П.Н. Лемтюжникову С. В. Зубатов сообщал, что генерал-майор Д. Ф. Трепов сделал ему строгое замечание из-за того, что **рабочие уклоняются от данного им разрешения трактовать лишь вопросы, связанные с их будущей кассой взаимопомощи и позволяют себе возбуждать вопросы об обысках и т. д., ничего общего с кассой не имеющие**³⁴⁹. На многих фабриках была распространена традиция обыска рабочих после рабочего дня в целях борьбы с воровством. Нередко это делалось в неотопливаемых помещениях, что вызывало большое недовольство обыскиваемых.

Свою досаду Д. Ф. Трепов объяснил тем, что опасался, *«как бы затрагиваемые рабочими темы не вызвали недовольство среди хозяев, и те не оказали давления на Петербург, способного повести или к отклонению устава, или к такому его резкому изменению, что московская администрация, не удовлетворив данных рабочим обещаний, окажется перед последними в ложном положении**³⁵⁰. С такой постановкой вопроса С. В. Зубатов был категорически несогласен, так как сведение целей собрания лишь к обсуждению кассы взаимопомощи привело бы к нежелательным последствиям. Рабочие, лишенные возможности гласно обсуждать фабрично-заводской быт под руководством компетентных лиц, неизбежно оказывались бы

348 «3-е делопроизводство (секретное) занималось наблюдением за неблагонадежными элементами в России и за границей, их перепиской, связями, наблюдением за партиями, организациями, распространением нелегальной литературы, контролировало деятельность внутренней и заграничной агентуры, охраной царя, высокопоставленных лиц» (Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 25–26).

349 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 404. Л. 36.

350 Там же.

под влиянием партий революционного толка. Как писал С. В. Зубатов, свободные речи рабочих на совещаниях позволяют выяснить их образ и направление мыслей. Он отвергал мнение Д. Ф. Трепова о том, что подавляющая часть фабрикантов негативно относились к проявлению самосознания рабочих: *«Ознакомляясь из газетных отчетов о предметах совещаний, некоторые из хозяев, безо всякого специального ходатайства или просьбы рабочих, на основании лишь внутренней правды трактуемого рабочего вопроса, по собственной инициативе, принимают меры к улучшению быта рабочих. Крупный заводчик Лист установил категорию рабочих, имеющих право уходить с завода без обыска, на не менее крупном заводе Вейхельта вовсе ныне отменен обыск, а громадные по своему производству мануфактуры Пинделя освободили своих рабочих механических мастерских от обычного ранее обыска»*³⁵¹.

Примеры отдельных успехов, приводимые в письме С. В. Зубатову, конечно, не могут скрыть общей картины недовольства фабрикантов деятельностью Общества. Если на начальном этапе существования полицейской рабочей организации в механическом производстве хозяева промышленных заведений открыто не выражали своих претензий, то в дальнейшем всё изменилось.

Однако спор между обер-полицмейстером Д. Ф. Треповым и С. В. Зубатовым на предмет тем обсуждения в Обществе закончился в пользу последнего, результатом чего явилось обращение рабочих в механическом производстве к старшему по фабричным делам инспектору С.П. Чижову: *«...не найдете ли Вы возможным присылать участкового инспектора на наши воскресные совещания»*³⁵². Несмотря на то, что товарищ министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский был согласен с этой идеей (*«Министерство внутренних дел вполне разделяет соображения... по вопросу коман-*

351 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 404. Л. 37.

352 Там же. Л. 46.

дирования фабричных инспекторов на воскресные собеседования рабочих, занимающихся в механическом производстве»³⁵³), великий князь Сергей Александрович признал эту меру несвоевременной, объясняя это тем, что каждый отдельный инспектор мог отвечать только за свой участок, тогда как в Историческом музее собирались рабочие с заводов разных концов города. Очередная попытка охранного отделения через агентов в рабочей среде сблизиться с фабричной инспекцией и проводить совместную политику в рабочем вопросе оказалась неудачной.

К началу осени Московское охранное отделение решило, что его агенты среди рабочих прошли достаточную школу и могут самостоятельно проводить в нужном духе собрания. В связи с этим, наряду с совещаниями в Историческом музее, были узаконены так называемые районные собрания в различных частях города. Так, в районе рязанских мастерских собрания созывались по понедельникам, в Покровском – по вторникам, в Роговском – по четвергам, в Калужском – по пятницам, в Смоленском – по субботам. Для руководства всеми созданными организациями было решено создать Совет рабочих механического производства Москвы. Этому Совету С. В. Зубатов придавал большое значение: «...обладая Советом, мы располагаем фокусом от всей рабочей массы и, благодаря этому рычагу, можем вертеть всей массой так, как нам это необходимо»³⁵⁴. Создание Совета позволило полиции осуществлять правительственную агитацию среди рабочих, а вместе с тем и правительственный надзор за ними. Совет действовал по инструкции, выработанной Московским охранным отделением и утвержденной обер-полицмейстером Д. Ф. Треповым в октябре 1901 г. Целями нового органа были: обсуждение всех вопросов, касающихся рабо-

353 Там же. Л. 54.

354 Бухбиндер Н. А. Зубатовщина в Москве // Каторга и ссылка. № 1 (14). М., 1925. С. 111.

чих механического производства, контакт с профессурой, руководство рабочими для поддержания порядка во время прений, контроль отделений местных совещаний, служащих подготовкой рабочих для Общих собраний³⁵⁵. Совет имел право ликвидировать районные отделения в случае их отклонения от обсуждения положения рабочих. Возглавлял его председатель, руководивший собраниями Совета, назначавший контролеров и допускавший в собрание Совета рабочих, не принадлежащих к числу его членов. В обязанности секретаря входила делопроизводственная часть: ведение протоколов собраний, составление постановлений и докладов. Председателем Совета рабочих в механическом производстве был единогласно избран московский мещанин Кузнечной слободы, модельщик М.А. Афанасьев, секретарем Совета – секретный сотрудник охраны Ф. А. Слепов, уроженец Колченской большой деревни Рязанского уезда.

Деятельность Совета помогала сохранять единство между различными организациями рабочих, находящимися в ведении Департамента полиции на протяжении всего их существования. Постоянный контроль за проведением районных собраний затруднял провокации со стороны революционно настроенных активистов. Завершая данный пункт, следует отметить, что рабочие, опекаемые профессорами и приват-доцентами политической экономики, получали ценнейшие знания по устройству касс потребительских обществ и т. д. По уставу Общества вспомоществования рабочие самостоятельно осуществляли координацию его деятельности, ревизию средств, делопроизводственную работу. На общих собраниях они все вместе обсуждали вопросы, касающиеся жизни Общества или экономического положения трудящихся. Каждый рабочий имел возможность высказаться и указать на недостатки производственного процесса посредством выдававшихся опросных листов. Структура, цели и методы деятельности Общества позво-

355 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 404. Л. 57.

ляют усмотреть в нем зародыш будущих профессиональных союзов. Именно такой характер профессор Озеров и приват-доцент Дэн пытались придать легальному рабочему движению, в то время как правительство было заинтересовано лишь в объединении рабочих на основании просвещения, взаимной материальной поддержки и культурного развития.

Министерство внутренних дел, разрешившее деятельность первых рабочих обществ, опасалось возможных нежелательных результатов развития экономической самостоятельности рабочих. Стремление Общества скоординировать свою деятельность с фабричной инспекцией также не было «благословлено свыше». Внесение поправок в устав Общества механических рабочих существенно ограничивало его возможности, а вместе с тем отняло у некоторых прогрессивных преподавателей желание продолжать просвещение и воспитание рабочих. Сохранилось несколько интересных свидетельств, доказывающих, что сотрудничество преподавателей Московского университета с зубатовскими обществами было кратковременным. В письме главе Особого отдела Л. А. Ратаеву С.В. Зубатов писал 3 сентября 1901 г.: *«Ассистент Московского Университета Альфред Эрнестов Вормс (так в тексте. – С.М.), имевший беседы на помянутых собраниях, получает назначение в Санкт-Петербург и ученую командировку на один год за границу, вследствие чего уже не может более принимать участие в совещаниях означенных рабочих»*³⁵⁶. В декабре 1901 г. агентурным путем было перехвачено эмоциональное письмо И.Х. Озерова от 17 декабря 1901 г.: *«У меня теперь ужасная история. Я связался с нашими рабочими, и это первый опыт в России, что разрешили собрание в 1 000 человек. На собраниях этих происходили споры и тому подобное. Я стою во главе всего этого и руковожу им. Мне казалось, что наше правительство согласно разрешить рабочим торговые союзы, что, однако же, не совсем верно. Все фабриканты против меня восстанавливают Министерство финансов и стараются, чтобы запретили эти*

собрания. Вся революционная партия против такой организации и старается уронить меня в глазах правительства и общества, и печатают против меня пасквилы в иностранных газетах»³⁵⁷.

В 1903 г. профессор П. Г. Виноградов³⁵⁸, также преподававший рабочим-зубатовцам, писал из английского административного округа Тенбридж-Уэльс в Москву своему другу, профессору Вениамину Михайловичу Хвостову: *«То, что вы говорили о возможной деятельности моей в Университете, конечно, очень лестно и заманчиво, но я должен сознаться, что вопрос о возвращении в Москву профессором имеет для меня две противоположные стороны. Мало улыбается мне роль в административной организации, даже самоуправляющейся, при наличности русских политических условий, хотя, конечно, без самоуправления, дело вообще итти не может. Напротив, очень привлекает возможность учить и говорить свободно. И, в конце концов, на подобный же вопрос, заданный мне недавно С. Н. Трубецким, я ответил, что вернусь профессором, когда состоится желательная реформа Университетов, и бывшие товарищи пригласят. Я мог бы быть профессором здесь или в Америке, но нет охоты учить английских или американских джентльменов, и, если условия сложатся слишком неудачно в России, я, вероятно, останусь свободным ученым»³⁵⁹.* Письмо было перлюстрировано.

357 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 229. Д. 1090. Т. 1. Л. 346.

358 Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – историк-медиевист, ординарный профессор Императорского Московского университета. После студенческих волнений и конфликта с министром просвещения Ванновским, в декабре 1901 г. уехал в Англию. Преподавал в Оксфордском университете на кафедре сравнительного правоведения. Похоронен в Оксфорде. Журналом «Исторический архив» опубликованы его письма к П. Б. Струве (1902–1904) и В.И. Вернадскому (1899–1904) (Исторический архив. 2000. № 5; 2002. № 2).

359 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 196. Л. 2.

Сами рабочие не всегда высказывались об обществах взаимопомощи в нужном для полиции духе: «Слепое: Господа, позвольте сказать, что движение наше со временем охватит всю Россию, представьте, им заинтересовались уже в Харькове, Петербурге, Киеве, Смоленске, Туле. Другие города и местечки охватит то же стремление соединиться в общества, которые потом могут объединиться в один огромный союз. Фабриканты и рабочие представляют из себя две различные величины. Капиталисты представляют из себя великана, рабочий – карлика, но когда мы соединимся в Общество, запасемся знанием, то сравняемся с ними... Мы перевесим их своей силой, потому что у них сила – капитал, а у нас – труд и капитал. Не капитал добывает труд, а труд – капитал, следовательно, труд по сильнее капитала»³⁶⁰.

К деятельности С. В. Зубатова, стремившегося с самого начала расширить охват распространения легальных обществ, в правительстве относились недоверчиво. Политика легализации рабочего движения, нашедшая в 1901 г. много сторонников и активистов в среде трудящихся, не была полностью принята и одобрена правительством. Д. Ф. Трепов, энергичный сторонник рабочих обществ в 1902–1903 гг., порой ревниво придирался к любым мелочам. Запрещая обсуждать вопросы, не связанные с кассой взаимопомощи, Д. Ф. Трепов игнорировал сам устав обществ, предусматривавший обсуждение рабочими широкого круга вопросов быта и производственных проблем. Касса взаимопомощи, организованная весной 1901 г., поначалу не получила ни копейки государственных средств. Позицию правительства в первый год активного действия обществ С. В. Зубатова можно охарактеризовать как «сдержанное ожидание». Осенью 1901 г. министр внутренних дел Д. С. Сипягин поручил директору Департамента полиции С.Э. Зволянскому составить записку о легальном рабочем движении, а Сергей Эрастович передоверил ее написание С. В. Зубатову. Л. А. Ра-

360 История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 180.

таев в письме Зубатову давал некоторые пояснения о форме и содержании записки: *«Господин Министр поручил С.Э. составить для него рельефную и полную картину возникновения и развития организации контр-революционного движения среди рабочих в Москве и Минске. Полагая, что никто лучше Вас не может выполнить эту работу, С. З. поручил мне просить Вас составить в возможно скорейшем времени по настоящему делу безличную и объективную записку, в которой ясно и точно обозначить: 1) из чего дело началось; 2) кто в какой мере принимал в нем участие; 3) последовательный ход, т. е. привлечение профессуры и т. д.; 4) общая картина в настоящую минуту в Москве и в Минске. Отдельно приложить маленькую записку об организации нечто подобного среди учащейся молодежи»*^{361,362}.

24 декабря 1901 г. на имя С. В. Зубатова была получена телеграмма от директора Департамента полиции: *«По приказанию Министра прошу командировать в Петербург к 29 декабря Надворного Советника Зубатова для участия в совещании»*³⁶³. Как пишет исследователь Ю.Ф. Овченко, *«целью совещания было обсуждение зубатовского плана создания рабочих обществ. На нем присутствовал помощник начальника Харьковского ГЖУ А. В. Герасимов. На совещании оказалось, что большинство было на стороне Зубатова. Против легализации были директор ДП С. Э. Зволянский и Герасимов. Сопrotивление Зволянского привело к тому, что планы Зубатова не были реализованы»*³⁶⁴.

361 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 404. Л. 270.

362 О записках Зубатова можно прочитать в монографии Овченко Ю.Ф. Охранка и зубатовщина. М., 2017. С. 204–227.

363 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 1. Л. 338.

364 Овченко Ю.Ф. Охранка и зубатовщина. М., 2017. С. 241.

2.2. Распространение инициатив С. В. Зубатова в других городах: деятельность Независимой еврейской рабочей партии в Минске

По примеру созданных в Москве легальных рабочих обществ С. В. Зубатов решил организовать подобные союзы и в других городах. Для распространения апробированного опыта легализации рабочего движения первоначально был выбран Минск, который, как и другие белорусские и литовские населенные пункты, входил в черту оседлости. В Минске преобладала еврейская кустарно-ремесленная промышленность и торговля, что способствовало образованию большого количества ремесленников, кустарей, рабочих мелких предприятий и приказчиков. Чрезмерно низкая зарплата и бесправное положение формировали почву для роста недовольства и подводили трудящихся к оппозиционной борьбе. Рабочее движение, развернувшееся в Минске в 1880-х гг., долгое время находилось под влиянием оппозиционной партии «Бунд»³⁶⁵, формировавшейся по национальному признаку. Партия активно выпускала в Минске листовки и прокламации на еврейском языке, призывая рабочих бороться за свои права.

В 1898 г. представители Московского охранного отделения провели ряд арестов среди членов избранного на первом съезде РСДРП в Минске Центрального Комитета, а также революционных групп рабочего и студенческого движений. В числе арестованных было немало бундовцев. Эти аресты дали возможность С. В. Зубатову узнать адептов еврейского революционного движения и по-

³⁶⁵ «Бунд» – первая политическая партия в России (1897), в 1898 г. участвовала в подготовке I съезда РСДРП в Минске, став частью РСДРП. На II съезде РСДРП делегация «Бунда» выдвинула требование о признании партии единственным представителем еврейского пролетариата, после отказа делегаты заявили о выходе «Бунда» из РСДРП. В 1921 г. юридически закончилось существование «Бунда» в Советской России: ЦК «Бунда» принял решение о самороспуске.

пытаться найти среди них сторонников своей программы. Он прекрасно понимал, что в Минске, в отличие от Москвы, необходимо иметь не просто секретных агентов, а сотрудников, которые бы знали особенности, жизнь и быт еврейских рабочих. Начальнику Московского охранного отделения были необходимы люди, свободно владевшие еврейским языком, ранее принимавшие участие в рабочем движении.

Руководствуясь вышеприведенными нюансами, С. В. Зубатов активно взялся за идеологическую «обработку» арестованных членов партии «Бунд». В записке под заглавием «Профессиональное рабочее движение в Минске», посланной С.В. Зубатовым в Департамент полиции 28 ноября 1901 г., имеются указания на содержание его разговоров с революционерами: *«Беседы о светском идеале христианской монархии, о разнице между верховной властью и правительственной, между центральными органами и провинциальными представителями администрации, о разнородности понятий мирного рабочего движения и революционного, о противоположности интересов первого с интересами агитаторов, доходящей в силу разности стремлений до эксплуатации последними рабочей массы, о неумении крайних элементов воспользоваться в интересах этих масс даже прямыми требованиями закона, наконец, о знакомлении по подлинным документам с практикой московской полиции, об отношении к рабочим в духе принципов, изложенных в записке московского обер-полицейстера на имя его императорского высочества московского генерал-губернатора от 1898 года, оказали ошеломляющее влияние на арестованных, как факты и соображения, совершенно противоречащие их представлениям и понятиям, и среди них оказались лица, решившие твердо вступить на новый путь деятельности»*³⁶⁶.

С. В. Зубатов облегчал арестованным тюремный режим, старался удовлетворить их просьбы, снабжал их литературой из своей библиотеки, давал взаймы деньги, отпускал в город. Вот как он сам описывал общение с Евгенией Гурвич, на момент ареста 36-летней

последовательницей партии «Бунд»: *«Евгения Гурвич треснула. Жалуется, что, ознакомившись в тюрьме с идеями противника Маркса – Бернштейна, у нее закружилась голова, и она чувствует, как весь ее умственный склад расплзается по швам. Довольна, что сидит, так как в таком положении надо самоуглубиться и пересмотреть весь свой умственный багаж... Она подала прошение в Министерство юстиции о разрешении ей теперь же выехать в Сибирь, к Солодухе. В случае запроса, желательно удовлетворить ее ходатайство. Мы ее отправим с нашим человеком и по нашим билетам – даже в первом классе Сибирского поезда. Она такой человек, что на нее обходительность действует смертельнее репрессии»³⁶⁷; «...Женька и та вчера у меня треснула. Не позавидовали бы мне боги, все идет хорошо»³⁶⁸.*

Начитанный, образованный, любезный начальник охранного отделения внушал доверие к себе многих арестованных молодых людей, еще не успевших укрепиться в оппозиционных правительству взглядах. Зубатов писал по этому поводу:

*«...в еврейском движении принимает главным образом участие зеленая молодежь, часто весьма симпатичная, мягкая и отзывчивая, формирующая свои взгляды на литературе 60-х годов и повторяющая революционные зады, причем, будучи до крайности мало осведомлена в политических теориях, будирует и шумит, ссылаясь на беспросветности положения обширнейших кругов беднейших слоев населения...»³⁶⁹ Для придания большего эффекта своим речам Зубатов порой рассказывал «леденящие кровь» истории, в достоверность которых, по-видимому, верил сам: *«Чтобы подготовить к революции людей с малолетства, ребятам стали внушать о зверской натуре правительства, его арестах, пытках и ямах, куда жандармы прячут своих противников. Всех ребят обучали всевозможным конспиративным навыкам. Наконец сделали репетицию: экспромтом**

367 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 2. Л. 266.

368 Там же. Л. 259.

369 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 801. Ч. 2. Л. 19.

влетели к ребятам запротоколированные жандармы с привидениями: некоторые не испугались, а с другими от страха сделалась падающая болезнь... Ребята, обучаясь конспирации, не учились работать и, подрастая, за плохой обученностью не находили места»³⁷⁰.

В результате кропотливой работы, проведенной лично С. В. Зубатовым, бывшие члены партии «Бунд» М.В. Вильбушевич, Ю. Волин, А. Чемерисский стали агентами Московского охранного отделения и были направлены в Минск для создания легальных рабочих организаций.

Наиболее теплые взаимоотношения установились у С. В. Зубатова с Марией Вильбушевич. Некоторые авторы, не подтверждая свою точку зрения ссылками на источники личного происхождения, утверждают, что Зубатов полюбил Марию, а она, в свою очередь, не осталась равнодушной к нему³⁷¹.

370 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 3. Л. 295.

371 Например, Мучник А. в статье «Зубатовщина и евреи» пишет: *«Здесь нужно учитывать, конечно, и то, что Вильбушевич по-женски самым сержнейшим образом увлеклась Зубатовым, а затем, не встретив желанного отклика от женатого мужчины, крайне критически настраивала себя, хотя деловое сотрудничество Вильбушевич с Зубатовым продолжалось вплоть до увольнения Зубатова со службы. <...> Зубатов не забыл свою любимую женщину и писал ей письма в Палестину. Последнее письмо датировано 1916 годом. Разочарованный жизнью бывший жандармский полковник писал, что “не может находиться наедине со своей измученной душой”»* сайт «Еврейский обозреватель». URL: <http://jew-observer.com/stranicy-istorii/zubatovshhina-i-evrei-2/>; Володин М. Любовь под знаком Сиона... URL: <https://blog.t-s.by/2015/09/lyubov-pod-znakom-siona/> и др.

На открытке написано рукой Вильбушевич: *(Конспирация – самая прекрасная вещь в мире)*

Переписка косвенным образом доказывает симпатии молодой Вильбушевич к начальнику Московского охранного отделения. В 1900 г. она писала Зубатову: *«Что касается самой работы, Вы, как человек, для меня безразличны. Вы, может быть, и будете великим двигателем рабочего движения, но не будь Вас, оно все равно должно*

пойти по новому мирному пути. Но я с Вами связана другими нитями. Вить предателем честный человек может только тогда, если он попадет в руки честного человека»³⁷².

и — Возмать. Мы
отправимся к Толд.
просидим до 5 утра
и потом поспим
ваше предложение
помиримся.
Положим, Вендетта
Филиппе за бедствие
мало отсудит себе
разрешает до гроба
дворных работ
статьи за старую
судебную работу
они заработают
судам по, что семейная
господь работ просят
во славу, терпеть их
до послания, ввиду.

954

не забывайте также
профессию, о которой
никогда не забывай
К. Н. отправит билет
на вокзал. Держите
свои планы неустойчиво
столькими: Нужно
организатор не только
хороший, но и укоря-
ющий и осуждающий
эту ситуацию. Нужно
заботиться о курсах, о
лекциях. Реальность имеет
стадийное развитие
в отношении к себе
белыми и желтыми
или другими линиями
отражает от мысли
то не дается, а это
иногда дает достояние

Письмо М. В. Вильбушевич Г. И. Шаевичу от 18 ноября 1902 г

Зубатов, в свою очередь, ходатайствовал о лечении мамы Вильбушевич, перенаправляя ее прошение в Министерство внутренних дел: «По поводу прошения Сары Вильбушевич могу сказать следующее. Возможность такого инцидента (так в тексте. – С.М.) мы рассматривали с М. во время еще нахождения ее под стражей. С одной стороны, ей страшно не хотелось ехать за границу, так как she могло загубить всю нашу с ней контрпропаганду, а с другой – пугала мысль явиться убийцей матери, без нее ни за что не желающей ехать за границу, которая ей необходима за усиливающейся чахоткой. Но

думаю и так: поехать на некоторое время, а затем подмениться сестрой, которая замужем, но бездетна и живет в Танненбауме»³⁷³.

Зубатов высоко ценил агентурные возможности Вильбушевич, неизменно пересылал ее письма товарищу министра внутренних дел князю П.Д. Святополк-Мирскому: «Получил и пересылаю, в подлиннике, Вам письмо М., полное высокого интереса, прося, по миновании надобности, вернуть его мне. Самое характерное – это сионизм, который, кажется, Вас ни мало не интересовал. Расставшись, с моих слов, с интеллигентным предрассудком о непримиримой ненависти Самодержавия к рабочим, вступив в рабочее дело на легальную почву и видя, что демократизм, видящий венец свой в политической свободе, “жиду ничего не дал”, мои приятели бросили политику и увенчали свою легальную работу национальным идеалом. Это ли не выигрыш для нас. Это ли не примиряет нас с еврейством»³⁷⁴.

Вильбушевич присылала характеристики на представителей революционного движения в ее родном Гродно и в Вильне, а также обращалась к Зубатову с просьбами: «Ее вы трогать не должны (речь о Гурвич. – С.М.). Разве Вы не понимаете, что она откажется от разговоров с Вами. Хватит с нее 20 месяцев прошлого дела... да будущая Сибирь. Ведь не мстить же Вы собираетесь за свою личную обиду. Вы выше мести и мелких дрязг. Оставьте. Выпустите ее, и этим вы больше сделаете, чем продержав год и доведя ее до белого каления»³⁷⁵. Позволяла себе Вильбушевич и критику: «Говорила с Вайсом. Он с пеной у рта произносит Ваше имя, и какой он фанатик идеи. Мне было больно за него, за его хорошую душу, за изломанную жизнь, которую Вы ему готовите»³⁷⁶; «...Вы, разговаривая с нами всеми, сделали одну великую ошибку. (Впрочем, может быть, Вы нарочно этого хотели добиться, я не знаю.) Вы рассказали каждому

373 Там же. Л. 268.

374 Там же. Л. 282.

375 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 2. Л. 265.

376 Там же.

все, что касается всех остальных. Приехав обратно в Минск, они начали вслух сплетничать друг о друге, и в итоге получилась такая мерзость, такая грязь, столько озлобления друг против друга и всех против Вас, столько лжи, клеветы и гадости...»³⁷⁷

Когда в 1902 г. начальник Одесского розыскного отделения подполковник Критский проявлял беспокойство в связи с тем, что в доме на Тираспольской улице поселилась Мария Вильбушевич, на запрос от его имени был получен ответ от исполняющего должность директора Департамента полиции

А. А. Лопухина: «Деятельность Вильбушевич мне и Графу Шувалову лично известна. Окажите Вильбушевич, в случае надобности, полное содействие»³⁷⁸.

Большую работу Вильбушевич проделала и в Минске. Впервые новые секретные сотрудники полиции в Минске проявили себя летом 1900 г., когда организовали кружок, выступавший с резкой критикой политической и подпольной деятельности «Бунда» и призывавший рабочих начать легальную борьбу за хлеб и знания. Агитация новообразованного кружка вызвала большое неудовольствие подпольных организаций партии «Бунд». Практически сразу бундовцы выступили с резкой листовкой против С. В. Зубатова и его сотрудников.

Летом 1901 г. в Минске был выпущен манифест об образовании Независимой Еврейской Рабочей Партии (НЕРП, иногда НРП). В этом манифесте содержалась критика «Бунда» за то, что он *«приносит в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые ему в настоящее время чужды, игнорирует в своей экономической деятельности многие, безусловно, полез-*

377 Там же. Л. 213.

378 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 3. Л. 312.

ные для рабочей массы мероприятия и навязывает свои политические взгляды и стремления»³⁷⁹. «Бунд» обвинялся в том, что развивает в рабочих односторонность, ограждает их от небундовских взглядов и, таким образом, вносит в рабочую массу дух умственного порабощения. Тем не менее в манифесте отмечались позитивные стороны деятельности «Бунда»: «...исполнил великую историческую миссию, развил дух недовольства своим экономическим положением в рабочем классе, но когда это достигнуто, и вся рабочая масса стремится в организации, сделалось невозможным держать экономическую и культурную деятельность в политических тисках “Бунда”»³⁸⁰.

Одновременно с манифестом была сформулирована программа НЕРП. Главной целью партии объявлялось поднятие материального и культурного уровня еврейского пролетариата посредством легальных культурно-экономических организаций. На практике эта цель сводилась к созданию разнообразных касс, клубов, ассоциаций, к развитию среди рабочего класса научных и профессиональных знаний и к воспитанию его для коллективной жизни. Программа партии не включала в себя никаких политических целей. В то же время в ней содержался пункт, который явно не уязвлялся с предыдущими и последующими: «*Партия объединяет для экономической и культурной работы рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых*»³⁸¹. Данная мера была направлена на то, чтобы в легальные организации вступало как можно большее число рабочих. Однако привлечение в движение последователей «всяких политических взглядов» априори представляло опасность для дела аполитизации рабочих масс. Последний пункт программы НЕРП декларировал ее демократическую организацию, т. е. управление не сверху, а снизу. Это явно не соответствовало действительности, так как легальное рабочее движение могло

379 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 63.

380 Там же. Л. 64.

381 [Http://istprof.ru/1651.html](http://istprof.ru/1651.html) (дата обращения: 22.04.2018).

развиваться только при содействии административного ресурса в лице органов полиции и поддержке определенных кругов правительства.

Члены рабочих обществ, аффилированные с НЕРП, были обязаны проводить широкую разъяснительную работу, доказывая своим слушателям вредоносность революционного движения. Во всех своих действиях представители Независимой партии должны были руководствоваться указаниями органов власти. Как писал С. В. Зубатов, *«чтобы создать противодействие революционерам, я посоветовал поднять агитацию среди Сионистов, чтобы они из филантропии обратили внимание на рабочих и вырвали их из подлых рук агитаторов. Как боятся революционеры нашей тактики, сионистов и идей Бернштейна, можно видеть из нелегальной литературы»*³⁸².

Независимцы устроили активную агитацию среди приказчиков и ремесленников Минска, что вызвало подозрение местной полиции. За партией было установлено наблюдение, а через некоторое время подполковник Молчанов послал в Департамент полиции донесение следующего содержания: *«Совершенно агентурным путем мною получены указания, что в последнее время в городе Минске образовался подпольный кружок – Еврейская Независимая Рабочая Партия. Эта организация на гектографе выпустила свою программу и письмо, причем эти издания отгектографированы параллельно на русском и еврейском языках в два столбца. Во главе кружка стоит некая Мария Вильбушевич, около года тому назад привлекавшаяся к дознанию и проживавшая некоторое время по освобождению из-под стражи в Москве... Организация эта будто бы имела даже одно публичное собрание под видом вечеринки...»*³⁸³

Более осмысленное начало деятельности минского легального рабочего движения следует относить к моменту установления

382 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 538. Ч. 3. Л. 296.

383 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 62.

тесного контакта С. В. Зубатова с начальником минского губернского жандармского управления Н.В. Васильевым. В письме в Департамент полиции от 27 июля 1901 г. С. В. Зубатов пишет: *«В конце апреля минувшего года мне удалось лично познакомиться с проезжавшим через Москву начальником Минского губернского жандармского управления Н. В. Васильевым и в следующие приезды его сблизиться на почве тождественного понимания современного так называемого рабочего движения»*³⁸⁴. Он характеризовал Н.В. Васильева как человека, отличающегося сообразительностью, большой энергичностью, полным сознанием серьезности своего служебного положения и авторитетности жандармского мундира. По представлениям С. В. Зубатова, именно такой офицер мог возглавить легальное рабочее движение в Минске. В поддержку Н.В. Васильева говорил и тот факт, что он установил прекрасные отношения с минским губернатором князем Н.Н. Трубецким, которому были подведомственны чины полиции, следившие за соблюдением Ремесленного устава, регулирующего производственные отношения между ремесленниками и хозяевами предприятий. Помимо всех вышеперечисленных достоинств начальника минского ГЖУ, С. В. Зубатов отмечал его поразительное умение располагать к себе рабочих: *«.. рабочие понимают, что рабочее движение к конституции не относится, а может идти своим путем при всяком государственном строе, и в них развилась такая охота бегать к полковнику Васильеву, по выражению революционеров, за подачками, что приходится сдерживать их почти силой»*³⁸⁵. Он же писал: *«...имею честь препроводить... копию с последней минской прокламации, которая в крайне обиженном тоне и бранных выражениях обсуждает тактику полковника Васильева за последнее время. Очевидно, что усвоенные полковником Васильевым приемы поражают нелегальную деятельность в*

384 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 28.

385 Там же. Л. 29.

*самое чувствительное место и вызывают в революционерах опасения за свои успехи в будущем среди широкой рабочей массы»*³⁸⁶. Таким образом, уже с июня 1901 г. НЕРП в Минске получила влиятельного заступника в лице полковника Н.В. Васильева.

В числе первых мер, принятых Н.В. Васильевым в поддержку НЕРП, были содействие в проведении общих собраний партий, собраний местных советов по цехам, а также организация лекций для еврейских рабочих. При непосредственном участии начальника минского ГЖУ устраивались литературно-вокальные утренники с хором из самих рабочих. Нередко Н.В. Васильев лично посещал собрания и даже выступал с речами, в которых доказывал вред революционной мысли и призывал рабочих не слушать политические речи оппозиционеров, а доверять своим руководителям, которые заботятся об их материальном благосостоянии.

Активизация деятельности агентов Московского охранного отделения, пользующихся неограниченной поддержкой Н.В. Васильева, имевшего связи в администрации города, довольно быстро принесла свои плоды. К 10 июля 1901 г. представители четырех главных ремесел города – столяры, слесари, переплетчики и щетинщики – заинтересовались легальными организациями. С. В. Зубатов направил в Департамент полиции донесение, в котором содержалась рекомендация *«не приурочивать минскую ликвидацию к определенному моменту, так как при быстроте хода событий она или не заставит себя долго ждать или, в случае действительно благоприятного для нас оборота дела, окажется излишней»*³⁸⁷. По сведениям начальника Московского охранного отделения, революционное движение в Минске в июле 1901 г. представляло собой разрозненные группы растерянных людей, забывших о конспирации. Промедление в их аресте было необходимо для выявления законспирированных центров.

386 Там же. Л. 44.

387 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 54.

Успешные действия независимцев в Минске подтверждаются содержанием листовок, разбросанных там от имени Всеобщего еврейского союза Литвы, Польши и России. «Летучие листки» и всевозможные прокламации «Бунда», изданные в июле 1901 г., передают атмосферу озлобленности и отчаяния, царящую в революционных кругах, как реакцию на успешные действия НЕРП. В этих воззваниях особое внимание уделялось личности начальника минского ГЖУ: *«Совсем недавно мы выпустили прокламацию о разбойнике Васильеве, пожирающего рабочих, недавно в нас кипела кровь при воспоминаниях об опустошениях, которые Васильев совершил в наших рядах. <...> С какой жестокостью он преследует всякое свободное движение среди рабочих, сколько человек он сделал несчастными среди нас, с каким удовольствием он давит и мучит нас, прижимает нас до земли, топчет нас ногами»*³⁸⁸. С именем полковника Н.В. Васильева революционеры связывали понятие самого низкого жандарма, который не давал им свободно дышать посредством нагаек и побоев. Стоит заметить, что такая оценка из уст членов партии «Бунд» была лучшей похвалой розыскным способностям начальника минского ГЖУ.

В то же время бундовцы не могли не заметить изменений, произошедших в тактике полиции относительно борьбы с революционным движением: *«Теперь мы должны говорить о Васильеве, как о друге рабочих, который заботится об их интересах, является их отцом и покровителем, о Васильеве – добром ангеле, который то и дело заботится о горькой судьбе рабочего»*³⁸⁹. Авторы листовок призывали не верить любым действиям органов власти, так как они продиктованы страхом правительства перед рабочим движением, классовым самосознанием пролетариата. Правительство однозначно объявлялось врагом бедных рабочих и другом всех богатых и сильных.

388 Там же. Л. 45.

389 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 45.

Полемичный задор и привычная риторика агитаций подобных воззваний не могли скрыть серьезных опасений лидеров партии «Бунд» за будущее оппозиционных правительственных сил. К великому для них сожалению, действительность довольно сильно отличалась от бравурных прокламационных речей о мощи, силе и размахе революционного движения. Отдельные члены «Бунда», скорее всего, по собственной инициативе, начали готовить покушение на своего главного ненавистника – начальника ГЖУ Н.В. Васильева. 15 июля Московское охранное отделение получило из Минска корреспонденцию, где сообщалось о задержании некоей девушки, пытавшейся убить Н.В. Васильева: *«...девица с рыданиями созналась, что приехала в Минск убить полковника; в Минске она живет уже несколько недель, несколько раз покушалась, но ей все не удавалось»*³⁹⁰. В депеше также сообщалось, что, по данным из проверенных источников, в ближайшее время может быть совершено покушение и на самого С. В. Зубатова. Эта информация повлекла за собой принятие мер по обеспечению безопасности начальников Московского охранного отделения и минского ГЖУ. Террористические устремления некоторых активистов «Бунда» свидетельствовали об удачной деятельности органов полиции по организации легальных рабочих обществ в Минске.

С появлением в городе НЕРП стачки начали заканчиваться желательным для рабочих исходом. В июне 1901 г. забастовали столяры, протестуя против чрезмерного по длительности рабочего дня и недостаточной заработной платы. В забастовке впервые приняли участие члены Независимой партии, действия которых контролировал лично Н.В. Васильев. По свидетельству С. В. Зубатова, описывающего эту акцию в письме к начальнику Особого отдела Л. А. Ратаеву, *«стачка столяров окончилась благоприятно для рабочих, так как, услышав о приготовлении к ней, 2/3 хозяев по собственной*

390 Там же. Л. 55.

инициативе восстановили нормальный рабочий день»³⁹¹. После стачки столяров представители Независимой партии приняли участие в выступлениях рабочих слесарных цехов и приказчиков. Последние были недовольны тем, что владельцы магазинов, в которых они работали, неоднократно обвиняли их в воровстве, не предъявляя никаких доказательств. По этому поводу было созвано открытое собрание приказчиков, на котором Н.В. Васильев выступил с речью, разъясняющей преимущества легального движения и организации. Через некоторое время Независимая партия выпустила специальный листок «К приказчикам», содержащий краткие выводы речи начальника минского ГЖУ.

Как и в Москве, меры, предпринимаемые Н.В. Васильевым и НЕРП, вызвали сильное недовольство со стороны фабрично-заводского управления. Различные инстанции стали получать жалобы и доносы на главу ГЖУ. В этой ситуации Н.В. Васильев решил пригласить хозяев к себе в управление для урегулирования спорных вопросов. Долгое время представители торгово-промышленного сословия игнорировали его приглашения. Даже после того, как Н.В. Васильев обязал их явиться подпиской, на встречу пришло всего 30 человек. С. В. Зубатов описывает этот важный разговор следующим образом: *«Он обратился к ним с внушительной речью. Они слушали его и отмалчивались. На вопрос полковника Васильева хозяевам, чего они хотят, на что они согласны и на что нет, не было ни одного согласного ответа, все 30 хозяев противоречили друг другу, и каждый опровергал мнение своего конкурента»³⁹².*

Диалог начальника ГЖУ с приглашенными хозяевами продолжался довольно длительное время, но в итоге стороны так и не смогли прийти к единому мнению по обсуждаемой проблеме. Через неделю Н. В. Васильев снова вызвал владельцев торгово-промышленных заведений для обсуждения текущего положения ве-

391 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 33.

392 Там же. Л. 34.

щей. На этот раз он предметно обрисовал перспективы углубляющегося конфликта между промышленниками и рабочими и заявил, что, по его мнению, без принятия срочных комплексных мер ситуация может выйти из-под контроля. В соответствии с директивами, получаемыми из Московского охранного отделения, Н.В. Васильев убеждал хозяев, что без частичного удовлетворения экономических требований рабочих невозможно стабилизировать обстановку и погасить зарождающееся забастовочное движение. Несмотря на разумность доводов и красноречие начальника ГЖУ, большая часть промышленников не вняла его речи и решительно стояла на своем. Для них даже малейшие уступки требованиям рабочих были чреваты существенными финансовыми потерями и снижением объема производства. Кроме того, они опасались, что повышение заработной платы и уменьшение рабочего дня повлечет за собой новые претензии со стороны трудящихся. Таким образом, по представлениям промышленников, соблюдение интересов рабочих должно было в дальнейшем поставить их в зависимость от требований забастовщиков. Фабриканты настаивали на ужесточении полицейского надзора за неблагонадежными элементами в рабочей среде, а также направлении войск на подавление стачек. Стратегия С. В. Зубатова, реализующаяся в действиях Н.В. Васильева в Минске, в корне противоречила взглядам торгово-промышленного сословия на урегулирование назревавшего конфликта между трудом и капиталом. В данный исторический момент компромисс между полицией и заводчиками был невозможен.

Неудачные переговоры Н.В. Васильева с владельцами торгово-промышленных заведений не повлияли на успешное развитие деятельности НЕРП в Минске. После того как прошли стачки в столярном и слесарном ремеслах, активисты НЕРП организовали систематические нелегальные собрания рабочих по субботам, а иногда даже по будням. Чаще всего такие встречи проходили в лесу, так как в июле 1901 г. независимцами еще не было получено

официального разрешения собираться в клубах или на частных квартирах.

Уровень образованности большинства рабочих признавался удручающе-низким, вследствие чего многие из них не были способны в ответ на запрос администрации НЕРП сформулировать, какие у них были проблемы. Всё это, по мнению лидеров НЕРП, затрудняло работу администрации, так как ее сотрудникам приходилось не только содействовать удовлетворению справедливых желаний, но тратить силы и время еще и на выяснение этих желаний. Слабая обратная связь с рабочими порождала сложную, беспокойную и кропотливую работу органов местной власти, помочь которой могли агенты Московского охранного отделения.

Успешные действия Независимой партии провоцировали бундовцев на проявления активности, что существенно облегчало мероприятия полиции по выявлению центров революционной молодежи и разоблачению законспирированных квартир социал-демократов. В августе 1901 г. на улицы Минска было выброшено беспрецедентное количество революционных воззваний, содержащих гневные разоблачения Независимой партии, традиционную «критику» Н.В. Васильева, а также попытки дискредитировать органы правительственной власти. В отчете для Особого отдела начальник Московского охранного отделения прокомментировал очередную публикацию революционных прокламаций в Минске следующим образом: *«Августовские воззвания Минского социал-демократического Комитета как нельзя лучше доказывают, насколько чувствительно и невыгодно для революционных происков “Бунда” новое течение в рабочем движении и, в частности, деятельность НЕРП»*³⁹³.

Таким образом, зарождение легального рабочего движения в Минске проходило в нелегальных условиях. Это было связано с

тем, что Департамент полиции наблюдал, каких успехов новообращенные агенты добьются без его помощи. Если бы М.В. Вильбушевич и ее соратники не смогли своей пропагандой привлечь внимание бундовцев, то эксперимент был бы признан неудачным и без лишней огласки закончен. Кроме того, изначальная поддержка полиции могла отпугнуть от легального движения многих рабочих. Так как «Бунд» к 1900 г. был популярен в среде рабочих, неудивительно, что основной упор пропагандистских усилий «независимцев» был направлен против этого революционного сообщества. Выгодным для агентов С. В. Зубатова был и тот факт, что в конце XIX в. «Бунд» переживал очевидный раскол между сторонниками социал-демократического направления и приверженцами теорий экономизма. В расчете на последних и была организована НЕРП. С самого начала своей деятельности Независимая партия имела ярко выраженную антибундовскую направленность. С этим связана довольно примитивно составленная программа партии. Агрессивно выступая против «Бунда» и последовательно опровергая положения союза, независимцы в то же время не заботились о том, чтобы выработать свою программу, способную объединить рабочих. Рекомендации С. В. Зубатова из Москвы мало помогали, так как он не отличался хорошим знанием специфики еврейского рабочего движения. Фактически Зубатов направлял лидеров НЕРП в Минске дистанционно, решая общие вопросы, оставив устранение конкретных проблем в сфере полномочий своих агентов. Тот факт, что начальник минского ГЖУ Н.В. Васильев, имеющий связи в администрации города, возглавил деятельность НЕРП, придало легальному рабочему еврейскому движению официальный статус. Начальник ГЖУ энергично повел дело борьбы рабочих за свои права. С его появлением инициативы НЕРП получили ту осмысленность, которой им так не хватало до легализации партии. Рабочие переключились с непрерывного бичевания бундовцев на защиту собственных прав. Как следствие, активисты Независимой партии возглавили забастовки столяров, слесарей и приказчиков,

закончившиеся благоприятным для рабочих исходом. С. В. Зубатов, впоследствии отрекавшийся от стачечного движения, с удовлетворением воспринял итоги этих выступлений.

Минские рабочие гораздо интенсивнее московских организовывались в легальные общества и союзы. Это было связано с тем, что пропаганда идей С. В. Зубатова в Юго-Западном крае шла гораздо агрессивнее, чем в Центральной части России, так как вдали от столицы, где власти могли «под микроскопом» рассматривать деятельность рабочих обществ, условия более благоприятствовали легализации. Однако первые успехи независимцев предопределили дальнейшие их провалы. Как и в Москве, лидеры НЕРП пренебрегли возможностью договориться с представителями фабричного и заводского руководства до начала эксперимента. Заручившись поддержкой начальника ГЖУ, а также губернатора Н. Н. Трубецкого, они могли бы организовать комиссию по решению рабочего вопроса, на заседания которой были бы допущены фабриканты. «Профилактические» переговоры с владельцами промышленных заведений могли бы оказаться гораздо полезнее, чем общение с фабрикантами по факту уже начавшихся стачек.

Организация НЕРП в Минске столкнулась с теми же проблемами, что и московские общества взаимопомощи: авторитетный руководитель Н.В. Васильев, «минский Зубатов», без систематической поддержки со стороны вышестоящих инстанций испытывал большое количество затруднений в развитии политики легализации рабочего движения.

Активизация работы бундовской типографии была вызвана тем, что в последний летний месяц 1901 г. НЕРП получила официальное разрешение властей на проведение партийных собраний. Минские газеты начали публиковать регулярные отчеты о собраниях, проводившихся членами движения. 19 сентября 1901 г. столичная газета «Новое Время» напечатала первую статью, описывающую собрание рабочих столярных цехов: *«25 августа в Минске состоялось собрание еврейских рабочих столяров. Присутствовало до*

400 рабочих. После того как некоторые ораторы обрисовали бедственное положение рабочих столярного цеха, председателем был поставлен вопрос о средствах повышения материального и культурного уровня столяров. Собрание высказалось за устройство клуба и выбрало комиссию из 11 человек для выработки проекта устава клуба и для созыва второго собрания»³⁹⁴. Вслед за организацией столяров были структурно оформлены общества слесарей, щетинщиков и переплетчиков.

Газетные публикации осени 1901 г. могут быть дополнены радостными сообщениями агента московской полиции М. В. Вильбушевич, писавшей на имя С. В. Зубатова: «У нас все так наладилось и так далеко пошло, что во мне, пожалуй, и больше надобности нет. Собрания рабочих проходят прекрасно. <...> Получено разрешение собираться всем ремесленникам Минска на частных квартирах, только каждый раз нужно заявить в участке за несколько часов, что в таком-то месте будет собрание»³⁹⁵. Помимо собраний по отдельным ремеслам, рабочие всё чаще приглашались на общие литературные вечера, проходившие в просторной зале «Париж», вмещавшей до 1 000 человек³⁹⁶. Как и в Москве, организовывались семейно-танцевальные вечера, поощрялось творчество самих рабочих. По согласованию с минскими властями была образована комиссия из рабочих, которая следила за соблюдением 12-часового рабочего дня и, в случае его нарушения, оповещала полицию для составления протокола.

Принятие вышеозначенных мер способствовало привлечению в НЕРП большого числа рабочих. М. Вильбушевич восторженно писала об этом: «Публика так воспиталась, что отбросила все предрассудки, самым милым образом сговаривается с властями и совсем забыла о своем еще очень недавнем отвращении к правительству. Каменщики почти все наши, переплетчики тоже. Слесаря всей

394 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 65.

395 Там же. Л. 74.

396 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 30.

душей; столяров половина; приказчиков половина; жестяники почти все. <...> Мы ожидали, что компания перебродит, поволнуетя, погогочет и вернется, но вернется уже совсем нашей. Так и случилось. С НРП теперь считаются, как с силой...»³⁹⁷ Так же как и С. В. Зубатов, М. Вильбушевич в лестных тонах характеризовала полковника Н.В. Васильева, принимавшего самое непосредственное и живое участие во всех мероприятиях НРП. Под ее пером Н.В. Васильев удостоивался таких эпитетов, как *«самый нужный и деятельный человек, превзошедший самого себя, чрезвычайно последовательный, удивительно схвативший дух движения»*³⁹⁸. Помимо благожелательных отзывов о работе НРП в Минске, в письме М.В. Вильбушевич обращает на себя внимание одна характерная особенность. Перечисляя успешные действия независимцев, она весьма пренебрежительно отзывалась о силах, находящихся на противоположном политическом фланге. Однако социал-демократы в 1901 г. достаточно активно проявляли себя: продолжались акции по разбрасыванию прокламаций; в различных социальных слоях общества непрерывно велась революционная пропаганда; было осуществлено очередное покушение на Н.В. Васильева. Заявление М. Вильбушевич о том, что *«демократическая интеллигенция для нашего движения вещь почти безвредная, и все мы относимся к этому весьма хладнокровно»*³⁹⁹, явно не соответствовало действительности. Подобные настроения разделялись и остальными лидерами НРП, что в дальнейшем стало одной из причин провала партии.

В субботу 20 октября состоялся рабочий вечер – грандиозный праздник Независимой партии. На нем присутствовало около 1500 рабочих – такой результат был достигнут впервые. По сообщению М.В. Вильбушевич, члены «Бунда» всю неделю до проведения праздника собирались на квартирах и в чайных и агитировали против него, сжигая купленные на вечер билеты. Помимо этого они

397 Там же. Л. 74.

398 Там же. Л. 75.

399 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 75.

распространяли ложные слухи о том, что пятаки, которые взи­мались с билетов, поступят в распоряжение полковника Н.В. Васильева. Все действия социал-демократов по срыву мероприятия ока­зались неудачными. Проведение такого масштабного торжества НЕРП имело важное значение и позволило С. В. Зубатову в записке на имя Особого отдела выразить уверенность в том, что *«если только правительство теперь не испугается да не возьмет данного назад, то оно сделает громаднейший переворот по всей России»*⁴⁰⁰. Благодаря событиям в Минске, Зубатов был настроен оптимистич­нее, чем когда-либо. К этому временному отрезку относится и его предложение созвать *«съезд жандармских чинов, где бы они получили надлежащую инструкцию, как держать себя по отношению экономи­ческого движения, а в особенности во время стачек»*⁴⁰¹. Это предло­жение, не получившее сочувствия и одобрения в правительствен­ных верхах, было направлено на то, чтобы распространить опыт легализации рабочего движения в Москве и Минске на остальные губернии страны.

Оптимизм С. В. Зубатова подкреплялся положением НЕРП в Минске. После легализации партии, организации еженедельных собраний рабочих различных отраслей производства и проведения праздников фабрикантам стало значительно сложнее противостоять деятельности независимцев. Требования главы ГЖУ Н.В. Васи­льева о прекращении стачек на заводах путем уступок рабочим с октября 1901 г. исполнялись большинством промышленников, что способствовало расширению социальной базы для поддержки эконо­мического движения.

С конца 1901 г. деятельность Независимой партии стала при­нимать более значительный масштаб по всем направлениям. Уве­личилось количество выпускаемых партией листовок, конкуриро­вавших с листовками «Бунда» и эсеров. Кроме того, независимцы стали вести культурно-просветительскую работу на еврейском

400 Там же. Л. 82.

401 Там же. Л. 82.

языке. Они нашли еврейского лектора, который, с разрешения жандармского управления, согласился читать лекции еврейским рабочим на их родном языке, обещая не касаться вопросов политики. Эти лекции имели большой успех, так как были единственными в городе, читавшимися на идише. Однако представители революционных сил, раздосадованные позитивными для Независимой партии результатами, стали угрожать профессору, после чего лекции прекратились.

Легальная культурно-просветительская работа была задумана широко: известно о желании лидеров НЕРП организовать издание научной литературы и газеты на еврейском языке. Зубатов писал по этому поводу в Департамент полиции: *«Опять и опять пришлось убедиться, что не только рабочие, но и сами пропагандисты ничего не читают и не следят за новейшей литературой, веря, что Правительство не пропустит ничего хорошего. Дал сто рублей, прося купить на жаргоне и по-русски лучших легальных книг и этот транспорт доставить на место, занявшись его распространением»*⁴⁰².

В конце 1901 – начале 1902 г. на общеремесленных собраниях был выработан проект устава Общества ремесленных рабочих, который был выслан в Петербург на утверждение. Этот документ содержал в себе информацию по структуре НЕРП. Каждый ферейн (союз) партии был автономен в своей внутренней работе и управлялся правлением, выбранным общим собранием – так называемым Ремесленным Советом.

Ремесленный Совет разбирали все недоразумения, возникавшие в разных мастерских, заведовал библиотекой, которая имела почти в каждом ремесленном производстве, устраивал чтения, курсы, вечера для рабочих каждой отрасли. Для решения какого-нибудь важного вопроса, имеющего значение для всего ремесла, созывалось общее собрание, которое решало вопрос про-

стым большинством голосов. Каждый член ферейна имел право голоса на общих собраниях и был обязан еженедельно вносить в стачечную кассу сумму, утвержденную правлением ремесленного производства. В то же время каждый рабочий мог самостоятельно выбирать форму участия в жизни своего ферейна. Членство в различных клубах, кассах взаимопомощи и благотворительных обществах было добровольным.

Каждый Ремесленный Совет избирал из своей среды одного или нескольких представителей в комитет партии, состоявшей из представителей ферейна и деятелей из числа интеллигенции. В профессиональных делах каждого союза комитет партии имел исключительно право инициативы и совещательный голос. В вопросах же партийных, имеющих значение для всей партии, решение комитета было обязательным для каждого ее члена. Комитет рассматривал обращения ферейнов во всех затруднительных случаях и был обязан по возможности удовлетворять требования членов ремесленного союза. Комитет устраивал общие собрания, общие курсы, библиотеку, поддерживал составление партийных рефератов, издавал партийную литературу. Взаимодействие между Ферейнами осуществлялось только через партийный комитет. Средства комитета состояли из ежемесячных отчислений в размере 10 % дохода каждого ферейна, а также из добровольных пожертвований.

В состав всех Ремесленных Советов входили верные полиции люди, которые регулярно сообщали в ГЖУ о настроениях рабочих. Декларировавшаяся самостоятельность ферейнов была ограничена полным контролем со стороны комитета партии, первые роли в котором играли передовики агентуры С. В. Зубатова – М.В. Вильбушевич, А. Чемерисский, Ю. Волин, Г. Шаевич, И. Гольдберг и др. Правления ферейнов, осуществлявшие негласный надзор за рабочими, пользовались с их стороны большим уважением и доверием. *«На квартиру ферейна рабочие являлись ежедневно за советами и*

справками с просьбами, жалобами и предложениями санкционировать стачку либо взять на себя щекотливые переговоры с хозяевами»⁴⁰³.

Успешная деятельность НЕРП находила соответствующий отклик в Москве. Начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов с большим интересом следил за работой своих минских агентов, оказывая им всяческую поддержку и практическую помощь. Когда минские лидеры независимцев в очередной раз пожаловались ему на то, что частые аресты в Минске подрывают доверие рабочих и ремесленников к их партии и самому правительству, С. В. Зубатов написал на имя директора Департамента полиции С.Э. Зволянского следующее: *«Вся практика социал-демократического движения в Минске и его теперешнее состояние доказывает, что сила, способная бороться с ним, – не в арестах. Единственная сила, способная подорвать в корне революционную деятельность, есть легализация экономического рабочего движения. В настоящее же время бороться с деятельностью социал-демократов может только НЕРП, которая, благодаря устраиваемым ею легальным собраниям, приобрела громадное влияние на массу. Каждый забираемый НЕРП у социал-демократической партии человек действует угнетающим образом на остающуюся массу, каждый же арест действует возбуждающе. Если некоторое время не будет арестов, то есть новых фактов, тогда и старые постепенно изгладятся из памяти, потеряют свое озлобляющее действие, и в распоряжении у социал-демократов останутся одни голые факты, не действующие на массу»⁴⁰⁴.*

Данное ходатайство С. В. Зубатова было удовлетворено, и временное прекращение арестов членов оппозиционных партий вскоре начало приносить свои плоды. Тревожные бундовские листовки свидетельствовали о разрастающемся кризисе внутри революционного движения. В апреле 1902 г. социал-демократы не

403 Морской А. Зубатовщина. М., 1913. С. 121.

404 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 801. Ч. 2. Л. 18.

смогли провести массовую демонстрацию против НЕРП по причине того, что большая часть рабочих Минска была на стороне их противников. Данные о несостоявшейся манифестации революционеров были изложены в агентурном донесении начальнику ГЖУ Н.В. Васильеву: *«В конце апреля сего года ЦК социал-демократов решил устроить демонстрацию в Минске. Подсчет рабочих сил показал Бунду», что в городе Минске осталось возможным существование лишь двух партий: экономической и революционной, так как все силы его перешли в эти два лагеря, причем наиболее число рабочих оказалось на стороне первой»*⁴⁰⁵. Единственное, что в этой крайне невыгодной для революционного движения ситуации мог сделать «Бунд», – публично объявить бойкот Независимой партии со стороны всех революционных организаций города, демонстрируя тем самым отчаяние и неспособность продолжать борьбу. Отдельные оппозиционные группы продолжали устраивать выходы чисто хулиганского характера, направленные на срыв собраний ферейнов, однако серьезных результатов эта деятельность не достигала.

Успешный подрыв революционного влияния на общества посредством легализации стачек за улучшение условий труда породил существенные трудности в реализации программы НЕРП. Вмешательство полиции во взаимоотношения хозяев с рабочими вызвало новый виток острого недовольства минских фабрикантов, которые хотя и были вынуждены на первых порах идти на уступки, но всё же ждали удобного случая, чтобы изменить сложившееся положение дел. На защиту своих интересов промышленники привлекли губернатора А. А. Мусина-Пушкина, неодобрительно относящегося к организациям независимцев с самого момента вступления в должность. Противодействие нового губернатора деятельности НЕРП объяснялось в том числе его нескладывающимися отношениями с полковником Н.В. Васильевым. Немаловажное значение, очевидно, имело и то обстоятельство, что сама организация

и руководство партией шли независимо от него, целиком и полностью сосредотачиваясь в руках начальника ГЖУ. Наконец, можно предположить, что в борьбе против легализации рабочего движения А. А. Мусин-Пушкин имел личный интерес, подкрепленный материальным стимулированием со стороны фабрикантов.

Первым нежелательным для НЕРП решением губернатора стало неудовлетворение просьбы минских приказчиков, которые по инициативе Васильева обратились к нему с ходатайством издать постановление о закрытии магазинов в девять часов вечера и уменьшении продолжительности рабочего дня. В ответ Независимая партия незамедлительно выпустила серию листовок следующего содержания: *«Всем еврейским приказчикам и приказчицам. Губернатор отказал в просьбе закрывать магазины в девять часов вечера. При том еще через приставов у многих приказчиков взята подписка в том, что они согласны сидеть в магазинах до одиннадцати часов. Поддача прошения была хорошей агитацией для приказчиков, а отказ должен быть еще лучше. Мы можем из этого сделать следующий вывод: воевать, воевать за человеческий достойный рабочий день. <...> Мы должны устраивать стачки потому, что мы ясно видим, что никто не хочет нам помогать, а потому мы должны помочь себе своей силой и единством собственной своей борьбы»*⁹². Отличие данного воззвания от предыдущих заключалось в том, что в нем впервые содержался протест против распоряжений действующей власти в лице генерал-губернатора. Не задумываясь о вероятных последствиях, лидеры НЕРП рассчитывали путем активизации стачечного движения заставить губернатора отступить и отказаться от выбранной линии политического поведения. Приведенная выше прокламация возрождала еще не забытые антиправительственные настроения в рабочей среде Минска, что таило в себе опасность возвращения многих «новообращенных» в прежнюю революционную веру.

К этому периоду относится противоречивое – пессимистическое и одновременно оптимистическое – письмо М.В. Вильбушевич к агенту С. В. Зубатова в Одессе Г. И. Шаевичу от 18 ноября

1902 г.: «Сказать Вам, что у нас было, трудно. Это партийное собрание какой-то кошмар... Обмороки, истерики... все, как очумелые, ждут моего выстрела, чтобы последовать за мной, и все об этом молчат, старательно обходят эту тему. Чтобы оживить их, я агитирую их, чтобы они поехали в Палестину. Друг мой, бросьте, скорее бросьте это Ваше движение, передайте его кому-нибудь. Иначе Вы окончательно погибнете в глазах моих людей, которые безусловно Вас уважают... Движение сделалось неудержимо стихийным. Нужен организатор необыкновенный, чтобы упорядочить и осмыслить эту стихийность. Никаких занятий, ни курсов, ни лекций. Естественное стадное грубое движение с тенденцией к слишком большому аппетитам. Мне страшно делается от мысли, что не удастся, не хватит сил дать достаточно большого тока культуры», чтобы облагородить и осмыслить все это. С полицейской же стороны дело обстоит хуже, чем раньше. Цербер, конечно, (далее слово неразборчиво. – С.М.) и тайный наш друг Мусин-Пушкин по приказу Департамента нам сочувствует, но в пределах закона нелегальной литературы не хочет, на собраниях требует присутствия “городовых”, и “стачек чтоб не было”, словом, хочет невозможного. Я имела у него аудиенцию. Часа три мы толковали, и объяснила я ему всю непрактичность его требований. Он со мной во всем согласился и попросил несколько дней на размышление, чтобы как-нибудь примирить законность с нашей нелегальщиной. Он человек очень маленький, с очень маленьким самолюбием, и для меня ясно, что скоро будет плясать по-нашему, как только почувствует себя нашим “покровителем”, и в этом я скоро его убежду. Петербурга мне для этого не нужно»⁴⁰⁶.

Самоуверенность Вильбушевич в отношении внушаемости А. А. Мусина-Пушкина, несколько покровительственное отношение к адресату письма Шаевичу («Глядя на прекрасную природу нашей деревни, я думала о том, что Вы изуродованный человек, потому что не чувствуете красоты дерева»⁴⁰⁷), сознание исключительности

406 ГА РФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 5546. Л. 1, 2, 5.

407 Там же. Л. 7.

собственного лидерского потенциала дополнялось недостаточным знанием политической обстановки на местах: *«О сионизме тревожные слухи. Сионистское движение в Минске стало могучим. Это – влияние съезда. Теперь наступает уже реакция. Бундовская литература стала снова облаивать сионизм. Я не читала, говорю с чужого голоса. Слышала гадости, которым не верю»*⁴⁰⁸. Очевидно, Департаменту полиции было непросто контролировать агента, которому в принятии ключевых решений «Петербург был не нужен».

Вскоре после начала забастовок владельцы промышленных заведений обратились с прошением в Министерство внутренних дел. Суть их претензий состояла в том, что образованные в городе ферейны присвоили не принадлежащую им судебную власть, то есть, *«исполняя функции суда уголовного, приговаривают хозяев к штрафам за провинности, совершенные ими, по мнению ферейнов, против рабочих»*⁴⁰⁹. Далее следовала жалоба на то, что *«ферейн считает рабочих неотвечественными за причиненные хозяевам и их семействам оскорбления и не признает за хозяином даже право уволить оскорбляющих их рабочих»*. Возмущение фабрикантов вызвали принуждение их заключать коллективные договоры и присвоение ферейнами законодательной власти, выражавшееся в издании обязательных постановлений, регулирующих отношения хозяев и рабочих. Главное же обвинение, выдвигаемое промышленниками против союзов, заключалось в организации забастовок рабочих. В прошении, в частности, упоминается общая забастовка портных в самый разгар сезона, снявшая с работы в течение нескольких часов всех дамских и мужских мастеров. В заключение приводились статьи Уложения о наказаниях, по которым деятельность Ферейнов должна была быть признана незаконной. *«Такой образ их действий и побуждение ими рабочих к стачкам ставит их союзы в разряд обществ, имеющих целью возбуждение подобной вражды и возникновение стачек, предусмотренных в первой части*

408 Там же. Л. 6.

409 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 17. л. Б. Л. 40.

318 статьи Уложения о наказаниях; подстрекательство же ими рабочих с целью возвышения заработной платы и изменения условий найма и принуждение насильями и угрозами других рабочих пристать к стачке представляют преступления, предусмотренные в статьях 358 и 359 того же Уложения»⁴¹⁰. На основании вышеизложенного, фабриканты требовали оградить их от произвола ферейнов, возбуждающего вражду между классами общества и приводящего к «разорению работников, хозяев и купцов». По мнению составителей прошения, единственной мерой парализации деятельности рабочих союзов могло быть немедленное их закрытие. Усилившаяся оппозиция промышленников была использована губернатором, чтобы выступить в защиту интересов минских хозяев. К тому же в течение 1903 г. в Петербурге продолжались разногласия между Министерством финансов и Министерством внутренних дел. В действиях легальных рабочих организаций Министерство финансов усматривало дискриминацию интересов торгово-промышленного сословия. А. А. Мусин-Пушкин обратился к министру внутренних дел В. К. Плеве, добиваясь ликвидации НЕРП в Минске.

В то же время начальник ГЖУ Н.В. Васильев направил в Департамент полиции секретный рапорт на имя С. В. Зубатова, в котором, излагая ход дела и указывая на противодействие со стороны губернатора, доказывал, что именно его вмешательство привело к расстройству всех планов полиции и вместе с тем способствовало росту революционного движения в городе. По твердому убеждению Н.В. Васильева, именно из-за губернатора он вынужден был устраниваться от руководства независимцами, что не могло не сказаться на самом рабочем движении и привело к усилению стачечной борьбы. Он писал: *«Партия, оставшись без руководителя и направляемая лишь молодыми силами, пришла в колебание и в последнее время устроила ряд стачек, которые я нахожу вполне неспра-*

410 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 17. л. Б. Л. 40.

ведливыми, но на стачечников при настоящих условиях влияния оказать не могу»⁴¹¹. Надеюсь, что политика легализации рабочего движения будет продолжена, а его ходатайство поддержано, Н.В. Васильев соглашался снова встать во главе партии после получения соответствующих указаний из Департамента полиции.

Как и полковник ГЖУ, активисты Независимой партии были готовы продолжить работу. Тем не менее в 1903 г. НЕРП постепенно теряла свои позиции в рабочей среде, чему способствовало усиление антиеврейской политики правительства В. К. Плеве, ярко выразившееся в Кишиневском погроме⁴¹². В июле 1903 г., через два года после основания, НЕРП объявила о прекращении своего существования. Объясняя причины ликвидации партии, С. В. Зубатов писал: *«Распустили независимцы свою организацию не по чьему иному, как по личному моему их уведомлению, что В. К. Плеве без указания причин приказал мне остановить навсегда легальное движение. Выполнили они это с полной корректностью, хотя, говорят, кто-то из независимцев после этого застрелился. Прекращение рабочего движения в Минске последовало, очевидно, по настоянию министра финансов по отделу торговли и промышленности, то есть фабричной инспекции, как то случилось при Сипягине с московским рабочим движением»⁴¹³. В схожем ключе роспуск НЕРП Зубатов объяснял почти по горячим следам, в 1906 г., из Владимирской губернии: *«Наконец он (В. К. Плеве. – С.М.) перешел к грубому требованию все это прекратить, в особенности деятельность Н.Е.Р.П., нисколько не соображаясь ни с моими нравственными запросами, ни с душевным состоянием всех прикрываемых, которые воочию успели стать на ножи и с правыми и с левыми. Но Н.Е.Р.П. поспешила, узнав об этом,**

411 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 801. Ч. 2. Л. 25.

412 Кишиневский погром 1903 г. – один из самых крупных еврейских погромов в Российской империи, в результате которого, по разным данным, погибло от 40 до 50 человек, ранено более 500.

413 Зубатов С.В. «Зубатовщина» // Былое. 1917. № 4. С. 167.

сама ликвидировать свои дела... Я после этого обратился с ходатайством к своему непосредственному начальству об увольнении меня в отставку, но просьба моя не была уважена. Между тем нравственное состояние мое было ужасное, и надежда начальства на то, что во мне все образуется, не оправдалась, я не мог удержаться, чтобы не высказать вслух своих мнений о внутренней политике патрона, находя, что он не оправдал в своей деятельности возлагавшихся на него надежд, ждать от него чего-либо нового не приходится, и чем скорее он уйдет или его отставят, тем лучше будет и для Государя, и для России, да и для него лично, ибо кроме покушений ему ждать нечего»⁴¹⁴.

Легализация Независимой партии открыла широкие возможности для организации в союзы рабочих различных специальностей. Со времени разрешения партийных собраний на благо НЕРП трудились официальные печатные органы, а образованная из активистов рабочих обществ комиссия из рабочих взяла на себя функции фабричной инспекции. В создавшихся благоприятных для легального рабочего движения условиях стало возможным проведение таких важных мероприятий, как литературные вечера, празднование партийных торжеств. Данные предприятия способствовали дальнейшему привлечению рабочих в систему НЕРП.

Созданные легальные союзы осуществляли успешную деятельность по борьбе с оппозиционными политическими течениями, что нашло конкретное выражение в срывах массовых манифестаций революционных сил. Покушения на вдохновителя минского легального рабочего движения начальника ГЖУ Н.В. Васильева также свидетельствовали о серьезном кризисе, охватившем революционное подполье.

Осенью 1901 г. легальное рабочее движение Минска достигло кульминации: секретные агенты Департамента полиции и пред-

414 Вестник Европы. 1906. № 3. С. 436.

ставители минского ГЖУ действовали синхронно по удовлетворению требований трудящихся. Большинство стачек и забастовок, на которые изначально сделало упор руководство НЕРП, имело благоприятный для рабочих исход. Принятие промышленниками решений на какое-то время было поставлено под надзор полиции. Минское ГЖУ, разуверившись в возможности успеха переговоров с фабрикантами, действовало исключительно с позиции силы. Такая тактика априори не могла привести к положительным результатам. Как и следовало ожидать, произошло объединение торгово-промышленных кругов города, опасавшихся самоуправства рабочих ферейнов⁴¹⁵. В государстве, где уже четверть века правительство боролось со стачками репрессивными методами, жалобы фабрикантов просто не могли не быть услышаны. Выход рабочими обществами НЕРП за правовые границы производственных отношений при систематическом нарушении ими промышленного устава предопределил ликвидацию минского легального рабочего движения. Массовые протесты фабрикантов совпали по времени с ведомственной борьбой 1903 г., что способствовало прекращению деятельности легальных ферейнов в Минске. Министр финансов С.Ю. Витте в вопросе легализации занимал твердую позицию ее неприятия, тогда как министр внутренних дел В. К. Плеве сомневался и до лета 1903 г. не мог прийти к определенному решению относительно экспериментальной деятельности С. В. Зубатова.

Среди причин неудач следует назвать условия, в которых проходило зарождение легализации рабочего движения, и характер его проведения. Уже после приезда агентов Московского охранного отделения в Минск местные власти не давали официального разрешения их деятельности. В условиях закрытого характера их действий и отсутствия возможности выступать публично агенты С. В. Зубатова не могли бороться с довольно развитой системой революционного подполья Минска. После того как начальник Московского охранного отделения стал сотрудничать с начальником ГЖУ

Н.В. Васильевым и губернатором Н. Н. Трубецким, легальные организации были разрешены. После оформления официального статуса рабочее общество под началом агентов Департамента полиции организовалось в партию, имевшую свою программу и устав. Раскол в главном революционном центре губернии – союзе «Бунд» – привлек в движение многочисленных рабочих.

В то же время нечеткость и непроработанность многих пунктов программы и партии, неосведомленность С. В. Зубатова в нюансах специфики еврейского рабочего движения, недостаточный контроль из центра определили некоторую стихийность деятельности легальных организаций Минска. Во многом минская история повторила московский опыт. Те же разногласия с фабрикантами, та же напористость в достижении поставленных целей, те же жалобы промышленников в Министерство финансов. Коренное отличие состояло в том, что отдельные общества НЕРП так и не обзавелись своими кассами и потребительскими лавками, в них не велась делопроизводственная работа. Движение не имело основы, которая позволила московским обществам взаимопомощи, вопреки всем обстоятельствам, реально действовать практически до революции 1905 г. Легальное движение в Минске напоминало политическое объединение, организовавшееся по воле частных лиц, имеющих средства и возможности для «работы с электоратом». Не обладавшие достаточным опытом в организации обществ рабочие-агенты придали НЕРП импульс развития, основанный на насильственных действиях борьбы за права трудящихся. Безусловно, члены НЕРП должны были действовать под началом авторитетных, опытных, сочувствующих идеям Зубатова людей, которые бы следили за неукоснительным выполнением заявленных в программе НЕРП целей. Начальник ГЖУ Н.В. Васильев, немало потрудившийся на ниве развития легального рабочего движения в Минске, по характеру своей деятельности и занятости не мог стать «оком С. В. Зубатова» в деле контроля рабочих обществ. Его деятельность заключалась в создании необходимых условий для более эффективной работы НЕРП.

Отданные целиком и полностью на откуп бесконтрольным агентам Департамента полиции, рабочие общества стали, соответственно с представлениями их лидеров о методах борьбы, осуществлять свою деятельность. Стачки и забастовки еще более отдалили легальные рабочие организации от идеалов взаимопомощи, превратив фабрикантов в принципиальных противников движения. Безуспешные попытки сторон производственного процесса договориться ни к чему не привели, поспособствовав вмешательству центральной власти, выразившемуся в ликвидации НЕРП во время летнего забастовочного движения 1903 г. на юге России.

НЕРП пыталась расширить свое влияние и на другие российские города. С этой целью С. В. Зубатов в 1901 г. поручил лидерам партии подготовить необходимые кадры для руководства организациями рабочих. Агентами Департамента полиции была осуществлена попытка перенести свою работу в ряд городов Северо-Западного края – Вильно, Гродно, Гомель, а также в города юга России – Одессу, Киев, Екатеринослав, Елисаветград, Николаев и другие.

М.В. Вильбушевич по указанию С. В. Зубатова пыталась создать организацию рабочих в городе Гродно. Через некоторое время ей удалось убедить типографщиков организовать стачку законным путем. По ее указанию был арестован ряд лиц, активно борющихся с учреждением легальных обществ. Однако, несмотря на предпринятые действия, в Гродно не удалось организовать систематически действующие общества взаимопомощи рабочих.

В Гомеле при активном содействии местной полиции была создана артель дамских портных. На эту артель Гомельское охранное отделение возлагало большие надежды, рассчитывая с ее помощью отвлечь рабочих от революционной пропаганды. В письме на имя Л. А. Ратаева помощник начальника ГЖУ М.А. Подгоричани-Петрович писал: *«По примеру других городов в городе Гомеле дамские портные ремесленного портняжеского цеха в числе 22 человек решили соединиться вместе и создать одну артель под наименованием Первая Гомельская Артель Дамских Портных»*. Находясь в полном курсе

гомельского рабочего движения и ознакомившись детально с содержанием договора, считаю необходимым сообщить, что, так как пункт 4 этого договора воспрещает Артели пользоваться наемными рабочими, то, по надлежащем утверждении договора и открытии действий этой артели, возникшие и в последнее время сильно обострившиеся отношения цеховых рабочих к своим хозяевам уже не смогут найти себе место, каковы обстоятельства, лишив революционных агитаторов столь плодотворной почвы, несомненно, могут принести немаловажную пользу в смысле если не окончательного подавления, то, в крайнем случае, хотя бы возможности приостановки рабочего движения»⁴¹⁶. Усилия агентов полиции довольно скоро потерпели фиаско.

Летом 1902 г. представители Независимой партии попытались обосноваться в Вильно, но и там обстоятельства складывались не в их пользу. Незадолго до их приезда в Вильно были проведены усмирения демонстрантов, и положение явно не способствовало распространению идей легализации стачек.

Неудачные попытки агентов Департамента полиции привлечь рабочих мелких городов черты еврейской оседлости в легальные рабочие общества были обусловлены несколькими причинами. Во-первых, отсутствием в этих городах высокопрофессиональных кадров органов полиции, оказывающих серьезную поддержку легальным рабочим обществам на этапе становления и развития. Во-вторых, малочисленностью рабочего класса, также представлявшей проблему для агитации. Революционные группы, создав в этих городах сферы влияния, существенно осложняли работу агентам С. В. Зубатова. Малоразвитый, консервативный и невежественный рабочий небольших городов гораздо охотнее воспринимал теории разрушения государственного порядка и созидания социальной справедливости, чем разумные доводы независимцев. Это было связано с тем, что права рабочих многократно

ущемлялись, но при этом они были лишены возможности саморазвития и формирования собственных взглядов на политическую обстановку. Если в революционных центрах, таких как Москва, Минск или Одесса, рабочие имели возможность знакомиться с различными политическими теориями, создавать кассы взаимопомощи, полемизировать с революционерами, так как обладали более высоким уровнем информированности, то провинциальные трудящиеся даже не помышляли о каком-либо культурном росте, довольствуясь малым и заботясь только о том, как прокормить семью.

«Рассеянный характер» организации легального движения в Минске и других городах, связанный с постоянными переездами агентов, повлиял на достаточно быстрое разочарование агентов полиции рабочими, а рабочих – агентами. Интерес независимцев к стачкам, чаще всего не приводящим к конструктивным результатам, повлиял на то, что местная власть в лице губернатора перестала видеть различия между «легализаторами» и революционерами.

2.3. Проблема легализации рабочего движения в контексте межведомственных конфликтов

В конце XIX – начале XX в. основная дискуссия относительно возможного решения рабочего вопроса проходила в Министерстве внутренних дел и Министерстве финансов. Сергей Юльевич Витте (министр финансов с 1892 по 1903 г.) и последовательно занимающие должность министра внутренних дел Иван Логгинович Горемыкин (1895–1899), Дмитрий Сергеевич Сипягин (1900–1902), Вячеслав Константинович Плеве (1902–1904) участвовали в межведомственных комиссиях, отправляли своих представителей в командировки по стране, инициировали создание отчетов и аналитических записок.

В 1901 г. товарищ министра внутренних дел генерал-майор князь П. Д. Святополк-Мирский возглавил межведомственную комиссию, целью деятельности которой было расследование причин участвовавших в Санкт-Петербурге беспорядков с участием рабочих бумагопрядильных, бумаготкацких и ниточных фабрик. По итогам расследования министр внутренних дел Д. С. Сипягин издал секретный циркуляр, который был разослан всем губернаторам страны. Особое внимание в циркуляре уделялось тому, что большинство стачек и забастовок отличалось *«единодушным характером в отстаивании своих домогательств и сохранением стачечниками внешнего порядка и спокойствия»*⁴¹⁷. Из-за схожести выдвигаемых рабочими требований чиновничье-бюрократический аппарат обращал более пристальное внимание на все случаи проявления недовольства в рабочей среде. В ответ на непрекращающиеся забастовки на губернаторов были возложены дополнительные обязанности по предотвращению и пресечению стачечного движения. Предполагалось, что именно они станут координировать общение между всеми инстанциями, так или иначе задействованными в решении рабочего вопроса: фабричной и горной инспекцией, начальством казенных заводов и железнодорожных мастерских, прокурорским надзором, жандармскими управлениями губернских и железнодорожных полицейских. Перечисленные институты были довольно разрозненны по характеру и составу управлений.

Также в циркуляре давались предписания органам полиции. Интересно, что в шести пунктах, касающихся деятельности полиции, нет ни слова о легальных рабочих обществах, которые в это время были довольно заметным явлением в общественной жизни России. Власти в лице министра внутренних дел Д. С. Сипягина предпочитали «смотреть сквозь пальцы» на эти общества, оставляя их в статусе экспериментальных полуполигальных организаций. Несмотря на то, что значительные силы политической полиции

417 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 161. Д. 35. Л. 16.

были задействованы в наблюдении за промышленными заведениями, ей предписывалось *«установить самое строгое наблюдение за фабриками, заводами, мастерскими и местами рассеивания рабочих и своевременно доносить о проявлениях тревожного настроения в рабочей среде, выясняя причины волнения и устраняя, по возможности, поводы к неудовольствиям...»*⁴¹⁸. Циркулярное повторение обязанностей политической полиции, которые и так были всем известны, свидетельствовало о существовании определенного неудовольствия в министерских кругах работой сыскных органов. Политическая полиция уже давно занималась выявлением радикальной молодежи в среде рабочих, и тем не менее в конце 1901 г. опять получила от министра внутренних дел распоряжение *«обратить особое внимание полиции на появление интеллигентов среди рабочих и на распространение на фабриках, заводах и в мастерских каких-либо воззваний или иных преступных изданий...»*⁴¹⁹. Министр также рекомендовал высылать упорствующих в забастовках рабочих на места приписки, а иногородних рабочих удалять по этапу. Тех рабочих, которые препятствовали другим вернуться на работу, предписывалось высылать под надзор полиции в одну из отдаленных губерний. В отсутствие новаторских идей в отношении борьбы с оппозицией Министерство внутренних дел было вынуждено дублировать свои же циркуляры и напоминать полиции о ее прямых обязанностях.

Озабоченность властей состоянием рабочего вопроса проходила на фоне обостряющихся недоразумений между московской полицией и фабричной инспекцией. Оба учреждения занимались рабочим вопросом, но находились под контролем различных инстанций, из-за чего между ними происходили конфликты. Поводом для очередного межведомственного совещания послужил рапорт московского обер-полицмейстера на имя московского гене-

418 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 161. Д. 35. Л. 17.

419 Там же.

рал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В рапорте генерал-майор Д. Ф. Трепов с присущей ему импульсивностью перечислял все затруднения, которые чинила фабричная инспекция московской полиции. Главным виновником недоразумений Д. Ф. Трепов называл старшего фабричного инспектора С.П. Чижова, который *«отказался соблюдать прежний порядок и... несмотря на соглашения, выработанные прошедшими совещаниями, снова возбуждал под различными предлогами уже разрешенные вопросы»*⁴²⁰.

За разъяснениями Д. Ф. Трепов обратился к директору Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов В. И. Ковалевскому. Суть претензий обер-полицмейстера сводилась к тому, что, несмотря на распоряжение главного присутствия Министерства финансов об обязанности фабричной инспекции давать заключения по всем полицейским протоколам о несчастных случаях с фабричными рабочими, а также об их участии в осмотрах промышленных заведений, инспекторы уклонялись от этой деятельности. Уклонение фабричных инспекторов от составления заключений на полицейских протоколах способствовало значительной разногласии в толковании конфликтных ситуаций на промышленных предприятиях. Для того чтобы этого избежать, Д.Ф. Трепов добивался совместных протоколов и осмотров производственных помещений чинами фабричной инспекции и московской полиции. В ответ на его многочисленные запросы последовала реакция со стороны министра финансов С.Ю. Витте, который указывал на *«неудовлетворительные отношения между администрацией и фабричной инспекцией, которые установились благодаря не совсем правильным отношениям к чинам фабричной инспекции местной администрации, и, вследствие сего, некоторый ущерб их служебной самостоятельности, стремящейся подчинить их, быть может, и вне указанных законом пределов...»*⁴²¹.

420 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 161. Д. 36. л. 1.

421 Там же.

Желание Д. Ф. Трепова согласовать деятельность полиции и инспекции было воспринято министром финансов исключительно как посягательство на самостоятельность последней. Камнем преткновения был рабочий вопрос, на решение которого в ведомствах существовали различные воззрения. Если полиция занималась поиском неблагонадежных лиц в среде рабочих, а с назначением С. В. Зубатова на должность начальника Московского охранного отделения – и разбором конфликтов в сфере договорных отношений на заводах, то фабричные инспекторы следили за неукоснительным выполнением Устава о промышленности и санитарным состоянием помещений. Нередко органы полиции вмешивались в сферу инспекции и наоборот, что порождало продолжительные конфликты и жалобы в высшие инстанции. В своем сообщении С.Ю. Витте обращал внимание на тот факт, что *«недоразумения с чинами инспекции происходят только в Москве, а в губернии Московской дело идет без всяких осложнений, несмотря на то, что личный состав фабричных инспекторов как в городе, так и в губернии один и тот же, и род их обязанностей совершенно тождественен»*⁴²².

По всей видимости, министр финансов считал, что постоянные конфликты происходят из-за вмешательства в деятельность инспекции агентов полиции в лице рабочих Общества взаимопомощи в механическом производстве. В 1901 г. легализация рабочего движения еще не распространилась на Московскую губернию, а потому слова С.Ю. Витте явно указывают на справедливость приведенного выше предположения. Исходя из этого, любые посягательства на сферу деятельности фабричной инспекции воспринимались Министерством финансов как стремление подчинить ее Министерству внутренних дел. В то же время министр внутренних дел Д. С. Сипягин не считал обязательным участие фабричной инспекции в совместных с чинами полиции осмотрах производственных помещений: *«...участие инспекции в осмотре фабрик и заводов при открытии их или при расширении в них производств, хотя*

бы и весьма желательное и даже необходимое, не может почитаться для чинов инспекции обязательным, и всякие в сем отношении предъявляемые к ним со стороны администрации требования едва ли возможно признать достаточно обоснованными»⁴²³.

Острое понимание необходимости совместной деятельности инспекции и полиции присутствовало у обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова, который бомбардировал генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича письмами о несоответствии поведения фабричных инспекторов статьям Устава о промышленности. Он скрупулезно перечислял все статьи Устава, в которых бы говорилось о совместных действиях двух ведомств: «...*статья 48 Устава о промышленности прямо указывает, что губернское начальство осуществляет надзор за благоустройством на фабриках и заводах при содействии фабричных присутствий, чинов фабричной инспекции и полиции...*»; «*ст. 15 и 17 Наказа не только предоставляли полное право как мне, так и чинам местной полиции вмешиваться в это дело, по принятию непосредственно мною и чинами местной полиции экстренных мер к прекращению подобных беспорядков, по получении сообщения о том от фабричной инспекции, но и являются для меня и чинов полиции одной из первейших служебных обязанностей*»; «...*в силу обязанностей, лежащих на губернских начальствах и чинах полиции, фабричная инспекция, несомненно, должна действовать рука об руку с чинами полиции, строго придерживаясь того направления, которое ей указано в статье 55 Устава о промышленности, особенно при выполнении возложенных на нее обязанностей, имеющих чисто полицейский характер...*»⁴²⁴ Однако все обращения Д.Ф. Трепова не имели результата, так как корректировать и приводить деятельность фабричной инспекции в соответствие с требуемыми временем обстоятельствами Министерство финансов было не намерено.

423 Там же. Л. 4.

424 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 161. Д. 36. Л. 3–8.

В то же время проблемой занялся московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Он встретился с министром внутренних дел и передал ему суть претензий московской администрации. О результатах встречи информации нет, но уже через некоторое время Сергей Александрович написал Сипягину письмо с подробным пересказом рапорта Трепова, а также своими соображениями по поводу создавшегося положения. Факт написания письма вскоре после состоявшейся личной встречи мог говорить о том, что вопрос решен не был. В письме великий князь выражал обеспокоенность: *«Нетактичность стремлений со стороны фабричной инспекции, не столько отстаивающей свою самостоятельность, на которую никто не посягает, но затрудняющей действие полиции и как бы стремящейся поставить ее во второстепенное положение на фабриках... грозит последствиями весьма нежелательными...»*⁴²⁵ Интересно, что обе стороны обвиняли друг друга практически в идентичных вещах: ненадлежащем исполнении обязанностей, посягательствах на самостоятельность, помехах в работе. По мнению Сергея Александровича, усилия фабричной инспекции, направленные на ограничение обязанностей полиции и сведение ее роли исключительно к прекращению беспорядков, подрывали ее авторитет в среде рабочих.

Выход из затруднительного положения Трепов и великий князь Сергей Александрович видели по-разному. Обер-полицмейстер высказывался категорично, предлагая полиции обособиться от фабричной инспекции и действовать, игнорируя ее присутствие. Служебные обязанности фабричных инспекторов Трепов предлагал распределить между инженерами-технологами, которые бы помогали чинам полиции в осмотре предприятий. Великий князь высказывался более осторожно, призывая созвать очередное межведомственное совещание для выхода из затруднительного положения и решения конфликтов. Совещание было назначено на 13 июня 1901 г. Председателем стал товарищ министра внутренних

дел кн. П.Д. Святополк-Мирский, в числе членов были министр финансов С.Ю. Витте, тайный советник В. И. Ковалевский, о котором Сергей Александрович отзывался как о *«беспристрастном и тактичном человеке»*⁴²⁶, директор Департамента полиции С. Э. Зволянский, обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов и старший фабричный инспектор С.П. Чижов. В архиве не сохранился журнал совещания, из-за чего восстановить ход дискуссий затруднительно. В резолюции совещания определялись второстепенные проблемы, такие как ведение делопроизводства, порядок хранения книг и журналов, текущая работа канцелярии фабричной инспекции. Несколько пунктов резолюции были посвящены *«частным случаям недоразумений между московской администрацией и фабричной инспекцией»*. Постановление обязывало чинов фабричной инспекции *«принимать участие в совместных с полицией осмотрах фабрик и заводов»*⁴²⁷. Данное решение было направлено на достижение согласованности в работе полиции и инспекции. Наряду с этим инспекторы получили уведомление об обязательности заключений по полицейским протоколам, связанным с несчастными случаями на производстве.

Можно предположить, что совещание приняло сторону Министерства внутренних дел в споре о взаимодействии полиции и фабричной инспекции. В циркуляре, направленном в адрес *«всех чинов фабричной инспекции»*, С.Ю. Витте напоминал: *«О всех своих действиях, направленных к устранению возникших волнений или беспорядков (ст. 15 Наказа) чины фабричной инспекции должны незамедлительно, по мере возможности, сообщать Губернатору (в подлежащих случаях – Градоначальнику или Обер-полицмейстеру)»*⁴²⁸. Это предостережение было вызвано тем, что в 1901 г. фабричная ин-

426 Там же. Л. 12.

427 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 161. Д. 36. Л. 20.

428 Там же. Д. 7. л. Б. Л. 112.

спекция становилась всё более независимой от местной администрации, высшим звеном которой был губернатор, находящийся в непосредственном подчинении у министра внутренних дел.

Наряду с существующими конфликтами полиции и инспекции, Главное присутствие по фабричным и горнозаводским делам⁴²⁹ беспокоила путаница, установившаяся в большинстве губерний страны по вопросу подчинения тех или иных промышленных заведений его юрисдикции. Еще 3 июня 1886 г. вышел закон, который разграничивал сферу управления Присутствия, однако, как отмечал товарищ министра финансов В. И. Ковалевский, его применение было крайне разнообразным в различных губерниях. Такое положение способствовало ведомственной путанице в наблюдении за санитарным состоянием производственных помещений, разрешении спорных контрактных вопросов, а также реагировании на выступления забастовщиков. Ковалевский предлагал более четко разграничить сферу управления Главного присутствия по фабричным и горнозаводским делам для того, чтобы понять, на каких предприятиях должна была действовать фабричная инспекция. Для достижения этой цели было необходимо пересмотреть списки промышленных заведений и внести нужные коррективы, однако по неизвестным причинам всё оставалось по-прежнему.

Несмотря на регулярные межведомственные совещания, Министерство финансов через фабричную инспекцию продолжало проводить свою линию в рабочем вопросе. В марте 1902 г., когда уже в полную силу действовали общества взаимопомощи рабочих в механическом и текстильном производствах, министр финансов

429 Главное присутствие по фабричным и горнозаводским делам – коллегияльный орган, образованный при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов Высочайше утвержденным положением от 7 июня 1899 г. для контроля за правильным применением рабочего законодательства администрацией фабрик, заводов, горных промыслов.

С.Ю. Витте издал очередной секретный циркуляр ко всем главным чинам фабричной инспекции. Формальным поводом к нему послужили несколько забастовок на мануфактурах и *«опасение за возможность усиления их после праздников»*⁴³⁰. После Пасхи на заводы обычно принимались новые рабочие. По мнению министра финансов Витте, выраженному в циркуляре, беспорядки происходили *«из-за рабочих, переходящих с фабрики на фабрику, которые по своим нравственным качествам не могли приобрести себе прочного положения ни на одной из мануфактур»*⁴³¹. В условиях наэлектризованной атмосферы непростых взаимоотношений фабрикантов и рабочих министр финансов предполагал создать противовес легальным организациям взаимопомощи, которые в это время организовывал начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов. Для этого чины фабричной инспекции должны были *«обратить особенное внимание на возможно частое разъяснение рабочим всей незаконности их действий, ведущих к беспорядкам на фабрике, и их ответственности за нарушение закона и порядка»*⁴³². Схожие цели фабричной инспекции и легальных рабочих обществ, состоящие в минимизации количества забастовок, реализовывались различными средствами. Если на собраниях обществ взаимопомощи рабочие вникали в экономические тонкости производственного процесса и учились принимать участие в организации касс и лавок, то в разговорах с фабричными инспекторами они постигали «мудрость» о равенстве всех перед законом, одинаково ограждающим справедливые интересы как фабрикантов, так и рабочих. Лейтмотивом обращения Витте к фабричной инспекции было распоряжение о том, чтобы фабричные инспекторы неукоснительно и неутомимо внушали рабочим мысль о бессмысленности и вредности не-

430 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 161. Д. 7. л. Б. Л. 112.

431 Там же.

432 Там же.

законных действий, неизбежно ухудшающих их положение. Проблема заключалась в том, что Министерство финансов в лице министра не предлагало никакой альтернативы забастовкам.

В 1901 г. Министерство финансов подготовило проекты уставов вспомогательных и сберегательных касс для рабочих, о чем С.Ю. Витте сообщил Д. С. Сипягину: *«Министерством финансов выработаны проекты уставов касс вспомогательных и сберегательных для рабочих промышленных заведений»*⁴³³. Однако эти проекты так и остались на бумаге, а кассами взаимопомощи для рабочих занялась политическая полиция. Разработка и принятие подобных проектов осложнялись непростым положением, установившемся в фабричной инспекции. 30 апреля 1902 г. управляющим отделом промышленности Министерства финансов Н.П. Ланговым был отправлен циркуляр на имя чинов фабричной инспекции. Из имеющихся в отделе сведений и отчетов стало известно о том, что в *«некоторых губерниях штрафные капиталы закрывшихся фабрик, вместо того, чтобы немедленно вноситься в местные Казначейства... без всякой надобности хранятся по несколько лет в сберегательных кассах и отделениях Государственного банка»*⁴³⁴. Подобные операции с деньгами могли иметь коррупционное происхождение – сокрытие казенных средств: *«Оказывается, что одни из инспекторов хранящиеся у них несданные еще в казначейство суммы штрафных капиталов заносят в отчетах в рубрику “недоимок”, тогда как другие показывают их вместе со сданными в казначейство суммами»*⁴³⁵. Откровенное и беззастенчивое воровство фабричных инспекторов частично объясняет их незаинтересованность в решении производственных конфликтов в пользу рабочих. Если некоторые инспекторы присваивали средства, которые, как они прекрасно знали, были подотчетны соответствующим ведомствам, то, без со-

433 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 161. Д. 38. Л. 1.

434 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 13. Л. 13.

435 Там же.

мнения, они могли иметь интерес к «вознаграждению» от владельцев промышленных предприятий, заинтересованных в их помощи. Удивительно, что циркуляр Лангового был выдержан в довольно примирительных тонах: фабричным инспекторам всего лишь предлагалось *«сдать в подлежащие казначейства все имеющиеся у них на хранении и свободные от каких-либо формальных препятствий капиталы закрывшихся фабрик»*⁴³⁶. Тот факт, что Ланговой называл присвоенные и утаенные инспекторами суммы «имеющимися у них на хранении», представляется весьма показательным.

Еще более ярок циркуляр от 11 марта 1902 г. за подписью товарища министра В. И. Ковалевского. Через месяц после циркуляра, фактически обвиняющего инспекторов в воровстве, Присутствие по фабричным и горнозаводским делам выпустило еще один, в котором тем же самым чинам фабричной инспекции предлагалось заняться распределением капитала, *«образуемого из взысканий»*⁴³⁷, между больными и увечными рабочими. Специально для этого Присутствием была выпущена инструкция, утвержденная министром финансов по соглашению с министром внутренних дел и государственным контролером. В инструкции подробно прописывалось, кто имел право на пособия, каким образом должны были подаваться заявления о помощи. После получения заявления фабричные инспекторы должны были собрать необходимые справки и написать собственное заключение для окружного фабричного инспектора. *«Участковым и старшим фабричным инспекторам предоставляется относиться к правительственным или земским и городским врачам с просьбами об освидетельствовании рабочих с целью определения степени утраты ими трудоспособности»*⁴³⁸, – говорилось в инструкции. Размер пособия должен был определять окружной фабричный инспектор, и его решение обжалованию не подлежало. В особые книги окружные инспекторы должны были

436 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 13. Л. 13.

437 Там же. Л. 16.

438 Там же.

записывать время возбуждения ходатайства, фамилию, имя, отчество просителя и краткое содержание заявленного ходатайства. Предусматривалось, что в книгах будут их пометки о выдаче пособия или отказе в ней. Отдельным пунктом прописывалось, что *«об- щий счет капиталу ведется в Министерстве финансов по учрежде- ниям по части торговли и промышленности»*⁴³⁹. Такая сложная си- стема получения пособия была призвана решить вопрос с нечи- стыми на руку инспекторами. В то же время в документах не уда- лось найти сообщений о выдачах инспекторами пособий, вслед- ствие чего можно предположить, что данная мера носила эпизоди- ческий характер.

Многочисленные и разнообразные проблемы, стоявшие пе- ред полицией и инспекцией, не позволили добиться отлаженной деятельности в решении рабочего вопроса. Хаос и путаница в пол- номочиях, недостаточная осведомленность чинов инспекции и по- лиции в статьях фабричного законодательства, коррумпирован- ность нижних слоев и непростые взаимоотношения высших – всё это ложилось тяжелым грузом на оба учреждения. Межведом- ственные совещания ни к чему не приводили, так как их резолю- ции не выполнялись на местах. Губернатор не мог проконтролиро- вать разветвленный аппарат занимающихся рабочим вопросом учреждений, фабричный инспектор был не в состоянии воздей- ствовать на рабочих путем «разъяснений», а сыскные мероприятия полиции не отличались высоким уровнем эффективности. Это со- здавало недовольство полиции инспекцией и наоборот, а в итоге – всеобщую неудовлетворенность существующей системой. Межве- домственные недоразумения использовались политической оппо- зицией в своих целях.

В 1901 г. начался конфликт между московским обер-полиц- майстером Д. Ф. Треповым, ходатайствующим за объединение де- ятельности фабричной инспекции и полицейских рабочих об-

439 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 13. Л. 17.

ществ, и министром финансов С.Ю. Витте, отстаивающим автономию фабричных инспекторов от вмешательства органов политической полиции. Несмотря на низкую эффективность института фабричной инспекции, коррупцию со стороны части инспекторов, С.Ю. Витте выступал за учащение разъяснительных бесед на производстве.

В начале 1902 г. двумя центральными ведомствами страны – Министерством финансов и Министерством внутренних дел – были проведены параллельные исследования состояния рабочего вопроса. Министр финансов дал задание старшим фабричным инспекторам различных промышленных округов сделать доклады об обстановке в их губерниях в связи с увеличивающимся количеством стачек и забастовок. На состоявшемся 4 апреля 1902 г. совещании, на котором присутствовали товарищ министра финансов В. И. Ковалевский, управляющий отделом промышленности Н.П. Ланговой, а также целый ряд окружных и старших фабричных инспекторов, прозвучали сообщения о состоянии рабочего вопроса во Владимирской, Рязанской, Ярославской, Гродненской, Минской губерниях. В то же самое время, 14 мая 1902 г., состоялось Особое совещание в составе министров земледелия и государственных имуществ, финансов, юстиции, московского генерал-губернатора для обсуждения доклада покойного министра внутренних дел Сипягина⁴⁴⁰ о положении дел в фабричном надзоре и условиях быта на производствах Ярославской, Костромской, Владимирской и Нижегородской губерний. Так как совещания состоялись примерно в одно время, представляет интерес выяснить степень информированности в министерствах, а также то, к каким выводам пришли их комиссии, исследовавшие названные губернии.

Отчеты фабричных инспекторов преимущественно описывали настроения рабочих, обращали внимание на причины их недовольства. Так, окружной фабричный инспектор Московского

440 Более подробно об убийстве Д. С. Сипягина см. на стр. 216.

округа А. С. Астафьев писал о том, что «...среди рабочих распространяются... крайне вредные взгляды, каковы, например, о незаконности существующих личных договоров, о найме на фабрики и заводы и необходимости установления иного порядка, в силу коего означенные договоры заключались бы не иначе, как при участии особых посредников от рабочих комитетов; о существовании некоего скрытого от рабочих закона 1897 года, в силу коего каждый рабочий независимо от его профессии и усердия должен получать не менее 18 рублей месячного жалования»⁴⁴¹. Подобные явления объяснялись инспекторами в духе циркуляров министра финансов: несбыточные надежды внушаются рабочим представителями Совета рабочих механического производства и организации ткачей. А. С. Астафьев обращал особое внимание собравшихся на совещании на то, что демонстративная поддержка руководителей организаций со стороны «полицейских властей Москвы облегчает их деятельность и приводит к тому, что они не останавливаются перед толкованием законов Устава о промышленности». В умах рабочих создалась непоколебимая уверенность в том, что возникшие в Москве организации «учреждены высшим правительством с исключительной целью защиты интересов рабочих за счет фабрикантов»⁴⁴². Увеличение количества забастовок и небывалое число коллективных жалоб от рабочих объяснялось Астафьевым не тяжелыми бытовыми условиями их цехов и жилищ и не нарушениями договорного процесса, а злонамеренными действиями членов легальных обществ С. В. Зубатова. У слушающего или читающего доклад чиновника могло возникнуть ощущение полной благополучности производственной жизни рабочих, омрачаемой попытками легализаторов «раскачать лодку» и начать наступление на фабрикантов. В докладе не говорилось ни слова о злоупотреблениях властью со стороны фабрикантов и управленцев, об антисанитарных условиях, в которых приходилось жить и работать служащим заводов.

441 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7. л. Б. Л. 125.

442 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7. л. Б. Л. 125.

Также окружной фабричный инспектор Астафьев сообщал о том, что 27 марта 1902 г. состоялось собрание легального общества ткачей, на котором были приняты следующие определения: «1. сразу на работу не определяться, чтобы дать выборным от организации ткачей вести переговоры с каждым фабрикантом для установления повсюду упорядоченных условий найма <...> 3. обязать всех ткачей не представлять работодателю таких ткачей, которые не примкнули к организации ткачей; 4. при принятии на работу фабрикантом ткачей, не принадлежащих к организации ткачей, все остальные рабочие, принадлежащие к организации, обязаны написать свой расчет и отказаться от продолжения работы через 14 дней»⁴⁴³. Очевидно, вышеперечисленные меры могли привести только к одному: к поголовному увольнению членов Общества со всех мануфактур, на которых они работали, и ликвидации организации. Этой простой вещи не могли не понимать руководители легального рабочего движения, а также его рядовые сотрудники, стремившиеся сохранить рабочие места, несмотря на недовольство. Сложно представить, что сотрудники Московского охранного отделения, которым было известно обо всем, что говорилось на собраниях легальных обществ, могли пропустить подобную подготовку откровенно подрывных действий. Таким образом, информация Астафьева носила сомнительный характер и, очевидно, была направлена на дискредитацию легальных организаций Зубатова.

В схожем ключе были выдержаны доклады окружных инспекторов других губерний. Представитель Владимирской губернии В.Ф. Свирский в отчете, выдержанном в спокойных тонах, тем не менее предупреждал о том, что под влиянием распространения слухов о московской организации вероятность возникновения осложнений в дальнейшем становится почти несомненной. Инспектор Рязанской губернии Н.Н. Мартыненко вторил предыдущему докладчику: «По видимому, нет оснований в ближайшем будущем опасаться каких-либо осложнений в фабрично-заводской жизни,

443 Там же.

вызванных местными экономическими условиями, хотя несомненно, что близость Москвы и Коломны, если не будет парализована деятельность Московского Союза рабочих механического производства города Москвы, крайне печально может отразиться на настроении рабочих Рязанской губернии»⁴⁴⁴. Инспектор Ярославской губернии В.Д. Кошлаков выражал обеспокоенность тем, что масса рабочих на Пасху уезжает домой в деревни, где может ознакомиться с положением дел в Москве, а после праздника на ярославские фабрики могут попасть рабочие, которые раньше работали в Москве. В отчете Кошлакова губерния представляла собой образец добропорядочности некоей закрытой зоны, в которую не могли проникнуть развращающие слухи о влиянии московских организаций. В глухие деревни, куда уезжали рабочие на праздники, – могли, а на ярославские фабрики и заводы – нет.

Окружной инспектор Варшавского округа и вовсе высказывался о московских обществах в таких определениях, что запрашиваются ассоциации с распространением революционного движения: «...между рабочими Варшавы есть сторонники того, что следует поддержать движение русских рабочих... В прошлом году была найдена прокламация, тоже говорящая о поддержке русских рабочих... поддержка должна выразиться... в уличных демонстрациях»⁴⁴⁵.

Отзывы инспекторов, похожие друг на друга, как две капли воды, отражали ведомственную политику Министерства финансов в отношении легального рабочего движения.

Тревожная информация и соответствующие выводы, содержащиеся в докладах, преследовали целью продемонстрировать властям и общественности зловредность и пагубность эксперимента Зубатова для всех наиболее крупных рабочих центров страны. Разбирая легальное рабочее движение, а порой и присочиня устрашающие подробности, окружные фабричные инспекторы

444 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7. л. Б. Л. 127–129.

445 Там же. Л. 133.

ничего не говорили о том, чем в действительности они должны были заниматься, – о санитарном состоянии жилищ и помещений, фабричном законодательстве, договорных отношениях.

Совершенно в ином духе был выдержан всеподданнейший отчет министра внутренних дел Сипягина, посвященный предпринятому им лично инспектированию бытовых и производственных условий Ярославской, Костромской, Нижегородской и Владимирской губерний. Главное отличие доклада министра от отчетов инспекторов было в том, что Сипягин, помимо личного осмотра крупнейших фабрик и заводов, основывал свои данные на подробных отчетах губернаторов вышеприведенных административно-территориальных единиц. Это позволило ему сопоставить информацию из разных источников с собственными впечатлениями. Губернатор Ярославской губернии в приватной беседе советовал Сипягину на то, что *«действующий закон,веряющий надзор за внутренним порядком на фабриках исключительно чинам фабричной инспекции, не дает губернской администрации возможности быть всегда в курсе того, что происходит на фабриках, и знать о мерах, которые принимаются инспекцией в видах предупреждения недовольства рабочих...»*⁴⁴⁶.

Губернатора не устраивал тот факт, что правила внутреннего распорядка на промышленных предприятиях утверждались старшим фабричным инспектором, а ответственность за беспорядки рабочих, которые могли происходить из-за этих правил, целиком и полностью возлагалась на местную администрацию. Из-за такого положения дел инспекторы без согласования с администрацией разрабатывали правила, а последняя была вынуждена отвечать за их ошибки и недочеты. Для исправления создавшейся законодательной неурядицы ярославский губернатор Б. В. Штюрмер предлагал принять следующие изменения: *«1. предоставить некоторым лицам губернской администрации, например, исправникам и*

земским начальникам, право наблюдать и со своей стороны за внутренним порядком на фабриках и заводах; 2. дополнить Устав о промышленности указанием на то, что более существенные правила внутреннего распорядка на фабриках, предварительно их утверждения фабричной инспекцией, должны быть представляемы последней на одобрение губернатора»⁴⁴⁷. Первый пункт инициативы Штюмера находился в полном согласии с проводившимся в это время в Москве экспериментом Зубатова. Исправники и земские начальники едва ли могли охватить своим вниманием разнородную рабочую массу различных заводов. Потребовалось бы значительное время для того, чтобы они могли вникнуть в специфику рабочего законодательства и договорных отношений. Целью предложения Штюмера, как и плана Зубатова, было одно – включение рабочего вопроса в приоритетную сферу наблюдения местной администрации и преодоление сложившейся монополии фабричной инспекции на заводах и фабриках.

В своем отчете Сипягин уделял немало внимания предложениям ярославского губернатора. Даже в официальном документе, каким был всеподданнейший отчет министра, он не удержался от искреннего изумления и недоумения. *«Губернатор... как председатель губернского по фабричным делам присутствия, в силу действующего законодательства, не только имеет полное право требовать самых подробных докладов и донесений от членов фабричной инспекции, о деятельности их на фабриках, но и обязан путем непосредственных указаний руководить этой деятельностью, направляя ее к охранению в сих заведениях благоустройства и порядка»*⁴⁴⁸. В этом законодательном споре отразилась характерная ситуация предреволюционного времени: по-разному, а нередко и превратно понимаемое законодательство по важнейшим политическим проблемам.

447 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7а. Л. 62.

448 Там же.

Во всеподданнейшем докладе Сипягин не только приводил предложения местной администрации, но и высказывал свои мысли по реорганизации полиции на местах. Так, министр внутренних дел говорил о необходимости разделения фабричной полиции на две группы чинов по способам их финансирования: *«одни – за счет казны, другие – за счет сумм, ассигнуемых фабрикантами в виде ежегодного пособия государственному казначейству»*⁴⁴⁹. Вторую группу чинов полиции Сипягин называл *«учрежденной на частные средства»* и приводил статистические данные по четырём губерниям, которые успел осмотреть. Всего частно-финансируемых чинов было 234, и большая их часть появилась в ответ на рабочие беспорядки 1897–1899 гг., когда фабриканты убедились в недостаточности существующих полицейских сил. Анализируя причины забастовок, Сипягин приходил к выводу о том, что массовая волна недовольств стала возможной из-за того, что вплоть до 1899 г. *«кроме учрежденных в 1878 году в уездах полицейских урядников, весьма немногочисленных, на фабриках никакого правильного организованного полицейского надзора не было»*⁴⁵⁰. Именно из-за этого фабриканты были вынуждены стихийно организовывать защиту собственных предприятий, что провоцировало их конфликты не только с рабочими, но и с местной администрацией. В 1899 г. правительством страны было учреждено 160 должностей полицейских надзирателей дополнительно, а на их содержание выделено 41800 рублей в год. В своем отчете Сипягин подробно останавливался на антизабастовочных мерах правительства, приводя статистические выкладки по числу полицейских чинов в губерниях, но воздерживался от оценки приводимых фактов.

Губернатор Владимирской губернии обращал внимание министра на то, что в деятельности по пресечению забастовок хорошо проявляли себя казачьи конно-полицейские команды. И губернатор, и глава Шуи С. А. Щеколдин сходились во мнении, что

449 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7а. Л. 62.

450 Там же.

казаки действовали гораздо успешнее обычных полицейских, распространяя в народе страх. Приведенное Сипягиным мнение представителей местной администрации очень важно. В условиях постоянно вспыхивающих забастовок рабочих и губернатор, и городской голова продолжали считать, что путь к их успокоению – вызвать в народе *«неопределенный страх»*. О том, к каким непредсказуемым последствиями могло привести поддержание в рабочих *«неопределенного страха»*, владимирская администрация не задумывалась. По характеру доклада владимирского губернатора, приводимого в отчете Сипягина, становится ясным, что он беспокоился больше о чинах полиции, чем о рабочих. Заработная плата фабричных городских *«не превышает, а нередко бывает и значительно ниже того среднего заработка, какой при готовой квартире и многих других жизненных удобствах получает рабочий в том зрелом сильном возрасте, который является условием принятия на полицейскую службу»*⁴⁵¹. Из приведенного сообщения не вполне ясно, зачем материально обеспеченные рабочие бастовали, но одно понятно определенно – по всей стране у рядовых полицейских чинов были проблемы с материальным обеспечением. Поручиться за данные владимирского губернатора о том, что *«чины полиции оставляют службу и поступают на фабрики рабочими»*⁴⁵², нельзя, но о проблемах с финансированием писал не только он.

Продолжая рисовать апокалиптические картины, владимирский губернатор сообщал, что на место ушедших чинов в полицию приходится набирать *«худших в нравственном и умственном отношении элементов местного населения»*⁴⁵³. Как отмечал Сипягин, основываясь на свидетельствах губернаторов и начальников местных полиций, состав низших чинов фабричной полиции, особенно городских, крайне непостоянен, подвержен частым переменам и

451 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7а. Л. 62–65.

452 Там же. Л. 65.

453 Там же. Л. 64.

вообще мало надежен. Ненадежность «местного элемента» определялась тем, что, происходя из рабочей среды, его представители не могли быть беспристрастными в борьбе с оппозиционными влияниями. Кроме того, низкие заработные платы чинов полиции толкали их к принятию разнообразных подношений от фабрикантов, что фактически ставило их в подчиненное положение. По мнению Сипягина, это приводило к тому, что *«фабрикант начинает смотреть на городского как собственного своего сторожа, чем как на чина полиции»*⁴⁵⁴.

Путаница происходила не только с тем, из каких источников чины полиции получали жалование, но и с тем, чьи агенты какой деятельностью занимаются. Из отчета Сипягина становится ясно, что агенты были в распоряжении не только полицмейстеров и исправников, но и работали на фабрикантов. В тех случаях, когда ГЖУ или охранному отделению нечем было оплачивать труд секретного сотрудника, он мог поступить на службу к заводчику, который давал ему задания за соответствующее вознаграждение. Всё это приводило к большому беспорядку и постепенному превращению фабрикантов в местных властителей, распоряжающихся не только секретными агентами, но и чинами полиции. Губернаторов не могло устраивать сложившееся положение дел, из-за чего все четверо высказались в личных беседах с министром *«за расширение областей и средств секретного наблюдения»*⁴⁵⁵. Заинтересованность администрации в независимости полиции объяснялась тем, что иначе ее сотрудники не имели возможности влиять на происходящие в губернии события.

В то же время губернаторы не отличались большой фантазией в оглашении своих инициатив по решению рабочего вопроса. Все четверо высказывались за необходимость содействия полиции воинских частей, а ярославский губернатор Штюмер предлагал *«поставить фабричную полицию в тесную связь с частным сторожевым*

454 Там же. Л. 65.

455 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7а. Л. 66.

дозором.», а также «чтобы фабричным инспекторам было представлено право... закрывать все питейные заведения подлежащего района»⁴⁵⁶. Данные меры носили радикальный характер, а потому вряд ли могли способствовать решению рабочего вопроса.

Доклад Сипягина ценен еще и тем, что в нем приводились мнения начальников губернских жандармских управлений (ГЖУ), которых интересовал вопрос о разделении обязанностей различных видов полиций. Многие из них предлагали изъять фабрики и заводы из ведения общей полиции и обособить промышленные центры от прочих территорий в полицейском отношении. Они негативно оценивали фабричную полицию, считая, что ее чины «мало развиты и не ознакомлены с систематическим развитием пропаганды». Начальники ГЖУ высказывались о бесполезности фабричной полиции и ратовали за ее отмену. Вполне естественно и их предложение «передать полицейский надзор на фабриках всецело в ведение жандармской полиции, организовав последнюю приблизительно по типу, какой установлен уже и испытан долголетней практикой на железных дорогах, с тем чтобы ближайший надзор на фабриках был вверен жандармским вахмистрам с надлежащим числом унтер-офицеров»⁴⁵⁷. Данные идеи отражали процесс стремления начальников ГЖУ взять под свой контроль важнейшие вопросы, имеющие общественно-политическое значение. В период организации новых розыскных учреждений – охранных отделений – у них были все основания опасаться утраты внешнего влияния.

Министр внутренних дел пытался разобраться с настроениями и взглядами на власть рабочих тех губерний, которые он успел посетить. Сипягину не могло не броситься в глаза то, что, по мнению многих рабочих, «правительственная власть действует заодно с предпринимателями, потворствуя их эксплуататорским

456 Там же. Л. 65–67.

457 Там же.

стремлениям, а высшие сановники, в качестве акционеров и пайщиков промышленных предприятий, стоят неизбежно на стороне фабрикантов»⁴⁵⁸. Развитие подобных настроений делало рабочих способными воспринимать те или иные идеи оппозиционных кружков и партий. Хотя чиновники во главе с министром внутренних дел и в 1902 г. не сомневались в преданности рабочих существующему государственному строю, реальность доказывала обратное. Недовольство рабочих распространялось не только на инспекцию и фабрикантов, но и в целом на чиновничий мир. Подспудно это понимал и Сипягин, писавший, что «меры предупредительные всегда должны стоять впереди мероприятий чисто полицейских»⁴⁵⁹. В числе предупредительных мер министр высказывался за развитие фабричного законодательства и согласование некоторых его устаревших статей с современным положением дел; признавал необходимым установить жесткие требования в отношении санитарного и гигиенического состояния фабричных помещений, развивать школьное образование для детей рабочих и медицинское обслуживание на фабриках и заводах. Интересно предложение Сипягина о создании среди рабочих «устойчивых и консервативных элементов, которые бы являлись опорой существующего общественного строя не в силу лишь одних смутных чувств и привычек, а сознательно, в силу ясно понимаемой и повседневно ощущаемой тесной связи личных своих интересов с интересами порядка и спокойствия в области промышленной жизни»⁴⁶⁰.

В этой идее министр внутренних дел противоречил сам себе. Говоря о необходимости создания устойчивых и консервативных элементов, он в то же время писал, что такие элементы в фабричной среде существуют. Какие меры следовало принять для их организованной деятельности, Сипягин не указывал.

458 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7а. Л. 67–69.

459 Там же. Л. 69.

460 Там же. Л. 70.

В 1902 г. эксперимент Зубатова был единственной попыткой систематической организации легального консервативного рабочего движения в масштабах страны. Остается только догадываться, почему министр внутренних дел в этой части доклада говорил о политике начальника Московского охранного отделения иносказательно: *«...эти элементы, прочно и твердо поставленные, могут послужить той сетью порядка, которая, раскинувшись вокруг фабричного центра и повсюду его покрывая, будет и в повседневной деятельности прочно сковывать рабочую массу, сдерживая ее от каких-либо разрушительных проявлений и охраняя в ее среде спокойствие»*⁴⁶¹. Последняя цитата очень схожа с тем, как Зубатов видел цели и задачи своего детища – Совета рабочих в механическом производстве.

Сипягин мыслил в унисон с Зубатовым и в том, что образование в рабочей среде мелких собственников поможет придать ей больше прочности и устойчивости в противостоянии антиправительственным влияниям. Начальник Московского охранного отделения, основываясь на подобных соображениях, предлагал рабочим обществ взаимопомощи учреждать потребительские лавки и проводить семейно-танцевальные вечера. И для Сипягина, и для Зубатова развитие легального рабочего движения на началах простейшей экономической деятельности и самокупаемости его учреждений значило *«обеспечение задачи промышленного надзора за промышленными классами населения»*⁴⁶².

В докладе Сипягин высказывал свое отношение к инициативе начальников ГЖУ перевести фабричные зоны под контроль их ведомства. Отдавая должное более высокому умственному развитию и дисциплинированности служащих ГЖУ, министр внутренних дел высказывался против предложения их начальников. Доводы министра можно разделить на две части: умозрительные и административного характера. Умозрительный довод был совсем не

461 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7а. Л. 71.

462 Там же.

очевиден и заключался в том, что сосредоточение на фабриках жандармов *«могло бы поселить в умах рабочих лишены всяких оснований подозрения, что правительство их опасается»*⁴⁶³. Довод административного характера был более приближен к реальности и состоял из убеждения, что жандармский надзор пришлось бы распространить не только на промышленные предприятия, но и на фабричные селения, в которых проживали рабочие. Сделать это не представлялось возможным, так как *«изъятие из ведения общей полиции больших территорий и создание крайней административной чересполосицы создало бы поводы для многочисленных недоразумений и столкновений между собой различных властей»*⁴⁶⁴. Среди важных причин отказа начальникам ГЖУ называлось увеличение численности жандармских унтер-офицеров и помощников начальников ГЖУ, а также неизбежно связанные с этим процессом расходы. Наряду с перечисленными мотивами, можно предположить и еще один, не менее важный. В период создания и увеличения количества охранных отделений перевод рабочего вопроса исключительно в ведение ГЖУ повлек бы существенное снижение их роли, в чем не было заинтересовано Министерство внутренних дел. Кроме того, Корпус жандармов в Российской империи пользовался сравнительной самостоятельностью, из-за чего перевод рабочего вопроса в его ведение мог повлиять на то, что губернская администрация испытывала бы затруднения в осуществлении контроля за фабричными округами.

О стачках Сипягин отчитывался в отдельном разделе доклада. Министр приводил статистические данные за 1901 г.: *«83 % стачек имели экономические причины: зарплата – 35 %, условия работы – 17 %, прочее – 17 %»*⁴⁶⁵. На основании приведенных сведений, Сипягин обращал внимание на Устав о промышленности и высказы-

463 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7а. Л. 77.

464 Там же.

465 Там же. Л. 87.

вался за отмену его 51-й статьи, а именно уголовной ответственности фабрично-заводских рабочих за стачки. По его мнению, 51-я статья была направлена против рабочих, так как предусматривала их ответственность за все случаи прекращения работы промышленного заведения, тогда как нередко фабрики останавливались *«вследствие материальной необеспеченности управления»*⁴⁶⁶. Министр внутренних дел подчеркивал, что порядок привлечения рабочих к уголовной ответственности устанавливался только по заявлениям фабрикантов. Таким образом, простые служащие промышленных предприятий были целиком и полностью зависимы от управления не только в административном, но и в уголовном плане. Сипягин высказывался за отмену статьи в том числе и потому, что *«в среде рабочих устанавливается прочное убеждение в несправедливом отношении к ним закона»*⁴⁶⁷.

Сипягин справедливо отмечал, что большая часть стачек конца XIX – начала XX в. не отличалась противоправительственными преступными целями, но в то же время он не учитывал тот факт, что местная администрация без поддержки компетентной полиции не могла эффективно решать комплексные проблемы производственных отношений. Губернаторы и другие представители местной администрации осознавали, что экономические забастовки, в случае игнорирования властью причин их возникновения, «эволюционируют» в политические, а потому пытались их подавить известным способом – насильственным. Для реализации эксперимента Зубатова в их распоряжении не было креативных и работоспособных кадров, способных контролировать легальное рабочее движение. Для претворения в жизнь своих идей (ограничение продажи алкоголя и т. д.) у губернатора нередко не хватало полномочий, так как любое предложение (и уж тем более его утверждение) не могло состояться без долгой переписки с центром. Нехватка кадров и недостаточная инициатива на местах

466 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7а. Л. 85.

467 Там же.

были причинами того, что организации самопомощи, за которые ратовал Сипягин, *«появлялись всегда случайно»* и *«действовали самым ненормальным образом»*. В таких создаваемых самими рабочими обществах действовал стихийный инстинкт толпы, который в условиях напряженной атмосферы мог реализоваться *«в крайне безобразных поступках»*⁴⁶⁸.

Как о примере организованных обществ министр внутренних дел говорил о легальных собраниях рабочих Москвы. Он кратко рассказывал историю возникновения обществ и мероприятий их центрального органа – Совета. Деятельность зубатовских обществ вызывала у Сипягина сомнения: *«Хотя деятельность этих кружков и не пользуется симпатиями большинства рабочих, но тем не менее в некоторых случаях им удастся породить ту “смуту”, на которую указывал Господин Министр Финансов»*⁴⁶⁹. Организации взаимопомощи, по мнению министра, должны действовать строго на основании действующего закона: *«Означенная организация должна быть проведена законодательным порядком и регламентирована особым положением»*⁴⁷⁰.

Желательное направление деятельности обществ Зубатова Сипягин сводил исключительно к просвещению рабочих и взаимной их материальной поддержке. Таким образом, ратуя за поддержку обществ взаимопомощи законодательными установлениями, Сипягин всё же склонялся к старому порядку договорных отношений – разбор жалоб рабочих фабричными инспекторами. О реформе фабричной инспекции в целях большей продуктивности ее работы речь не шла.

Если оценивать в целом два вышеприведенных совещания и доклада, то нельзя не отметить следующую особенность: отчеты фабричных инспекторов на заседании 4 апреля 1902 г. отличались

468 Там же. Л. 92.

469 ГА РФ. Ф. 102. 6 д-во. Оп. 162. Д. 7а. Л. 92.

470 Там же. Л. 94.

идентичностью. Все они были выдержаны в духе разоблачительной кампании против перспективного в 1902 г. проекта начальника Московского охранного отделения. Ничего не говоря о собственных ошибках и затруднениях, фабричные инспекторы отмечали опасность эксперимента Зубатова для рабочих их округа. Интересно, что выступавшие были обеспокоены слухами и убеждены, что, если опыт легальных организаций распространится на их губернии, положение резко ухудшится. Ни один из них не конкретизировал свои мысли и не уточнял, почему он так думает. Это свидетельствовало о некоей предопределенности совещания 4 апреля. Циркуляр министра финансов Витте придал собранию инспекторов необходимую его ведомству заданность.

Совсем иное можно сказать о пространном и содержательном всеподданнейшем докладе министра внутренних дел Сипягина. Объехав четыре губернии и лично побеседовав с главами местных администраций, Сипягин отразил в своем отчете и понимание губернаторами рабочего вопроса, и свое восприятие проблем, связанных с ним. По характеру высказываний губернаторов ощущается, что они находились в некоторой растерянности. С одной стороны, у них рождались идеи о необходимости более эффективного надзора за рабочими, а с другой – не было достаточных властных рычагов для их реализации. С одной стороны, они хотели контролировать деятельность фабричной инспекции, а с другой – не могли, так как она пользовалась относительной независимостью как учреждение Министерства финансов. Стоит отметить, что губернаторы четырех посещенных министром губерний не обнаруживали негативного отношения к эксперименту Зубатова, а ярославский губернатор Б. В. Штюмер и вовсе высказывался за введение похожих мер на подвластной ему территории. Однако будучи ограничены бюрократической волокитой и законодательными преградами, губернаторы были вынуждены прибегать к устаревшим в 1902 г. мерам: размещению полиции на территории заводов, использованию конно-полицейских отрядов для подавления недовольства. В условиях невозможности иначе решать

назревший рабочий вопрос местная администрация заботилась о поддержании страха в среде рабочих.

Рабочий вопрос в 1901–1902 гг. в России определялся во многом непростыми взаимоотношениями Министерства внутренних дел и Министерства финансов. Конфликт между министерскими чиновниками с одной стороны и столкновения фабричной инспекции с полицией с другой стороны проходили на фоне обостряющегося недовольства рабочих условиями производственного процесса и характером договорных отношений. Несмотря на то, что руководящие министерские круги пытались урегулировать конфликт путем наделения губернаторов более широкими полномочиями, а также увеличения ответственности фабричной инспекции, промышленную жизнь всё более и более захватывали кризисные явления. Это происходило в том числе и потому, что циркулярная политика министерств отличалась двойственностью и противоречивостью. Так, министр финансов Витте писал о необходимости согласования действий фабричной инспекции с губернским надзором, в то же время всячески отгораживая ее от фабричной полиции, что создавало путаницу в контроле за настроениями рабочих. Министр внутренних дел Сипягин также высказывался против сложившейся порочной практики самостоятельного положения фабричной инспекции, однако не предлагал ничего для его ограничения. Чины ГЖУ имели свои представления о способах решения рабочего вопроса. Таким образом, в различных инстанциях не было единства в инициативах по решению рабочего вопроса. Министерство внутренних дел в лице его главы Сипягина не спешило оказывать безоговорочную поддержку какой-либо одной линии действий в рабочем вопросе. Критикуя сложившееся положение дел, Сипягин не предлагал никаких контрмер для устранения недоразумений, кроме увеличения числа полицейских на местах. Отсутствие в Министерстве внутренних дел определенной, согласованной с губернаторами программы решения рабочего вопроса способствовало бесплодным прениям многочисленных межведомственных совещаний.

2.4. Проблема легализации рабочего движения в периодической печати

Официальная и неофициальная периодика не могла не обращать внимания на важнейшую общественно-политическую проблему. Почти в каждом номере центральной прессы за вторую половину 1901 – первую половину 1902 г. можно найти упоминание о тех или иных случаях на производстве, нередко печатались теоретические статьи. Статьи официальных газет демонстрировали, насколько ведомственные инициативы решения рабочего вопроса соответствовали правящему курсу правительства.

В начале 1901 г. в составе Государственного Совета был учрежден Департамент промышленности, наук и торговли. Одновременно с этим Департамент торговли и мануфактур был преобразован в особый отдел Министерства по части торговли и промышленности. Во главе преобразованного департамента был поставлен товарищ министра финансов

В. И. Ковалевский, который до этого возглавлял отдел торговли и мануфактур. Центральные газеты с большим воодушевлением восприняли изменения. Газета «Новое время» писала: *«...представительство по делам промышленности и торговли как в Государственном Совете, так и в высшей администрации значительно усилено. Хотя отсюда еще и не близко до особого Министерства промышленности и торговли, но многие рассматривают сказанные меры как первый шаг к учреждению этого министерства»*⁴⁷¹. Рост объемов торгового оборота и промышленного производства, а наряду с этим и новые проблемы, способствовали увеличению числа департаментов. Газета отмечала кризисные явления, которые угрожали промышленности: *«...гнилых и слабых предприятий оказалось очень немало почти во всех родах промышленности. Внешние же условия продолжали оставаться неблагоприятными ввиду*

471 Новое Время. 1901. 1 января. С. 3.

стесненного положения денежного рынка, ухудшегося вследствие политических осложнений на Дальнем Востоке и уменьшения доходности многих предприятий»⁴⁷².

Проблемы промышленного производства были основной темой газет в начале 1901 г. Многие журналисты пытались найти причины затруднений, приходя к нелестным для фабрикантов выводам. К примеру, «Московские новости» писали: «Дорогие казенные заказы, покровительственные тарифы, да, к счастью промышленников, недостаток путей сообщения, которые помогли бы более равномерному распределению железа – все это развращало заводчиков, устраняло всякую конкуренцию и давало им возможность пренебрежительно относиться не только к мужику с его мелкими потребностями, но и к более крупным заказчикам»⁴⁷³. Перепечатка данной статьи в сочувствующем Министерству финансов «Новом времени» очень показательна. Ее автор критиковал не только «развратившихся фабрикантов», единственной целью которых была собственная выгода, но и правительство, предоставляющее «дорогие заказы и покровительственные тарифы»⁴⁷⁴. По его мнению, практика предоставления казенных заказов порождала отсутствие всякой конкуренции, а вследствие этого и условия для кризиса.

В крупнейших газетах началась публичная кампания обсуждения потенциального экономического кризиса; многие авторы статей критиковали фабрично-заводское управление. Инициатором этой кампании выступил князь В.П. Мещерский, который в газете «Новое время» не пожалел красок на изображение проблем в промышленности. Как и следовало ожидать, основным объектом критики князя явились фабриканты, которые «в течение 10–20 лет

472 Там же.

473 Там же. 2 января. С. 2.

474 Там же.

не снабдили крестьянский беспомощный и нищенский быт предметами, нужными для его обихода и для его труда...»⁴⁷⁵. По его мнению, если бы перечисленные условия были соблюдены, то в стране установилась бы «ярко-светлая картина народного благосостояния». Продолжающийся многие годы упадок крестьянского хозяйства приводил к промышленному кризису, в чем были виноваты фабриканты, думающие о сиюминутных выгодах. Газета «Новое время» солидаризировалась с мнением Мещерского: «...общая мысль князя, бесспорно, верна – заводчики, конечно, не придумают для устранения кризиса ничего, кроме новых льгот и заказов от казны...»⁴⁷⁶

Таким образом, существовала убежденность в том, что фабрично-заводские круги не в состоянии предложить способы преодоления намечающегося кризиса. В ответ на отсутствие инициативы с мест правительство взяло курс на принятие законопроектов, ограждающих рабочих от самовластья фабрикантов. В мае 1901 г. «Русские ведомости» сообщили, что в Министерстве финансов поднят вопрос «*об обязательных постановлениях, которые меняли бы фабрикантам в обязанность заботу о здоровье рабочих*»⁴⁷⁷. Суть обязательных постановлений в газете не раскрывалась.

Через некоторое время в газетах началось обсуждение еще одного важного для рабочих вопроса – условий их проживания. Плачевное состояние рабочих общежитий – казарм – уже давно привлекало внимание санитарных организаций. В августе 1901 г. в «Московском листке» была напечатана статья, посвященная этой непростой теме. Как писала газета, одним из немногих учреждений, занимающихся состоянием общежитий рабочих, была комиссия городских санитарных врачей: «*В ближайшем заседании комис-*

475 Новое Время. 1901. 22 января. С. 2.

476 Там же.

477 Русские ведомости. 1901. 7 мая. С. 2.

сии было внесено предложение о желательности выработки обязательных постановлений по устройству и содержанию временных помещений для рабочих... Это предложение было принято»⁴⁷⁸. Для реализации предложения образовалась особая подкомиссия, именно ей предстояло проконтролировать выполнение определений комиссии. Городская управа распорядилась, чтобы все городские санитарные врачи начали собирать сведения о помещениях, в которых жили рабочие Москвы.

Примерно в это же время Министерство финансов заинтересовалось сбором подробных статистических данных, касающихся как технической, так и экономической стороны промышленного производства. Статистические сведения были нужны для определения истоков кризисных явлений и обеспечения мер, предотвращающих их дальнейшее распространение. Газета «Русское слово» разъясняла механизм сбора статистической информации: «...в бланках, рассылаемых в настоящее время промышленным заведениям, содержатся вопросы, касающихся общих по промышленному заведению сведений, исполнительных механизмов, сырых материалов, изготовленных изделий и прочее. Заполненные ответами бланки должны быть возвращены не позднее 15 октября настоящего года»⁴⁷⁹.

Забота о здоровье рабочих, состоянии их жилищ, проведение статистических исследований, безусловно, можно считать своевременными мерами в условиях предкризисных явлений. Однако в дальнейшем упоминаний об этих проектах в газетах не встречается. Менее чем через год мрачные предсказания о кризисе сменились оптимистичными сообщениями о его скором окончании. 21 мая 1902 г. «Московские ведомости» писали: «...временные затруднения промышленной заминки неизбежно окончатся. Накопленный

478 Московский листок. 1901. 3 августа. С. 2.

479 Русское слово. 1901. 23 августа. С. 2.

*избыток товара будет постепенно сбыт рынком, на фабриках и заводах снова явится усиленный спрос на труд, и для рабочего наступят времена сбережений»*⁴⁸⁰. Радужные прогнозы предваряли программную статью бывшего народовольца Л. А. Тихомирова, который в комплиментарном духе описывал деятельность обществ взаимопомощи рабочих в различных производствах.

Л. А. Тихомиров оптимистично оценивал развитие капитализма в России: *«Капитализм необходим и полезен. Он совершает великую миссию в области материального прогресса»*⁴⁸¹. По мнению автора статьи, капиталистические отношения в экономике породили общества взаимопомощи, в которых назрела осязаемая необходимость. В качестве примера Тихомиров приводил старейшую кассу взаимопомощи рабочих-наборщиков, организованную в 1869 г. по инициативе П. М. Леонтьева⁴⁸²: *«Через 30 лет касса, за всеми произведенными расходами, имеет чистый капитал в 65 800 рублей. А между тем сами члены за это время внесли не более 78 800 рублей, расходов же было произведено на 80000 рублей»*⁴⁸³. Далее Тихомиров иллюстрировал цифрами успешную деятельность кассы наборщиков. Сообщая о том, что за 30 лет касса принесла 41,5 % чистой прибыли за счет роста процентов накопленной суммы, он ничего не говорил о размере вступительных и членских взносов, частоте выплат компенсаций. Понять, выгодно ли было рабочим состоять в данном обществе, можно было бы, только зная об основном и оборотных капиталах. В статье перечислялись виды помощи нуждающимся рабочим: пособие по болезни, похороны, пенсии

480 Московские ведомости. 1902. 21 мая. С. 2.

481 Там же.

482 Леонтьев Павел Михайлович (1822–1874) – филолог, доктор римской словесности, ординарный профессор Московского университета, один из основателей журнала «Русский вестник», соиздатель газеты «Московские ведомости».

483 Московские ведомости. 1902. 21 мая. С. 2.

вдовам, но ничего не говорилось о пособии по безработице. Подводя итог, Тихомиров безапелляционно утверждал, что *«в Москве состоит до 30000 рабочих по механическому производству, следовательно, их взаимопомощь может быть несравненно более широкой, может сконцентрировать более обширный капитал»*⁴⁸⁴. Мнение Льва Александровича о том, что большая часть рабочих, задействованных в механическом производстве, могла сочувственно отнестись к устройству кассы взаимопомощи – явное преувеличение. Статью Тихомиров закончил совсем уж фантастической фразой: *«...если бы механики 30 лет назад последовали примеру типографов, то теперь даже и при не очень блестящем ведении дела, они, стало быть, имели многие сотни тысяч запасного капитала»*⁴⁸⁵. Подобные сведения могли вызвать ироничную улыбку у фабрикантов и недоумение у рабочих. Сложно понять, на кого была рассчитана эмоциональная заметка консерватора. По всей видимости, Л. А. Тихомиров пытался оказать поддержку обществам взаимопомощи рабочих.

К маю 1902 г. центральная печать регулярно освещала деятельность легальных рабочих организаций. В газетах «Русское слово», «Московские ведомости», «Русские ведомости», «Торгово-промышленная газета» публиковались отчеты о мероприятиях обществ взаимопомощи: собраниях, лекциях, концертах, танцевальных вечерах. Самое первое упоминание о легальных рабочих организациях можно найти в номере «Русских ведомостей» от 5 июня 1901 г.: *«Нам сообщают, что рабочим механического производства в Москве, среди которых возникла мысль об устройстве общества взаимопомощи (устав его выработан, отправлен в Петербург на утверждение), разрешено московским обер-полицейстером собираться в течение предстоящего лета по воскресеньям в помеще-*

484 Там же.

485 Московские ведомости. 1902. 21 мая. С. 2

нии аудитории при чайной общества народных развлечений (на Смоленском рынке) для бесед под руководством приват-доцента А. Э. Вормса,

В. З. Дэна и секретаря московского союза потребительных обществ В. И. Анофриева»⁴⁸⁶. В этой же статье подробно освещались первое и второе собрания общества рабочих, состоявшиеся 27 мая и 3 июня.

На первое собрание пришло немного рабочих (около 50), что объяснялось пробным характером мероприятия. Вел лекцию приват-доцент политической экономии А. Э. Вормс, один из тех преподавателей Московского университета, о сотрудничестве с которыми с восторгом отзывался начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов. «Русские ведомости» писали о том, что Вормс *«познакомил слушателей в общих чертах с сущностью вопроса об обществах взаимопомощи как одного из видов взаимного страхования рабочих, с постановкой этого дела в Англии и Германии, с характеристикой предстоящей деятельности общества по выработанному уставу»⁴⁸⁷. На втором заседании рабочие обсуждали потребительские общества: «Желание рабочих познакомиться с настоящим вопросом было вызвано указанием, сделанным ранее И. Х. Озеровым, о том, что за границей потребительные общества устраиваются рабочими иногда параллельно с обществами взаимопомощи, с тем чтобы доходами от первых покрывать свои взносы в кассы вторых обществ»⁴⁸⁸.*

В то же время рабочие не игнорировали обсуждение и более привычных для них вопросов: *«Обсуждался между прочим вопрос о существующем на большинстве фабрик и заводов обычае осмотра рабочих, уходящих по окончании работ домой. Процедуру осмотра*

486 Русские ведомости. 1901. 5 июня. С. 2.

487 Русские ведомости. 1901. 5 июня. С. 2.

488 Там же.

большинство ораторов признавало унижительной для чести и достоинства рабочего»⁴⁸⁹. За скупыми и лаконичными фразами скрывались эмоциональные споры, а иногда даже и конфликты рабочих, впервые получивших возможность публично высказаться.

Число рабочих, посещающих лекции, постепенно росло. Как сообщали «Русские ведомости», на третьем собрании рабочих Общества взаимопомощи, которое прошло 10 июня, присутствовало 140 человек. *«По открытии собрания представители рабочих прочли и поднесли составленные в прочувственных выражениях и покрытые подписями адреса своим товарищам: М.А. Афанасьеву (председателю собрания), Ф. А. Слепову (секретарю) и Н. Т. Красовицкому⁴⁹⁰ как наиболее деятельным и энергичным участникам по выработке устава общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве»⁴⁹¹. «Русские ведомости» были первой газетой, упомянувшей о секретных агентах Московского охранного отделения в рабочей среде. В статье «Русских ведомостей» подробно освещалось содержание очередной лекции Вормса. Так, уже в третьей беседе Вормс подчеркнул, что было бы неправильно полностью копировать структуру и деятельность рабочих союзов Запада: *«Он указал на наиболее существенные черты различия в финансовых задачах обществ взаимопомощи и так называемых рабочих союзов, существующих на Западе и не допускаемых нашим законодательством»⁴⁹². В условиях предреволюционного времени кассы взаимопомощи вполне могли превратиться в стачечные фонды, а затем и в революционные кассы, чего не могли не понимать организаторы легального рабочего движения. В статье уточнялось, что общества могли тратить средства на определенные, ограниченные законом**

489 Там же.

490 Речь о Н.Т. Красивском. В некоторых периодических изданиях и публицистике встречается ошибочное упоминание фамилии Красивского – Красовицкий.

491 Русские ведомости. 1901. 12 июня. С. 2.

492 Русские ведомости. 1901. 12 июня. С. 2.

цели. В конце собрания некоторые рабочие внесли довольно разумные предложения по устройству на фабриках гардеробов, лучшему хранению материалов, отмене обысков, однако проследить, были ли они учтены, представляется затруднительным, так как в дальнейшем газеты ничего об этом не писали.

С третьего собрания Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве определился порядок его взаимодействия с фабричной инспекцией: *«Собрание согласилось с указанием на неприменимость коллективных обращений к фабричной инспекции как запрещенных законом, и признало возможность сношений с инспекцией лишь со стороны отдельных представителей рабочих»*⁴⁹³. Данный принцип соблюдался всеми обществами взаимопомощи: никаких коллективных писем и воззваний рабочие легальных организаций не писали. К этому их принуждало не только требование закона, но и нежелание копировать тактику революционных групп, активно распространявших прокламации.

На пятом собрании был достигнут рекорд посещаемости: *«На собрание явилось свыше 200 человек, после чего был вывешен анилаг о прекращении доступа в залу аудитории за недостатком места»*⁴⁹⁴. Свежие впечатления и надежды привлекали на лекции всё новых и новых рабочих. Им льстило, что маститые профессора делятся с ними информацией из серьезных журналов, научных сборников. *«...Анофриев познакомил собравшихся с интересными данными по вопросу о параллельной деятельности обществ взаимопомощи и потребительных, приведенными в только что появившихся статьях в июньской книжке журнала “Русская мысль” и профессора Чупрова. И. в сборнике “Помощь евреям, пострадавшим от неурожая”»*⁴⁹⁵. Анофриев раскрывал рабочим смысл таких понятий, как скидочная система, дивиденды, посредническая контора, накопление

493 Там же.

494 Там же.

495 Русские ведомости. 1901. 26 июня. С. 2.

средств. Он рассказывал рабочим об успешных обществах взаимопомощи, которые, создав денежный фонд и грамотно его используя, достигли неплохих результатов. Следует отметить, что подобных обществ было немного, а в пример приводилось всего два: рочдельское Общество потребителей в Англии и харьковское Общество взаимопомощи ремесленников. Из газетной статьи не совсем ясно, что конкретно профессор Анофриев рассказывал об этих двух обществах, скорее всего, рабочие были ознакомлены с общей информацией.

8 июля 1901 г. в аудитории смоленской чайной Общества народных развлечений состоялась беседа приват-доцента Дэна. Это было седьмое собрание Общества рабочих механического производства – последнее, о котором газета «Русские ведомости» напечатала подробный отчет. Лекция была посвящена расходам Общества взаимопомощи на уплату пособий членам в случае болезни, безработицы и смерти: *«Вычисления были сделаны по отношению к цифре 1 000 человек, вносящих ежемесячно по одному рублю или в год по двенадцать рублей, что дает обществу дохода в год двенадцать тысяч рублей»*⁴⁹⁶. Дэн признавал, что поначалу Общество не могло приобрести доход в размере двенадцати тысяч рублей в год. Для того чтобы рабочие исправно платили по рублю в месяц, они должны были видеть ощутимые выгоды членства в обществах взаимопомощи. Это предполагало регулярные выплаты пособий, бесперебойную работу потребительской лавки, защиту их прав на предприятиях. Однако ни в июне 1901 г., ни в последующее время организаторы легального движения не могли удовлетворить желания рабочих.

Тем не менее летом 1901 г. преподаватели сохраняли оптимизм. Приват-доцент Дэн озвучивал перспективы: *«... общество должно обслуживать потребительские нужды рабочих механического производства путем устройства центрального склада товаров и филиальных его отделений в различных районах Москвы; размер*

496 Там же. 13 июля. С. 2.

вступного членского взноса определен в один рубль, стоимость паевого взноса в пять рублей. <...> Судя по предварительным записям, в настоящее время уже изъявили желание вступить в члены проектируемого общества до 600 рабочих»⁴⁹⁷. Членские взносы в размере рубля могли себе позволить не все рабочие, из-за чего в дальнейшем они были разделены на три разряда.

Преподаватели ошибались не только в предположениях о будущих членских взносах. Несмотря на то, что Дэн заявлял о шести стах желающих вступить в Общество, в действительности активных членов обществ взаимопомощи было гораздо меньше.

Тем же энтузиазмом и оптимизмом были охвачены и сами рабочие, часть из которых выдвигала разнообразные идеи. Сообщая о желании рабочих организовать биржу труда и общество потребителей, журналист «Новостей дня» писал 9 июля 1901 г.: *«...при бирже предполагается рекомендательное бюро, столовая и буфет. Тут же предполагено организовать бесплатное обучение в школе, чтение лекций, библиотеку. В потребительное общество уже записалось несколько сот человек»⁴⁹⁸.*

С осени 1901 г. в газетах перестали публиковаться подробные отчеты о собраниях обществ взаимопомощи. Их заменили лаконичные сообщения о том, что в определенный день состоялась лекция, указывалась ее тема и фамилия лектора. В качестве примера можно привести сообщение «Московских ведомостей» за 1903 г.: *«4 мая в аудитории исторического музея рабочим были предложены два чтения по богословию о Св. литургии священника М.Г. Городенского и естественно-научное “Об уме и воле животных” ректора и профессора императорского московского университета А. А. Тихомирова»⁴⁹⁹.*

497 Русские ведомости. 1901. 13 июля. С. 2.

498 Новости дня. 1901. 9 июля. С. 2.

499 Московские ведомости. 1903. 6 мая. С. 2.

Нелегальные газеты, в свою очередь, писали о разочаровании профессоров новой формой организации рабочих. 1 февраля 1902 г. газета «Искра» опубликовала следующее сообщение: *«Университетские сотоварищи Дэна просят напечатать следующую заметку. Приват-доцент Дэн участвовал в беседах с механическими рабочими только до начала октября. <...> Он отказался участвовать в этом деле ввиду того оборота, которое оно к этому времени уже приняло»*⁵⁰⁰. «Сообщение» группы профессоров побудило газету изменить свое отношение к Дэну с критического на сдержанно-одобрительное. Факт отказа ряда преподавателей Московского университета читать лекции московским рабочим механического производства общеизвестен, однако информация «Искры» о том, что профессора обращались во все редакции с целью «спасения» репутации Дэна, представляется крайне сомнительной. В той же статье выражалась озабоченность тем, что начальник Московского охранного отделения Зубатов читал рабочим Общества взаимопомощи газету «Искра» с критическим анализом ее статей.

Официальная власть, а вслед за ней и центральные газеты не могли молчать и делать вид, что никакой деятельности общества взаимопомощи не ведут. Начиная с 1902 г. в печати появляются подробные отчеты о праздничных мероприятиях с участием рабочих легальных организаций⁵⁰¹.

500 Искра. 1909. 1 февраля. С. 9.

501 Зубатовцы в конце 1901 г. изъявили желание чествовать царствующего монарха, однако было ли им это разрешено, неизвестно. Глава Особого отдела Л. А. Ратаев писал Зубатову: *«М Г. Сергей Васильевич! Московские организованные рабочие обратились через посредство известного Вам Михаила Афанасьева за ходатайством осчастливить их разрешением отправить Всеподданнейшую телеграмму Государю Императору, с принесением их поздравлений, по случаю Дня Тезоименитства Его Императорского Величества б сего декабря»* (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 339. Д. 801. Ч. 1. Л. 268).

6 февраля в редакции «Московских ведомостей», «Русских ведомостей», «Московского листка», «Полицейских ведомостей», «Русского слова», «Курьера» и «Новостей дня» пришло распоряжение из канцелярии московского генерал-губернатора, который *«покорнейше просил редакции напечатать в завтрашнем номере газеты прилагаемое сообщение»*⁵⁰². Рассылкой сообщения занималась инспекция по делам печати, можно предположить, что и остальные сообщения об обществах взаимопомощи пересылало по редакциям это ведомство. Сообщение, которое распорядился опубликовать великий князь Сергей Александрович, содержало благодарственные слова рабочих-механиков в адрес московской администрации за *«поддержку в проведении устава московского общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве и просьбу о разрешении в день 19 февраля нынешнего года вместо панихид, совершавшихся в различных церквах, отслужить общую торжественную панихиду у памятника Императора Александра II, положившего начало гражданской правоспособности крестьянского сословия, с возложением венка к подножию памятника»*⁵⁰³. Рабочие получили согласие, и 20 февраля 1902 г. во всех вышеперечисленных газетах появилось подробное описание возложения венков к памятнику Александра II. Газеты сообщали, какие гимны пелись рабочими, сколько депутатов возлагали венки, описывали ход панихиды о покойном и молебствия о здравствующем императоре.

Интерпретация событий 19 февраля 1902 г. в «Искре» была прямо противоположна сообщениям официальной периодики. Печатный орган марксистов утверждал, что на венок рабочие механического производства были вынуждены внести от 20 копеек до рубля. Автор статьи явно иронизировал над манифестацией рабочих: *«К народу вышел московский богдыхан Сергей и сказал подходящую к случаю речь, после чего народ упал на колени и кричал или ревел*

502 ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 135. Д. 29 л. 35.

503 ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 135. Д. 29 л. 35.

*подходящие случаю звуки»*⁵⁰⁴. *«...По слухам, на эту затею Охранное отделение израсходовало 100 000 рублей»*⁵⁰⁵. Выражение «по слухам», довольно часто встречающееся в статьях газеты «Искра», заставляет поставить под сомнение степень серьезности источников, предоставляющих изданию информацию.

Через некоторое время венки, возложенные рабочими к памятнику императора Александра II, были доставлены в Петропавловский собор к гробнице царя-освободителя. Как писали «Московские ведомости», сделано это было по воле государя Николая II, что косвенно подчеркивало факт императорского расположения к начинаниям и деяниям рабочих Общества взаимопомощи. В статье подробно описывался *«серебряный венок из густых пальмовых и дубовых ветвей, с наискось перекинутой лавровой золоченной ветвью»*⁵⁰⁶. Императорское благоволение к подношению рабочих в действительности ничего для обществ не значило. Организации не получили ни новых кредитов, ни помещений под склады для потребительских лавок. Первостепенные нужды рабочих удовлетворены не были.

Сообщения об обществах взаимопомощи появлялись чаще всего в «Московских ведомостях». Обычно авторами этих статей были Л. А. Тихомиров или секретарь Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве Ф.А. Слепов. Выходили и анонимные статьи – как, например, 20 мая 1902 г., с названием «Рабочие общества взаимопомощи». Неизвестный автор писал о сложных условиях, в которых приходилось действовать легальным организациям и кассам взаимопомощи. *«По слухам, организация полагается не особенно быстро, что можно было бы, впрочем, легко предугадать, ввиду тягостного состояния, переживаемого в настоящее время промышленностью»*⁵⁰⁷. По мнению автора, к кризису

504 Искра. 1902. 10 марта. С. 14.

505 Там же.

506 Московские ведомости. 1902. 1 мая. С. 2.

507 Там же. 20 мая. С. 2.

привело перепроизводство и сложности со сбытом товара, что отразилось на скромных заработках рабочих.

Последствия сложного положения в промышленном секторе выразились в том, что на заводы Московской и Владимирской губерний было затребовано на 30 тысяч рабочих меньше, чем в 1901 г. В этих условиях развитие легальных рабочих организаций было затруднено, о чем и писал анонимный автор статьи: «...устанавливать общества взаимопомощи очень не легко, так как для этого требуется у рабочих некоторый избыток дохода, которого при данных условиях не может быть»⁵⁰⁸. В отличие от рабочих, автор статьи понимал, что обществам взаимопомощи не стоит рассчитывать на государственные кредиты и пожертвования частных лиц.

Тему желательной самокупаемости легальных рабочих обществ продолжил князь В.П. Мещерский на страницах тех же «Московских ведомостей». В своей статье он с первых абзацев поспешил расставить акценты и определить приоритеты: «...цель забот, посвящаемых рабочему вопросу... во-первых, против попыток обращаться с рабочим вопросом по-европейски, во-вторых, против попыток совращения рабочих в радикальный социализм»⁵⁰⁹. Если со вторым пунктом всё более или менее ясно, то первый пункт претерпел изменения со времени основания рабочих обществ. Тогда, в 1901 г., на страницах «Московских ведомостей» печаталось содержание лекций профессоров политической экономии, на которых проповедовалась желательность развития касс взаимопомощи по европейским образцам. Устранение профессоров от эксперимента повлияло и на изменение редакционной политики в отношении легальных организаций. Князь Мещерский прямо утверждал, что устройство обществ взаимопомощи по западным образцам ведет к социализму, и ратовал за общение рабочих с хозяевами: «...*тот*

508 Там же.

509 Московские ведомости. 1903. 8 февраля. С. 2.

факт, что союзы рабочих создаются с устранением хозяев, получает значение организации против них»⁵¹⁰. Статья Мещерского являлась прямым отголоском серии скандалов с участием рабочих обществ взаимопомощи, самым ярким из которых стало «дело Гужона». Ее целью было успокоить взбудораженное легализацией рабочего движения фабрично-заводское управление. Именно поэтому князь позволял себе довольно забавные пассажи, вроде такого: «...сложившиеся отношения рабочих к хозяевам их, основанные на цели работать на условиях дружного объединения»⁵¹¹. По мнению Мещерского, церковь и фабриканты могли способствовать улучшению экономического положения рабочих. Это должно было убедить фабрикантов в безопасности обществ взаимопомощи для их управленческой деятельности.

Через несколько дней вышла оптимистичная статья Ф.А. Слепова, который, умалчивая о легальных организациях, высказывался о повышении интеллектуального уровня и развитии самосознания у рабочих. Интересно, что словосочетание «сознательный рабочий», наряду с официальными печатными органами, широко использовалось и в оппозиционной подпольной печати. Ф.А. Слепов писал и об очередной годовщине освобождения крестьян от крепостного права: «*В нынешнем же году торжество было еще величавее, ибо оно происходило во всех церквях Москвы, и молилось не только 50 тысяч, а сотни тысяч. Богослужения происходили также и на фабриках*»⁵¹². Отсутствие упоминаний об обществах взаимопомощи, завышенные цифры молящихся рабочих свидетельствовали о желании организаторов легального рабочего движения скрыть круг многочисленных проблем перечислением торжеств и общими фразами о светлом будущем.

510 Там же.

511 Там же.

512 Московские ведомости. 1903. 21 февраля. С. 3.

В подобном духе замалчивания сложных тем была выдержана очередная статья в «Московских ведомостях», посвященная «хозяевам и рабочим». Автор продолжал традицию князя Мещерского представлять сотрудничество фабрикантов и рабочих как взаимоотношения любящих отцов и послушных детей: *«Примеры самой отеческой заботливости хозяина и рабочих у нас явление обычное...»* Приводя в пример отдельные случаи членства фабрикантов в обществах взаимопомощи, автор делал вывод о том, что никакого взаимного недоверия между ними и рабочими не существует. Беспорядки на фабриках объяснялись в статье двояко: *«подстрекательствами из среды анархических бунтарей»* или *«недоразумениями»*. Да и *«недоразумения» «устранялись полюбовно»*, а *«рабочие и хозяева начинают сталкиваться раньше, чем злонамеренные люди успеют напустить в дело тумана»*⁵¹³. Идиллическая картина, нарисованная автором, была прямо противоположна реальному положению дел. За полтора года до революции в условиях развивающегося промышленного кризиса и безработицы анонимный автор влиятельной газеты задавался вопросом, *«в чем проявляются враждебные отношения между хозяевами и рабочими»*, и не находил ответа. Фабрикантам было выгодно представлять забастовки как результат злонамеренных действий оппозиционных групп. Такое истолкование вопроса переводило поиск причин конфликта в область внешних воздействий и влияний. В то же время внутренние причины забастовок при данном понимании оставались за кадром. Функции политической полиции ограничивались выявлением «неблагонадежных элементов» на фабриках, в то время как договорные отношения отдавались на откуп фабричной инспекции.

1 апреля 1902 г. в «Искре» вышла очередная статья, посвященная легальному рабочему движению. Газета предрекала скорый кризис обществ взаимопомощи и представляла анализ причин

513 Там же. 27 февраля. С. 1.

намечающегося краха. Наибольшей критике, как всегда, подвергался Зубатов, фамилия которого в 1901–1902 гг. стала нарицательной в оппозиционных газетах: *«Первые успехи хитрой махинации, затеянной Зубатовым, видно, совсем вскружили ему голову...»*⁵¹⁴ Обструкция была устроена и секретарю Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве Ф.А. Слепову. Автор статьи вкладывал в его уста речи о том, что скоро правительство введет восьмичасовой рабочий день, а рабочие сами станут хозяевами своего труда. На основании этих данных «Искра» делала вывод о скором и неизбежном конфликте фабрикантов с членами обществ взаимопомощи: *«Не может быть сомнения, что как только зубатовцы перейдут от слов к делу, они должны будут оттолкнуть от самодержавия одну из его верных опор – фабрикантов, и подвинуть их на более или менее активную оппозицию»*⁵¹⁵. Газета не ошибалась в том, что *«рабочие начинают терять терпение и перестают удовлетворяться обещаниями Зубатова и его присных»*⁵¹⁶. По последнему пункту проницательность автора вполне объяснима – с февраля 1902 г. по московским заводам и фабрикам прокатилась волна забастовок, в числе участников которых были представители легальных рабочих обществ.

Первое время газеты часто и пространно рассказывали о том, какие темы излагались профессорами на собраниях для рабочих, публиковали краткое содержание лекций. Постепенно статьи становились всё лаконичнее, напоминая по форме отчеты, а к 1904 г. прекратились вовсе. По реакции газет можно выявить изменение отношения чиновничье-бюрократического аппарата к легальным рабочим организациям – от заинтересованного до равнодушного. Если в 1901 г. газеты с энтузиазмом восприняли мероприятия обществ взаимопомощи, то с течением времени оптимизм сменился

514 Искра. 1902. 1 апреля. С. 13–14.

515 Там же.

516 Там же.

настороженностью, а настороженность, в свою очередь, – умолчанием. Дискуссии рабочих, публикуемые в центральных газетах, явно не способствовали купированию конфликтов на фабриках. Поддержанные центральными газетами, рабочие почувствовали себя вправе говорить о проблемах и требовать их решения. Такая позиция не могла встретить понимания у представителей властных институтов, из-за чего кампания прессы в их поддержку была свернута.

Политика легализации рабочего движения, проводимая Московским охранным отделением, заключалась во внедрении секретных сотрудников в рабочую среду. Агенты подбирались из числа людей, способных при помощи личностных особенностей и общего уровня развития стать лидерами организаций взаимопомощи. Частично эта задача была достигнута: руководители Общества взаимопомощи в механическом производстве пользовались уважением и почетом со стороны обычных рабочих. Это позволяло более эффективно осуществлять контроль за настроениями в Обществе, определять тематику собеседований, оперативно реагировать на внештатные ситуации.

Несмотря на отдельный успех в организации механиков, кадровая политика Московского охранного отделения по набору секретных агентов не может быть признана удачной. Нередко в их число попадали малоответственные личности, а иногда и откровенные авантюристы. Так, в Обществе взаимопомощи в текстильном производстве даже провели третейский суд над его руководителем Жилкиным. Случаи пьянства и казнокрадства не обходили легальные организации стороной. Данные явления были неизбежны в силу новаторского характера легализации рабочего движения. Рабочие еще только учились самопомощи, самоорганизации; во многом они оставались малообразованными выходцами из деревень, только пытающимися овладеть первоначальными знаниями по экономике.

Газетная кампания, сопровождающая деятельность организаций взаимопомощи, укрепляла рабочих в осознании того, что правительство решило взять под контроль и добиться минимизации случаев нарушения договорного процесса на промышленных предприятиях. В 1901–1902 гг. регулярные статьи о легальных обществах подтверждали интерес власти имущих к новаторской линии в рабочем вопросе. Показательные шествия рабочих к Кремлю и возложение венков к памятнику Александру II также свидетельствовали о некотором доверии со стороны властей.

Уставная документация обществ четко регламентировала все организационные и финансовые вопросы. Ряд статей устава устанавливал платежные обязанности членов Общества, что свидетельствовало о стремлении к финансовой прозрачности. Профессор Озеров, ставший одним из авторов устава Общества, проводил опросы среди рабочих, стараясь максимально приблизить содержание учредительных документов к их пожеланиям. Таким образом, первые полтора года существования легальные организации взаимопомощи в целом соответствовали надеждам рабочих и в перспективе могли реализовать основную миссию по дезавуированию популярности социалистических идей.

Глава 3 Трансформация принципов рабочей политики в 1902–1904 гг

3.1. Эксперимент по созданию общеобразовательных чтений для рабочих

На протяжении всего 1901 г. публиковались статьи, записки, заметки, подводящие теоретическую базу под легальное рабочее движение. Большую работу в поддержку инициатив Московского охранного отделения в рабочем вопросе провел бывший народо-волец, вступивший на позиции приверженца монархии, Лев Тихомиров. В 1901 г. была издана его записка «О задачах русских рабочих союзов и началах их организации». В ней он отмечал, что появление в России рабочей организации является беспрецедентным фактом, а потому крайне важно, чтобы правительство и сами рабочие четко представляли себе ее цели и направления деятельности. Л. А. Тихомиров отвергал следование в этом вопросе примеру западных стран, так как рабочий вопрос в Европе развивался при таких обстоятельствах, которые отождествляли его с социалистическими идеями: «...рабочие у них рассматриваются всё-таки как орудие будущего социального переворота, поэтому мы должны сохранять некоторую умственную самостоятельность»⁵¹⁷.

В период Первой революции в России взгляды Тихомирова не изменились: «Л. А. Тихомиров... во время революционных событий 1905–1907 гг. доказывал неосуществимость “светлого царства социализма”»⁵¹⁸.

Избежать социалистических идей в начале XX в. рабочему было очень сложно: многочисленные листовки и прокламации, распространяемые на заводах, написанные простым и понятным

517 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 97.

518 Грабко М.Е. Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX в. М., 2017. С. 143.

ему языком, доходчиво объясняли, почему трудящиеся получают мизерные зарплаты. Записка Л. А. Тихомирова критиковала предыдущий опыт устройства общества рабочих: *«Постановка нашего вопроса на исключительно экономическую почву придает русскому рабочему делу узкий характер с неизбежной склонностью к социализму»*⁵¹⁹. В результате изучения законодательства и обсуждения острых бытовых тем необразованными рабочими, росло недовольство фабрикантами и желание с ними бороться. Выход из этой непростой ситуации Л. А. Тихомиров видел во взаимной ответственности рабочих и фабрикантов, достижение которой было возможно через осуществление двух задач: защиты экономических интересов рабочих и поддержания порядка и законности в отношении рабочих к хозяевам. Рабочие, по его мнению, только тогда смогут удовлетворять свои нужды, не выходя из правового поля, когда из их среды выдвинутся руководители, так называемая народная интеллигенция, которая *«должна быть наравне с деятелями партийных интеллигентных направлений»*⁵²⁰. На наиболее интеллигентных представителей из числа рабочих должна равняться остальная масса, а условия для образования и развития мысли должно предоставлять правительство.

Таким образом, Л. А. Тихомиров предлагал принципиально иную схему участия правительства в контроле над рабочими организациями. Если ранее оно предоставляло условия для борьбы рабочих с фабрикантами за улучшение быта, что приводило к увеличению вражды между ними, то теперь оно должно было предоставить рабочим возможности для образования. Повышение интеллектуального уровня рабочих позволило бы объединиться в своих усилиях с русской интеллигенцией, *«которая думает не о захвате власти над Россией, а о выработке самостоятельной народной мысли»*⁵²¹. Наряду с образованием, задачей рабочих союзов

519 ГА РФ. Ф. 63. Он. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 98.

520 Там же. Л. 100.

521 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 100.

должно быть улучшение нравственного облика рабочих, более глубокое их воцерковление. Оскудение религиозности в различных слоях общества было, по мнению автора записки, одной из причин успешной деятельности революционеров. Именно поэтому Л. А. Тихомиров рекомендовал серьезно взяться за рабочих в плане их возвращения к исконно русским ценностям: «...нужно ввести в практику рабочих союзов молитву, участие в церковной службе, обряды»⁵²². Церковь могла привнести в рабочие организации черты первохристианских общин: искоренение грубых пороков, уважение к семейной жизни, организацию внутреннего третейского суда, совместное проведение досуга. Создание общины решило бы многие проблемы, так как рабочие, в большинстве своем вышедшие из крестьян, привыкли к такой форме жизненной организации. Общинность могла способствовать благоустройству быта рабочих в городе: им не была чужда ни административная, ни судебная, ни церковная, ни бытовая стороны общественной жизни. Конечной целью рабочих союзов должна быть, как писал Л. А. Тихомиров, организация своего сословия. Превращение сформированного бессознательно и бесформенно класса в государственно признанное и регулируемое сословие позволит рабочим получить права и обязанности в отношении других сословий и государства. Признание обществом нового рабочего сословия позволит ему с большим успехом отстаивать права своей собственности и иметь справедливое участие в выгодах производства. В письме на имя Д. Ф. Трепова в июле 1903 г. Л. А. Тихомиров энергично поддерживал кассы взаимопомощи рабочих: *«По вопросу о кассах взаимопомощи и других учреждениях взаимопомощи мне кажется совершенно очевидным, что в крупной промышленности они составляют безусловно необходимое условие для обеспечения рабочих... если Правительство не останавливается в известной поддержке предпринимателей при надобности, например, в развитии железнодорожной сети, или считает возможным премиями ускорять появление наших продуктов на*

522 Там же. Л. 101.

заграничных рынках, то я не вижу, почему бы Правительству не прибегнуть к поощрению кредитами или какими-либо субсидиями дело развития Рабочих Обществ взаимопомощи»⁵²³.

Широкое распространение в рабочей среде получила записка «Группы сознательных рабочих» о зубатовском движении. Она имела контрагитационный характер и была направлена против листовок и прокламаций РСДРП (б). Главная мысль записки состояла в том, что только правительство может принять меры, существенно улучшающие положение рабочих. Кроме того, в ней широко критиковались тезисы социалистической пропаганды. Автор в упрощенной форме разъяснял, что раздел всех благ поровну, безденежные отношения, приход рабочих к власти никогда не осуществятся, так как для того, чтобы управлять государством, нужно хорошее образование, которого у рабочих нет. В записке разделялись цели рабочих и революционеров: *«Цель рабочих – выиграть забастовку и тем самым сделать шаг к улучшению своего положения, а цель революционеров – воспользоваться этим случаем для возбуждения рабочих против правительства»⁵²⁴.*

Рабочие добивались выполнения их требований, тогда как революционеры, наоборот, стремились к беспорядкам и вмешательству полиции. Для того чтобы этого не происходило, рабочие должны получать широкое образование и выходить на пути цивилизованного диалога с фабричным руководством. Обеспечение рабочих необходимыми для образования средствами автор предполагал осуществить путем объединения земельных участков рабочих: *«Если рабочие союзы впоследствии объединят эти участки, то союзы явятся уже собственниками и не только будут в состоянии давать приют престарелым своим членам, но, как крупные землевладельцы, приобретут влияние в земстве, хозяйстве страны. Они тогда прочно станут, и им уже легко будет отстаивать свои интересы*

523 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 4. Л. 269.

524 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 801. Л. 5.

*и проводить желательные реформы»*⁵²⁵. Отказавшись от насильственных действий и нарушений дисциплины, рабочие смогли бы привлечь на свою сторону двух могущественных союзников – общественное мнение и правительство. Первое является источником законодательства, так как указывает взгляд общества на то или иное явление, а второе, прислушиваясь к общественному мнению, издает законы. При благорасположенности общественного мнения к рабочему движению контакт власти и общества будет существенно облегчен. Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что анонимный автор записки ратовал за создание рабочих организаций, находящихся в союзе с правительством и объединяющих денежные и земельные средства с целью достижения материальной независимости и прав, равных правам других сословий.

В январе 1902 г., по указанию Московского охранного отделения, районные собрания обсуждали вред для рабочих студенческих волнений. В качестве докладчиков выступали, главным образом, рабочие из обществ С. В. Зубатова и Д. Ф. Трепова. Благодаря усиленной агитации, совместные выступления рабочих и студентов, назначенные на 9 февраля, не состоялись. Наряду с этим, обсуждался вопрос о взаимоотношениях рабочих и интеллигенции. Ораторы доказывали, что только русское самодержавие и наличие монархической власти могут помочь рабочим улучшить свое положение. Смысл говорящегося на районных собраниях был тождественен содержанию программных документов легального рабочего движения, что свидетельствовало о распоряжениях полиции на сей счет. По агентурным донесениям конца 1901 – начала 1902 г., наблюдалось сближение рабочих кругов со студенческими по линии оппозиции власти. Действенным средством против этого были признаны районные собрания. Агенты охраны в стремлении обезопасить рабочих от вредного влияния революционной интеллигенции и студенчества ссылались в своих выступлениях на то,

525 Там же.

что самодержавие освободило крестьян при упорном сопротивлении дворянства. Поэтому рабочие должны сторониться интеллигенции, которая, выступая против самодержавия, тем самым помогает имущим классам. Фабриканты, избавившись от контроля правительства, получили бы возможность неограниченной эксплуатации рабочих.

К этому времени усилиями Афанасьева, Слепова, Жилкина и других секретных агентов полиции были открыты районные собрания рабочих текстильных предприятий. Вслед за ткачами общества возникли у пуговичников, табачников и кондитеров. Всего к началу 1902 г. функционировало восемь обществ. Первые успехи повлияли на решение создать в Москве нечто вроде Генерального Совета⁵²⁶. М.А. Афанасьев писал по этому поводу в Московское охранное отделение: *«В настоящее время мы видим, что в Москве уже есть организация ткачей, затем организуются пуговичники, кондитеры, парфюмеры, могут организоваться портные, которые уже делали запрос по этому поводу. У поваров уже явилась такая идея. Все это и натолкнуло меня на мысль создать нечто похожее на заграничные рабочие союзы с Генеральным Советом во главе. Предполагаемым объединением мы впервые создадим несуществующий в России до сих пор рабочий союз, который в подражание нам найдет последователей в других больших городах России»*⁵²⁷. Генеральный Совет должен был иметь похожую компетенцию с советами в различных отраслях производства, действовать в масштабах всей страны, подчиняться Московскому охранному отделению. Инте-

526 Не путать с Советом рабочих механического производства, о котором идет речь на стр. 123. Совет, созданный в 1901 г., должен был контролировать районные совещания механиков, тогда как Генеральный Совет 1902 г. мыслился как управленческий орган над обществами взаимопомощи всех производств.

527 ГА РФ. Ф. 63. Он. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 228.

ресно, что создание Совета связывалось М.А. Афанасьевым с конфликтом в руководстве Общества взаимопомощи ткачей: *«В виду возникших за последнее время недоразумений, происшедших по вине Г. Жилкина на собрании ткачей, является настоятельная необходимость объединить все возникшие уже в Москве организации в одно целое, ядром или центром которого должен быть Совет...»*⁵²⁸

С созданием легальных рабочих обществ в других производствах Совет распространил свой контроль и на их деятельность. Обычно жалобы подавались рабочими в письменной форме на имя Совета, а члены Совета в свою очередь передавали их начальнику Московского охранного отделения либо московскому обер-полицмейстеру, который указывал на конфликт представителям фабричной инспекции либо вступал в непосредственные контакты с управляющими фабрик или заводов⁵²⁹. В некоторых случаях заявления на имя обер-полицмейстера составлялись от имени Объединенного правления Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве. Даже в 1902 г., когда появились общества рабочих в текстильном, пуговичном, табацком и кондитерском производствах, общество рабочих механиков отвечало за доведение жалоб до сведения представителей московской администрации. Чаще всего подписи под прошениями ставили председатель правления Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве М.А. Афанасьев и его секретарь Ф. А. Слепов – наиболее деятельные и активные из сотрудников С. В. Зубатова в рабочей среде. Помимо основных требований (уменьшение рабочего дня, повышение заработной платы, отмена сверхурочных работ), в прошениях содержались и специфические. Так, в заявлении от 13 марта 1902 г. Совет рабочих от имени М.А. Афанасьева сообщал: *«10 числа сего года хожалый спальни фабрики Шредер с помощью сторожей отправил в участок ткачей Ивана Васильева и его брата Павла Васильева, а также и жен их, причем они говорят далее, что*

528 Там же. Л. 229.

529 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 23. Д. 32. Л. 40.

*сторожа и дворники сильно били их... По словам ткачей, отправили их в участок за то, что между ними произошел крупный разговор... Ведя в участок, дворник держал Ивана Васильева за горло, а городской сорвал часовую цепь у него...»⁵³⁰ Характер данной жалобы и принятие ее Советом свидетельствует о явном желании руководителей легального рабочего движения повысить авторитет обществ взаимопомощи в среде фабрично-заводского населения. В случае явной вины рабочих (драка между собой, потасовка с дворниками) Совет принял их сторону и оперативно отправил мелкую по существу жалобу московскому обер-полицмейстеру. Резолюция Д. Ф. Трепова была красноречивой: *«Рабочие врут, чего в будущем рекомендую им не делать, ибо взгрею»*⁵³¹. Тем не менее подобные резолюции не останавливали поток прошений, заявлений и ходатайств. В том же марте 1902 г. рабочие фабрики Бутюгиной подали в Совет заявление о том, что *«их не выпускают за ворота в свободное от работы время, а перерыва на обед совершенно не полагаются...»*⁵³². Ко всему прочему, ткачи жаловались на большую грязь в помещении, недостаток освещения и отопления. В прошении подробно описываются детали неустроенного быта и загрязненности производственных помещений. Однако, несмотря на скрупулезное перечисление проблем и сложностей, резолюция обер-полицмейстера была короткой: *«...снестись с старшим фабричным инспектором»*⁵³³. Данная рекомендация по сути означала отказ от рассмотрения обер-полицмейстером дела. Старший фабричный инспектор если и брал на рассмотрение подобные дела, то либо откладывал их в «долгий ящик», либо принимал сторону владельцев промышленных заведений, что накаляло и без того напряженную обстановку в среде рабочих.*

530 Там же.

531 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 23. Д. 32. Л. 49.

532 Там же.

533 Там же. Л. 65.

Резолюция *«снести с старшим фабричным инспектором»* была обычной для московского обер-полицмейстера. В качестве примеров можно привести прошение рабочих-ткачей фабрики *«Зелиг и Мейер»* об улучшении жилищных условий в спальнях рабочих, исправлении антисанитарии⁵³⁴, а также заявление ткачей с шелково-ткацкой фабрики *«Симоно»*, которые были крайне недовольны грубым обращением администрации и тяжелыми условиями производственного процесса⁵³⁵. Приведенные выше архивные документы ставят под сомнение слова С. В. Зубатова, высказанные в частном письме В. Л. Бурцеву 18 декабря 1906 г.: *«...и в официальных донесениях приставов по рабочим недоразумениям держался принципа “по совести и по справедливости”, накладывая нередко правильные, но резкие резолюции на бумагах, в таком, например, роде: “опять хозяева виноваты!”»*⁵³⁶.

Постоянные отказы в решении заявленных проблем постепенно приводили рабочих к разочарованию новой формой организации. Одним из его проявлений стал кризис в совете рабочих в ткацком производстве, который разразился в ноябре 1902 г. Суть конфликта состояла в следующем. 14 ноября прошло совещание Комиссии ткацкого производства, на котором публично, в присутствии всех членов Общества взаимопомощи рабочих в ткацком производстве, обсуждалось поведение и злонамеренные действия председателя этого общества Жилкина. Сторону обвинения представлял известный представитель легального рабочего движения Красивский, который, наряду с Афанасьевым и Слеповым, входил в число наиболее приближенных к С. В. Зубатову людей. На собрании Красивский обвинил Жилкина в том, что тот *«не один раз был пьяный и учинял беспорядки... теряет доверие рабочих, благодаря*

534 Там же. Л. 81.

535 Там же. Л. 91.

536 Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 70.

чему теряется уважение к комиссии»⁵³⁷. Жилкин в ответ на это, как повествует памятная записка членов совещания Комиссии ткацкого производства, «высказался, что он готов трудиться для блага рабочих, но разных прохвостов он уважать не будет... и разразился бранью»⁵³⁸. Смысл его высказываний сводился к отказу исполнять председательские полномочия главным образом из-за того, что его «старались закидать грязью со всех сторон». Жилкин сетовал на то, что за ним везде следит полиция и есть немало людей, «которые желают его стереть с лица земли»⁵³⁹. Аргументы председателя не произвели на собравшихся никакого впечатления, вследствие чего Жилкин был смещен с занимаемой должности, а на его место был назначен И. И. Советов. Помимо решения этого вопроса, Советательная комиссия поручила чиновнику особых поручений Войлошникову выяснить ряд вопросов, которые затрудняли деятельность общества: «объяснить роль председателя комиссии, а также и членов комиссии, и взгляд властей на выборных лиц рабочих, отношение одного производства к другому... познакомить членов комиссии ткачей с существующей и утвержденной обер-полицмейстером инструкцией»⁵⁴⁰.

По отзывам рабочих, долгое время было непонятно, кто возглавляет Общество и отвечает за дела – Красивский или Жилкин. Красивский, не являющийся ткачом, активно, на правах члена Объединенного совета легальных рабочих обществ, вмешивался в дела ткачей и пытался контролировать финансовую деятельность их общества. Вмешательства Красивского вызывали острое недовольство со стороны Жилкина, который добивался права управлять Обществом и тяготился навязанным ему «соглядатаем» со стороны. Конфликты способствовали дальнейшему падению авто-

537 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 23. Д. 32. л. 92.

538 Там же.

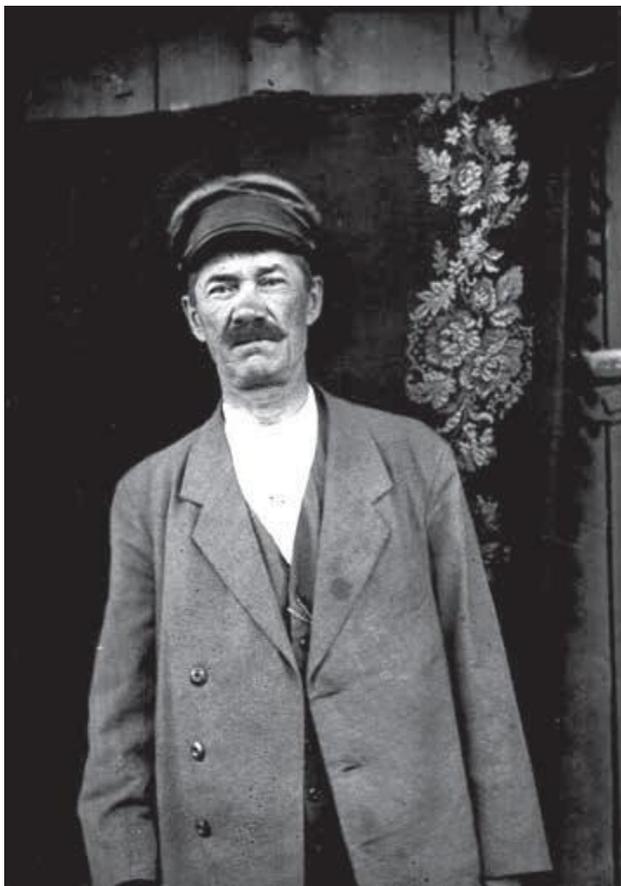
539 Там же. Л. 94.

540 Там же. Л. 109.

ритета руководства общества ткачей в частности и всего легального рабочего движения в целом. Смещение председателя второго по численности рабочих общества за пьянство, растрату сумм организации и злоупотребления по уплате содержания Совета также не способствовало вере рабочих в действенность эксперимента. Через некоторое время после увольнения с должности бывший председатель Жилкин был задержан околоточным надзирателем за пьянство и буйство. Показательно, что при задержании он требовал *«дать ему объясниться по телефону с Охранным отделением, называя себя служащим там, и ругался неприличными словами»*⁵⁴¹. На следующий день в протоколе околоточного надзирателя появилась запись о том, что *«в Охранном отделении Жилкин не служит, а лишь бывает там по делу организованных рабочих»*⁵⁴².

541 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 23. Д. 32. л. 178.

542 Там же. Л. 179.

Ф. И. Жилкин

* * *

Интересна дальнейшая судьба упоминавшегося Ф.И. Жилкина. В 1907 г. он был помещен под арест, и о его деле переписывались такие должностные лица, как московский губернатор, московский генерал-губернатор и министр внутренних дел. 11 мая 1907 г. занимающий должность московского губернатора В.Ф.

Джунковский обратился к министру внутренних дел П.А. Столыпину с ходатайством о высылке крестьянина деревни Ченец Аннинской волости Волоколамского уезда Фёдора Ильина Жилкина «под гласный надзор полиции в одну из отдаленных местностей на возможно больший срок»⁵⁴³. В свою очередь, генерал-губернатор Москвы, генерал-лейтенант С. К. Гершельман в обращении к Столыпину поддерживал ходатайство В.Ф. Джунковского о «запасном старшем унтер-офицере Федоре Жилкине, обвиняемом в порочном поведении»: «Соглашаясь с своей стороны на применение к Жилкину испрашиваемого Флигель-Адъютантом Джунковским административного взыскания, я об изложенном, на основании прим, ст. 16 (по проб. 1902) Положения о гос. охране, имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству»⁵⁴⁴. В.Ф. Джунковский предоставил П.А. Столыпину неоднозначные сведения о Жилкине: «Имеет жену Александру Иванову и детей Клавдию 5 лет и Бориса 2,5 лет. Уже давно известен полиции, как крайне вредный агитатор. Принадлежит к числу ораторов и несколько раз переходил на сторону то крайне левых, то монархических партий, смотря по тому, кто платит деньги, о чем он сам же, не стесняясь, рассказывал в статьях под заглавием “Кулисы черной сотни”, помещенных в №№ 81, 83, 84 и 87 текущего года запрещенной ныне газеты “Утро”. В последнее время Жилкин агитировал на родине, в Волоколамском уезде, искусно прикрываясь званием члена “Союза русского народа” и обнаружил свой образ мыслей лишь 12 апреля, когда, увлекшись спором в чайной лавке Михайлова, в городе Волоколамске, публично стал ругать св. Иосифа Волоколамского Чудотворца»⁵⁴⁵.

В конце мая 1907 г. Жилкин, которому грозила многолетняя высылка, написал письмо на имя министра внутренних дел П.А. Столыпина: «Мое возвращение и действие в партиях, союзах и обще-

543 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 143. 5 д-во (1907). 9 ч. Д. 151. Л. 1.

544 Там же. Л. 3.

545 Там же. Л. 4.

ствах с 1902 года по сие время, разрешенных только Правительством, никогда не имело цели к нарушению выше упомянутых статей Закона, я строго их сохранял. Даже нет той тени, которая могла бы указать меня, как противоправительственного агитатора на митингах, собраниях, возмущавшего толпу к неповиновению Верховной власти или вызову на скандал. Несомненно я мог нажить себе врагов, преследующих корыстные цели... И что касается улучшения быта крестьян и рабочих, я постоянно к нему стремлюсь только на законном основании. Прошу освободить меня из-под стражи»⁵⁴⁶. Удивительно, но, несмотря на то, что бывший агент полиции не приводил в свое оправдание никаких весомых аргументов или доказательств, в июле 1907 г. из Министерства внутренних дел последовало указание прекратить содержание его под стражей⁵⁴⁷.

После Февральской революции Жилкин учреждает Христианско-социальную рабочую партию (ХСРП), которая в 1919 г. была преобразована в Христианско-Социалистическую Рабоче-Крестьянскую партию⁵⁴⁸. Духовником в этой партии был будущий идеолог обновленческого раскола, автор термина «Живая Церковь» Сергей Владимирович Калиновский, настоятель храма Гребневской иконы Божией матери на Лубянке. В 1919 г. Народный комиссариат юстиции РСФСР открыл дело об организации председателем Главного центрального совета «Христианско-социалистической рабоче-крестьянской партии» Жилкиным публичного религиозного диспута. Жилкин был приговорен к заключению в концентрационный лагерь на все время гражданской войны за то, что *«заведомо ложно со спекулятивной целью, как для себя лично, так и*

546 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 143. 5 д-во (1907). 9 ч. Д. 151. Л. 8.

547 Там же. Л. 9.

548 Подробнее: Кривошеева Н.А. Всецело приспособление к духу времени // Вестник ПСТГУ. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. С. 29–39.

для своей партии и для рекламы, поместил фамилию сотрудника советской власти на афише об устраиваемой указанной партией лекции гражданина Кузнецова “Почитание святых и их мощей в связи с осмотром их”, следствием чего у народных масс могло создаться неправильное представление об отношении Советской власти к т. н. Христианской Социалистической Рабоче-Крестьянской Партии»⁵⁴⁹. Вскоре после обжалования Жилкина отпустили, так как приговор не соответствовал степени тяжести преступления. «В 1922 году неутомимый “искатель по верам” примкнул к одной из мелких обновленческих группировок, а именно, к Свободной Трудовой Церкви»^{550, 551}.

В 1903 г. конфликты происходили и в обществе пуговичников, о чем в докладе рабочим сообщил секретарь Объединенного совета Ф.А. Слепов: «Простите, что не могу присутствовать на Вашем сегодняшнем собрании, ибо явилась необходимая потребность быть на собрании пуговичников, где происходят сильные между ними недоразумения»⁵⁵². В том же 1903 г. из Совещательной комиссии Общества ткачей выбыли несколько авторитетных и уважаемых в среде рабочих членов. Причины выхода из организации обозначил бывший секретарь Общества А. П. Морозов на своем последнем выступлении в Немецком народном доме. По его мнению, «собравшиеся здесь не смеют высказать то, что наболело на душе, ни прямо возразить господину Красивскому, считающемуся почему-то нашим

549 Цит по: Там же. С. 38.

550 Там же. С. 39.

551 Подробнее: Крапивин М.Ю. Свободная Трудовая Церковь (1922–1925): из истории обновленческого движения в русском православии первой половины XX в. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 90–107.

552 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 23. Д. 32. Л. 194.

руководителем, тогда как он совсем не принадлежит к нашему производству...»⁵⁵³. Таким образом, спустя год после истории с Жилкиным вновь обострились взаимоотношения наблюдателя Красивского и рабочих, входящих в Совещательную комиссию Общества ткачей. Причиной увольнения Морозова из Общества стал конфликт с Красивским, о чем косвенно свидетельствуют его слова: «...зачем же мы расходуем, платя жалованье Красивскому, который ровно никакой пользы нам не сделал и не сделает, не смотря на его красноречие. Для ткачей нужны руководители – свои люди, а не те, которые насильно влезают в передовые»⁵⁵⁴. Объединенный совет легальных рабочих обществ решил эту проблему: вместо недовольных А. П. Морозова, Е.В. Лялина и Золотова в состав Совещательной комиссии были привлечены П. П. Лукашин, С. И. Суриков и Е.Т. Зенов, но остановить продолжавшееся падение авторитета руководителей легального рабочего движения это не могло. 23 декабря 1902 г. Правление обществ взаимопомощи направило отчет в Московское охранное отделение: «Из числа членов Правления Василий Моисеев отличается крайне нетрезвым образом жизни, а Митрофан Моисеев, собравши с рабочих деньги для вышеназванного Общества, до сих пор таковых не внес и, по сведениям, растратил таковые, а Илья Соколов командирован обществом в Петербург, где, вероятно, и останется. Кандидаты в члены Правления: Николай Сопов отказался, а Павел Емелин проживает на станции Люберцы»⁵⁵⁵.

15 апреля 1902 г. студент университета св. Владимира, член эсеров С. В. Балмашев, смертельно ранил министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Как пишет исследователь Е.А. Ростовцев, еще до покушения на Сипягина Балмашев за участие в беспорядках был отдан в солдаты, но «возвращен в университет в рамках политики

553 Там же. Л. 199.

554 Там же.

555 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 3. Л. 218.

П. С. Ванновского»^{556, 557}. Перлюстрированные полицией письма об убийстве министра внутренних дел не могли не внушать тревогу. Анонимный автор со станции Дмитриевка Рязанско-Уральской железной дороги писал Наталии Козловой в Женеву: «Здесь очень распространен сифилис, а у детей разные сыпи, чесотки, и все то они такие плохие, бледные, больные, что страшно жаль смотреть... Никто ничего не предпринимает для улучшения быта крестьян. Может быть, Харьковские и Полтавские события сделают что-либо в этом отношении, так как даже Новое время заговорило о необходимости просвещения для нашего народа. Убийству Сипягина у нас так все, кажется, бесконечно рады, что готовы были всевозможным способом праздновать это событие. В Нижнем – настоящая революция: “летучие листки” выходят в изобилии, даже есть рабочая газета, арестов масса. Прокламации там были разбросаны в заутреню на Пасху, во время крестного хода. Так что скоро вспыхнет, пожалуй, настоящая революция»⁵⁵⁸.

Летом 1902 г. снова возобновились чтения в Историческом музее, но это были уже не прежние собеседования, на которых обсуждались нужды рабочих. Во-первых, чтение не сопровождалось обсуждением прослушанного со стороны рабочих, во-вторых, сами темы не касались быта рабочих.

556 Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2017. С. 515.

557 Ванновский П.С. (1822–1904) – в 1901–1902 гг. министр народного просвещения. В 1901 г. были опубликованы правила, которые предоставляли студентам возможность корпоративной организации, легализовались курсовые старосты, дозволялось устройство курсовых сходок, учреждение научно-литературных кружков, столовых, касс взаимопомощи. Ванновский был против отправления бунтующих студентов в армию, не использовал эту меру в качестве санкционной.

558 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 50 Т. 1. Л. 273.

2 мая 1902 г. министру внутренних дел была представлена программа общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих. Идеи Л. А. Тихомирова были приняты к сведению и воплощены в жизнь. Введение к программе раскрывало основной смысл и цели затеваемых мероприятий: *«Чтения общеобразовательные должны восполнить недостатки школьного образования, расширить развитость рабочих и дать им некоторую опору для личного чтения»*⁵⁵⁹. Чтения были разделены на несколько разделов: богословские, исторические, географические, естественно-научные, художественные, обзоры текущих событий. Планировалось воспитать рабочих в духе уважения к нравственным ценностям, истории родной страны, почтения к правительству. Главное внимание в программе уделялось религиозно-нравственному воспитанию пролетариата. Рабочие должны были изучать догматическое и нравственное богословие, богослужебные науки, историю церкви, жития святых. Заведующим богословским отделом чтений был назначен ректор Московской духовной семинарии архимандрит Анастасий, его заместителем был священник церкви при Пересыльной тюрьме Иосиф Фудель, пользовавшийся большим авторитетом у рабочих. Немаловажное значение имели лекции по истории, которые читал председатель Московского Цензурного комитета действительный статский советник Владимир Назаревский.

К чтениям по истории программа предъявляла следующие требования: *«Они должны быть живописны и общедоступны, должны давать слушателям важнейшие поучения истории и знакомить с самим характером жизни различных народов и эпох. В русской истории необходимо довести до сознания слушателей ход развития России, как великого национального целого и показать участие в этом общих основ наших: православной веры, Царской власти, крепкого народного духа и быта. В истории всемирной слушателям особо необхо-*

димо увидеть действия вечных законов нравственной и общественной жизни, которые в различных формах проявляют одно и то же начало»⁵⁶⁰. Лекторам рекомендовалось преподавать по трудам Костомарова, Соловьёва, Иловайского и Георгиевского. Курс по всеобщей истории должен был строиться на произведениях Плутарха, Светония, учебниках Виноградова и Грановского. Необходимость художественных и географических чтений объяснялась тем, что эти предметы не только утончают ум рабочих, но и повышают их рабочую производительность.

Лекции по естественно-научным предметам должен был читать товарищ директора отдела прикладной физики в Политехническом музее коллежский советник Владимир Богданов. В основном это было изложение материала о силах природы, механике, свете, тепле и электричестве. Эти лекции дополняли занятия по санитарно-диетической части, которые проводил старший ассистент при Императорском Университете по кафедре гигиены доктор медицины статский советник Варнава Игнатъев. Наряду с общеобразовательными чтениями, планировалось организовать обзоры текущих событий. *«Рабочий, мало подготовленный к чтению, не имеет свободного времени. Газеты и журналы, его осведомляющие, относятся к числу самых ничтожных, даже среди нашей вообще невысокой журналистики. Обзоры текущих событий заменили бы для рабочих и исправили эти, всегда ничтожные, а по большей части прямо фальшивые сведения, распространяемые дешевыми газетами и брошюрами»*⁵⁶¹, – формулировалось в программе общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих. Тематика планируемых лекций была разнообразной. Большую их часть предполагалось посвятить событиям XIX в. в политической, экономической и культурной жизни страны. Рассказы об императорах Александре II, Александре III, Крымской войне и Севастопольской осаде, Пуш-

560 Там же. Л. 178.

561 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 212.

кине, Гоголе, Достоевском, Кольцове, церковно-приходских школах и монастырях должны были существенно расширить кругозор рабочих и способствовать формированию патриотизма.

Через несколько дней после подачи в Министерство внутренних дел записки об учреждении в Москве Комиссии по устройству общеобразовательных чтений программа была утверждена с некоторыми поправками. *«Его Высокопревосходительством Господином Министром внутренних дел высказаны нижеследующие руководящие соображения: необходимо определить цели чтений по русской и всеобщей истории проще и скромнее, требуется осторожный выбор лекторов по отделу Обзора текущих событий, надлежит внимательно разработать вопрос о наблюдении за чтениями для рабочих ввиду их исключительного значения»*⁵⁶². К сожалению, в дальнейшем из-за опасений министерства чтения по обзору текущих событий так и не начались.

16 июня 1902 г. общеобразовательные лекции для рабочих были торжественно открыты. Газета «Русское слово» так описывала это событие: *«Никогда еще, кажется, в стенах аудитории Исторического музея не было так много публики. Не только все места и проходы в самой аудитории были запружены народом, но и все лестницы – тут были и старые, и малые, и мужчины, и женщины, и даже дети: все это заводские и фабричные рабочие и их семейства, преобладал элемент рабочих в механическом производстве»*⁵⁶³. Перед открытием лекций митрополит московский высоко-преосвященнейший Владимир в сослужении с Можайским епископом Парфением и Дмитровским епископом Трифоном совершил молебен у икон Иверской Божией Матери, Спасителя и Николая Чудотворца. После этого были прочитаны лекции В. В. Назаревским по истории и священником И. Фуделем по богословию. В дальнейшем в течение всего лета раз в неделю рабочие собирались в аудитории Исторического музея. По окончании летнего периода газета «Русское

562 ГА РФ Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 217.

563 Русское слово. 1902. 17 июня.

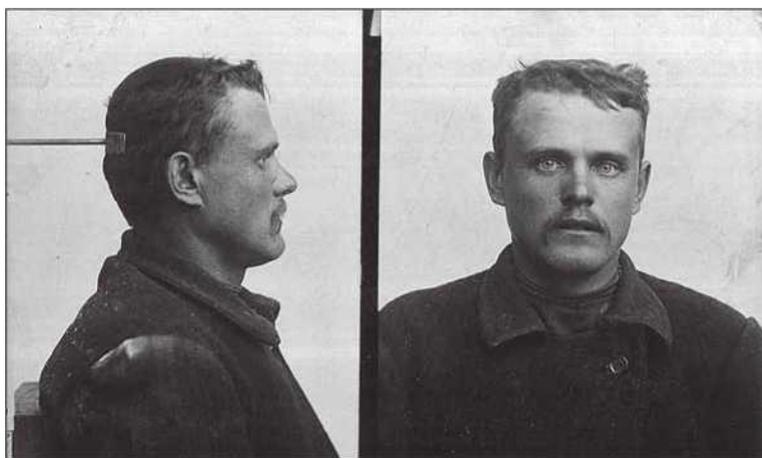
слово» писала о том, насколько опыт общеобразовательных чтений прижился: *«Вот истекает лето, и результаты дела оказываются столь блестящими, что уже можно безошибочно признать опыт поставленным на совершенно правильную почву. Внимание рабочих аудиторий к лекциям, можно сказать, примерное, способное пристыдить аудитории наших университетов. Рабочие отнюдь не пугаются систематических чтений и способны за ними следить. Богословские лекции содержат в себе элементы, трудные для усвоения, характера философского. И мы видим, что рабочая аудитория серьезно и внимательно следит за развитием этого курса»*⁵⁶⁴.

Успех лекций объяснялся тягой рабочих к знаниям и профессионализмом преподавательского состава. Лектор по истории В. В. Назаревский неизменно сопровождал свои занятия иллюстративными картинками на экране; рассказывая о древнерусских князьях, сравнивал их с современными им западными государями. Лекции по физике дополнялись физическими опытами. В подготовке к проведению лекций нередко принимали участие активисты из числа рабочих. Они устраивали литературные вечера, на которых сами читали стихотворения Пушкина, Некрасова, Лермонтова, басни Крылова. Это способствовало развитию и проявлению творческих способностей у рабочих. Помимо лекций и литературных встреч, московский обер-полицмейстер, по ходатайству секретных агентов М.А. Афанасьева и Ф.А. Слепова, выдавал разрешения на проведение семейно-танцевальных вечеров в разных районах города. Из членов районных организаций избирались ответственные рабочие, которые были обязаны следить за порядком.

Несмотря на то, что организаторы чтений стремились отвлечь рабочих от политической и экономической риторики, некоторые общества пытались вернуться к прежней деятельности: *«Рабочие*

564 Там же. 19 августа.

скоро стали смотреть на свой Совет, как на прибежище от притеснений на фабриках и заводах, и сюда они стали подавать жалобы»⁵⁶⁵. Большое впечатление на рабочих производило то обстоятельство, что представители Совета с листами, выданными Д.Ф. Треповым, свободно входили на фабрики и заводы вопреки запрету администрации и, действуя от имени Совета, заступались за рабочих. Дело доходило до того, что, когда на одной из фабрик был арестован один из лидеров Совета Т. Янченков, он заявил: «Рабочие об отводе им помещений для отделений союза не будут спрашивать ни хозяев, ни конторы, ни станowego пристава, ни исправника, а выберут самое подходящее место и будут там собираться. Прошло время, когда были рабовладельцы и рабы, и когда рабы уподоблялись пчелам, кормили своих господ задарма, теперь и рабы будут жить, как господа»⁵⁶⁶. Такие заявления еще больше настраивали фабрикантов против легального рабочего движения.

Т. Янченков

565 Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 206.

566 Морской А. Зубатовщина. М., 1913. С. 12.

Стачки проходят на ряде фабрик: на Даниловской мануфактуре, на мануфактуре Гужона. В их числе особо следует отметить стачку, организованную Советом на фабрике товарищества шелковой мануфактуры Гужона и Мусси. 21 февраля на ней забастовали ткачи, предъявившие требования о повышении заработной платы и выплате 40 тысяч рублей за прошлое время. Администрация отказалась удовлетворить требования рабочих и объявила всех остановивших работы уволенными. Всего было уволено около тысячи человек, не считая 600 рабочих, занимавшихся подготовительными работами. На фабрику для ведения переговоров явились представители Совета, которых администрация допустить отказалась.

Только под давлением обер-полицейстера Д. Ф. Трепова начальство мануфактуры было вынуждено вступить с ними в переговоры, которые ни к чему не привели. В ответ на это Д. Ф. Трепов потребовал от Гужона удовлетворения требований рабочих и пригрозил ему, в случае невыполнения предъявленных претензий, выслать его как французского подданного за пределы страны. Гужон отказался подчиниться Д. Ф. Трепову, и только заступничество французского посла помогло ему избежать высылки из Москвы. Этот конфликт вызвал большой резонанс в Министерстве внутренних дел и Министерстве финансов. На имя министра внутренних дел стали поступать жалобы фабрикантов, обеспокоенных требованиями Совета рабочих на производстве. Недовольство их заключалось главным образом в том, что путем угроз и давления Совет нарушал нормы фабрично-заводского законодательства и вмешивался в сферу, подведомственную им как управленцам производства. Вследствие жалоб фабрикантов министр внутренних дел распорядился *«до выяснения и окончательного разрешения возбужденного вопроса сделать распоряжение о приостановке всякой деятельности Совета рабочих, направленной к выяснению и урегулированию отношений рабочих и фабрикантов, и вмешательство его в вопросы, суждению совета неподлежащие, так как это, несомненно, может*

вызвать значительные осложнения при дальнейшем рассмотрении дела»⁵⁶⁷.

Заявление Д. С. Сипягина вызвало острую реакцию обер-полицмейстера Москвы. В письме на имя московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов высказывался категорически против приостановки деятельности Совета рабочих, так как это *«внесет большую сумятицу в умы, вновь разгорячит страсти, вызовет снова клевету и извращение фактов, а все вместе взятое легко может закончиться, при возрождающейся идеи политического террора, – фабричным террором»⁵⁶⁸*. Опасения Д. Ф. Трепова были вызваны тем, что прекращение деятельности Совета заставило бы рабочих резко разочароваться в правительстве и поверить в идею оппозиционных элементов о том, что оно является слугой господствующего класса. В этом случае все предыдущие благие начинания полицейских рабочих организаций были бы сведены на нет. Власть в представлении рабочих была бы насквозь прогнившим институтом, не устоявшим против могущества капитала промышленников. *«Настроение рабочих превратится из мирного в боевое, а правительство из попечительного союзника – во врага, защиту от коего можно найти лишь в союзе с революционерами»⁵⁶⁹.*

Мысли Д. Ф. Трепова нельзя не признать справедливыми в условиях, когда любой просчет власти воспринимался оппозиционными партиями как возможность для пропагандистского удара. В то же время постоянные жалобы промышленников в различные ведомства, их собрания в помещении Биржевого комитета и серьезная озабоченность деятельностью рабочих организаций заставляли правительство по-иному взглянуть на общества вспомоществования. В своих петициях фабриканты нередко искажали

567 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 110.

568 Там же. Л. 112.

569 Там же. Л. 113.

факты, представляя ситуацию в выгодном для себя свете. Легальное рабочее движение, по их мнению, преследовало антикапиталистические цели и направляло свои усилия на дискриминацию их прав как собственников предприятий. Кроме того, фабриканты указывали на то, что рабочие на собраниях нередко обсуждали вопросы государственного значения, что признавалось крайне опасным. Д. Ф. Трепов пишет в упоминавшемся выше письме великому князю Сергею Александровичу: *«Празднование 19 февраля, как указывается в заявлении фабрикантов, было разрешено при условии, если рабочие не примкнут к студенческим беспорядкам, и при этом было обещано предоставление им различных льгот и облегчений»*⁵⁷⁰. Такие заявления имели целью дискредитировать общества взаимопомощи рабочих. Ситуация на мануфактуре Ю.П. Гужона и А. П. Мусси привлекла внимание других фабрикантов, обеспокоенных бессилием фабричной инспекции и забастовкой рабочих в Великий пост.

В ответ на гневные петиции Гужона в адрес московской администрации, подкрепленные подписями других авторитетных промышленников, Д. Ф. Трепов, в соответствии с «Положением о государственной охране», распорядился провести расследование по выяснению обстоятельств конфликта. По его итогам были выявлены причины, заставившие ткачей требовать расторжения трудового договора: умышленное и тайное увеличение размера принятой на фабрике единицы измерения вырабатываемых тканей, уменьшение, к выгоде хозяина, платы рабочим за произведенный ими товар, пониженные расценки труда, злоупотребление правом расторгать договор с предупреждением за две недели, преследование за жалобы, антисанитарные условия, давление фабричной инспекции при выборе артельных старост. Вся мера ответственности за произведенные на мануфактуре беспорядки целиком и полностью возлагалась на плечи промышленников.

570 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 120.

После «гужоновского» инцидента рабочие подали ряд судебных исков против фабрикантов.

После забастовки на мануфактуре Гужона рабочие соседних с Московской губерний начали активно бороться за свои права. Так, фабричная инспекция Владимирской губернии сообщала, что успехи, достигнутые московскими рабочими, хорошо известны ковровским, заинтересованно обсуждающим успехи москвичей. Из Рязанской губернии писали: *«Близость Москвы и Коломны, если не будет парализована деятельность московского союза рабочих механического производства, крайне печально может отразиться на настроении рабочих Рязанской губернии»*⁵⁷¹.

В Москве главным противником обществ взаимопомощи, наряду с министром финансов С.Ю. Витте, был губернатор А. Г. Булыгин⁵⁷². В письме на имя обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова он сообщал: *«Количество волнующихся фабрик и мелких ремесленных заведений в Московском уезде и, в особенности, в местности Благуша и примыкающим к ней окрестностям, продолжает увеличиваться, причем по однородности предъявляемых рабочими требований следует прийти к заключению, что все они действуют по одной и той же программе. Подтверждением этого является и то обстоятельство, что, по свидетельству чинов уездной полиции и фабричной инспекции, рабочие пограничных с Москвой фабрик и заводов принимают более или менее постоянное участие в собраниях, устраиваемых в различных чайных и трактирных заведениях города Москвы союзом рабочих в механическом производстве, причем, по негласно добытым сведениям, на этих именно собраниях и была выработана*

571 Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 235.

572 Булыгин А. Г. (1851–1919) – калужский губернатор (1887–1893), московский губернатор (1893–1905), министр внутренних дел (1905), член Государственного Совета до 1917 г. В 1919 г. расстрелян большевиками.

*программа действий рабочих»*⁵⁷³. Беспокойство А. Г. Булыгина вызывал тот факт, что он как губернатор не получал никаких указаний о деятельности Совета рабочих на подведомственных ему предприятиях. Несанкционированная деятельность Совета за пределами Москвы могла, по его мнению, вызвать значительные проблемы. Не желая быть ответственным за возможные волнения рабочих, губернатор рекомендовал следующее: «...воспретить означенному Совету всякого рода вмешательства в дела рабочих фабрик и заводов, расположенных за чертой города Москвы, и, в особенности, посылки своих членов на фабрики и заводы для различных переговоров с рабочими, что, по имеющимся у меня сведениям, Совет позволяет себе делать»⁵⁷⁴. Озабоченность деятельностью организаций взаимопомощи разделял и управляющий Московско-Казанской железной дорогой, также направивший депешу на имя Трепова: «Зная о существовании такового союза лишь по частным сведениям и не имея в своем распоряжении никаких официальных сведений о составе, цели и действиях такого союза, позволяю себе покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в сообщении мне Устава Союза, буде таковой имеется в Вашем распоряжении, или указать источники его получения, а равно сведения о месте пребывания в Москве Центрального Органа Управления Союза и вообще все сведения, о которых Ваше Превосходительство признает полезным поставить меня в известность по отношению к данному предмету»⁵⁷⁵.

Реагируя на письмо А. Г. Булыгина, московский обер-полицейстер направил рапорт великому князю Сергею Александровичу, в котором с негодованием отвергал обвинения в адрес рабочих организаций. По убеждению Д. Ф. Трепова, совершенно недопустимо распространять понятие «забастовка» на явления, ничего общего с уголовно наказуемыми не имеющие. То, что претензии рабочих строятся по одной программе, объясняется общностью

573 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 139.

574 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 2. Л. 141.

575 Там же. Т. 1. Л. 340.

условий их труда, «а само оживление, вызванное Советом, совершенно безвредно для правительственной власти, ибо распространяется исключительно на сферу чисто бытовых, жизненных вопросов и при этом сопряжено с глубокой верой в правительственную благожелательность в отношении рабочих»⁵⁷⁶. Тем не менее уже 30 апреля 1902 г. Д. Ф. Трепов писал великому князю Сергею Александровичу: «Сообщив... Гофмейстеру Булыгину о восприятии чинам Московского общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве являться на какие-либо фабрики в Московской губернии, уведомляю об этом Ваше Превосходительство»⁵⁷⁷.

На позицию губернатора А. Г. Булыгина влияли многочисленные обращения промышленников с жалобами на организации рабочих. Пока рабочие занимались чтением специально подобранной для них литературы, говорили о кассах взаимопомощи в Англии или других странах, фабриканты ничего плохого в этом не видели и даже жертвовали средства в кассу этих обществ. Когда же рабочие начали предъявлять экономические требования с целью улучшения своего материального положения, московская буржуазия всерьез озаботилась этим явлением. Видя в требованиях рабочих угрозу финансовому положению своих предприятий, они выступили с протестом против политики С. В. Зубатова, подчеркивая, что полиция своей деятельностью настраивает рабочих против фабрикантов. В своем письме к министру внутренних дел Д. С. Сипягину С.Ю. Витте писал, что сами полицейские организации созданы «ввиду отвлечения масс от участия в антиправительственной политической деятельности, не менее опасным оказывается допущение их к деятельности антикапиталистической, которая, несомненно, имеет одинаково политическое значение, тем более что

576 Там же. Т. 2. Л. 152.

577 Там же. Л. 107.

справиться с массами, увлеченными каким-либо успехом в этом отношении, может впоследствии оказаться чрезвычайно трудным, если даже не совершенно невозможным»⁵⁷⁸.

Московский мануфактурный совет⁵⁷⁹ направил к С. В. Зубатову своего представителя К. С. Красильникова, который изложил ему претензии. С. В. Зубатов, выслушав Красильникова, заявил, что, так как вся Россия оплетена сетями социал-демократической партии, стремящейся совершить государственный переворот, для предупреждения этого было необходимо в самый кратчайший срок упорядочить взаимоотношения между промышленниками и рабочими. С этой целью специальными агентами были организованы союзы и комитеты по всей России. Что касается фабрикантов, то, по мнению С. В. Зубатова, они, не понимая своих выгод, мешают этому перспективному начинанию. Так как Красильников не согласился с аргументами Сергея Васильевича, начальник охранного отделения принял решение лично побеседовать с промышленниками в помещении трактира Тестова.

В состоявшейся 26 июля 1902 г. беседе С. В. Зубатов разъяснял, что из-за чрезмерной эксплуатации рабочих и пропаганды подпольной и другой печати на буржуазию смотрят, как на мошенников. Сочувствие и поддержку торгово-промышленное сословие может найти в охранном отделении, которое, понимая, в каком положении оно находится, принимает все меры для предупреждения и пресечения преступлений, направленных против представите-

578 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 801. Ч. 1. Л. 110.

579 Мануфактурный совет – совещательный орган при Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов Российской империи. Учрежден в 1828 г., имел отделения в Москве и других городах.

лей капитала. Однако фабриканты, не посвященные в нюансы политики охранного отделения, не только ее не поддерживают, но и осуществляют противодействие⁵⁸⁰.

Предложение С. В. Зубатова о сотрудничестве не получило одобрения у большей части московских промышленников, продолживших борьбу с полицейскими обществами взаимопомощи. В то же время некоторые фабриканты относились с сочувствием к политике Московского охранного отделения в рабочем вопросе и даже обращались к Зубатову с просьбами направить секретных агентов на свои производства. Так, директор ситценабивной фабрики товарищества Н.Н. Коншина А. А. Ланц обратился 15 июня 1902 г. к начальнику Московского охранного отделения с письмом следующего содержания: *«Имея вверенной мне фабрики около 2000 рабочих, прибывших с разных мест империи, я, к сожалению, убедился, что между ними есть лица, которые своими противозаконными разговорами и увещаниями дурно влияют на остальных рабочих, и вследствие того у нас 13 марта с. г. произошли беспорядки на фабрике»*⁵⁸¹. Первой реакцией промышленника на крупные забастовки было стремление набирать «исключительно благонадежных» рабочих, но при приеме на работу многие из устраивающихся казались благонадежными, что не предопределяло их поведения в дальнейшем. Многие фабриканты решали проблему волнений путем приглашения новых рабочих после Пасхи, однако в 1902 г. эта система перестала работать. Ланц писал по этому поводу: *«Ходят слухи, что между ними явились вновь агитаторы, а потому для расследования правды и пресечения могущих возникнуть новых беспорядков желал бы иметь на фабрике человека, которому была бы предоставлена полная свобода действий и на которого обязанности было*

580 Более подробно речь С. В. Зубатова в трактате Тестова изложена в монографии Овченко Ю.Ф. «Охранка и зубатовщина» (М., 2017. С. 246–250).

581 ГА РФ. Ф. 1723. Он. 1. Д. 375. Л. 438.

*бы, обращаясь в среде рабочих, давать мне сведения о всех подозрительных личностях и их действиях. Само собой разумеется, что действительной цели пребывания такого агента на фабрике никто кроме меня знать не может и не должен»*⁵⁸². В письме Ланцц выражал желание встретиться с Зубатовым. Данный пример свидетельствует о том, что среди фабрикантов была группа заинтересованных в эксперименте Зубатова лиц, однако их влияния не хватало для деятельного лоббирования легализации рабочего движения.

В октябре 1902 г. начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов был переведен на должность заведующего Особым отделом Департамента полиции в Петербург. Его отъезд обнажил ряд проблем, существовавших внутри рабочих обществ. Советы этих обществ, состоявшие из рабочих, были недовольны деятельностью Комиссии по устройству публичных чтений. Игнорируя хвалебные отзывы официальной печати о мероприятиях, устраиваемых Комиссией, председатель правления Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве М.А. Афанасьев жаловался в письмах С. В. Зубатову на снижение интереса рабочих к лекциям⁵⁸³. М.А. Афанасьев был не совсем прав в этих оценках. Как свидетельствует газета «Русское слово», в октябре 1902 г. в аудитории Исторического музея на лекциях по богословию и физике собиралось до 1 500 человек⁵⁸⁴. В письмах М.А. Афанасьев обращал внимание С.В. Зубатова и на тот факт, что виднейшие представители науки и культуры отказываются сотрудничать с легальными организациями рабочих.

Постепенно М.А. Афанасьев пришел к выводу, что дальше работать на Департамент полиции и выполнять обязанности секретного сотрудника бессмысленно⁵⁸⁵. В подобном настроении в это время пребывал не только М.А. Афанасьев. Секретарь Общества

582 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 438.

583 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

584 Русское слово. 1902. 7 октября.

585 Там же. С. 9.

взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве Ф. А. Слепов также тяжело переживал отъезд С. В. Зубатова и наметившийся раскол в Обществе. В конце 1902 г. он писал Зубатову: *«Теперь мы идем наугад, по инерции. <...> А вокруг мрак... горизонт обложили тучи, но мы хоть и очутились в безвыходном положении, все таки видим маяк, издалика мерцающий своим светом»*⁵⁸⁶. Под «мраком» и «тучами» Ф. А. Слепов подразумевал условия, в которых приходилось действовать советам рабочих обществ в различных производствах: непрекращающуюся клевету и угрозы революционеров, хроническое безденежье. Авторы листовок призывали не верить любым действиям органов власти, так как они продиктованы желанием искоренить рабочее движение: *«И если мы хоть на минуту предались бы покровительству наших ложных друзей – Зубатова, Васильева и других царских псов, то мы лишимся всего, чего мы достигли до сих пор, за что мы уплатили столькими жертвами. Мы лишимся всей нашей мощи и опять будем подобно куску отрезанного мяса, который тысячи обжор тащат и рвут»*⁵⁸⁷; *«Эти звери принимают честный человеческий образ и выступают перед нами, как наши друзья... Кто выбрал этого Афанасьева, Красивского, Яковлева, Булгакова и мн. др. в руководители?.. Их выбрали жандармы и полицмейстер. Можно ли доверять лицам, которым доверяют жандармы и полиция? Нет, товарищи! Яковлев всех нас просил быть шпионами; вспомните, что Булгаков потребовал записи по фамилии всех ораторов. Для чего это? Конечно, по приказанию Трепова, чтобы знать, кого бросить в тюрьму, если он скажет правду! Вспомните, что 13 сентября третий член совета назвал песню о Стеньке Разине низкой и недостойной его, члена совета...»*⁵⁸⁸

Комиссия по устройству общеобразовательных чтений в фабрично-заводской среде поспешила отстраниться от деятельности рабочих обществ, а также лекций, прочитанных профессорами

586 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

587 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 5. Ч. 16. л. Г. Л. 46.

588 ГА РФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 189. 1902 г. Л. 2.

Московского Университета в период до 1902 г. В отчете Комиссии за 1902 г. было написано: *«Года за два до открытия Комиссией чте- ний дело просветительного воздействия на рабочих взяли на себя и вели некоторые профессора Московского Университета. Между их трудами и деятельностью Комиссии не только нет никакого преем- ства и никакой связи, но, напротив, есть глубокое и коренное разли- чие в содержании, направлении и способах образовательного воздей- ствия на рабочих»*⁵⁸⁹. Это определение членов Комиссии относи- тельно деятельности рабочих обществ в 1901–1902 гг. отразило ра- дикальное изменение политики Департамента полиции в рабочем вопросе. Рабочие советы постепенно утрачивали поддержку поли- ции в вопросах защиты прав трудящихся и сосредотачивались на подборе культурной программы для своих подопечных: организа- ции концертов, семейно-танцевальных вечеров, экскурсий, но и эта деятельность встречала административные запреты. Так, еще в конце 1901 г. обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов обратился к мос- ковскому генерал-губернатору великому князю Сергею Алексан- дровичу с просьбой о содействии в организации спектаклей для рабочих: *«...не будет ли признано возможным устраивать во всех трех Императорских Московских театрах спектаклей по воскрес- ным дням, при условии назначения... возможно дешевых цен на места, а именно: в Большом театре галерея – по 10 копеек, места всех бал- конов – по 25 копеек, амфитеатр, кресла от 19 по 4-й ряд – по 35 копеек, кресла 3-го ряда – 50 копеек, 2-го ряда – по 75 копеек и 1-го ряда – 1 рубль... В Малом же и Новом театрах цены на места, жела- тельно, соответственные, причем особой платы за хранение верх- него платья ни в одном из театров производиться не должно»*⁵⁹⁰. Од- нако, 14 ноября 1901 г. директор Императорских театров сообщил о том, что *«Высочайшего соизволения на предоставление Московских*

589 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 6. Л. 120.

590 Там же. Т. 1. Л. 185.

Императорских Театров для утренних представлений по Воскресным и праздничным дням, по удешевленным ценам, для рабочих населения г. Москвы не последовало»⁵⁹¹.

13 сентября 1902 г. состоялось первое собрание обновленного Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве, на котором присутствовали члены Комиссии – председатель епископ Парфений, священник Фудель, В. Назаревский, В. Богданов. На собрании было решено избрать епископа Парфения, обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова, священника И. И. Фуделя и профессора И.Х. Озерова в почетные члены, а В. Назаревского и В. Богданова – в члены-соревнователи. Однако уже спустя два дня профессор Московского Университета И.Х. Озеров, недовольный тем, что его зачислили в почетные члены заочно, через газету «Русское слово» отказался от предложенного ему звания: *«Не находя за собой достаточных заслуг для этого и, так как первоначально выработанный нами устав был впоследствии сильно изменен и, следовательно, не имея возможности брать на себя нравственной ответственности за правильное функционирование кассы, я слагаю с себя членство в обществе»⁵⁹²*. Как и И.Х. Озеров, с Комиссией по устройству общеобразовательных чтений отказались работать приват-доценты Вормс, Дэн, профессор Анофриев. С их уходом общество рабочих оказалось без авторитетных специалистов-консультантов в экономических вопросах. Показательно и то, что на смену им не были приглашены преподаватели, способные заменить ушедших. Вследствие этого касса взаимопомощи оказалась всецело в ведении рабочих, успевших воспринять самые общие основы экономической деятельности, не способных осуществлять бюджетные операции. Всё это предопределило скорый разлад финансовых дел Общества. Уже осенью 1902 г. Правление Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве,

591 Там же. Л. 258.

592 Русское слово. 1902. 18 сентября.

озабоченное тем, что действительным членам оказывается недостаточная помощь, предполагало устроить несколько платных концертов. В начале 1903 г., в связи с ухудшающимся материальным положением Общества, Правление решило прибегнуть к прошению милостыни. 16 января 1903 г. на имя московского обер-полицейстера Д. Ф. Трепова была отправлена депеша следующего содержания: *«Осмеливаемся всепокорнейше просить у Вашего Превосходительства разрешения на устройство кружки с надписью в пользу наибеднейших членов общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве, какову поместим в помещении правления. Также осмеливаемся всепокорнейше просить у Вашего Превосходительства разрешения на напечатание прилагаемого при сем воззвания в некоторых московских газетах, надеясь на отзывчивость людей, для образования капитала при Обществе в пользу бедных невест, дочерей рабочих, состоящих действительными членами общества»*⁵⁹³. Это прошение было одобрено московским обер-полицейстером, и с января 1903 г. в помещении Правления Общества на Маросейке в доме братьев Еремеевых в квартире № 23 начался прием пожертвований.

В то же самое время Комиссия по устройству общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих не имела проблем с деньгами. Летом 1902 г. на деятельность Комиссии был официально испрошен и получен кредит в 10 тысяч рублей, что позволило назначить лекторам вполне приличное жалование. Преподаватели, читающие свои произведения, получали по десять рублей за каждую лекцию, а те, кто пользовался учебниками или сочинениями классиков, зарабатывали от трех до пяти рублей за каждое чтение. За издание своих произведений лекторы получали денежные суммы дополнительно. Кроме того, за границей были приобретены полные коллекции световых картин по отечественной истории и физике стоимостью 400 рублей каждая.

Несмотря на серьезные затруднения, общества взаимопомощи продолжали принимать жалобы рабочих с заводов, где их права грубо нарушались. В сентябре 1902 г. рабочие-столяры мебельной фабрики Зибрихт по Долгоруковской улице подали заявление на имя председателя Правления Общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве М.А. Афанасьева с жалобой на *«несоблюдение необходимых гигиенических условий, как то: означенные помещения своими размерами не соответствуют тому количеству людей, которые в них помещаются. От переполнения спальных помещений не хватает в достаточной степени воздуха для дыхания, от чего многие из рабочих страдают легочными болезнями»*⁵⁹⁴. По сложившейся порочной традиции фабричная инспекция приняла сторону фабриканта и отказалась содействовать рабочим в облегчении их положения. Всё это заставило их обратиться за помощью к М.А. Афанасьеву, который в свою очередь поставил в известность московского обер-полицмейстера генерал-майора Д. Ф. Трепова. Однако ответа на свое ходатайство столяры мебельной фабрики так и не получили. Д. Ф. Трепов прекрасно помнил о скандале, связанном с инцидентом на заводе Гужона, и решил не рисковать.

Доказательством того, что вышеприведенный случай не единичен, может служить аналогичное обращение столяров ремесленных заведений Москвы о нарушении содержателями этих заведений установленной законом продолжительности рабочего дня, поданное на имя обер-полицмейстера от 10 июля 1902 г. Д.Ф. Трепов передал разбор этого дела в ведение московского губернатора, однако ответ на свою справку получил только 4 ноября 1902 г.: *«Губернским правлением затребованы от Московской Ремесленной Управы надлежащие сведения, но ответного донесения от нее до настоящего времени не поступало; по получении же затребованных сведений будет своевременно сообщено на означенное отношение»*⁵⁹⁵.

594 Там же. Л. 20.

595 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 3. Л. 104.

Осознавая свою беспомощность в этом вопросе, столяры бомбардировали жалобами на Ремесленную Управу Общество взаимопомощи в механическом производстве, но их многочисленные ходатайства утонули в волоките и нежелании московской администрации конфликтовать с фабрикантами. Последней попыткой решить этот вопрос стало очередное обращение председателя Общества М.А. Афанасьева к московскому обер-полицмейстеру 20 декабря 1902 г. Резолюция Д. Ф. Трепова поставила крест на надеждах столяров о введении 10-часового рабочего дня на основании 431 статьи Устава о промышленности: *«Ремесленники просят на свою голову, потому что с уменьшением часов работы значительно уменьшится их заработок и в накладе останутся не хозяева, а рабочие»*⁵⁹⁶.

Общества взаимопомощи уже не могли вмешиваться в борьбу за права рабочих, которые, судя по обращениям, продолжали нарушаться. В июне 1903 г. председатель и секретарь Общества взаимопомощи в механическом производстве получили официальный запрет на подачу жалоб от рабочих в канцелярию обер-полицмейстера: *«Нам, нижеподписавшимся, по приказанию обер-полицмейстера объявлено, что, в случае повторения составления от имени рабочих фабрик и заводов разных жалоб и прошений на имя их хозяев, подобно поданным 29 сего мая рабочими мебельной фабрики Левиссон и подрядчика строительных работ Бардукова, всякая наша деятельность по руководству рабочими в городе Москве будет нам воспрещена»*⁵⁹⁷.

Сразу после этого запрета Д.Ф. Трепов инициировал проверку финансовой отчетности московского Общества потребителей в механическом производстве. Результатом ревизии стало составление чиновником особых поручений при московском обер-полицмейстере доклада, характеризующего внутреннее делопроизводство Общества. По мнению чиновника Воробьева, *«главной причи-*

596 Там же. Л. 213.

597 Там же. Т. 4. Л. 168.

ной финансовой неблагополучности объединения нужно считать недостаточно ясную и практическую постановку правил о кредите потребителей: пай каждого члена равняется шести рублям, многие же внесли его часть или лишь один рубль вступительной платы, кредитом же начинают пользоваться до 25 рублей и даже больше, поэтому многие члены по недобросовестности или по особым обстоятельствам, уходя из общества, долгов своих не платят»⁵⁹⁸. Открывая кредит рабочим, намного превышающий их вступительные взносы, члены Правления заботились о привлечении в Общество потребителей большего числа пайщиков и увеличении денежного и товарного оборотов, из-за чего терпели серьезный денежный урон, который наносили Обществу «нечистые на руку» или неплатежеспособные сотрудники. Наряду с этим, чиновник по особым поручениям обратил внимание Д.Ф. Трепова на то, что «дела и отчетность общества довольно сложны, между тем члены Правления неопытные и притом сильно занятые обыкновенные рабочие, не могущие вести как следует делопроизводство, главное иметь надзор за деятельностью их приказчиков»⁵⁹⁹. Упомянувшиеся в докладе приказчики по причине своей некомпетентности в финансовых вопросах приносили Обществу значительный материальный урон. Кроме того, члены Правления были вынуждены платить высокую арендную плату в размере 1 900 рублей в год за помещение Симоновской лавки, при том что «этот дом крайне плохой и расположен вне черты города»⁶⁰⁰. Подводя итог своей ревизионной деятельности, Воробьев пришел к выводу о том, что «при данном положении общество должно закрыться, необходим значительный кредит наличными деньгами»⁶⁰¹.

598 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 4. Л. 171.

599 Там же.

600 Там же.

601 Там же.

Узнав о плачевном финансовом состоянии Общества, московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов издал резолюцию 25 июня 1903 г.: «Дела общества в безнадежном состоянии, предполагаю, что надо его предоставить собственной участи, ибо помочь нельзя, о чем с представлением отчета Ревизионной Комиссии представить генерал-губернатору»⁶⁰². Таким образом, летом 1903 г. рабочие общества в Москве, оставшись без финансовой поддержки Департамента полиции, были лишены возможности осуществлять торговые операции. Крах обществ потребителей вместе с запретом приема жалоб от рабочих постепенно сводили на нет легальную деятельность организаций С. В. Зубатова.

В целях предупреждения возможных волнений, в ответ на неоднозначные решения правительства относительно рабочих союзов, чиновничьи круги оперативно издали закон об учреждении должности старост в промышленных предприятиях. Этот закон был введен в действие с 10 июня 1903 г., практически сразу после того, как Департамент полиции перестал финансировать общества взаимопомощи. Его издание сопровождала мощная идеологическая поддержка многочисленных газет Москвы. Суть закона состояла в следующем: рабочие заводов и фабрик, разделенные по рядам, должны были выбирать себе старост, которым предстояло от их лица вступать в переговоры с управлением по разного рода вопросам. Избранным старостам вверялся местный надзор за благоустройством и порядком в промышленных заведениях, они были обязаны передавать рабочим распоряжения управлений предприятий, а также являлись уполномоченными выбравших их разрядов заявлять управлению ходатайства о нуждах и делах рабочих, касающихся исполнения условий найма и быта рабочих. Один из пунктов закона гласил: «*Староста обязан относиться добросо-*

602 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 4. Л. 247.

вестно, бескорыстно и беспристрастно к возложенным на него обязанностям, служить одинаково обеим сторонам – как заводууправлению, так и рабочим»⁶⁰³.

Деятельность старост регламентировалась ежемесячными отчетами для заводууправлений и самих рабочих. По декларации целей закон о старостах возвращал рабочих в те времена, когда их жалобы и ходатайства могли быть услышаны руководством заводов и фабрик. Создавалась иллюзия, что институт старост может с успехом заменить общества взаимопомощи в деле достижения согласия между трудом и капиталом. Но это была только иллюзия. Старосты, как и фабричная инспекция, целиком и полностью зависели от фабрично-заводского руководства: *«Имеет весьма существенное значение порядок избрания старост и их отношение к фабричному управлению и местной администрации. Постановления, относящиеся к последнему вопросу, ставят старосту в строгую зависимость от предпринимателя и, кроме этого, подчиняют его контролю местной администрации»⁶⁰⁴.* Рабочие получали видимость самостоятельности решений в деле избрания старост, но на деле кандидат вступал в должность только после утверждения управления, разрешения присутствий по фабричным и горнозаводским делам и лично губернатора. Пройти такую процедуру мог только рабочий, зарекомендовавший себя «с самых лучших сторон» перед фабрикантом.

Закон об учреждении старост носил исключительно рекомендательный характер: *«Само учреждение старост в промышленном заведении может состояться лишь с согласия фабричного управления, которому закон дает право, но не вменяет в обязанность допускать в предприятии существование этого института»⁶⁰⁵.* Рекомендации правительства были внимательно рассмотрены торгово-промышленными кругами Москвы, но прислушаться к ним

603 Там же. Л. 321.

604 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 4. Л. 247.

605 Там же.

захотели лишь некоторые хозяева небольших предприятий. Через какое-то время инициатива правительства была благополучно предана забвению, так и не вызвав энтузиазма у фабрикантов. Провал закона о старостах оставил рабочих даже без видимого представительства перед вседозволенностью промышленников и сокрытием безнаказанных нарушений условий найма и Устава о промышленности со стороны фабричной инспекции. На фоне усиления позиции фабрикантов, выразившегося в неприятии рекомендаций правительства в рабочем вопросе и установлении единой линии в разрешении конфликтов с рабочими, происходил явный закат обществ взаимопомощи.

В конце 1901 – начале 1902 г. политика С. В. Зубатова в рабочем вопросе претерпела некоторые изменения. Если на протяжении 1901 г. легальные организации взаимопомощи были заняты преимущественно проблемами улучшения экономического положения рабочих, то с началом нового года они были перепрофилированы на достижение просветительских целей. Профессоров политической экономии постепенно заменили преподаватели общеобразовательных дисциплин, а также священники и врачи, что не прошло бесследно для финансовой деятельности касс взаимопомощи. В соответствии с этим был изменен и характер рабочих совещаний. Идеологическим обоснованием изменения курса явилась записка Л. А. Тихомирова, который отдавал предпочтение образованию рабочих, считая его несравненно важнее борьбы за улучшение экономического положения класса. Упомянув о необходимости формирования «народной интеллигенции» в лице руководителей рабочих в борьбе за свои права, Л. А. Тихомиров тем самым отказывался от принципов, заложенных при основании рабочего общества «его отцами» – профессором Озеровым и приват-доцентом Дэном. Озеров, Дэн, Вормс и их коллеги считали, что борьба рабочих за свои права – самое важное, тогда как Л. А. Тихомиров придерживался иной точки зрения, предлагая им сначала дорасти до уровня интеллигенции, выдвинуть из своей среды лю-

дей, которые могли бы претендовать на статус «народной интеллигенции». Таким образом, стратегия, предлагавшаяся преподавателями Московского университета, может быть названа интенсивной, тихомировские инициативы – экстенсивными. Власти были благосклонно настроены к проекту Л. А. Тихомирова: весной 1902 г. правительство выделило существенные денежные суммы на устройство рабочих чтений. Записка Л. А. Тихомирова была поддержана С. В. Зубатовым. Публикация и официальное одобрение записки Л. А. Тихомирова было началом конца полицейских рабочих обществ.

Несмотря на официальное разрешение легальных рабочих обществ, многие чиновники не получили никаких инструкций относительно их деятельности. Это обстоятельство в дальнейшем стимулировало конфликтные ситуации и путаницу полномочий инспекции и полиции.

Легальное рабочее движение развивалось противоречиво. Изначально, не имея полной правительственной поддержки, оно вынуждено было противостоять критике Биржевого комитета и московского Мануфактурного совета; министр финансов С.Ю. Витте, вдохновленный потоком многочисленных жалоб разгневанных фабрикантов, писал письмо за письмом министру внутренних дел Д. С. Сипягину, высказываясь о «преступной антикапиталистической деятельности рабочих обществ». Различные оппозиционные группы также использовали любую возможность для дискредитации обществ взаимопомощи.

Итак, уже в 1902 г. общества взаимопомощи подпадали под запреты министра внутренних дел Д. С. Сипягина и московского губернатора А. Г. Булыгина. Несмотря на то, что Сипягин запрещал деятельность обществ на определенных заводах, а распоряжения Булыгина зубатовские организации игнорировали, табуирование полицейского эксперимента можно признать первым серьезным предупреждением легализации рабочего движения. Если обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов в 1901 г. критиковал фабричную инспекцию, призывая ее сотрудников объединить свои усилия с лидерами

обществ взаимопомощи, то в 1902 г. он в какой-то мере отказывается от своих убеждений, рекомендуя рабочим прислушиваться к мнению фабричных инспекторов.

3.2. Официальная печать о проектах решения рабочего вопроса в 1903 г

В 1903 г., когда легальные рабочие общества практически прекратили свою деятельность и занимались ревизией оставшегося имущества, правительство ощутило настоятельную потребность выработать новую линию реакции на рабочий вопрос. В качестве альтернативы организациям взаимопомощи разрабатывались проекты государственного страхования рабочих и уже упоминавшийся закон фабричных старост. Об этих проектах на протяжении всего 1903 г. писали официальные газеты. 14 марта 1903 г. на первой полосе «Московских ведомостей» была напечатана статья с говорящим названием «Обеспечение увечных рабочих». Основная часть статьи предварялась предисловием, разъясняющим суть готовящегося законопроекта: *«В настоящее время в высших правительственных сферах, как слышно, обсуждается внесенный министром финансов проект закона о вознаграждении владельцами промышленных предприятий рабочих и служащих, утративших трудоспособность вследствие несчастных случаев»*⁶⁰⁶. Автор статьи критиковал законопроект 1893 г., который возлагал ответственность целиком и полностью на владельцев промышленных предприятий. По его мнению, такая система обеспечения нетрудоспособных рабочих не способствовала примирению между ними и фабрикантами, так как последние зачастую отказывались платить пенсию под предлогом того, что членовредительство произошло по халатности. В противовес готовящемуся законопроекту «Московские ведомости» приводили статистические данные (*«...действительная вина предпринимателя наблюдается лишь приблизительно в 20 %*

606 Московские ведомости. 1903. 14 марта. С. 1.

несчастных случаев, что хорошо известно и министру финансов»), а также более общие рассуждения: «...ничем не оправдываемое и совершенно произвольное увеличение виновности предпринимателей едва ли может способствовать улучшению их отношений с рабочими, которые в каждом несчастном случае будут видеть вину предпринимателя»⁶⁰⁷. В статье не приводился источник статистических сведений, что заставляет сомневаться в их подлинности. В то же время освобождение фабрикантов от материальной ответственности за увечья на производстве вряд ли могло привести к улучшению их «взаимоотношений с рабочими». Подобная мера могла способствовать уплотнению рабочего времени и искусственному увеличению производительности труда. Однако автор статьи, наоборот, ратовал за введение в России обязательного государственного страхования, а о законе об ответственности высказывался, как о «почве обременительных и малопригодных мер».

Тремя днями позднее «Московские ведомости» продолжили критику закона об индивидуальной ответственности предпринимателей. На этот раз статья была более резкой и выражала публичное недоумение по поводу позиции министра финансов в этом вопросе: «Оказываемое министром финансов предпочтение системе индивидуальной ответственности предпринимателей перед государственным страхованием рабочих представляется совершенно непонятным, тем более что наше действующее законодательство исходит именно из принципа опасности промысла, а не виновности хозяина»⁶⁰⁸. Приводя в поддержку государственного страхования статьи действующего законодательства, «Московские ведомости» отмечали тот факт, что в европейских странах размер выплачиваемого государством пособия зависел и от производственных условий, в которых получена травма: опасности промысла, совершенности оборудования, заботы предпринимателя о жизни и здоровье

607 Там же.

608 Московские ведомости. 1903. 18 марта. С. 1.

рабочих. В то же время в статье не рассматривался вопрос о состоянии инспекционных органов в стране, а следовательно, и об уровне контроля над промышленными предприятиями. Для того чтобы *«государственное страхование принимало во внимание все условия производства»*, правительство должно было иметь четкие сведения обо всех промышленных предприятиях страны. В начале XX в. такой информации в государственных инстанциях, занимающихся рабочим вопросом, не было. Кроме того, в стране отсутствовала официальная статистика о количестве несчастных случаев и их обстоятельствах. Данный факт не смущал адептов принятия закона об обязательном государственном страховании. *«Московские ведомости»*, продолжая кампанию в его поддержку, писали в статье от 16 мая 1903 г.: *«...скоро исполняется 25 лет деятельности в России фабричной инспекции, осведомляемой о каждом несчастном случае на состоящих в ее ведении фабриках и заводах. Следовательно, в Министерстве финансов должен находиться весьма обширный материал по этому вопросу»*⁶⁰⁹. По мнению автора статьи, изданию сборников статистики и принятию закона о государственном страховании мешали некие *«второстепенные исполнители»*. О том, каким образом *«второстепенные исполнители»* могли помешать принятию закона первостепенной важности, автор статьи умалчивал. Выдержанная в довольно туманных выражениях, статья тем не менее четко расставляла акценты по определенным вопросам: *«...министр финансов убедился в преимуществах государственного страхования... промышленности в течение некоторого времени придется испытывать на себе неблагоприятное влияние закона об индивидуальной ответственности предпринимателей»*⁶¹⁰. Обладая минимумом информации о ходе кулуарных дискуссий, автор статьи придерживался твердого мнения о желательности принятия закона о государственном страховании.

609 Там же. 16 мая. С. 1.

610 Там же.

Серия очерков о страховании рабочих, регулярно печатавшихся в «Московских ведомостях» на протяжении первой половины 1903 г., ознаменовывала начало изменений в государственном контроле за промышленностью. 30 мая 1903 г. вышло Высочайшее повеление о порядке и пределе подчинения чинов фабричной инспекции начальникам губерний. Это распоряжение вносило определенность в запутанный вопрос о том, в ведении какого ведомства должна была находиться фабричная инспекция. С одной стороны, ее представители подчинялись Департаменту торговли и промышленности Министерства финансов, а с другой – их деятельность пересекалась с интересами политической полиции. Газета «Московские ведомости» писала по этому поводу: «...*весьма неблагоприятное разделение власти, которое задерживало правильное решение рабочего вопроса в России...*»⁶¹¹ По Высочайшему повелению фабричная инспекция становилась исполнительным органом местного губернского начальства с обязанностью информировать Министерство финансов о наиболее заметных сторонах ее деятельности.

«Московские ведомости» с большим энтузиазмом приветствовали эти изменения, подчеркивая, что до Высочайшего повеления фабричная инспекция обладала крайне широкими правами, не будучи наделена в то же время никакими обязанностями. Такое положение дел порождало разнообразные противоречия: «*Фабричная инспекция не считала нужным соотносить свои действия с деятельностью других органов местного управления, признавая себя самостоятельным институтом, подчиненным лишь высшему руководству Министерства финансов*»⁶¹². Чрезмерная самостоятельность, по мнению обозревателя газеты, приводила к тому, что в действиях и решениях фабричных инспекторов не было единства, нередко они толковали по-разному одни и те же происше-

611 Московские ведомости. 1903. 3 июня. С. 1.

612 Там же.

ствия на производстве. Данное сообщение можно признать справедливым, так как то же самое несколькими годами ранее говорилось на межведомственных совещаниях, а также на собраниях рабочих обществ взаимопомощи.

За прошедшее время почти ничего не изменилось. Высочайшее повеление от 30 мая 1903 г. и серия статей в его поддержку были призваны разрушить эту порочную тенденцию.

Однако Высочайшее повеление, как и все решения межведомственных совещаний, отличалось известной двойственностью: отчитываясь за свою деятельность перед главой местного управления – губернатором, фабричные инспекторы должны были информировать Министерство финансов обо всех заметных случаях на производстве. Сохранение контактов между фабричной инспекцией и отделами Министерства финансов приводило к негласному контролю за их деятельностью со стороны последних. Таким образом, на бумаге положение дел вокруг фабричной инспекции кардинально менялось, в действительности же всё оставалось на уровне прошлых лет.

Уже к середине 1903 г. газеты заговорили об очередном нововведении на промышленных предприятиях – фабричных старостах как противовесе фабричным инспекторам. Программная статья о фабричных старостах появилась в номере «Московских ведомостей» от 1 мая 1903 г. Вводная часть статьи состояла из апологии производственных отношений на фабриках и заводах: *«За последние 20 лет у нас развилось стройное фабричное законодательство <...> нигде в мире мы не видели столь быстрого прогресса по регулированию труда, как именно в России <...> условия найма в каждом промышленном предприятии свидетельствуются фабричным инспектором <...> большинство фабричных беспорядков возникает по самым ничтожным поводам»*⁶¹³. Замечая, что на фабриках и заво-

613 Московские ведомости. 1903. 1 мая. С. 1.

дах давно сформировалась потребность в представительстве рабочих для контактов с администрацией, автор статьи предлагал следующее: «...пусть рабочим будет предоставлено право избирать представителей, утверждаемых хозяевами, для сношений с фабричной администрацией по вопросам фабрично-заводского быта данного предприятия, и значительная часть недоразумений, нарушающих отношения между хозяевами и рабочими, сразу устранится»⁶¹⁴. Согласно новому проекту, фабричные старосты должны были принимать участие в разборе всех сложных вопросов на производстве, касающихся как договорных отношений, так и санитарно-бытовых условий. Учитывая, что на протяжении 25 лет все эти проблемы были преимущественно монополизированы фабричной инспекцией, институт фабричных старост мыслился как своеобразный контролирующий орган ее ничем не ограниченной деятельности: «Учреждение это должно иметь важное значение уже в том отношении, что в значительной степени сократит произвольные действия фабричных служащих, открыв рабочим возможность непосредственных сношений с хозяевами»⁶¹⁵.

Таким образом, введение на промышленных предприятиях должности фабричных старост мыслилось не только как противовес фабричной инспекции, но и как возможность для выполнения тех задач, которые ставили перед собой легальные общества взаимопомощи рабочих. Правительство также по-прежнему было заинтересовано в решении этих вопросов: преодолении недовольства рабочих масс, создании более приемлемых условий работы на промышленных предприятиях. Планировалось, что излишне заметную деятельность «легализаторов рабочего движения» вполне может заменить уважаемый и авторитетный лидер из среды рабочих. Ведение переговоров не группой лиц, поддерживаемых административным ресурсом, а одним рабочим, не обремененным ши-

614 Там же.

615 Московские ведомости. 1903. 1 мая. С. 1.

роким кругом заступников, виделось более эффективным и действенным средством умирения обеих сторон договорного процесса. «Московские ведомости» аргументировали эту мысль следующим образом: *«Во всяком случае, учреждение выборных рабочих старост вреда причинить никому не может, а польза от этого института будет уже та, что гораздо удобнее вести переговоры с несколькими уполномоченными, нежели с буйной толпой, весьма быстро изменяющей свои пожелания под влиянием случайных агитаторов»*⁶¹⁶.

Как оказалось, может. Уже через неделю те же «Московские ведомости» перепечатали гневную статью «фабричного инспектора», появившуюся в «Русском листке». Статья содержала в себе изложение доводов против введения новой должности на заводах и фабриках. Фабричная инспекция в лице ее представителей оперативно осознала, что старосты создаются для контроля и замены некоторых функций, выполняемых ими. Согласно этому представлению, автор статьи, анонимный фабричный инспектор, выстраивал линию аргументации. Не забыв упомянуть о «славной» истории учреждения с 1884 г. и той большой роли, которое оно играет, он утверждал: *«... не состоя ни в какой зависимости ни от работодателей, ни от рабочих, фабричные инспекторы могут быть более беспристрастными и, во всяком случае, более компетентными в толковании узаконений, чем представители рабочих, утверждаемых хозяевами»*⁶¹⁷. Тезис инспектора носит двойственный характер: с одной стороны, он может быть понят, как сказанный в настоящем времени, то есть фабричная инспекция не состояла в зависимости от кого бы то ни было в данный момент, с другой же – речевая связка *«могут быть более беспристрастными»* отсылала читателя в будущее время, то есть независимость инспекции была желательна и могла быть достигнута в будущем. Разномыслие при прочтении может свидетельствовать о том, что ясности мышления

616 Там же.

617 Московские ведомости. 1903. 9 мая. С. 2.

по этому вопросу не было и у самих инспекторов. Скорее всего, инспекторы прекрасно отдавали себе отчет в том, что понятия «независимость» и «беспристрастность» могли в полной мере реализоваться только в области теории.

Далее в своей статье *«фабричный инспектор Московской губернии»* выражал опасения, что его коллеги займутся толкованием статей закона Устава о промышленности и будут прямо вторгаться в сферу их деятельности. По его мнению, идеальный порядок был достигнут тем, что каждый рабочий имел возможность *«за 3 копейки открытым письмом к своему инспектору сообщить о любом произволе или притеснении любого служащего и заведующего, даже не подписываясь или прося не выставлять его на вид хозяину»*⁶¹⁸. Такой порядок не мог сложиться по многим причинам. Во-первых, за многие годы поддержки промышленников фабричная инспекция вышла из доверия рабочих, во-вторых, получение инспектором письма за 3 копейки, да еще и без подписи, не могло считаться достаточным основанием для начала расследования, а в-третьих, такая форма подачи жалоб была очень похожа на сутяжничество, что не могло найти поддержки у широких масс рабочих.

Редакторский комментарий статьи фабричного инспектора читать не менее интересно. Как и следовало ожидать, почти каждый пункт аргументации фабричного инспектора был подвергнут немилосердной критике. Ответ газеты отличался иронией и снисходительностью к заблуждающемуся служащему: *«...недомыслие господина “Инспектора” заключается в том, что, по его мнению, область отношений между предпринимателями и рабочими исчерпывается действующим промышленным законодательством, правилами о найме рабочих на фабрики и заводы. Но... закон не может предвидеть всех комбинаций фабрично-заводского быта»*⁶¹⁹. Как и любое законодательство, Устав о промышленности не был идеаль-

618 Там же.

619 Московские ведомости. 1903. 9 мая. С. 2.

ным документом и, естественно, имел недоработки, пользуясь которыми заинтересованные стороны могли находить лазейки для обхода неудобных статей. Должность фабричного старосты вводилась в том числе и для более удобного представления интересов рабочих, защита которых не всегда была возможна на основе статьи Устава о промышленности. Речь шла о многочисленных частностях производственного процесса, предусмотреть которые в полном объеме невозможно. «Московские ведомости» приводили пример подобных случаев: *«...пусть подумает “фабричный инспектор”, какую важную роль в фабричном обиходе играет способ раздачи станков, сопровождающийся большими злоупотреблениями и тяжелыми драмами, когда из-за получения от мастера хорошего станка иногда разбивается семейная жизнь»*⁶²⁰. Подводя итог, сотрудник газеты приходил к однозначным выводам о том, что фабричные старосты могли содействовать установлению соглашения между промышленниками и рабочими и явились бы существенной поддержкой фабричной инспекции. Однако противодействие последней вызывало сомнения в справедливости этого утверждения.

Таким образом, законодательные акты о государственном страховании рабочих и введении должности фабричных старост явились реакцией на постепенное прекращение деятельности легальных обществ взаимопомощи рабочих. Изначально легальные общества мыслились как денежные фонды, помогающие рабочим и их семьям в затруднительных ситуациях. Кассы взаимопомощи должны были регулярно выплачивать суммы семьям заболевших, умерших или лишившихся заработка по вине фабричного управления рабочих. С этой целью члены легальных обществ платили членские и вступительные взносы. По замыслу авторов проекта о фабричных старостах, все жалобы и недовольства рабочих должны были фиксироваться фабричными старостами и доводиться до сведения управления. Однако бесправность самих старост

620 Там же.

де-факто, их малочисленность и впоследствии выборность фабрикантами предрешили неудачную реализацию нового закона.

Оперативная разработка законопроектов о государственном страховании и фабричных старостах сразу после того, как стало ясно, что общества взаимопомощи не решили возложенных на них задач, свидетельствовала о том, что правительство осознавало необходимость страховых выплат рабочим и их диалога с фабрично-заводским управлением. По своей сути деятельность рабочих обществ взаимопомощи была востребована властью, но по форме устраивать ее не могла. Шумные собрания рабочих, публичные мероприятия легальных обществ обращали на себя слишком большое внимание и вызвали ненужный правительству резонанс.

Введение ответственности предпринимателей и должности фабричных старост мыслилось мерами, способствующими успокоению недовольных рабочих масс. В то же время и тот и другой проект можно признать спорным и недоработанным: предприниматели делали всё, чтобы избавиться от необходимости платить за несчастные случаи, а тонкая грань между несовершенством производственного оборудования и халатностью рабочих была им в этом хорошем подспорьем. Фабричные старосты довольно скоро превратились в обычных заводских служащих, целиком и полностью зависящих от фабричного управления. В таких условиях оба проекта были обречены на провал и скорое забвение.

Характерно, что авторы официальных газет, в 1901 г. и частично в 1902 г. активно поддерживающие курс на легализацию рабочего движения, в 1903 г. не занимали ярко выраженной позиции по реформированию учреждений, контролирующих промышленные предприятия. Фрагментарный характер дискуссии о фабричных старостах и государственном страховании рабочих, а также отсутствие длительной акцентированной поддержки этих законопроектов подвели итоговую черту под экспериментом Зубатова, а также отразили прекращение поиска альтернатив легализации рабочего движения.

3.3. Прекращение деятельности легальных рабочих обществ

В начале 1904 г. московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов в ответ на запрос генерал-губернатора составил рапорт о московском Обществе взаимопомощи в механическом производстве. Документ содержал отчет о финансовых делах Общества за 1902, 1903 и первый месяц 1904 г. По данным рапорта, число членов Общества каждый год существенно уменьшалось, из-за чего ощущалась острая нехватка денежных средств. Если за 1902 г. члены первого разряда внесли 826 рублей взносов, а второго – 106 рублей, то в 1903 г. члены первого разряда заплатили в кассу 672 рубля, а второго разряда – 97 рублей. В 1904 г. *«из 316 действительных членов прекращены платежи ежемесячных членских взносов – 254 человек, совсем не начинали платить – 27 человек, производятся платежи – 35 человек»*⁶²¹. Бедственное положение Общества, куда входили материально необеспеченные рабочие, грозило поставить под сомнение его дальнейшее существование уже в начале 1904 г. Так как рабочие в большинстве случаев не платили членских взносов, Общество не могло выплачивать из кассы взаимопомощи страховые деньги. Вследствие этого многие рабочие перестали ходить на лекции. Обеспокоенный таким положением дел, генерал-майор Д. Ф. Трепов исходатайствовал у московского генерал-губернатора разрешение на выдачу обществам взаимопомощи в механическом и текстильном производствах субсидию: первому – в размере 8000 рублей, второму – в размере 12 000 рублей. В рапорте на имя генерал-губернатора он выражал *«уверенность, что такая субсидия оживит деятельность обществ и привлечет в них новых членов»*⁶²². Размер субсидий был высчитан, исходя из обеспечения, в случае крайней необходимости, пособием в течение полугода 50 % всех членов обществ по первому и второму разрядам. В ответ на рапорт

621 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 5. Л. 64.

622 Там же.

Д. Ф. Трепова московский генерал-губернатор подписал талон к асигнованию на получение из Московского Губернского Казначейства 20000 рублей для выдачи из них испрашиваемых ссуд. Условием выдачи денег генерал-губернатор постановил порядок, *«чтобы вообще все расходы с означенных денег производились при постоянном контроле Вашего Управления»*⁶²³. Выданный капитал должен был храниться в Государственном банке, а его получение было возможно с разрешения обер-полицмейстера, с обязательным предоставлением в банк удостоверения с его подписью.

Солидное субсидирование обществ взаимопомощи не решило проблему их кризиса. К июлю 1904 г. число членов Общества взаимопомощи в механическом производстве составляло всего около 200 человек. По этому поводу Московское охранное отделение подготовило доклад на имя обер-полицмейстера, главной целью которого было выяснение причин, по которым рабочие выходят из обществ. Выводы, к которым пришли авторы доклада, состояли в том, что для привлечения большего числа членов общества должны понизить вступительные взносы, а также ввести категорию действительных членов третьего разряда из подмастерьев и мастеров. Советы из доклада Московского охранного отделения были взяты на вооружение Правлением Общества взаимопомощи в механическом производстве, в результате чего его председатель М.А. Афанасьев в прошении на имя обер-полицмейстера высказывался в поддержку привлечения к собраниям мастеров и подмастерьев: *«Допуская мастеров, Правление полагает, что сие сближение может послужить на пользу. Мастера и подмастерья, состоя в обществе сами, не будут преследовать рабочих за их посещение собраний, что очень часто повторяется в настоящее время»*⁶²⁴.

Уменьшение числа членов Общества происходило на фоне постепенного прекращения ведения его делопроизводственной

623 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 5. Л. 109.

624 Там же. Л. 1986.

части. Ревизионная комиссия в июле 1904 г. свидетельствовала: *«...члены Правления стали собираться не еженедельно, но много реже. Книга протоколов ведется неясно и небрежно, многие из них не подписаны. Книга для внесения постановлений Общих собраний не имеется, а таковые пишутся на отдельных листах. Нарядов для бумаг делопроизводства не заведено, и они хранятся в беспорядке, хотя в настоящее время, в виду незначительности делопроизводства, обозрение и разборка их не представила затруднений»*⁶²⁵. Описанный документальный хаос был характерен для обществ в других производствах, в результате чего для удешевления содержания их Правлений было решено снять общую квартиру. В июле 1904 г. представители всех Правлений собрались в местности 3-го участка Мясницкой части по Подкопаевскому переулку в доме Гутора квартире № 2. Как говорилось в докладной записке на имя обер-полицмейстера, сделано это было *«в виду достижения единообразия действий как по ведению журнальных отчетностей, так и по вопросам, касающимся улучшения быта и жизни рабочих»*⁶²⁶. На самом деле, данное решение было во многом продиктовано результатами деятельности ревизионной комиссии, посчитавшей, что в сложившейся ситуации нерентабельно использовать отдельные квартиры для крайне нерегулярных заседаний Правлений обществ.

На протяжении 1904 г. революционные группы издавали листовки, разоблачающие полицейскую сущность обществ взаимопомощи. К примеру, 25 октября в Киеве группа студентов «Социальдемократ» распространяла листовку следующего содержания: *«Гнусные рептилии типа “чего изволите” хором воспевают весну и обновление русской жизни: либеральные органы печати вторят им не менее дружно. В трогательном единении оказываются кн. Мецкерский и Суворин-отец и заправские либералы... “Новая эра” Св. – Мирского – это новая попытка одурачить Россию, попытка грандиозная,*

625 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 5. Л. 71.

626 Там же. Т. 4. Л. 218.

зубатовщина... Самый опасный момент для дурного правительства – когда оно начинает поправляться. Эти слова Токвиля целиком применимы к положению вещей в России: зубатовщине Св. – Мирского – новый симптом скорой гибели самод-ия»⁶²⁷.

С началом Первой русской революции работа обществ взаимопомощи была практически парализована. 11 января 1905 г. в связи с перестановками в высших правительственных кругах московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов был назначен на должность санкт-петербургского генерал-губернатора. После его отъезда рабочие общества лишились последнего заступника и активного сторонника их интересов. Положение осложнялось мощной контрпропагандой революционных партий и активными действиями оппозиции против легального рабочего движения. В феврале 1905 г. М.А. Афанасьев в письме на имя Д.Ф. Трепова рассказывал, как события революции отразились на Обществе рабочих в механическом производстве: *«После Вашего отбытия из Первопрестольной столицы враги энергично набросились на нашу организацию, не останавливаясь для сокрушения ее ни перед какими средствами. Собрания наши ныне почти прекратились из-за скандальной обструкции всевозможных видов оппозиции, а мы, вожак, не гарантированы уже от опасных оскорблений не только на улице или общественных собраниях, но даже и у себя на квартирах»⁶²⁸.*

Московская администрация в лице генерал-губернатора и И.Н. Руднева, исполняющего должность градоначальника, практически не заботилась об обеспечении безопасности членов рабочих обществ. Кроме того, им было объявлено о прекращении казенных субсидий с сентября 1905 г. и постепенном уменьшении месячного содержания. Можно предположить, что такие жесткие меры были введены по ходатайству министра финансов.

627 ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 28809. Л. 7.

628 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Т. 5. Л. 373.

Во время революции 1905 г. члены Правления обществ взаимопомощи составили петицию, где изложили ряд требований о правах рабочих и благоустройстве фабрично-заводского быта: учреждение профессионально-рабочих союзов, уничтожение уголовной ответственности за стачки, введение представителей рабочих в совещательные учреждения, занимающиеся обсуждением условий труда, пересмотр фабрично-заводского законодательства с целью уравнивания рабочих в правах с хозяевами, сокращение продолжительности рабочего дня, отмена сверхурочных работ⁶²⁹. Петиция обществ взаимопомощи стала последней каплей в чаше недоверия правительства легальному рабочему движению. По мнению многих чиновников, и раньше не доверявших легальным рабочим обществам, вышеприведенные требования их членов стали последним весомым аргументом в деле признания неэффективности, бесполезности и даже вредности их деятельности. Прекращение финансирования было фактически ликвидацией рабочих организаций и полным отказом от политики, начатой С. В. Зубатовым в бытность начальником охранного отделения в Москве.

В сентябре и октябре 1905 г. на имя генерал-губернатора Москвы П. П. Дурново поступило два письма от градоначальника Москвы, генерал-майора, барона Георгия Петровича Медема, в одном из которых он ходатайствовал за Комиссию по устройству общеобразовательных чтений и общества взаимопомощи рабочих. В первом обращении, по содержанию напоминающем доклад, Г.П. Медем писал: *«...по поводу ходатайств обществ взаимопомощи рабочих в механическом, текстильном и других производствах об утверждении проекта устава учреждаемого при них Комитета по сбору пожертвований в пользу семей рабочих, уходящих на войну с Японией, и для постройки школы приюта для детей рабочих в память 19 февраля 1861 года. Представляя Вашему Высокопревосходительству, что означенные общества в настоящее время не только не расширили свою деятельность и увеличили денежные средства... но под*

629 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 6. Л. 74.

давлением последних общественных событий приходят в заметный упадок, так как члены этих обществ, не видя существенных результатов деятельности их, в значительном числе выбывают из их состава. В виду изложенного, организация, при названных обществах, сбора пожертвований на устройство приюта для детей рабочих в настоящее время вряд ли может быть осуществлена, что же касается сбора денег в пользу семей рабочих, уходящих на войну с Японией, то вопрос этот, за прекращением военных действий на Дальнем Востоке, ныне теряет свое значение»⁶³⁰.

Однако уже в следующем обращении барона Медема, 12 октября 1905 г., стилистика изложения сменилась с равнодушной констатации на заинтересованную апологию: «учрежденная в 1902 году в Москве Комиссия по организации общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих... развивая в слушателях нравственные начала и присущие каждому русскому верноподданному чувства, тем самым оказывает противодействие преступным элементам, давно уже избравшим фабрично-заводскую среду для самой широкой противоправительственной агитации. При развивающемся сочувствии к чтениям рабочих, при участии в них многих выдающихся лекторов, чтения завоевали себе прочные симпатии, являясь вместе с тем предметом постоянного заботливого внимания со стороны Высокопреосвященного Митрополита Владимира. Цена оказываемое ими доброе воспитательное действие на рабочих, он не только поощрял деятелей своим архипастырским благословением и благосклонными отзывами, но и сам не отказывался принимать непосредственное участие в чтениях, когда же возник вопрос о возможности ликвидации дел Комиссии, он лично просил меня ходатайствовать о поддержании столь полезного во всех отношениях учреждения. Разделяя вполне взгляд Его Высокопреосвященства, я не могу

630 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1090. Т. 6. Л. 126.

*не признать в высшей степени желательным предоставление Комиссии средств для более успешного развития ее плодотворной деятельности»*⁶³¹. Ответ П. П. Дурново на эти обращения неизвестен.

В 1912 г. в Москве была издана книга под названием «Десятилетие общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих города Москвы», составленная членом и секретарем Комиссии Михаилом Струженцовым. В книге приводилась краткая история чтений, биографии лекторов и примерная тематика лекций, содержались данные по современному положению дел и финансовый отчет. Автор не без гордости признавался в том, что число аудиторий в 1912 г. составило 17: *«...сеть их... охватила не только центральные и окраинные местности Москвы, но даже дала разветвления за пределы города и губернии... бесплатная раздача рабочим в течение десятилетия всего 178 изданий в количестве до 600000 экземпляров»*⁶³². Касаясь финансового вопроса, Струженцов отмечал, что после смерти главного учредителя чтений великого князя Сергея Александровича средства на лекции стало предоставлять Главное Управление неокладных сборов и казенной продажи питей, а с 1909 г., когда после смерти генерал-губернатора С. К. Гершельмана *«пост Московского генерал-губернатора остался незаменным... Государь Император... соизволил на время незаменения должности... предоставить разрешение дел Комиссии г. Министру внутренних дел»*⁶³³.

В числе аудиторий Комиссии перечислялись: Исторический музей, аудитория при Сергиевской церкви в Рогожской слободе (до января 1903 г.), Епархиальный дом, с 21 февраля 1906 г. дом Глазова (*«...здесь, в виду ограниченности помещения, производилось еженедельно для небольшого числа наиболее развитых рабочих по одному*

631 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 21. Т. 6. Л. 138.

632 Десятилетие общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих города Москвы. М., 1912. С. III.

633 Там же. С. 16.

полтора часовому чтению по техническому отделу или по политической экономии и рабочему вопросу»⁶³⁴), пять народных домов, принадлежащих Столичному Попечительству о народной трезвости, предоставлявшиеся по личному разрешению Московского губернатора В.Ф. Джунковского. Имена С. В. Зубатова и других сотрудников Московского охранного отделения в книге Струженцова не приводятся, однако в первой части брошюры следует описание книг, против которых чтения Комиссии были призваны бороться: «Дешевые по цене, в большинстве своем они, при явном малознании составителей в области трактуемых вопросов, были проникнуты резко отрицательным отношением вообще к существующему строю жизни, так как были рассчитаны на сбыт среди недостаточных классов населения, в которых такая проповедь всего скорее может найти отклик... в рабочую среду проводились отчасти разного рода противохристианские и противоцерковные идеи, главным же образом – учение социализма»⁶³⁵.

Нельзя обойти вниманием тему взаимоотношений Зубатова и священника Г. Гапона. В советской историографии сложилась традиция записывать их движения в единое целое и представлять общество священника, как логическое продолжение эксперимента Зубатова. Между тем данное утверждение не вполне соответствует действительности. В 1902 г. рабочие Общества взаимопомощи в механическом производстве были направлены в Петербург для устройства движения по легализации. По воспоминаниям петербургского рабочего С. В. Кладовикова, позднее ставшего членом общества Гапона, главную роль в организации легального рабочего движения в Петербурге играл московский рабочий И. С. Соколов. Он установил связи со своими знакомыми – Василием Пекуновым, Семеном Устюжанином и Лопарем Сторожиловым, которые по-

634 Десятилетие общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих города Москвы. М., 1912. С. 49.

635 Там же. С. 4–5.

могли ему выйти на контакт со многими петербургскими рабочими. Речи Соколова произвели впечатление на рабочих, что подтверждается сообщением Кладовикова: *«Затем мы все пришли к убеждению, что мысли, высказанные Соколовым, при осуществлении их ничего кроме пользы не принесут нам»*⁶³⁶. Новое общество выработало устав, сходный с уставом московских обществ, который был подан на утверждение градоначальнику Н.В. Клейгельсу. Через некоторое время начали проходить собрания в помещении Общества трезвости в Нейшлотском переулке, на которых неизменно присутствовал Соколов и контролировал их ход. С наиболее активными членами Общества встречался сам Зубатов, как это произошло с уже упоминавшимся Кладовиковым: *«Соколов сказал мне, что меня хочет видеть С. В. Зубатов. Зубатова я увидел впервые у него на квартире на Пантелемойновской улице, дом 9, где Департамент полиции. Представил меня Соколов вместе с другими: Устюжанином, Пекуновым, Лопаревым и еще несколькими другими. Здесь я убедился, что слышанные мною раньше рассказы о том, что Соколов приехал из Москвы вместе с Зубатовым, правильны»*⁶³⁷. Приведенная цитата примечательна тем, что демонстрирует атмосферу недоверия, в которой приходилось действовать агентам Зубатова, организовывавшим легальное рабочее движение. Общение с Зубатовым произвело впечатление на рабочих, и они без труда усвоили основные концепты его системы. Став его верными последователями, рабочие старались докладывать начальнику Особого отдела обо всех случаях общения с революционерами: *«Впоследствии, когда приходилось замечать намерения революционеров оказать свое влияние, я и многие ходили к Зубатову и указывали ему на этих людей исключительно по чувству долга, охраняя наше новое рабочее дело, и никогда никаких денег за это не получал»*⁶³⁸.

636 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 373.

637 Там же. Л. 374.

638 Там же.

После увольнения Зубатова с должности главы Особого отдела легальная организация рабочих осталась без непосредственного руководства. Именно на это время пришлось постепенное усиление влияния священника Гапона, который с присущей ему «энергичностью» принялся переделывать Общество на свой лад. Как отмечает уже цитировавшийся Кладовиков, Гапон постарался избавиться от агентов Зубатова: *«Мало помалу он устроил так, что совершенно сократил деятельность Соколова, и тот должен был уехать из Петербурга»*⁶³⁹. Этот факт подтверждается и записками самого Гапона: *«В начале ноября все агенты Зубатова были единогласно исключены из общества, и им был запрещен даже вход в наше учреждение»*⁶⁴⁰. Отъезд этих рабочих из Петербурга может косвенно свидетельствовать в поддержку точки зрения, согласно которой у Гапона и Зубатова были совершенно разные воззрения на перспективы развития рабочего движения в стране. Несмотря на это, священник Гапон первое время пытался убедить бывшего начальника Особого отдела в обратном. В присылаемых письмах он подчеркивал, что собрания проходят в том же ритме и характере, в котором проходили в бытность его при должности.

Отличительной особенностью посланий священника было и то, что, внешне выдержанные в почтительных к Зубатову тонах, они содержали явно противоречащие его идеям мысли. Осенью 1903 г. Гапон писал Зубатову: *«Недавно в одном из кружковых собраний, когда был поднят вопрос о вас, – смело, удивительно смело и горячо выступили за вас и вашу идею... не скрываем, что идея своеобразного рабочего движения – ваша идея, но подчеркиваем, что теперь*

639 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 375. Л. 374.

640 Гапон Г. А. История моей жизни // Онлайн-библиотека e-Reading [электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/143322/9/_-Istoriya_moei_zhizni.html#n_66 (дата обращения: 13.03.2018).

связь с полицией порвана, что наше дело правое, открытое, что полиция может контролировать нас, но не держать на привязи»⁶⁴¹. Слова Гапона противоречили сути легализации Зубатова и воспринимались им как ренегатство. Не приносило ему радости и настойчивое стремление священника записать себя в последователи системы легализации. На страницах журнала «Вестник Европы» в 1906 г. С. В. Зубатов вполне определенно об этом высказывался: «Настоящим письмом я позволяю себе лишь категорически заявить, что я ни в каких злоупотреблениях не попадался; что случаи нахождения между наиболее активными рабочими “переодетых полицейских” – мне неизвестны за отсутствием таковых; что Гапон – мой ставленник, верно лишь в том смысле, что он был введен в среду рабочих через единомысленных мне лиц, но не в том, что я обрел его, ибо мне самому он был рекомендован петербургским градоначальством как состоявший на самом лучшем счету (я прослужил в Петербурге всего 9 месяцев)»⁶⁴².

Вопрос о том, был ли Гапон штатным сотрудником Департамента полиции, остается открытым: документов о его постоянном жаловании обнаружить не удалось, в то же время известны факты пожалования ему неких сумм. Зубатов писал об этом следующее: «Однажды рабочие обратились ко мне с просьбой помочь деньгами “батюшке”, так как, по их наблюдениям, он, видимо, сильно нуждался. Я завел деликатно об этом речь с Гапоном, и он не отказался от ежемесячного пособия в 100 рублей»^{643, 644}. Впоследствии выяснилось, что активный священник неофициально брал деньги у различных представителей Департамента полиции.

641 Былое. 1917. № 4. С. 170.

642 Вестник Европы. 1906. № 3. С. 433.

643 Былое. 1917. № 4. С. 169.

644 Согласие Г. Гапона на «ежемесячное пособие» не означает, что жалование от Департамента полиции священник получал ежемесячно. Возможно, этот разговор остался просто разговором.

Таким образом, священник Георгий Гапон мог работать на кого угодно, используя различные силы в своих интересах. Признать человека агентом сыскных органов после его собственных заявлений Зубатову о том, что связь с полицией должна быть разорвана, не представляется возможным. В то же время непонятно, что мешало Зубатову предъявить руководству полиции письма Гапона как серьезное доказательство преступности его намерений. Возможно, в нем говорила обида несправедливо уволенного специалиста, искренно любящего сыскную деятельность. Никаких документов, проливающих свет на эту историю, обнаружить не удалось, поэтому любое суждение неизбежно будет иметь характер предположения.

В 1904–1905 гг. общества С. В. Зубатова переживали глубочайший кризис. Разлад финансовых дел, уменьшение количества членов, бездеятельность никому не нужных организаций подвели итог дореволюционному опыту построения рабочих профсоюзов на легальных основаниях. Введение закона о фабричных старостах ясно показало истинное отношение правительства к обществам С. В. Зубатова. После того как последний попал под подозрение и был сослан во Владимир, легальное рабочее движение не имело никаких шансов преодолеть серьезный кризис. Выделение государственных средств на поддержку жизнедеятельности рабочих обществ имело целью предотвратить снижение интересов трудящихся к лекциям, устраиваемым Комиссией общеобразовательных чтений. Однако деньги были положены в Государственный банк и фактически остались в собственности государства. Они не помогли улучшению экономического положения рабочих, не были реализованы на решение проблем, возникших с кассами взаимопомощи и потребительскими лавками, не была приобретена недвижимость. Субсидирование обществ равным счетом ничего не изменило.

Политика легализации рабочего движения в Москве может быть признана первым подобным опытом в России. В предыдущие

годы правительство пыталось бороться с революционной агитацией на промышленных предприятиях строгими репрессивными мерами, в том числе введением дополнительных органов контроля за настроениями рабочих. Многочисленные совещания по рабочему вопросу, регулярно проходившие на рубеже веков, зафиксировали серьезный межведомственный конфликт, выразившийся в принятии бесполезных законодательных актов. Различные проекты на имя министра внутренних дел и министра финансов сходились в главном: правительство должно осуществлять контроль за производственным процессом, а также заботиться о досуге рабочих. Реализацией подобных идей на практике стала политика начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова в рабочем движении, известная как легализация обществ взаимопомощи с целью улучшения экономических и бытовых условий производства. К созданию рабочих обществ были привлечены профессора Московского Университета, разработавшие устав будущих организаций, читающие рабочим лекции о ведении самостоятельного хозяйствования в экономических объединениях. Рабочим было позволено вступать в общества и участвовать в финансовой деятельности касс взаимопомощи и потребительских лавок, организованных в надежде создать материальную базу легального движения.

В то же время Министерство финансов во главе с С.Ю. Витте относилось к рабочим обществам С. В. Зубатова с большим скепсисом, справедливо видя в них прямых конкурентов подведомственной ему фабричной инспекции, в лице многих своих представителей придерживающейся интересов торгово-промышленных кругов Москвы. Исходя из этого, Министерство финансов, как и в конце XIX в., повело борьбу против начинаний Министерства внутренних дел, используя все возможные методы для того, чтобы свести на нет влияние рабочих организаций.

Начавшиеся стачки, в которых участвовали рабочие легальных обществ, побудили правительство изменить первоначальный план организации взаимопомощи. В соответствии с программным

документом новой политики в рабочем вопросе – запиской Л. А. Тихомирова «О задачах русских рабочих союзов и началах их организации» – легальные общества

С. В. Зубатова были преобразованы в просветительские *кружки*. Власть согласилась с главной мыслью Л. А. Тихомирова о том, что пока еще рабочие не готовы бороться за свои права, вследствие чего им нужно обучаться различным общим и богословским дисциплинам. Образование рабочих было, безусловно, важным и нужным начинанием, но проблема состояла в том, что оно заменило усилия рабочих по борьбе за свои права. Основатели рабочих обществ, научившие своих подопечных азам политической экономики, были вынуждены уйти, так как в легальном рабочем движении нового типа, стремившемся обойти наиболее острые и животрепещущие вопросы жизни трудящегося, места им не находилось. Комиссия по устройству общеобразовательных чтений посчитала своим долгом признать несвоевременными начинания университетской профессуры.

С конца 1901 – начала 1902 г. потеряли актуальность уставы рабочих обществ, в которых большая часть пунктов была посвящена кассам взаимопомощи и потребительским лавкам, стремительно приходящим в упадок. Меньше влияния имели организованные Советы рабочих, призванные решать конфликтные ситуации между фабрикантами и рабочими. Проведенные в Советы секретные агенты С. В. Зубатова остались практически без работы, так как после весенних событий на мануфактуре Гужона рабочим обществам было запрещено вступать в споры с фабричными управлениями и организовано бороться за свои права.

Таким образом, запрет, менее чем через год после основания, деятельности легальных рабочих организаций привел к негативным последствиям. Важнейшим из них было разочарование рабочих в официальной власти, вдвойне сильное после того, как они убедились в преимуществах взаимопомощи. Многие из них осознали реальную неспособность власти представлять интересы трудящихся посредством заступничества администрации и полиции.

Разочарование во власти и равнодушие к ее решениям постепенно приводили рабочих к сочувствию революционным группам. В 1902–1903 гг. московские рабочие в большинстве своем покидали легальные общества. Правительство подтвердило право рабочих на образование, реализация остальных потребностей оставалась нелегальной, что сближало интересы трудящихся и революционеров.

Московское охранное отделение, как и общества взаимопомощи, также переживало кризисные явления: кадровые проблемы, недофинансирование следственных мероприятий, напряженные взаимоотношения между сотрудниками. С одной стороны, в охранном отделении еще оставались старые кадры, пришедшие в полицию до Зубатова, а с другой – во весь голос о себе заявляли представители нового направления в сыскной деятельности. «Новая школа Зубатова» вызывала настороженность и раздражение не только у представителей ГЖУ, ревниво относящихся к ее инициативам, но и у некоторых ближайших коллег по полицейской службе. В качестве примера «скрытых недоброжелателей» Зубатова можно назвать Л. П. Меньщикова, отрекшегося от эксперимента при первой возможности.

Слабой стороной политики Зубатова в рабочем вопросе можно считать отбор кадров для проведения легализации рабочего движения. Основываясь исключительно на своем чутье и умении разбираться в людях, Зубатов необоснованно доверял рабочим-агентам, которые в дальнейшем могли действовать почти бесконтрольно. Интеллектуальное и психологическое превосходство начальника Московского охранного отделения над многими арестованными рабочими способствовало иллюзии легкости переубеждения. Лояльных и грамотных рабочих Зубатов привлекал к участию в обществах взаимопомощи. История обществ взаимопомощи продемонстрировала: данный метод «заагентурирования» рабочих давал серьезные сбои. Обвинение председателя Общества взаимопомощи в ткацком производстве Жилкина в воровстве и пьянстве свидетельствовало о том, что атмосфера внутри самих

легальных рабочих организаций была далека от совершенства. Нездоровая атмосфера в легальных организациях складывалась в том числе из-за недостаточного надзора Московского охранного отделения. В архиве хранятся документы, свидетельствующие о серьезнейших проблемах с дисциплиной в обществах взаимопомощи рабочих. Так, после одного из семейно-танцевальных вечеров зубатовцев целая группа гостей не досчиталась своих вещей: *«Избранная комиссия по делу о пропавших вещах на танцевальном вечере 6 января с. г. постановила выдать: 98 рублей 25 копеек следующим лицам: московской женщ. Александре Сергеевне Алексеевой (за пропавший платок пуховый) – 1 рубль 80 копеек, Марии Федоровне Колесниковой (триковый жакет) – 16 рублей, Алене Ивановне Обижаевой (галoши) – 2 рубля, Варваре и Анне Абрамовне Васильевым (две пары триковых ботиков)– 5 рублей, Ивану Семеновичу Горюмову (одна драповая галоша) – 2 рубля 50 копеек, <...> Григорию Николаевичу Кармееву (шапка хивимковая) – 13 рублей, Ивану Михайловичу Волкову (пальто) – 18 рублей»*⁶⁴⁵. В московской политической полиции так и не был создан «особый отдел», контролирующий легальные организации.

В 1903 г. активно прорабатывались альтернативные меры по решению рабочего вопроса – страхование заводских трудящихся и учреждение института фабричных старост. Однако, несмотря на шумную кампанию в официальной печати, нововведения не получили дальнейшего развития. Фабриканты не стремились финансово поддерживать идею страхования, а старосты были не в состоянии конкурировать с опытными, служащими два десятилетия на промышленных предприятиях фабричными инспекторами. Несовершенство фабричного законодательства также способствовало усилению конфликтных тенденций.

Двусмысленность принимаемых правительством законов была продиктована опасениями, которые внушали его кругам объединения фабрикантов. Контролируя значительную часть промышленного сектора, фабриканты к началу XX в. были одной из наиболее влиятельных социальных групп страны. Возможности промышленников, имеющих деньги и поддержку со стороны правящей бюрократии, завывались, тогда как деятельность революционеров, испытывающих затруднения в средствах, но приобретающих симпатии самой мобильной части городского населения страны – рабочих, представителями власти недооценивалась.

Имея влиятельных заступников, в частности, министра финансов С.Ю. Витте, промышленники не были заинтересованы в улучшении условий труда и быта рабочих. Фабриканты не были заинтересованы в том, чтобы считать рабочих полноправными участниками договорного процесса.

3.4. Особенности реализации инициатив С. В. Зубатова в Одессе

После провала агентурной деятельности независимцев в мелких городах внимание С. В. Зубатова было обращено на Одессу – один из торгово-промышленных центров юга России, где, как и в Петербурге, располагался крупнейший в стране морской порт, через который в большом количестве вывозились за границу товары. Одесский порт имел большой удельный вес в экономике России, что сказалось на росте промышленности и города в целом. В Одессе была развита преимущественно пищевая промышленность – мукомольная, сахаро-рафинадная, консервная, пробочная, табачная, кондитерская, спиртоводочная, кожевенная отрасли. Кроме того, здесь были металлургические заводы Беллино-Фендерихо, Гена, главные железнодорожные мастерские, судостроительные верфи.

Тяжелое положение на предприятиях Одессы создавало благоприятную почву для революционной агитации. В конце 1901 г.

в городе действовала Южная революционная группа социал-демократов (ЮРГСД), стремительно набирающая популярность среди рабочих. В ноябре группой были выпущены листовки, в которых содержались призывы к борьбе с самодержавием и свержению монархии. В декабре были выпущены и распространены прокламации, призывающие каменоломщиков и железнодорожных рабочих активно включиться в революционное рабочее движение. При непосредственном участии ЮРГСД прошли стачки на табачной фабрике Попова и на фабрике Жако. Одесская полиция настойчиво пыталась ликвидировать деятельность этой революционной группы, но, несмотря на широкие розыскные мероприятия, а также внедрение в ее среду секретных сотрудников, революционная деятельность ЮРГСД продолжилась. В донесении на имя Департамента полиции от 31 января 1902 г. начальник жандармского управления был вынужден признать, что в Одессе по-прежнему *«главную роль играет Южная революционная группа социал-демократов»*⁶⁴⁶. В 1902 г. состоялось объединение революционных сил Одессы в одну организацию во главе с Одесским Комитетом РСДРП. В течение всего года комитет продолжал вести революционную пропаганду и издавать в большом количестве листовки, прокламации, организовывать стачки. Начальник Одесского охранного отделения в феврале 1902 г. писал в Департамент полиции: *«В течение января и первых чисел января текущего года Одесский Комитет РСДРП проявлял чрезвычайную деятельность в издании различного рода воззваний, обращенных или к рабочим какого-либо отдельного цеха по частным вопросам условий их труда или же трактующих различные злободневные темы»*.

Создание охранного отделения и усиление розыска не привели к желательным для Департамента полиции результатам. Одесская администрация во главе с графом П.П. Шуваловым была обеспокоена складывающимся положением. Для организации движения, предупреждающего беспорядки на фабриках и заводах, С.

В. Зубатову летом 1902 г. было предложено создать в Одессе общества лояльных правительству рабочих. Через некоторое время в Одессу был командирован сотрудник Департамента полиции М. Коган, который повел агитацию среди рабочих табачных фабрик Попова и Воховского, убеждая их не верить социал-демократам и призывая к мирной созидательной деятельности. При этом рабочие фабрик бесплатно получали брошюры, в которых содержался текст прочитанных в 1901 г. в Москве лекций для Общества взаимопомощи в механическом производстве. Успешная деятельность М. Когана, бывшего члена Одесского Комитета, повлекла за собой вызов в город еще одного агента С. В. Зубатова – Юлия Волина. По примеру обществ взаимопомощи в Москве М. Коган и Ю. Волин предполагали создать рабочий Совет, кассу и печатный орган, договориться с администрацией о чтении лекций для рабочих НРП. Официальное разрешение одесской администрации на устройство собраний рабочих с целью чтения, обсуждений их нужд и развлечений независимцы получили только в сентябре 1902 г. Для привлечения большего числа рабочих в свои ряды Независимая Рабочая Партия выпустила листовку, где подробно объяснялись цели и задачи организации. Это воззвание не отличалось особой оригинальностью. Его авторы в императивной форме призывали рабочих бороться за человеческие условия труда, более короткий рабочий день, справедливую заработную плату. Кроме того, в листовке указывалось, что революционеры стремятся совершить мировой переворот и не имеют ни желаний, ни времени, ни возможности уделять внимание рабочим и их запросам.

Первые действия М. Когана и Ю. Волина вызвали острую реакцию со стороны Одесской социал-демократической организации, которая с момента их появления начала публиковать листовки, разоблачающие независимцев как агентов правительства. Волин писал по этому поводу С. В. Зубатову: *«Местные революционеры подняли страшный шум и гвалт. Моё имя, как хитрого и ловкого шпиона, раззвонили по всему городу. Особенно сильно они нам не по-*

вредили, но рабочая масса, даже не организованная, начинает опасно относиться к нам»⁶⁴⁷. Усилия социал-демократов по дискредитации в глазах общественности НРП не помешали выработке и публикации ее программы осенью 1902 г. Программа Одесской НРП отличалась от уставов московских и минских рабочих обществ. Помимо перечисления традиционных мер по удовлетворению нужд рабочих, в программе провозглашалось, что одним из средств для достижения поставленных целей является проведение стачек, куда и должны были в основном расходоваться кассы легальных обществ, по мысли авторов программы. В случае недостатка денежных средств, НРП оставляло за собой право обращения за материальной помощью к другим союзам через одесский независимый рабочий комитет.

После официального признания одесских властей и составления программы Независимая партия стала проводить первые собрания. В течение нескольких месяцев Юлию Волину и Марии Вильбушевич, которая прибыла в Одессу для оказания ему помощи, удалось организовать несколько независимых рабочих союзов для деревообделочников, паяльщиков и консервщиков. О деятельности в Одессе Марии Вильбушевич Департамент полиции писал: *«В конце 1902 года в Одессе появилась М. Вильбушевич, которая занялась организацией среди местных союзов, называя их “независимыми”. Эти союзы устраивались с целью дать возможность рабочим заняться улучшением своего материального положения исключительно на почве экономической борьбы, безо всякого участия в этом революционных организаций. Устроив несколько таких независимых союзов, Вильбушевич уехала из города, а дело дальнейшей организации союзов передала чрезвычайно энергичному молодому человеку Шаевичу, который с большим рвением принялся за пропаганду экономической борьбы с хозяевами для улучшения материальных условий своей жизни»⁶⁴⁸.*

647 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 801. Ч. 1. Л. 259.

648 Подробнее в деле: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 801. Ч. 6.

С января 1903 г. собрания созывались ежедневно, а затем регулярно по два раза в неделю. Для их устройства на средства охранного отделения были сняты помещения на Нарышкинском спуске в доме Вруна, а затем на Пересыпи⁶⁴⁹, на Лесной улице. Наряду с общими собраниями проходили собрания выборных, на которых вырабатывались основные положения обществ взаимопомощи рабочих. Все собрания происходили в присутствии организатора и руководителя рабочих союзов Генриха Шаевича, по одним источникам, доктора философии, по другим – простого одесского мещанина, завербованного в агенты начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатовым.

К апрелю были созданы новые союзы – машиностроительных и механических рабочих, матросов, кочегаров, пекарей. Во главе этих союзов стоял независимый рабочий комитет, который руководил всеми делами партии, распоряжался кассой взаимопомощи и созывал общие и выборные собрания. К этому времени число членов НРП выросло до двух тысяч человек.

При активной поддержке ротмистра А. Васильева, главы Одесского жандармского управления, однофамильца его минского коллеги, Г. И. Шаевич занимался организацией стачек. Так, в декабре 1902 г. была организована стачка ящичных мастерских, в начале 1903 г. – ряд забастовок в мелких ремесленных заведениях, в марте – в некоторых механических мастерских. В апреле большинство стачек заканчивалось тем, что промышленники под давлением союзов и полиции были вынуждены уступать требованиям рабочих. О тактике независимых союзов в Одессе свидетельствует донесение старшего фабричного инспектора Херсонской губернии: *«Цель союзов исключительно боевая и деятельность союзов в Одессе вполне соответствует этой цели. Союз приучил своих членов обходиться без правительственной власти и игнорировать законы, приучил их к незаконным насильственным действиям, к неуважению*

649 Пересыпь – район в Одессе, где в конце XIX в. функционировали заводы, склады, элеваторы.

собственности хозяев и прав сотоварищей. В союзе рабочим внушалось, что они должны быть первенствующим классом в государстве, что для них не нужны ни суд, ни инспекция, ни полиция. Союз приучил смотреть на своего хозяина-работодателя, как на противника, интересы которого противоположны интересам рабочих. Не согласные с союзом рабочие подвергались насилиям, на них нападали толпами, избивали их на улицах и в квартирах и затрудняли их поступление на работу в завод...»⁶⁵⁰ Информация фабричного инспектора частично может быть подтверждена письмом Г. И. Шаевича С. В. Зубатову, в котором он пишет: «...Вы, вероятно, скажете, что избивание штрейкбрехеров – некультурный прием, нам сильно вредящий; я, вполне разделяя ваш взгляд, должен, однако, прийти к заключению, что без этого в мелкой ремесленной стачке нет возможности обойтись, что признали бы и вы, если бы вам пришлось вести практику дела, а потому не сулите нам чертей...»⁶⁵¹ Достаточно фривольный стиль письма Г. Шаевича к непосредственному начальнику позволяет предположить, что С. В. Зубатов находился под влиянием своего агента. Косвенным образом этот тезис подтверждается неприкрытой лестью Г. И. Шаевича в адрес заведующего Особым отделом Департамента полиции: «...мне показалось, что вы сделали мне гораздо ближе и роднее, что наше общее дело, одинаково нам дорогое, о котором мы одинаково болеем душой, так сильно сблизило нас, что всё минувшее со всеми его сомнениями, недоверием остается лишь страшным сном...»⁶⁵² Заверения в преданности сменялись жалобами на тяжелое положение дел, хроническое безденежье и отсутствие поддержки со стороны одесского полицмейстера. «Мы имеем прежнего неприятеля в лице Бессонова, который пользуется

650 Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 238.

651 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

652 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 12. л. 1.

*всяким случаем, чтобы напакостить нам... Бессонов меня сильно беспокоит: не повредил бы он нам...»*⁶⁵³

Агрессивность стачек независимцев вызывала справедливую обеспокоенность местных властей. Полицмейстер В. А. Бессонов неоднозначно относился к самому Г. И. Шаевичу, да и деятельность НРП в Одессе вызывала много вопросов. Если в Москве и Минске общества взаимопомощи боролись за улучшение материального положения рабочих, то в Одессе, наоборот, экономические требования трудящихся были лишь поводом для проведения забастовок. Г. И. Шаевич управлял НРП таким образом, что уже зимой 1903 г. практически прекратились лекции и собрания, традиционные для легального рабочего движения. Он объяснял это безденежьем организации, недостаточным кредитованием и происками врагов. Как он писал, *«только прочный авторитет, которым пользуюсь у массы, заставляет её молчать и не требовать их (собраний. – С.М.)»*⁶⁵⁴.

Отсутствие финансовых средств было характерно и для легальных рабочих организаций в Москве и Минске, но там, несмотря на все трудности, собрания не прекращались. Исходя из этого, следует предположить, что деньги, выделяемые из центра на повышение интеллектуального уровня рабочих, использовались Г. Шаевичем на организацию широкого забастовочного движения. За маской преданного Департаменту полиции человека скрывался очередной провокатор, на протяжении нескольких месяцев грамотно раскачивающий лодку. Двойная жизнь приводила Шаевича в отчаяние; как ни странно, за моральной поддержкой он обращался к начальнику Особого отдела С. В. Зубатову: *«Страшно зыбкая почва под нами, слишком уже дело связано с личностями для того, чтобы можно было сохранить душевное спокойствие, и та страшная напряженность, с которой приходится лавировать между подводных камней, постоянное нахождение на вулкане и страшная*

653 Там же. Л. 3–4.

654 Там же.

ответственность перед массой все недочеты по движению привели меня в такое состояние, что просто боюсь слечь от страшного нервного и физического переутомления... Постоянное опасение за дело, ужасная мысль, что сказать массамкогда нам всем дадут по шапке, той массе, которая с доверием относится к каждому моему слову и считает его святынею... За последнее время мысль о грядущей опасности сделалась у меня идеей фикс: нервы ли это шалят, или это предчувствие— не разберу»⁶⁵⁵.

Переписка С. В. Зубатова с Г. И. Шаевичем по стилю и содержанию напоминала его же обмен посланиями с М. В. Вильбушевич: те же взаимные комплименты, эмоциональность и кажущаяся откровенность, жалобы на сложные обстоятельства. Отсутствие субординации между главой Особого отдела и секретными агентами имело последствиями несколько нежелательных факторов. Во-первых, агенты могли сообщать ему не всю или значительно приукрашенную информацию о происходящем. Во-вторых, эмоционально окрашенные послания агентов не могли не камуфлировать обозначившуюся к 1903 году разномыслицу во взглядах начальника и его подчиненных. Наконец, в третьих, С. В. Зубатов, явно переоценивая организационные возможности своих учеников, не задумывался о последствиях их деятельности на окраинах страны. Обеспокоенность и неуверенность одного из главных секретных сотрудников в Одессе («нам всем дадут по шапке») не заставила С. В. Зубатова заменить его или же усилить движение опытными людьми из Москвы. НРП все меньше напоминала проект Зубатова.

Прикрываясь маской легализации, рабочие союзы во главе с Г. И. Шаевичем были направлены исключительно на формирование сил, готовящих бунты против власти. Деятельность Г. Шаевича долгое время не внушала подозрений ни местным властям, ни центральным, что свидетельствует о явной бесконтрольности одесской легализации рабочего движения.

В апреле 1903 г. НРП проявила себя на чугунно-литейном заводе Рестеля. Поводом к стачке послужило увольнение члена Союза машиностроительных и механических рабочих кузнеца Драгомирецкого. 19 апреля Шаевич прислал Рестелю письмо, в котором от имени союза под угрозой забастовки предлагал удовлетворить следующие требования: 1) восстановить на работе Драгомирецкого; 2) вежливо обращаться с рабочими; 3) подавать гудок в установленное время; 4) вывешивать расценки аккордных работ. На отказ Рестеля удовлетворить предъявленные требования независимцы объявили забастовку. Стачка началась 21 апреля и затянулась до всеобщей стачки июля 1903 г. Бастующие рабочие получали пособия из кассы Комитета, что привело к ее истощению. В ответ на стачку Рестель уволил всех бастующих и набрал новых рабочих. Кроме того, он обратился за помощью в Петербург, направив на имя С. Ю. Витте телеграмму: *«21 апреля все рабочие по наущению Шаевича бросили работу. Нанятых новых рабочих бьют на улице подкупленные старыми рабочими и вынуждают бросить работу. Об этом я и фабричная инспекция сообщали администрации, но насилия не прекращаются. Прошу защиты»*⁶⁵⁶.

Неблагоприятное для НРП развитие событий не вызвало беспокойства С. В. Зубатова. Летом 1903 г. забастовкой независимцев воспользовалась социал-демократическая партия, на волне рабочего недовольства активизировавшая свои действия. Первым тревожным звонком стала организованная Одесским Комитетом РСДРП забастовка на джутовой фабрике Родоснаки, которая с трудом была подавлена. Однако правильных выводов из этой стачки Шаевичем сделано не было. Вместо того чтобы через своих агентов попытаться успокоить рабочую среду в момент активизации социал-демократов, независимцы предпочли принять участие в усилившейся стачечной борьбе. В июне НРП организовала стачку рабочих железнодорожных мастерских в ответ на отказ администрации выполнить их требования. Забастовка началась в конце июня,

а уже 2 июля события в мастерских вышли из-под контроля независимцев, так как под влиянием социал-демократов волнения охватили все цехи. 4 июля забастовали грузчики одесского порта, потребовавшие уменьшения рабочего дня на полчаса и увеличения заработной платы до двух рублей в день. С прибытием в одесский порт пароходов к забастовке присоединились моряки, потребовавшие увеличения заработной платы до семидесяти процентов, уменьшения рабочего дня, оплаты за сверхурочную работу.

В фондах Департамента полиции хранится записка для памяти, которая подробно излагает июльские события в Одессе. Судя по ее содержанию, *«6 июля забастовка чернорабочих распространилась на весь почти порт. Оставили работу более четырех тысяч; грузка пароходов прекратилась; рабочие держатся пока спокойно. Представители торговых фирм просят выслать зачинщиков стачки, заменить рабочих солдатами...»*⁶⁵⁷

Примерно в это же время началось широкое забастовочное движение, которое вкупе с разбрасываемыми на улицах прокламациями РСДРП действовало возбуждающе на рабочую массу. 11 июля число забастовщиков достигло 1 500 человек. Большинство из них предъявили к своим пароходным обществам требования об увеличении их содержания и уменьшении рабочего дня. Вследствие полной забастовки в порту все суда прекратили пассажирское и грузовое движение. Директор Департамента полиции А. А. Лопухин послал телеграмму начальнику Одесского охранного отделения: *«Если имеются фактические данные, что забастовка является последствием агитации “независимцев”, агитаторов, по приказанию Министра, следует задержать и выслать»*⁶⁵⁸. Полученные депеши подвигли начальника Одесского охранного отделения ротмистра Васильева заняться проверкой причастности НРП и лично Г. И. Шаевича к массовым забастовкам. В результате проверки Васильев послал в Москву две телеграммы различного содержания.

657 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 4. Ч. 10. л. Г. Л. 7.

658 Там же. Л. 60.

Если в первой он пишет: *«По объяснению Шаевича независимцы только участвуют в стачке, сдерживая других... Это несогласно с положением дела, ибо ежедневно около квартиры независимцев сотни забастовщиков. Несомненно, Шаевич ведет стачку, но мне этого не говорит. Побудить приступить к работам теперь трудно»*⁶⁵⁹, то во второй, отправленной двумя днями позднее, а именно 15 июля, отмечает: *«Хотя независимые участвуют в стачке, но только они сдерживают забастовавших. Теперь арестовывать их нельзя, прибыли военные матросы, завтра будут ещё... Социал-демократы хотят столкновения, вызвано три роты, независимых взял в руки и направляю, сверху спокойно, в середине бурлит, начинаются забастовки на фабриках»*⁶⁶⁰. О том, почему через два дня Васильев поменял восприятие роли НРП в забастовочном движении, можно только догадываться. Возможно, дело в психологии: магнетизм личности «доктора философии Шаевича» не оставил равнодушным самого С. В. Зубатова.

Помимо ротмистра, степень вовлеченности НРП в забастовки пытался выяснить прокурор одесской судебной палаты В. С. Микулин. В рапорте на имя министра финансов он прямо указывал на то, что главным виновником стачек июля является Одесский независимый рабочий Комитет. По утверждению Микулина, железнодорожные рабочие, матросы и кочегары, начавшие забастовку, составляли отдельные независимые рабочие союзы. Кроме того, он сообщал, что *«16, 17, 18 июля сходки членов Независимой рабочей партии происходили в окраине города в Дюловском и Рубовом садах, причем 17 июля помимо желания членов НП на сходку явились также члены революционных организаций, и, кроме того, со всего города собирался разный сброд... Образовалась толпа, которая, двигаясь по улицам, заходила во все торговые заведения, где имелись рабочие, и удаляла их оттуда, заставляя прекращать работы»*⁶⁶¹.

659 Там же. Л. 59.

660 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 4. Ч. 10. л. Г. Л. 64.

661 Там же. Т. 2. Л. 42.

Тем временем забастовка в Одессе стала всеобщей. Все заводы и фабрики прекратили свою работу. Газеты перестали выходить, электростанция не работала. Всякое движение в городе транспорта прекратилось, а железнодорожное и пароходное сообщение поддерживалось с большим трудом. Начальник Одесского охранного отделения ротмистр Васильев сообщал: *«Сегодня забастовали матросы и кочегары Русского Общества пароходства и торговли и Российского общества транспортирования кладей числом более 300, некоторые пароходы не могут отойти, требуют увеличения платы, начались стачки в порту, стихийно; теперь социал-демократы хотят взять чисто экономическое движение в свои руки»*⁶⁶² *«Сегодня прекратили движение трамваи вследствие забастовки кулеров и кондукторов, ходят лишь несколько вагонов...»*⁶⁶³.

С прибытием войск город превратился в военный лагерь. Во всех частях города были размещены воинские части: на заводах, электростанции, улицах и скверах. По городу было запрещено всякое перемещение группами, а появившихся рабочих немедленно арестовывали и отправляли в участки. Всего было арестовано около трехсот человек. На улицах были расклеены объявления: *«Вследствие возникших в городе беспорядков, сопровождающихся сборищами и насилием, объявляется во всеобщее сведение, что при неподчинении требованиям полиции или административной власти я обязан буду на основании Закона восстановить порядок силой оружия. Генерал-лейтенант Арсеньев»*⁶⁶⁴.

По распоряжению В. К. Плеве Г. И. Шаевич был арестован и выслан сначала в Вологодскую губернию, а затем, в сентябре 1903 г., в Восточную Сибирь. Переводу Шаевича из Вологды в Красноярск способствовал перехват органами полиции следующего его письма к некому Сафронову: *«Не оставляйте начатого мною в*

662 Там же. Л. 43.

663 Там же. Л. 68.

664 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 4. Ч. 10. л. Г. Л. 74.

Одессе дела и не дайте распасться нашему союзу. Сходите к Смирнову, он живет там, где была наша пересыпская квартира. Я вам вышлю подробную инструкцию. Большинство наших врагов из одесской администрации будет убрано. Я думаю, что моя ссылка заставит, наконец, всех революционеров понять, что я никогда не был слугою правительства, а только другом рабочих...»⁶⁶⁵ По постановлению министра внутренних дел Шаевич, обвиняемый в политической неблагонадежности, подлежал высылке в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на пять лет, считая от 28 августа 1903 г.

После перлюстрации письма Г. И. Шаевича начальнику жандармского управления Одессы было поручено выяснить состав одесской группы независимцев. Выполнение задачи осложнялось тем, что Одесское охранное отделение никакого наблюдения за этой группой не вело, а ротмистр Васильев, по его собственному утверждению, знал одного Шаевича из всей НРП. Именно поэтому начальнику жандармского управления удалось выяснить только, что независимцы после подавления июльской стачки 1903 г. *«частью примкнули к социал-демократам, а частью к социал-революционерам»⁶⁶⁶.*

Сам Г. И. Шаевич, находясь в красноярской ссылке, сумел войти в доверие к начальнику местного охранного отделения, в результате чего последний отправил в Петербург конфиденциальное сообщение, в котором в самом положительном смысле характеризовал *«доктора философии и государственного права Генриха Шаева»*. *«В настоящее время это лицо представляет собой человека окончательно убежденного в том, что прежние его направления, вызвавшие своими проявлениями печальные для него последствия, совершенно не соответствуют теперешним его умозаключениям, каковые выводят его на путь к благим начинаниям в пользу правитель-*

665 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 1390. Л. 4.

666 Там же. Л. 11.

ства... Имею честь покорнейше просить, не признаете ли возможным не отказать в распоряжении об освобождении Шаевича из тюрьмы и отдачи его под надзор полиции в городе Красноярске, где Шаевич будет находиться в сфере наблюдений чинов вверенного мне отделения»⁶⁶⁷. Ходатайство начальника Красноярского охранного отделения было удовлетворено, и 7 февраля по Высочайшему Манифесту Шаевич был освобожден из ссылки с воспрещением проживания в столице и в Одессе. Находясь под полицейским надзором, бывший глава НРП поселился в Кишиневе. В свете имеющихся источников освобождение Шаевича выглядит несколько странным. Менее чем за год до издания Высочайшего Манифеста начальник Енисейского ГЖУ следующим образом отзывался о нем: «Из достоверных источников мне стало известно, что Шаевич и ещё какая-то особа, содержащиеся в Красноярском Тюремном Замке, имеют постоянное сношение с лицами политически неблагонадежными, получают нелегальную литературу и таковую распространяют среди политических арестованных в тюрьме. Вместе с тем политические арестованные в официальных случаях называют Шаевича провокатором, а в действительности находятся с ним в хороших отношениях»⁶⁶⁸. Директор Департамента полиции А. А. Лопухин 19 июля 1904 г. направил в Красноярское охранное отделение записку: «Сношения Шаевича неудобны. Телеграфируйте, почему он сидит тюрьме Красноярск»⁶⁶⁹. 7 февраля 1905 г. Шаевич был освобожден: «...ему, по распоряжению Градоначальника, было предложено оставить Одессу, почему он в тот же день выехал в избранное им местожительство – г. Кишинев»⁶⁷⁰.

Следует отметить, что провал деятельности НРП в Одессе заставил министра внутренних дел В. К. Плеве пересмотреть свое отношение к политике легализации рабочего движения и если не

667 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 1390. Л. 12.

668 Там же. Л. 29.

669 Там же. Л. 13.

670 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 1390. Л. 35.

ликвидировать ее совсем, то передать дело воспитания рабочих в самодержавном духе в руки духовенства. Этому, в том числе, способствовала телеграмма городского головы Одессы П.А. Зеленого, который в разгар драматических событий 1903 г. предупреждал министра о возможных последствиях: «...городские больницы и благотворительные заведения останутся без хлеба и белья, а все население города – без воды»⁶⁷¹.

Летние события 1903 г. в Одессе долгое время готовились Независимой рабочей партией. Одесская стачка 1903 г., повлекшая за собой цепную реакцию забастовочного движения в городах южной части России, началась с весенней рядовой стачки на заводе Рестеля. Выдвинутые рабочими, по согласованию с НРП, не очень серьезные требования (вежливое обращение с рабочими, своевременная подача гудка и т. д.) резко контрастировали с принципиальностью и радикальностью методов их достижения. Отсутствие материальных претензий у бастующих заставляет задуматься о мотивах самой стачки. Насильственный характер проведения забастовок под прикрытием лозунгов НРП свидетельствует о том, что история на заводе Рестеля имела свойства спланированной акции, направленной на дестабилизацию обстановки в городе. Начавшаяся еще в апреле 1903 г. стачка, имеющая формальным поводом увольнение одного рабочего, «благополучно» дотянула до лета и передала инициативу социал-демократам, организовавшим забастовку явной антиправительственной направленности. У нас нет данных, прямо свидетельствующих о том, что глава НРП в Одессе Г. И. Шаевич был членом РСДРП или сочувствующим этой партии человеком. Но тот факт, что НРП в Одессе было выгодно разжигать огонь стачечного движения, при этом не очень заботясь об экономическом положении рабочих, – неопровержимо. Весьма примечательно и то, что НРП в Одессе, занимаясь забастовками и с каждым месяцем своей истории всё более превращаясь в центр стачечного движения города с правами легальной организации,

671 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 4. Ч. 10. л. Г. Л. 133.

летом 1903 г. оказалась на одних баррикадах с социал-демократами.

За события лета 1903 г. ответственна местная полиция, не сумевшая обезопасить город от планомерно готовящихся революционерами забастовок, центральная полиция в лице главы Особого отдела С. В. Зубатова, симпатизировавшего Г. И. Шаевичу и игнорирующего деятельность рабочих союзов НРП в Одессе, черносотенные группы, устраивавшие еврейские погромы, которые имели последствием активизацию антимонархических и антиправительственных настроений в среде еврейских рабочих.

Легальное рабочее движение в Одессе имело свою специфику. С. В. Зубатов планировал добиться широкой идеологической поддержки легального движения посредством издания тематических журналов и газет, однако ни печатного органа, ни широких чтений в городе создать не удалось. Бесконтрольность и отсутствие административной поддержки привели к злонамеренности деятельности некоторых лидеров НРП. Личность Г. И. Шаевича, его усилия, направленные на эскалацию конфликта между фабрикантами и рабочими, явились одной из многочисленных причин забастовочного взрыва лета 1903 г., предопределившего увольнение С. В. Зубатова и ликвидацию его организаций.

Глава 4

Инициативы С. В. Зубатова в оценке современников

Современники С. В. Зубатова по-разному оценивали его деятельность в должности начальника Московского охранного отделения, а впоследствии – главы Особого отдела Департамента полиции. Отношение к легализации рабочего движения зависело от многих факторов: социального положения и профессионального статуса мемуариста, его личных взаимоотношений с С. В. Зубатовым, времени написания воспоминаний и сложившейся конъюнктуры. За редким исключением, воспоминания современников о так называемой «зубатовщине» не отличаются глубоким анализом, продуманностью и беспристрастностью. Поверхностность суждений объясняется тем, что большинство из тех, кто оставил мемуары, были плохо знакомы с действительными побуждениями идеологов политики Департамента полиции в рабочем движении в первые годы XX столетия. Именно поэтому даже такие заинтересованные в «раскрытии всей правды» современники С. В. Зубатова, как министр финансов С.Ю. Витте или начальник земского отдела Министерства внутренних дел В. И. Гурко, не уделяют должного внимания вопросу легализации рабочего движения, упоминая лишь вскользь о том, что с ним связано. К сожалению, за исключением профессора И.Х. Озерова, ни один из непосредственных участников эксперимента не оставил подробных воспоминаний об этой интереснейшей странице русской истории. Жизнь многих из них была прервана преждевременно насильственным образом: министры внутренних дел Д. С. Сипягин и В. К. Плеве, а также генерал-губернатор Москвы вел. кн. Сергей Александрович, ходатайствовавший о проведении в жизнь идей С. В. Зубатова, погибли в результате терактов.

Агенты Департамента полиции из числа рабочих также не отличились написанием мемуаров, хотя некоторые из них – напри-

мер, Ф.А. Слепов – регулярно печатались в «Московских ведомостях» и других газетах⁶⁷². Одной из причин молчания рабочих, до революции 1905 г. служивших в Московском охранном отделении, является негативная общественная оценка деятельности С. В. Зубатова и его розыскных методов. В советское время господствующая идеология также предполагала крайне негативное отношение к опытам по легализации рабочего движения, что делало невозможным издание воспоминаний членов зубатовских обществ. После революции 1905 г. и краха идей С. В. Зубатова секретные сотрудники-организаторы легального рабочего движения редко фигурируют в полицейских документах, судьба многих из них неизвестна.

О мемуарах С. В. Зубатова и его ближайших помощников данных нет, хотя исключать их обнаружения в будущем не следует. После опалы и ссылки во Владимир в 1903 г. бывшему начальнику Особого отдела неоднократно поступали предложения написать воспоминания, но он неизменно отказывался. В. Л. Бурцев, проявлявший интерес к деятелям розыска и провокации, с сожалением был вынужден заметить, что все его уговоры встречали твердый отказ со стороны С. В. Зубатова. Самое большее, на что он мог рассчитывать, – это переписка с новатором московской полиции, которая была опубликована в журнале «Былое». В 1906–1907 гг. С. В. Зубатов публиковал апологетические статьи о монархии в журнале князя В.П. Мещерского «Гражданин».

Деятели революционного подполья начала XX в. неохотно вспоминали о Зубатове и его экспериментах. Частично этот пробел восполняют листовки различных оппозиционных партий, оперативно реагирующих на любые нововведения правительства, а также работы теоретиков марксизма, стремящихся наиболее полно осветить все заметные стороны общественной жизни.

672 Небольшой очерк Слепова нельзя считать воспоминаниями, скорее – тенденциозной публицистической статьей. См. Слепов Ф.А. Из воспоминаний бывшего «зубатовца» // Русское дело. М., 1905. № 33.

Работу о С. В. Зубатове в молодые годы и становлении его личности написал К. М. Терешкович, старший брат которого учился с будущим начальником охранного отделения в одном классе гимназии. С. В. Зубатов произвел вполне благоприятное первое впечатление на К. Терешковича: *«Я помню его еще в гимназической форме, когда он являлся на квартиру нашей семьи... Общее впечатление он сразу произвел на меня очень хорошее, по крайней мере, внешне: у него было интеллигентное, умное и энергичное лицо с высоким лбом и гладкими, откинутыми назад, каштановыми волосами»*⁶⁷³. Следующие встречи автора воспоминаний с С. В. Зубатовым проходили в библиотеке А. Н. Михиной, в которой студенты имели возможность читать запрещенную литературу. Братья Терешковичи в это время начали серьезно увлекаться различными революционными идеями и интересоваться оппозиционными течениями. У них появилось много знакомых, которые разделяли их стремления и тянулись к старшим, опытным товарищам. Молодое, буйное, вечно недовольное студенчество организовывалось в народовольческие кружки и организации. С. В. Зубатов был близок к этим кругам, но, как замечает К. Терешкович, *«старшие друзья не совсем дружелюбно относились к Зубатову... Друзья эти, приступившие к революционной работе, хотя и продолжали видеться с Зубатовым, но его к этой работе не привлекли»*⁶⁷⁴. Однако после ареста нескольких народовольческих организаций и серьезного дефицита людских резервов недоверие революционеров к С. В. Зубатову постепенно рассеивалось. Через некоторое время Сергей Васильевич вместе с К. Терешковичем занялся организацией и руководством кружковой работой. Эти события происходили в 1886 г., когда С. В. Зубатов был приглашен на работу в Московское охранное отделение осведомителем. К. Терешкович сообщал ему информацию о появлявшихся организациях, а он, в свою очередь, доставал шрифт

673 Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 80-х годов и С.В. Зубатов. М., 1928. С. 4.

674 Там же. С. 6.

и распространял литературу, помогал деньгами. Широкие возможности бедного библиотекаря не вызвали подозрения у руководящей группы революционных кружков. Доверие К. Терешковича к С. В. Зубатову было настолько безграничным, что он пренебрег основным конспиративным правилом не знакомить людей без нужды для дела и свел будущего начальника Московского охранного отделения с представителем харьковской центральной народовольческой группы. Последствия этого необдуманного поступка не замедлили сказаться, и в ночь на 2 мая 1887 г. в Харькове и Москве было произведено больше сотни арестов. Талант С. В. Зубатова впервые проявил себя в полной мере.

Посвятив всю свою небольшую брошюру обстоятельствам ликвидации народовольческих кружков, К. Терешкович раздражается уничижительной критикой в адрес С. В. Зубатова, называя его *«выдающимся продуктом мира мерзости и запустения», «иудой»* и другом *«шпионов и жандармов, распускавших... гнусные слухи»*⁶⁷⁵. В завершение он не без удовольствия отмечает *«некоторый фатум, тяготевший над Зубатовым с ранней его юности»*. *«Вся его ранняя деятельность в Москве проходила в одном тесном уголке: рос он у своего отца, бывшего управляющего домом № 18 по Тверскому бульвару, затем он перешел на другую сторону того же бульвара, в дом № 27, где помещалась библиотека Михиной и где он поселился после женитьбы на Александре Николаевне, и, наконец, знаменитую свою зубатовщину этот социал-шпион и обер-провокактор провел, перекочевав на другую сторону бульвара в охранное отделение в доме № 22, через дом от своей квартиры, где он провел свои ранние годы юности. Знаменитый провокактор как бы заблудился между трех сосен, между тремя домами в одном маленьком углу Тверского бульвара»*⁶⁷⁶. Хочется отметить, что книга К. Терешковича, написанная искренно, обстоятельно рассказывающая о событиях второй половины

675 Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 80-х годов и С.В. Зубатов. М., 1928. С. 3, 14, 17.

676 Там же. С. 19.

1880-х гг., может считаться панегириком розыскным способностям С. В. Зубатова.

Воспоминания эсера Михаила Рафаиловича Гоца о С. В. Зубатове, изданные В. Л. Бурцевым в год смерти автора, не отличаются содержательностью и оригинальностью, ничего нового, по сравнению с обычным дискурсом представлений социалистов о начальнике Московского охранного отделения, они не вносят. Тезисы Гоца о *«бессовестности провокатора»*⁶⁷⁷ и недоверии к Зубатову в *«Московской народовольческой организации»* в период его юношеской радикальности соседствуют с рассказами о *«теории нравственности»*⁶⁷⁸ С. В. Зубатова, оказывающейся в устах автора воспоминаний теорией по реализации всех мыслимых пороков и становлению сверхчеловеком. Вряд ли стоит доверять красноречивым рассказам М.Р. Гоца о С. В. Зубатове, не находящим подтверждения в свидетельствах менее пристрастных авторов.

Личность С. В. Зубатова и значимость его политики для страны в целом и рабочих в частности недостаточно раскрыты в воспоминаниях современников. Неудачный итог легализации рабочего движения снизил интерес мемуаристов к мероприятиям Департамента полиции в рабочем вопросе в первые годы XX столетия. Ограниченность эксперимента по времени и территории не добавляли популярности политике С. В. Зубатова в рабочем вопросе. Кроме того, многие мемуаристы ошибочно связывали организацию Г. Гапона с политикой легализации, что обуславливало сосредоточение интереса на событиях, непосредственно предшествовавших 9 января 1905 г., и снижение внимания к первым легальным рабочим обществам. Яркий, интригующий образ священника-революционера врезался в память гораздо тверже, чем портрет скромного, малозаметного для широкой общественности начальника Московского охранного отделения.

677 Год М.Р. С.В. Зубатов // Былое. 1906. № 9. С. 63.

678 Год М.Р. С.В. Зубатов // Былое. 1906. № 9. С. 65.

4.1. Деятели политического сыска о С. В. Зубатове и его методах

Важные сведения о методах работы Сергея Васильевича приводит в своих мемуарах А. И. Спиридович, служивший в Московском охранном отделении до 1902 г. Находившийся с С. В. Зубатовым рядом и имевший возможность воочию наблюдать за деятельностью своего начальника, А. И. Спиридович крайне высоко оценивает его профессиональные навыки: *«Мастером по приобретению сотрудников считался сам начальник отделения – Зубатов...»*⁶⁷⁹ *«Он не смотрел на сотрудничество, как на простую куплю и продажу, а видел в нем дело идейное, что старался внушить офицерам»*⁶⁸⁰. Вследствие такого бережного отношения к сексотам *«Зубатов сумел поставить внутреннюю агентуру на редкую высоту. Осведомленность отделения была изумительной. Его имя сделалось нарицательным и ненавистным в революционных кругах»*⁶⁸¹.

Со взглядами А. И. Спиридовича солидарен П.П. Заварзин, который некоторое время перед своим назначением на должность начальника Кишиневского охранного отделения работал под началом главы Особого отдела Департамента полиции. Именно из бесед с С. В. Зубатовым немолодой уже начальник Дубенского отделения Московско-Киевского ЖГТУЖД (Жандармское Полицейское Управление железных дорог. – С.М.) Заварзин понял психологию розыскной работы и ее государственное значение, цели и способы ее осуществления. Разделяя розыскную работу на две части – осведомительную и конкретно-розыскную, С. В. Зубатов считал, что «е

679 Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. С. 47.

680 Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. С. 49–50.

681 Там же. С. 50–51.

техническая сторона должна идти от частного к общему...»⁶⁸². По его мнению, «надо наносить удары по центру, избегая массовых арестов. Отнять у тайных организаций типографии, задержать местную центральную коллегия – это значит разбить и всю периферию»⁶⁸³. П.П. Заварзин положительно оценивал идею С. В. Зубатова о борьбе с революционным движением путем создания рабочих организаций на основе идеологий самодержавия, православия и русской народности. Называя действия в этом направлении рациональными, П.П. Заварзин с грустью замечает, что «это начинание совершенно провалилось, вызвав нарекания и противодействия во всех лагерях от бюрократии и промышленников до левых и социалистов»⁶⁸⁴. Главной причиной того, что идеи С. В. Зубатова остались непонятыми, П.П. Заварзин называет необходимость улучшения положения и оплаты труда рабочих вследствие организации легализованных ячеек и борьбы пролетариев за свои права.

Весьма лестно характеризует С. В. Зубатова как специалиста в охранном деле А.Т. Васильев, занимавший в первые годы XX в. должности по судебному ведомству и имевший возможность отслеживать мероприятия Департамента полиции по противодействию революционному движению. Приобретенные знания понадобились ему весьма скоро, в сентябре 1916 г., когда он получил должность директора Департамента полиции. Как пишет А.Т. Васильев, «Зубатов одним из первых осознал реальную опасность, которую представляет для государства рост революционных движений с конца XIX в. Он также понял, что только использование сек-

682 Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2. С. 34.

683 Там же.

684 Там же. С. 35.

ретных сотрудников дает возможность властям осуществить действительную защиту строя»⁶⁸⁵. Не вдаваясь в подробности политики С.В. Зубатова в рабочем вопросе, А.Т. Васильев тем не менее подчеркивает, что его методы достигли больших успехов и вызвали ненависть к нему всех революционных организаций.

Несколько иного мнения о работе полиции под началом С. В. Зубатова придерживался А. В. Герасимов, служивший с сентября 1894 г. помощником начальника харьковского ГЖУ, а с 1902 г. – начальником Харьковского охранного отделения. В своих мемуарах «На лезвии с террористами» он прямо заявляет, что выражал несогласие с планами и целями С. В. Зубатова в отношении рабочего движения, на почве чего между ними даже произошло несколько конфликтов, «наложивших печать на наши взаимоотношения, которые в конце концов стали весьма недружелюбными»⁶⁸⁶. Придерживаясь консервативных методов в розыскных мероприятиях,

А. В. Герасимов не был согласен с нововведениями С. В. Зубатова. Так, он арестовал транспорт запрещенной литературы, прибывший в Харьков с ведома Московского охранного отделения для выявления революционных групп города. Квартира, в которой была размещена нелегальная литература, находилась под наблюдением летучего отряда из Москвы, что не помешало А. В. Герасимову произвести в ней обыск и конфисковать литературу: «...во из-

685 Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2. С. 361.

686 Герасимов А. В. На лезвии с террористами // Там же. С. 156.

бежание распространения (ибо распространять ее я считал преступным и недопустимым)»⁶⁸⁷. Усердное и педантичное исполнение помощником начальника харьковского ГЖУ служебных обязанностей сорвало важное мероприятие Московского охранного отделения. Неудивительно, что поступок А. В. Герасимова «вызвал большое неудовольствие у Зубатова»⁶⁸⁸. Мысли и идеи С. В. Зубатова по усовершенствованию политического сыска и руководства секретной агентурой неизбежно встречали противодействие со стороны старых, принципиальных служаек из ГЖУ, таких как А. В. Герасимов, ставящих «воинскую дисциплину»⁶⁸⁹ и достижения по служебной лестнице гораздо выше таланта и способностей: «...при нем (Зубатове. – С.М.) ни на какое повышение я рассчитывать, конечно, не мог»⁶⁹⁰. Именно с этих позиций А. В. Герасимов выступал против С. В. Зубатова на совещании начальников ГЖУ в вопросе об образовании в крупнейших пунктах особых охранных отделений. По рабочим обществам А. В. Герасимов также выступал резко против, мотивируя свою точку зрения тем, что «этот способ привлечения рабочих в легальные союзы представляет собой игру со огнем. Такие союзы будут неизбежно возбуждать массы и играть на руку революционерам»⁶⁹¹.

Критикуя методы С. В. Зубатова и считая, что политика «зубатовского аппарата» без него привела к катастрофе 1905 г., А.В. Герасимов воздерживается от признания собственных ошибок, допущенных на посту начальника Харьковского охранного отделения. Стремление сложить с себя ответственность и переложить ее на

687 Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2. С. 156–157.

688 Там же. С. 157.

689 Там же. С. 158.

690 Там же. С. 159.

691 Там же. С. 157.

другого – вообще характерная черта мемуаров людей, облеченных властью. Они забывают, что в революции виноваты все и, характеризуя предреволюционное время, меньше всего видят свою вину. А. В. Герасимов приводит свои слова, сказанные им в 1903 г., за два года до революции: *«Я не арестовываю типографши, потому что у нас в Харькове их нет...»*⁶⁹² Сам того не ведая, он ретроспективно оценил свою деятельность по борьбе с революцией: тот факт, что человека, который в упор не видел революции за два года до ее начала, назначили в 1905 г. начальником Петербургского охранного отделения, свидетельствует о глубочайшем кризисе, охватившем Департамент полиции.

Наиболее эмоционально сыскную деятельность С. В. Зубатова оценивает генерал-майор В.Д. Новицкий, занимавший с 1878 по 1903 г. должность начальника Киевского ГЖУ. В своих мемуарах он посвятил целую главу характеристике начальника Московского охранного отделения и разбору методов его работы. Воспоминания генерал-майора отличаются большой экспрессивностью и включением в изложение непроверенных фактов. Упомянувшийся выше А. В. Герасимов вполне справедливо называет воспоминания Новицкого *«ругательской руганью»*⁶⁹³. Подтверждение этого мнения исследователь находит уже в первых абзацах главы *«Зубатов»*: *«...власти не поняли еще и того, что в лице Зубатова был злейший противоправительственный деятель, социал-революционер и безусловный террорист, организовывавший политические убийства через своих агентов, состоявших на большом жаловании у Департамента полиции»*⁶⁹⁴.

692 Там же. С. 160.

693 Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2. С. 158.

694 Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 172.

Причины своего недовольства и возводимых на С. В. Зубатова обвинений В.Д. Новицкий объясняет следующим образом: *«При содействии Зубатова начальники жандармских управлений совершенно были за последние годы не только отстранены от всякого участия в розысках по политическим делам, но совершенно даже игнорированы от дел и прав, предоставленных им законом, через что ненависть и злоба не только начальников жандармских управлений, но и вообще офицеров корпуса жандармов дошла до ужасающих пределов и ненависти к своему шефу и Департаменту полиции, образовавшему филиальные жандармские управления в губерниях в лице ненавистных охранных отделений»*⁶⁹⁵. В этих сбивчивых и достаточно путаных претензиях проявляется личная обида старого жандарма, карьера которого с приходом нового главы Особого отдела пошла на спад. О неэффективности работы жандармских управлений, выразившейся в систематических убийствах чиновников в разных губерниях страны, усложняющейся логистике транспортов нелегальной литературы по всей стране, увеличивающемся количестве стачек и забастовок, Новицкий предпочитает не говорить.

Все мероприятия С. В. Зубатова оцениваются В.Д. Новицким крайне негативно. По его мнению, именно попытка легализации рабочего движения революционизировала основную пролетарскую массу и создала в России рабочий вопрос. Свою точку зрения начальник Киевского ГЖУ пытался аргументировать *«сведениями, имеющимися в Министерстве финансов и полученными от чинов фабричной инспекции»*⁶⁹⁶. Однако никаких выдержек из официальных докладов, цитат из документов В.Д. Новицким не приводится, что заставляет сомневаться в его информированности по многим обсуждаемым вопросам. Как признаётся сам В.Д. Новицкий, сведения, на основании которых деятельность С. В. Зубатова предавалась им обструкции, он черпал и *«из революционной среды через лиц,*

695 Там же.

696 Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 175.

преданных... (преданных Новицкому. – С.М.), но не успевших еще отбиться от этой среды, отстать от нее»⁶⁹⁷. Из этих источников В.Д. Новицкий получил информацию о том, что С. В. Зубатов допустил организацию убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина, оставил на свободе Г. А. Гершуни для организации убийства уфимского губернатора Н. М. Богдановича. Не гнушается В.Д. Новицкий и приведением в своих воспоминаниях различных слухов и сплетен, на основании которых он делает вывод, что убийство уфимского губернатора было выгодно министру внутренних дел В. К. Плеве. По его мнению, преступление произошло из-за любовной связи жены Богдановича с В. К. Плеве, а Зубатов по собственной инициативе взялся реализовать этот безумный план: «Он (Н.М. Богданович. – С.М.) был человек более чем скрытный, робкий, нерешительный, носивший глубокую печаль по жизни своей, сложившейся и сопровождавшей его не по его вине, а со стороны его жены, которая находилась в любовной связи с давних пор с В. К. Плеве, который двигал по службе Богдановича, чем заглушал в нем нерасположение к себе. Зубатов знал об этой связи и не мог не знать, так как многим чиновникам департамента полиции эта связь была известна, и Зубатов воспользовался ею, конечно, без согласил на это убийство со стороны В. К. Плеве»⁶⁹⁸. В дальнейшем Новицкий глухо намекает о том, что причины убийства В. К. Плеве могли быть также известны С. В. Зубатову⁶⁹⁹, несмотря на то, что к этому времени он около года не занимал никаких должностей в системе Департамента полиции. Подводя итог обвинениям, Новицкий более подробно раскрывает их мотивацию: «До чего дошла злоба Зубатова против меня, что он, безусловно он, печатал в революционных изданиях, за границей издающихся и распространяющихся в массах в пределах России, о моих служебных неспособностях, о том, что я ведаю в Киеве делами тайного разврата и с утра до ночи неразрывно беседую с Бахусом, богом

697 Там же. С. 179.

698 Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 179–180.

699 Там же. С. 181.

растительной силы в природе, особенно вина, что пьянствую с утра до вечера... наговоры на меня Зубатова имели последствием выход в отставку преждевременный и притом неполучение мною ордена за мою столь продолжительную, более 30 лет сряду, тяжелую службу в корпусе жандармов...»⁷⁰⁰

Доверие начальника Киевского ГЖУ прежде всего к информации, получаемой от революционеров, заинтересованных в том, чтобы максимально опорочить представителей властных структур, заставляет задуматься о его профессиональном соответствии занимаемой должности. Умение отбирать материал и проверять подлинность сообщаемых в нем сведений являлось одной из главных составляющих в розыскной работе органов полиции. Содержание мемуаров В.Д. Новицкого носит сильный отпечаток нерасположения автора к Зубатову; многие факты и оценки воспоминаний жандарма на данный момент не могут быть верифицированы и документально подтверждены.

Воспоминания о Зубатове его заместителя Леонида Петровича Меньщикова во многом посвящены их личным взаимоотношениям: обида, зависть, бывшее уважение, презрение – сложные противоречивые чувства наполняют каждую страницу мемуарий. По мнению Меньщикова, Зубатов незаслуженно препятствовал его продвижению по карьерной лестнице: *«Моей целью теперь стало попасть в штаб охраны. Зубатов этого, видимо, не хотел – может быть, потому, что он смутно чуял уже во мне политического врага, а скорее всего потому, что боялся моей конкуренции, так как некоторые (Ратаев, например) выдвигали меня в противовес заносчивому московскому парвенюшке, как звали Зубатова некоторые старожилы знаменитого дома 16 на Фонтанке. Кроме того, я отличался самостоятельностью, а Зубатов был властолюбив, гнуть же меня он не мог...»⁷⁰¹* Меньщиков не смог отказаться от преувеличения соб-

700 Там же. С. 189.

701 ГА РФ. Ф. 1723. Оп. 2. Д. 1. Л. 146.

ственной роли в деле разрушения «защитительного аппарата царского правительства» в целом и политики Зубатова в частности: «Чтобы добиться своего, я начал “будировать” Ратко – стал жаловаться, что ему не оказывают должного внимания. Зубатов предложил мне занять должность начальника Киевского охранного отделения. Я ответил, что скорее уйду в отставку, чем поеду в провинцию. Парвенюшка уступил. В том же 1903 году я был уже старший помощник заведующего Особым Отделом, то есть находился в самом центре розыскного действия... Опальный Зубатов в это время уже сидел в гордом уединении на берегах Клязьмы, перечитывая Корку нова и Зомбарта»⁷⁰². В то же время даже такой радикальный критик Зубатова, как Меньшиков, невольно проговаривается о достоинствах Сергея Васильевича: «С того времени, как Зубатов сделался главой Особого Отдела Департамента полиции, Московское охранное отделение перестало быть центром розыскных мероприятий, мое пребывание в нем теряло смысл...»⁷⁰³

Мнения представителей полиции о С. В. Зубатове и его профессионализме в розыскных мероприятиях диаметрально противоположны: от восторженных отзывов А. И. Спиридовича до уничижительной обструкции В.Д. Новицкого. Между этими оценками – сдержанно уважительные воспоминания П. П. Заварзина, отвлеченный анализ А.Т. Васильева и необоснованная критика А. В. Герасимова. Данные высказывания объединяет одно – признание важной роли эксперимента С. В. Зубатова для России первых лет XX века.

Все мемуаристы, за исключением, пожалуй, В.Д. Новицкого, отмечают сильные стороны начальника Московского охранного отделения. А. И. Спиридович восхищается организованной С. В. Зубатовым агентурой, П.П. Заварзин положительно оценивает его методы в розыскной работе и создании рабочих организаций, А.Т. Васильев отмечает исключительное политическое чутье главы

702 Там же.

703 Там же.

Особого отдела, а А. В. Герасимов, критикуя его, в то же время пишет о том, что *«он был крупный человек и знал, куда шел и чего хотел»*, умел «держать в руках» своих сотрудников, многие из которых *«были с авантюристической жилкой в характере»*⁷⁰⁴. Из этого ряда выделяется сочинение В.Д. Новицкого, но его данные, из-за крайней тенденциозности и преимущественной недостоверности, могут рассматриваться как свидетельство непростых взаимоотношений сотрудников Особого отдела и консервативно настроенных чинов Отдельного корпуса жандармов в первые годы XX столетия.

4.2. Представители правительственного аппарата о легализации рабочего движения

Не отличаются благожелательностью в адрес С. В. Зубатова и воспоминания министра финансов С.Ю. Витте. Это вполне естественно, учитывая, что С.Ю. Витте, возглавляя Министерство финансов, был ярким сторонником представителей торгово-промышленных кругов страны и воспринимал организацию легальных рабочих обществ как посягательство на права и капиталы фабрикантов. К идее легализации рабочего движения он относился как к наивному и простому предприятию, не способному достичь заявленных целей. С.Ю. Витте довольно примитивно оценивал деятельность С. В. Зубатова в рабочем вопросе: *«Очень просто. Нужно делать то же, что делают революционеры, то есть нужно устраивать всякие полицейско-рабочие организации, защищать или главным образом кричать о защите интересов рабочих, устраивать всякие сборища, общества, лекции, проповеди, кассы... Нам нужно лишь спокойствие, то есть сохранение полицейско-государственного режима, дающего внешнее спокойствие»*⁷⁰⁵. В своей интерпретации

704 Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2. С. 161.

705 Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1994. Т. 2. С. 205.

легализации рабочего движения С.Ю. Витте совершает существенную ошибку. С. В. Зубатов стремился делать не то же, что делали революционеры, а пытался осуществить движение в противоположном направлении. Если для революционеров борьба за достойные условия труда рабочих была лишь одним и далеко не главным пунктом в программе, то для обществ взаимопомощи улучшение их экономического положения было самоцелью и максимумом требований. В этом была существенная разница между движением за легализацию и революционными происками оппозиционных партий. Выдвигавшиеся требования определяли характер и направление стачек и забастовок. Именно поэтому нельзя признать правоту С.Ю. Витте, утверждавшего, что *«затеи Зубатова воплощались в жизнь методами анархического социализма»*⁷⁰⁶. Забастовки, проходившие под контролем агентов полиции, отличались от стихийных стачек рабочих, подогреваемых противоправительственными лозунгами революционеров. Члены рабочих обществ, организуя стачки с ведома полиции, были заинтересованы в том, чтобы фабриканты их услышали и пошли им навстречу, в то время как активисты антиправительственных движений, выводя рабочих на забастовку, были заранее уверены в том, что их лозунги останутся не услышанными, а потому стремились спровоцировать власти и полицию на насильственные действия, используя деструктивные методы проведения стачек.

Одной из причин распространения идей С. В. Зубатова в Москве С.Ю. Витте называет недостаточную квалифицированность чиновников правительственного аппарата. Министра внутренних дел И. Л. Горемыкина он характеризует как *«ничтожного чиновника»*, министра внутренних дел В. К. Плеве оценивает как *«бессовестного полицейского»*, впрочем, не отказывая ему в уме и культурности, великого князя Сергея Александровича называет *«ультраретроградом и крайне ограниченным, узким человеком»*, а

706 Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1994. Т. 2. С. 206.

Д.Ф. Трепова, *«которого Зубатов держал в руках»*, обвиняет в том, что он *«своей политикой довел Москву до состояния вполне революционного»*⁷⁰⁷.

Свою роль в борьбе с полицейским *«анархическим социализмом»* С.Ю. Витте практически не раскрывает, обмолвившись лишь, что *«поддерживал инспекцию, но ничего существенного к уничтожению этих затей сделать не мог»*⁷⁰⁸. Жаль, что влиятельный министр финансов затруднился написать о потоке и характере жалоб на рабочие общества со стороны фабрикантов, регулярно поступавших в его ведомство. С.Ю. Витте, обладавший обширными материалами по легализации рабочего движения, к большому сожалению, посвятил лишь несколько страниц этой проблеме в своем трехтомнике воспоминаний.

В контексте рассмотрения отзывов современников о политике С. В. Зубатова в рабочем вопросе немалый интерес представляют мемуары В. И. Гурко, в самом начале XX в. возглавлявшего Земский отдел Министерства внутренних дел, а впоследствии назначенного на должность товарища министра внутренних дел. Отличаясь некоторой внутренней противоречивостью, его воспоминания содержат любопытные размышления о применении идей С. В. Зубатова в различных областях политического сыска. Оценивая гражданскую позицию Сергея Васильевича, В. И. Гурко замечает: *«Он тщательно изучил все социалистические теории, ознакомился с сочинениями всех корифеев социализма и, превратившись в убежденного монархиста, одновременно остался горячим защитником интересов пролетариата»*⁷⁰⁹. Изучение идеологического содержания революционных теорий, по мысли В. И. Гурко, не про-

707 Там же. С. 200.

708 Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1994. Т. 2. С. 178.

709 Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 139.

шло бесследно для С. В. Зубатова. Начальник Московского охранного отделения искренно симпатизировал многим положениям социализма, в то же время выступая за сохранение старых форм административного строения государства: *«Царь и народ – вот та далеко не новая формула, которую он выдвигал»*⁷¹⁰. Каким образом С. В. Зубатов мог быть одновременно апологетом идеи «царь и народ», ратовать за сохранение административного строения государства и разделять социалистические идеи, из изложения В. И. Гурко не вполне понятно.

В описании обстоятельств возникновения в России рабочего вопроса В. И. Гурко стремится беспристрастно оценивать деятельность высших правительственных чиновников. По поводу вклада С.Ю. Витте в разжигание антиправительственных настроений в пролетарской среде он резонно отмечает: *«Для Витте было важнее создать условия, благоприятные для работы капитала в крупных промышленных предприятиях; этим одним он был озабочен. Бесправное положение рабочих, их полная зависимость от работодателей, ввиду неразвитости рабочих и их полной неорганизованности, в то время вполне отвечали интересам капитала. Изменить это положение, обеспечить за рабочими хотя бы минимальные права ввиду этого вовсе не входило в планы Витте или, вернее, даже не приходило ему на ум; судьба рабочих как таковых его вовсе не интересовала»*⁷¹¹. Из этих более чем справедливых слов можно сделать только один вывод: политика С. В. Зубатова в рабочем вопросе была своевременной и необходимой. Министерство финансов, в ведении которого находилась фабричная инспекция – институт, призванный осуществлять контроль над правовыми взаимоотношениями сторон, не справлялось со своими обязанностями в рабочем вопросе. Вполне естественно, что к этой проблеме подключалось Министерство внутренних дел в лице московского обер-полицмейстера и начальника Московского охранного отделения.

710 Там же.

711 Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 140.

В то же время В. И. Гурко считал вредной систему действий С. В. Зубатова: *«Нужно ли говорить, что система Зубатова была фантастична и могла лишь привести к печальным последствиям? Соединение под одной шапкой деятельности полицейской, имеющей целью предупреждение и пресечение преступлений, с деятельностью просветительской, направленной на изменение образа мыслей рабочего пролетариата, силой вещей должно было на практике извратить обе эти деятельности»*⁷¹². Оценивая легализацию рабочего движения задним числом, тогда, когда уже известны все результаты и итоги, В. И. Гурко поддается соблазну оценить события 1900–1905 гг., исходя из сложившихся позднее исторических реалий. Очень легко, на основании факта первой русской революции, включить в список ее предпосылок политику легализации рабочего движения только лишь потому, что время проведения последней непосредственно предшествовало событиям 1905 г. По мысли В. И. Гурко, раз политика С. В. Зубатова не достигла своих целей, это свидетельствует о ее фантастичности. Придерживаясь такой позиции, он не связывает итог эксперимента С. В. Зубатова со сложившимися к началу XX в. реалиями политической жизни страны, препятствовавшими деятельности московской охранки. Говоря о том, что Министерство финансов занималось рабочим вопросом, в стране не было отвечающего условиям времени и развивающейся промышленности рабочего законодательства, а рабочие были постоянно ущемляемы в правах, В. И. Гурко не упоминает, что С. В. Зубатов со всем этим боролся. Деятельность рабочих обществ и была направлена на то, чтобы было разработано рабочее законодательство, а трудящиеся на промышленных предприятиях получили поддержку на государственном уровне. Совершенно непонятно, почему мемуарист считает невозможным проведение просветительской программы рабочих под контролем полиции. В период, когда революционеры использовали любую возможность

712 Там же. С. 142.

для «овладения пролетарскими умами», представить себе просвещение рабочих на иных условиях очень сложно.

В своих мемуарах В. И. Гурко довольно резко оценивает и агентурные силы Департамента полиции. Критикуя начальников охранных отделений за привлечение к работе бывших революционеров, он пишет: *«Едва ли кто сомневался, что привлекаемые к сотрудничеству революционеры были не что иное, как определенные предатели, действующие из корыстных целей... Когда же изменение высказываемых данными лицами взглядов ведет к улучшению их материальных жизненных условий, полагаться на искренность и серьезность этого изменения наивно»*. Однозначные оценки всегда грешат ограниченностью. Без этих, по выражению В. И. Гурко, *«предателей»*, осведомленность органов полиции о революционном подполье была бы крайне низкой. В соответствии с собственными представлениями о политике С. В. Зубатова в рабочем вопросе, В. И. Гурко неожиданно истолковывает его перевод в Петербург на повышение: *«Тут действовало несколько причин. Едва ли не важнейшей из них была мысль, что переведенный в Петербург и, действуя под непосредственным наблюдением Плеве, Зубатов не впадет в те крайности, которых он уже достиг в Москве»*⁷¹³. Свои размышления по рабочему вопросу В. И. Гурко заканчивает следующим патетическим восклицанием: *«Допущение зубатовщины было крупной ошибкой Плеве, стоившей ему самому жизни...»*⁷¹⁴, которое явно не согласуется с его же утверждением о том, что *«прекратить деятельность Зубатова в полной мере Плеве был не в состоянии...»*⁷¹⁵.

Воспоминания В. И. Гурко и С.Ю. Витте, находившихся у власти в период рассматриваемых событий, привлекают информированностью авторов. В большей степени это, безусловно, относится к мемуарам министра финансов, который, так же как и министр

713 Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 144.

714 Там же. С. 145.

715 Там же. С. 144.

внутренних дел, занимался решением рабочего вопроса, и его позиция была во многом определяющей в выработке мер, принятии правительственных постановлений относительно успокоения пролетарских волнений. Участвуя в правительственных заседаниях и имея непосредственный контакт с наиболее крупными промышленниками, С.Ю. Витте выработал твердую позицию по рабочему вопросу. Она заключалась в том, что министр финансов считал своим долгом быть охранителем прав торгово-промышленного сословия, полагая, что рабочие волнения представляют для государства гораздо меньшую опасность по сравнению с возможным недовольством фабрикантов, собственность которых была основой экономики страны. Если забастовки неразвитых рабочих правительство без особых для себя проблем вплоть до 1905 г. с успехом подавляло, то забастовки фабрикантов, если бы таковые начались, привели бы к обвалу финансовой системы страны и парализации промышленности. В том числе исходя из этого, С.Ю. Витте действовал против С. В. Зубатова. В его восприятии легальные рабочие общества становились на одну почву с революционными движениями только потому, что были направлены против интересов капитала. Требования легального и революционного движений были тождественны в борьбе за достойные условия труда, но расходились в главном – желаемом итоге. С.Ю. Витте, не обращая внимания на цели абсолютно разных движений, делал вывод об их схожей природе. Во многом глава Министерства финансов был выразителем взглядов торгово-промышленных кругов на политику Департамента полиции в рабочем вопросе. Этим и объясняется его многолетнее сопротивление передаче фабричной инспекции в ведение Министерства внутренних дел. Если бы это произошло, фабриканты лишились бы главного рычага воздействия на рабочих, разрешающего возникающие конфликты в их пользу. С.Ю. Витте судит о событиях, сообразовываясь со своими личными интересами и установками своего ведомства. Можно предположить, что со времени, прошедшего до написания мемуаров, его позиция по обществам С. В. Зубатова практически не изменилась.

В отличие от него, В. И. Гурко не был непосредственным участником правительственных прений по решению рабочего вопроса, а потому в своих воспоминаниях он стремится дать беспристрастную оценку событиям и явлениям своего времени. Мемуары В. И. Гурко носят характер размышлений человека, глубоко переживающего за судьбу своей Родины и пытающегося объяснить причины захлестнувшей ее катастрофы. Учитывая неудавшийся опыт проведения легализации, В. И. Гурко переносит разочарование ее результатами на начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова. Верный монархист, не сумевший пережить отречения Николая II от престола, обвиняется автором воспоминаний в сочувствии социализму, вредности и фантастичности затеянного начинания. Отрицательные итоги легализации побуждают В. И. Гурко к ее однозначным оценкам и отказу от более глубокого и серьезного рассмотрения этого явления, а также условий, в которых оно проходило. Тем не менее мемуары В. И. Гурко ценны тем, что подвергают анализу систему С. В. Зубатова с различных сторон: ее агентурной составляющей, непосредственного воплощения в рабочих обществах, а также философского осмысления.

Не оставил хвалебных отзывов о системе Зубатова и государственный секретарь, а впоследствии министр финансов, В.Н. Кокцов. Описывая период, когда его назначили министром, Кокцов неодобрительно писал о деятельности Д. Ф. Трепова, пытавшегося и в Петербурге *«насадить московские порядки»*: *«В его распоряжении была оригинальная смесь чисто зубатовского, самого беззастенчивого заигрывания с рабочими и полицейского нажима на них, угроз по адресу фабрикантов за недостаточную заботливость о нуждах рабочих и предъявление к ним таких требований, которые не только не опирались на закон, но были явно неисполнимы – в то же самое время самое недвусмысленное запугивание рабочих и требование беспрекословного исполнения требований министерства в деле*

*забастовок и разрешения длящихся конфликтов»*⁷¹⁶. Сильное нерасположение Коковцова к обществам взаимопомощи и попыткам рабочих отстаивать свои права было связано с тем, что он, находясь четыре года в должности товарища министра финансов, впитал ведомственный образ мыслей коллег. Конфликт министерств по вопросу фабричной инспекции продолжался несколько лет, за это время сформировались целые чиновничьи поколения, схожие по способу мышления. В вопросе легальных рабочих обществ Коковцов полностью разделял точку зрения С. Ю. Витте.

Оценочные суждения С. В. Витте, В. И. Гурко и В. Н. Коковцова о С. В. Зубатове и его экспериментах, как ни странно, мало отличались от критического дискурса газеты «Искра». Заигрывание с рабочими, извращение социалистической теории, создание полицейского государства и наивная формула «царь и народ» – под этими мыслями чиновников могли бы подписаться представители всех левых партий и организаций России начала XX в. Конечно, чиновники не разбрасывались хлесткими ленинскими штампами про «поповско-жандармскую идеологию» легального рабочего движения, но, судя по смыслу их высказываний, и с этой характеристикой они были бы согласны.

4.3. Обстоятельства увольнения. С. В. Зубатова в оценке современников

О причинах свертывания политики легализации рабочего движения мемуаристы пишут довольно согласно. По официальной версии, отставку С. В. Зубатова вызвали события лета 1903 г., когда ряд городов юга России охватила всеобщая стачка рабочих. Самоуправство агентов Департамента полиции в Одессе и потеря местными властями контроля над ситуацией подписали приговор полицейским рабочим обществам. С. В. Зубатов был вызван «на ко-

716 Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 1. С. 51.

вер» к министру внутренних дел В. К. Плеве. В прошении об отставке Сергей Васильевич подробно описал свою последнюю встречу с В. К. Плеве: *«Меня пригласили к министру. Его Превосходительство предупредил меня, что с теми лицами, которым он не верит, он не имеет обыкновения говорить один на один, почему для присутствования при объяснении со мной приглашен генерал-лейтенант фон-Валь»*⁷¹⁷. Начало разговора не предвещало главе Особого отдела ничего хорошего.

С. В. Зубатову было предложено рассказать историю происхождения НЕРП, представить своеобразный отчет своей деятельности по организации еврейского рабочего движения. Это была пустая формальность, так как вопрос о его увольнении уже находился в стадии решения. Тем не менее С. В. Зубатов подробно изложил обстоятельства, при которых происходило зарождение еврейского легального рабочего движения: *«Общение с арестованными бундовцами обнаружило, что “Бунд” удивительно глубоко пустил корни среди протонародного еврейского населения и достиг того, что по нелегальным изданиям простачи стали обучать своих детей грамоте. Это побудило меня, в интересах пущей успешности в борьбе с революционерами, открыть со своей стороны контрпропаганду в еврейской массе, воспользовавшись для этого своими выучениками – арестованными по этому делу»*⁷¹⁸.

Далее глава Особого отдела пустился в пространные рассуждения о программе, которую предлагал своим будущим агентам для осознания новой идеологической системы координат. Судя по его собственному утверждению, С. В. Зубатов не находился во власти иллюзий относительно скорого ренегатства арестованных революционеров: *«Я, конечно, вовсе не скрывал от себя всей неподго-*

717 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

718 Там же. Л. 2.

товленности в известном отношении своих прозелитов, до мозга костей пропитанных еще идеологией “Бунда”»⁷¹⁹. Сознавая ненадежность вчерашних оппозиционеров, С. В. Зубатов ни словом не упоминает о том, какими методами он контролировал их действия по созданию контрпропагандистского движения. События развивались таким образом, что летом 1903 г. в правительственных кругах начали серьезно сомневаться в добропорядочности намерений главы Особого отдела. *«Все враги его объединились против него и решили использовать благоприятный момент для его падения. О Зубатове кричали, что он сам устроил забастовку, что он сам революционер»*⁷²⁰.

Министр внутренних дел В. К. Плеве также подозревал С. В. Зубатова в самоличной организации стачек: *«Господин Министр спросил – проповедываллия стачки? Я категорически заявил, что являюсь принципиальным противником стачек., о чем всегда приходилось спорить с независимцами...»*⁷²¹ Как вспоминал С. В. Зубатов уже после отставки, Плеве часто спорил с ним, *«уверяя, что в России нет общественных сил, а есть только группы и кружки»: «Стоит хорошей полиции обнаружить настоящий их центр и заарестовать его, всю эту видимую общественность как рукой снимет... Со всем жаром убежденного практика я протестовал против этой ошибки, но дождался лишь за это ироничной клички “маркиза Позы”. Обаятельность личности В. К. Плеве была тогда так велика, столько ждали от его ума и характера, что я все же остался в глубине души убежденным, что от ближайшего соприкосновения с действительностью он переменится...»*⁷²²

В числе обвинений С. В. Зубатову было предъявлено *«одобрение глупых прокламаций Шаевича, делавшего стачки»*. Но самым

719 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

720 Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. С. 105.

721 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

722 Вестник Европы. 1906. № 3. С. 435.

главным преступлением С. В. Зубатова В. К. Плеве назвал разглашение государственной тайны: *«Государь сказал: “Богатого еврейства не распускайте, а бедноте жить давайте”. Государь это сказал мне, я передал директору Департамента полиции, последний Зубатову, Зубатов позволил себе сообщить слова Государя своему агенту Шаевичу, за что я его и предам суду»*⁷²³. Очевидно, слова Государя не претендовали на статус государственной тайны, следовательно, непосредственный предлог для увольнения главы Особого отдела следует признать надуманным.

Сам Зубатов связывал свою отставку с ликвидацией НЕРП, из-за чего секретные агенты – *«прикрываемые»* – оказались без поддержки. Глава Особого отдела впал в состояние бездеятельного уныния: *«Между тем нравственное состояние мое было ужасное, и надежда начальства на то, что во мне все образуется, не оправдалась, я не мог удержаться, чтобы не высказать вслух своих мнений о внутренней политике патрона, находя, что он не оправдал в своей деятельности возлагавшихся на него надежд, ждать от него чего-либо нового уже не приходится и чем скорее он уйдет или его оставят, тем лучше будет и для Государя, и для России, да и для него лично, ибо кроме покушений ему ждать нечего. Об этом отзыве довели до сведения В. К. Плеве, и в отместку, проделав комедию обвинения меня в деле одесских забастовок (неделей раньше он рассуждал иначе и велел мне задержать на жительство в Петербурге ехавшего из Одессы арестованного Шаевича, считая арест его своей ошибкой), он выслал меня в 24 часа из Петербурга в Москву, а через два месяца и из последней, вопреки мне жительство в столицах и столичных губерниях, а несчастного “жида Шаевича” угнал сначала в Вологду, а оттуда в Сибирь»*⁷²⁴.

Ликвидация НЕРП и прочих «детей Зубатова» могла бы не предусматривать его отставки, увольнения из Департамента поли-

723 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 31. л. 4.

724 Вестник Европы. 1906. № 3. С. 436.

ции одного из самых талантливых деятелей политического розыска. Но С. В. Зубатов был уволен с запрещением проживания в двух столицах и установлением наблюдения за его квартирой. Всё это до глубины души оскорбило человека, отдавшего полиции 15 лет жизни: *«В самом деле, благодаря высылке и прочим нетактичностям, принявшим уже в общественном сознании ни с чем не сообразные формы и подорвавшим мой политический кредит среди людей благонамеренных и фешенебельных, я оказался в разряде людей политически опороченных, которых даже в случае реабилитации расценивают по пословице “что вор прощенный, что конь леченый, что жид крещеный”, положение создавалось глубоко обидное»*⁷²⁵. Он писал: *«На вокзал явились меня провожать некоторые из служащих отдела (москвичи), но, по моему отъезде, между ними прошел слух, что все, провожавшие меня, будут уволены. В одном вагоне со мной ехал в Тверь полковник Уранов, который, поздоровавшись со мной издали, на платформе, уже более не подходил ко мне в продолжении всего пути... Вскоре меня вызвал к себе отец и, встревоженный, стал допытываться в чем дело (я от него все скрыл), так как в купеческом мире идут слухи, что я арестован и выслан. Генерал-майор Трепов также остался крайне недоволен подобной, меня компрометирующей, болтовней в публике и с своей стороны резко опровергал сердито знакомых подобные слухи. Наконец, из Сената вести эти проникли внеблагонадежную среду, где вызывали сначала удивление, а затем громкую радость, перешедшую, впрочем, вскоре в уверенность, что все это только ловушка. Спустя некоторое время, в течение которого я и приходившие ко мне стали замечать за моей квартирой наблюдение, подполковник Ратко был вызван в Департамент, где генерал-лейтенант Валь навел его на мысль об опасности моего пребывания в Москве, и Н.П. Зуев (в 1903 г. вице-директор Департамента полиции. – С.М.) официально приказал начальнику Московского охранного отделения не допускать меня: ни в стены Охранного*

725 ГА РФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 31 Л. 6.

отделения, ни к чиновникам, ни к сотрудникам, ни к рабочим, ни к личным с собой переговорам по вопросам службы»⁷²⁶. Через несколько лет, обдумав и проанализировав свое увольнение из Департамента полиции, Зубатов признавался в письме Бурцеву от 12 декабря 1906 г.: «Вышвырнув меня, Плеве оказал мне неоценимую услугу. Гордость и совесть никогда бы не позволили мне кинуть дело в тяжелую для него минуту. Я либо продолжал бы терзаться, либо попал под браунинг»⁷²⁷.

Политика легализации рабочего движения завершилась сокрушительным провалом. Этот провал произошел на стадии становления принципиально новой для Департамента полиции системы мер в рабочем вопросе. Для того чтобы идеи С. В. Зубатова привели к тем результатам, ради которых были задуманы, должно было пройти время. Но этого времени в начале XX в. у охранителей режима не было. Почему же С. В. Зубатов был уволен, а начальники многих охранных отделений, не сумевшие предотвратить периодически совершавшиеся убийства крупных государственных чиновников, оставались на местах? Ответить на вторую часть вопроса не представляется возможным, на обстоятельства же увольнения С. В. Зубатова частично проливают свет воспоминания С.Ю. Витте. В них сообщается следующая история: *«Вдруг в начале июля 1903 года, месяца за полтора до моего ухода с поста министра финансов, мне докладывают, что меня желает видеть Зубатов. Я его принял. Он мне начал подробно рассказывать о состоянии России по его секретным сведениям охранных отделений. Он мне докладывал, что, в сущности, вся Россия бурлит, что удержать революцию полицейскими мерами невозможно, что политика Плеве заключается в том, чтобы вгонять болезнь внутрь, и что это ни к чему не приведет, кроме самого дурного исхода. Он прибавил, что Плеве убит, и*

726 Былое. 1917. № 1 (23). С. 97–98.

727 Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 65.

что он его уже несколько раз спасал»⁷²⁸. Затем, как пишет С.Ю. Витте, С.В. Зубатов отправился к князю В. П. Мещерскому, рассказав ему то же самое: «...причем сказал, что он был у меня, говорил все это и просил моего вмешательства, чтобы я уговорил Плеве перестать вести мракобесную политику и что я от этого отказался»⁷²⁹. «Тогда князь Мещерский поехал и все рассказал Плеве», – сообщал Витте.

Эта история не находит подтверждения в других источниках, кроме двух (оставляя за скобками косвенное подтверждение самого Зубатова). В несколько иной интерпретации она фигурирует в мемуарах А. И. Спиридовича: «...в это время Плеве узнал, что Зубатов ведет против него интригу вместе с Витте и князем Мещерским, из которых последний старается повлиять на Государя, дабы убрать его, Плеве, и назначить на его пост Витте»⁷³⁰. Кроме того, она упоминается у А. В. Герасимова: «Неофициально, однако настойчиво утверждали, что Зубатов сломал себе шею на другом – он якобы пытался вести большую политику и вмешивался в борьбу между Витте и Плеве»⁷³¹. Несмотря на то, что информацию С.Ю. Витте нельзя подтвердить документально, она представляется достоверной. С. В. Зубатов, отменный профессионал своего дела, мог простодушно довериться министру финансов, который никогда не сочувствовал его инициативам в рабочем вопросе. Наивность талантливого сыщика можно объяснить его неискушенностью в вопросах сложной дипломатической игры. Скорее это была даже не наивность, а отчаянная попытка человека, имеющего неопровержимые доказательства распространения революционных сил, найти влиятельного сановника, способного приостановить этот

728 Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1994. Т. 2. С. 206–207.

729 Там же. С. 207.

730 Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. С. 105.

731 Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2. С. 161.

процесс. С. Ю. Витте не собирался рисковать, да и в сведения, сообщаемые С. В. Зубатовым, он едва ли верил. Плеве, узнав о переговорах, которые за его спиной осуществлял С. В. Зубатов, не мог их истолковать иначе, как организацию заговора. Этим и объясняется суровый приговор, вынесенный начальнику Особого отдела. Вот так причудливо в одном человеке совмещалось противоположное – профессионализм и наивность, приведшие впоследствии к личной трагедии убежденного монархиста С. В. Зубатова.

Воспоминания современников о С. В. Зубатове и его методах сыска раскрывают тему отношения общественности к деятельности охранного отделения и Особого отдела. Сформировавшиеся под влиянием государственной политики, отзывов в прессе, идеологических оценок различных партий, они очень точно характеризуют условия, в которых приходилось осуществлять легализацию рабочего движения. Критика в адрес С. В. Зубатова со стороны С.Ю. Витте и В. И. Гурко отражает настроения, бытовавшие в первые годы XX в. во власти и рождавшие недоверие ее представителей к начинаниям Департамента полиции в рабочем вопросе. Благожелательные отзывы деятелей политического сыска свидетельствуют о высоком авторитете, который был у С. В. Зубатова в их среде благодаря высокопрофессиональным розыскным мероприятиям, приводившим к реальным результатам. Гневные листовки и воспоминания немногочисленных революционеров, в свою очередь, могут быть расценены как лучшая похвала и признание эффективности полицейского сыска.

В то же время почти все мемуаристы имели причины проявлять недовольство С. В. Зубатовым и его деятельностью. Министерство финансов – из-за выступлений рабочих обществ против фабрикантов, выразителем интересов которых оно являлось. Министерство внутренних дел – из-за отдельных провалов, которые бросали тень на всё ведомство и ставили под удар многих чиновников, призванных осуществлять надзор за полицейскими ведомствами. ГЖУ – из-за затеянной реформы органов полиции и создания в крупных городах охранных отделений, взявших на себя их

работу. Революционеры – из-за успешных результатов политики легализации, на какое-то время лишивших их широкой поддержки трудящихся. Рабочие – из-за скорой ликвидации их обществ, на которые они возлагали большие надежды. Последняя попытка примирения рабочих и власти не удалась.

С. В. Зубатов был неугоден многим и многими презираем: и современниками, и специалистами, и любителями истории в советское время, и постсоветским поколением. Эта массовая ненависть к человеку, чьи побуждения были искренними, а действия – своевременными и обоснованными, – одно из проявлений двойственности пред- и постреволюционной эпох.

Абсолютно неважно, при каких обстоятельствах был уволен С. В. Зубатов. Не представляет большой значимости вопрос, приглашали ли его в органы политической полиции, как он сам об этом неоднократно рассказывал после Первой революции в России. С. В. Зубатов мог участвовать в интригах. С. В. Зубатов не выстраивал плодотворных деловых отношений с начальством (обер-полицеймейстером, главой Особого отдела, директором Департамента полиции). С. В. Зубатов не входил в круг доверия министров внутренних дел, при которых он занимал руководящие посты в полиции. Д. С. Сипягин и в особенности В. К. Плеве не испытывали теплых чувств по отношению к начальнику Московского охранного отделения.

Возможно, некий «анархизм» Зубатова по отношению к начальству, частично повторившийся в служебных контактах секретных сотрудников с ним, был еще одной причиной скорой отставки талантливого деятеля сыска.

Закключение

Легальное рабочее движение имело немало внутренних проблем. Финансирование Департаментом полиции охранных отделений не вполне обеспечивало потребности розыскной работы – как следствие, страдал моральный дух сотрудников. Кадровая политика Московского охранного отделения в 1896–1902 гг. зависела от настроения Зубатова и его собеседований с будущими агентами. Секретные сотрудники «зубатовского набора», пользуясь всецелой поддержкой своего патрона, зачастую вели агентурную работу в соответствии со своими представлениями о легальном рабочем движении. В Одессе авантюрист Г. И. Шаевич использовал свои полномочия для того, чтобы организовать забастовки, в Минске НЕРП была слишком зависима от настроения эмоциональной М. В. Вильбушевич, а в Москве, где, казалось бы, сотрудников было контролировать легче всего, председатель Общества ткачей Ф. И. Жилкин был смещен с должности из-за пьянства и воровства. Всё это красноречиво свидетельствовало не только об излишней самоуверенности С. В. Зубатова в сложном деле подбора секретных сотрудников, но и о недостаточном контроле полиции за деятельностью вчерашних революционеров.

Противодействие фабрикантов, крайне недовольных вмешательством органов полиции в производственные отношения, а также деятельностью обществ взаимопомощи, представлявших интересы рабочих, повлияло на достаточно скорое прекращение эксперимента по организации легального рабочего движения. Уже после первых конфликтов московской администрации и промышленников общества начали постепенно преобразовываться в образовательные кружки. Отказ от первоначально провозглашенных целей деятельности рабочих организаций способствовал снижению интереса к эксперименту Зубатова со стороны преподавателей Московского Университета. После их ухода кассы взаимопомощи и потребительные лавки остались без квалифицированной

поддержки профессиональных экономистов и были обречены на постепенную ликвидацию.

Просветительский характер обществ взаимопомощи нового образца не удовлетворял трудящихся. Советы рабочих, ранее представляющие их интересы, с 1902 г. были лишены возможности контролировать осуществление сторонами производственного процесса своих прав и обязанностей. Как и в XIX в., рабочие вновь не могли апеллировать к закону в случае нарушений фабрикантами их прав. К середине 1902 г. рабочие обществ С. В. Зубатова убедились в том, что надеждам на защиту органов полиции их прав перед самоуправством фабрикантов не суждено сбыться. Это осознание привело их к массовому исходу из обществ взаимопомощи, которые постепенно отказывались от финансовой помощи рабочим, даже в случае затруднительных обстоятельств. Неудивительно, что многие рабочие из московских обществ взаимопомощи приняли активное участие в событиях 1905 г. на стороне социалистических партий и групп.

Опыт Москвы по организации легального рабочего движения почти полностью был повторен в Минске. Успешная работа НЕРП по дискредитации в глазах общественности оппозиционного союза «Бунд» не могла избавить партию от противодействия фабрикантов и революционеров, одинаково заинтересованных в ее ликвидации. Превратное истолкование промышленниками деятельности НЕРП в жалобах на имя министра финансов С.Ю. Витте, а также чрезмерную заинтересованность членов НЕРП в стачечных методах борьбы можно считать основными причинами неудачи опыта легализации в Минске. Агрессивный характер реализации политики С. В. Зубатова не мог быть поддержан центральной властью, особенно после серии скандалов на мануфактуре Ю. П. Гужона.

Легальное движение в Одессе подписало приговор методам С. В. Зубатова в рабочем вопросе. НЕРП в Одессе возглавил Г. И. Шаевич, сочувствовавший революционному движению и делавший всё возможное для того, чтобы легальные общества рабочих встали на

путь насильственного воздействия на фабрикантов. Доверие С. В. Зубатова к совершающему двусмысленные поступки агенту стало роковой ошибкой для него и его системы. Парализация работы промышленных предприятий городов юга России и широкое забастовочное движение лета 1903 г. связывались в правительственных кругах с деятельностью рабочих обществ С. В. Зубатова. Интрига, предпринятая им для смещения с должности министра внутренних дел В. К. Плеве, в последние месяцы исполнения им должностных обязанностей взявшего курс на ликвидацию легализации рабочего движения, восстановила против главы Особого отдела чиновничество Министерства внутренних дел, ранее поддерживавшее его инициативы. Таким образом, летом 1903 г. С. В. Зубатов оказался в полной политической изоляции, ускорившей его отставку и ссылку. Презируемый коллегами «по цеху», недовольными структурной перестройкой Департамента полиции, ненавистный революционерам за успешное проведение в жизнь новаторских розыскных методов, не нашедший сторонников ни в Министерстве финансов, ни в Министерстве внутренних дел, С. В. Зубатов с его проектами оказался невостребованным.

С. В. Зубатов и его сотрудники преуспели в объединении рабочих – членов организаций взаимопомощи, заинтересованных в материальном и интеллектуальном развитии. Рабочим было разрешено создавать свои потребительские лавки, принимать активное участие в деятельности касс взаимопомощи. Доказательством того, что меры, предпринимаемые С. В. Зубатовым, были своевременны, является высокая посещаемость лекций преподавателей Московского Университета, а также активная, особенно на первых порах, запись рабочих в легальные общества. Попытки создать параллельную линию в рабочем вопросе терпели крах еще до своего воплощения в жизнь. Институт фабричных старост, губернских механиков, страхование рабочих от несчастных случаев не возымели ожидаемого эффекта. Фабричная инспекция, судя по непрекращающимся жалобам рабочих, также не отвечала потребностям времени.

Общественные настроения коррелировались содержанием анонимных доносов, в большом количестве поступающих в общую и политическую полицию. Большая часть доносов выдержана в духе глубокого недоверия: к императору, полиции, соседям, знакомым, евреям, полякам, революционерам. В наэлектризованной атмосфере предреволюционных лет обывателям виделись «призраки» – враги, покушающиеся на их собственность в частности и на саму страну в целом. Департамент полиции, созданный с целью успокоения общественных страхов, на деле способствовал усугублению массового психоза. Переплетение деятельности агентуры и революционеров, бесконечные внутрполицейские склоки, нежелание руководства ГЖУ и охранных отделений объединяться перед лицом общей угрозы, количественный и качественный недостаток полицейских кадров – всё это способствовало общественно-политическому хаосу, вызывающему, как правило, единственную реакцию со всех сторон – насилие.

Приложение

Анонимные доносы в Московское охранное отделение в 1902–1911 гг

1. Общая характеристика

Изучая историю полиции Российской империи, исследователи анализировали структуру правоохранительных учреждений, их кадровую политику и личный состав, противостояние революционному и националистическому движениям, борьбу с уголовными преступлениями, деятельность агентуры в армии, на флоте, в среде студентов и рабочих. Но, несмотря на хорошую изученность материалов Московского охранного отделения⁷³², анонимные обращения в полицию подробно не освещались в отечественной историографии. В указанном фонде сформировался корпус анонимных писем, информация по некоторым из них тщательно проверялась и сверялась с ответами на запросы в соответствующие инстанции. Письма граждан, неизвестных полиции, сохранялись с 1898 г. до начала Февральской революции 1917 г. В представленном обзоре будут преимущественно проанализированы письма за 1902–1904 гг., период активного развития политики легализации рабочего движения, и за 1907–1911 гг., постреволюционное время, совпавшее с эволюцией сыскной деятельности общей и политической полиции.

Анонимные обращения в Московское охранное отделение – ценнейший источник для изучения истории России дореволюционного периода. Несмотря на то, что некоторые из них отразили не самые выгодные личностные качества авторов, их фантазии и попытки сведения мелких счетов, стереотипы и ни на чем не основанные обвинения, доносы содержат важную информацию о том,

732 ГА РФ. Ф. 63. МОО.

каким люди из разных социальных страт представляли себе революционера; доносы демонстрируют некоторую эволюцию его образа в сознании обывателей. В 1902 г., в период кульминационного развития плана начальника МОО С. В. Зубатова по внедрению секретных агентов в среду рабочих и студентов, портрет революционера в анонимках размывался. Конечно, доносы содержали стереотипные дефиниции антиправительственного деятеля: социалист, любитель красного цвета, студент, поляк, атеист, развратник, террорист. Однако можно говорить о том, что уже к 1902 г. доносчики стали видеть революционеров в некоторых священниках, полицейских, чиновниках – представителях того промонархически, в глазах общественности, настроенного лагеря, которым ранее безоговорочно доверяли. Нельзя не признать, что одной из причин изменения настроений «бдительных доброжелателей» являлась атмосфера подозрительности и частых утечек информации, в условиях которой Московское охранное отделение было вынуждено проводить легализацию рабочего движения.

Многие анонимки похожи не только содержательно (перечисление тягот и невзгод, описание вопиющей ситуации, переход к угрозам или содержащим угрозы предупреждениям), но и псевдонимами, позволяющими сохранять инкогнито: многочисленные «обманутые доброжелатели», «друзья народа», «спасатели» старались обезопасить правительство от стремительно надвигавшейся революции или же революцию от распространявшейся «провокации». Отличительной особенностью доносов было и то, что нередко сложно понять, написаны ли они от имени радеющих за порядок и спокойствие в стране обывателей или же являются частью пропагандистской, дестабилизирующей общественный порядок кампании революционеров. Ряд откровенно бесцеремонных посланий в охранку свидетельствует и о том, что среди определенной части оппозиционных сил бытовали крайне невысокие мнения о розыскных способностях чинов московской полиции. В ГА РФ не обнаружены материалы, указывающие на то, что большая часть

направленных в охранное отделение доносов была включена в работу по выявлению их авторов, подтверждение чему мы находим в написании некоторыми анонимами нескольких писем в течение продолжительного количества времени. Интересно, что информация, содержащаяся в доносах, ярко иллюстрировала как проблемы полиции, так и обстоятельства, осложнявшие противоправительственную пропаганду накануне Первой революции в России.

Доносы различались по объему, причем самыми распространенными можно признать лаконичные, буквально в одно предложение, сообщения с призывом задержать того или иного «крамольника»: *«Прошу вас немедленно накрыть курсистку Иванову, пока не поздно. Найдете нечто важное»*. Подобные «информативные» письма, конечно, не могли заинтересовать Московское охранное отделение, доказательством чему является отсутствие резолюций и распоряжений, свидетельствующих об оперативных действиях в отношении некоей Ивановой.

Более развернутые, но также лишённые конкретики донесения тоже не могли претендовать на реакцию со стороны охранных отделений. *«Честь имею донести Вашему Высокородию о том, что мною заподозрен содержатель аптекарского магазина Евгений Васильевич Дудкевич в социал-демократических намерениях. Насколько вышеизложенное мной подозрение верно, прошу покорнейше проверить, сделав надлежащее по сему делу зависящее от Вас распоряжение»*⁷³³. «Социал-демократические намерения» могли заключаться в чем угодно: личном нерасположении автора анонимки, конкуренции в аптекарском деле или обыкновенном сведении счетов. Обвинение в социал-демократических взглядах было общим местом для анонимных донесений первых лет XX столетия. В сочувствии революции обвиняли воров, проституток и прочих асоциальных персонажей, не вписывающихся в традиционно понимаемое общество.

733 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 117. Там же. Л. 124.

Большая часть писем содержит описание подозрительных лиц, попытки сведения счетов с неугодными, прямые угрозы чиновникам, информацию о готовящихся террористических актах, сообщения о нелегальных сходках противоправительственной направленности. Виды почерков нередко согласуются с написанным: авторы круглых почерков, аккуратно выписывающие похожие друг на друга буквы, писали преимущественно доносы с обязательным указанием не самых приятных подробностей; авторы прыгающих, удлинённых, едва понятных букв чаще встречаются в числе распространителей угроз – впрочем, в этом случае наверняка имело место намеренное искажение манеры письма.

Одним из примеров эпистолярного творчества лица, стремящегося сохранить инкогнито, может служить следующее письмо, полученное МОО в апреле 1902 г.: *«Полиция не только не хочет обыскивать по указаниям, а сама предупреждает об обыске хозяев и берет за это плату, сами околоточные ходят и бирут по 5 р. У вас под носом собираются, а вы ничего не знаете. 3 недели по субботам и 27.03.1902 было собрание, и в эту субботу тоже было»*⁷³⁴. Показательно, что в письме не указывается, кто именно собирается, с какими целями и в каком количестве; следует предположить, что либо это было не первое оповещение полиции, либо существовала негласная разрядка полиции о желательности инициатив жителей города в отношении упреждения деятельности революционных кружков. Далее в письме без лишних характеристик и предисловий приводятся фамилии некоей Марцыховской и доктора Рязанца, которого *«ищут и не могут найти»*. Автор проявляет осведомленность: *«И когда вы свой караул 3 дня в одном доме, он в это время успел ездить на Ореловский завод... и вы тово дождались, што на эти собрания больше не пойдет – опасно стало ходить, с чем вас*

734 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 44. Л. 6.

можно, Господин Зубатов, поздравить, не думал я, што вы благоволите крамольникам»⁷³⁵. Исходя из ироничного характера сообщения и информированности его автора, можно предположить, что оно написано в целях свести счеты с конкурентами по революционной борьбе человеком, сочувствующим подпольным антиправительственным организациям.

Показательно, что точные адреса сходов и имена их участников становились известны охранному отделению не от низших полицейских чинов, а от секретных агентов или обычных людей, хотя именно конкретная информация обладала для сыскной деятельности особой важностью. Такого рода послание было получено Московским охранным отделением 16 февраля 1902 г.: «...я объясняю вам, что около водокачки, против Пятницкого кладбища, в Сокольниках, производятся озарные игры всевозможные, так что скопляется народу числинностью до пятисот человек и более народу разного сословия, в том числе их есть и студенты, и производят здесь разные беспорядки. А лесничий здесь разматает для этого, а также известно это дело и местным урядникам»⁷³⁶.

Другим примером письма, содержащего конкретную информацию, может служить послание на имя великого князя Сергея Александровича от некоего «Студента», предупреждающего о будущих совместных действиях недовольных студентов: «Первый бунт сделаем к прибытию французского президента Аубэ в Петербург»⁷³⁷. Правила бунта будут такие: 1) Накануне прибытия Аубэ в Петербурге расклеим по всем главнейшим улицам преступные афиши. 2) Будем все студенты и действующие лица в светском платье, и у всех бунтующих лиц будут реворверы и казацкие ножи, и все это у нас приготовлено. После этого бунта будут совершаться

⁷³⁵ Там же.

⁷³⁶ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 44. Л. 55.

⁷³⁷ Эмиль Лубе, президент Франции в 1899–1906 гг., посетил Санкт-Петербург в рамках официального визита в 1902 г.

бунты во всех провинциях. Ваш слуга, студент Шатобер. Прошу записать мою фамилию, оно вам будет нужно»⁷³⁸.

Иногда сообщения анонимов содержали не только точную информацию относительно адреса проживания подозрительного субъекта, но и данные о содержимом шкафов и столов. *«Довожу до сведения Охранного отделения, что в доме Серебрякова, что в Богословском переулке, на Бронной, в квартире № 44 у студента (не знаю, как его звать) (я у него был) имеются в письменном столе стихи явно революционного содержания, и обратите внимание на то, что у него нет календаря, который висел на стене, с портретом Государя, мне кажется, что он надругался над Николаем 2. Советую поторопиться»⁷³⁹.* Несмотря на несколько странный характер информации, письмо написано аккуратно, грамотно, почерком без наклона, каждая буква старательно выведена.

Анонимные обращения в Московское охранное отделение накануне и в течение Первой революции в России передают настроения идейно противоположных общественных слоев Российской империи. Если представители революционных групп и объединений стремились затруднить работу полиции угрозами, дезинформационными сообщениями и «приговорами», отвлекая на подметные письма часть розыскного потенциала отделения, то промонархически настроенные обыватели, обуреваемые подчас несвязанными с реальностью фобиями, усердно искали крамольников, указывая на людей, никакого отношения к подпольным кружкам не имеющих. Революционеров и их противников объединяло одно: и те и другие нещадно критиковали полицию, иногда откровенно смеясь над ее промахами в деле политического розыска.

738 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 44. Л. 133.

739 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 24. Т. 2. Л. 103.

Реакция сотрудников Московского охранного отделения на анонимки 1900–1907 гг. была разнообразной: с одной стороны, зафиксированы случаи расследования доносов, написанных откровенно нездоровыми людьми, с другой – более содержательные и аргументированные послания оставались без внимания. Объяснить логику подобной работы затруднительно – в нашем распоряжении пока нет аналитических записок или должностных инструкций, раскрывающих механизм обработки данных, содержащихся в доносах обывателей. Изучение хранящихся в фонде Московского охранного отделения анонимок показало: с 1908 г. практически ни одно подобное сообщение не было проигнорировано полицией.

Алгоритм проверки информации был единым: после ознакомления с письмом заместитель начальника охранного отделения (чаще всего эти документы визировались его подписью) рассылал на имя полицейских надзирателей или участковых приставов телеграммы, составленные по определенной форме. *«Выяснить негласно и донести подробно о проживающем...»* – данное распоряжение было напечатано на всех бланках, после чего следовал написанный от руки текст о подозреваемом. В 1908–1909 гг. нижние чины полиции нередко саботировали исполнение дополнительных обязанностей, связанных с проверкой тех или иных жителей Москвы. Их отчеты, направляемые в Московское охранное отделение, пестрели формальными отписками: *«Они уходят в рошу, можетбыт там и занимаются раздачей литературы. Этого выяснить не представилось возможным»*⁷⁴⁰; *«...склада оружия неоказалось, в кв № 2 некакой молодой человек неначевал, восеннем пальте вшапке некто неприходил»*⁷⁴¹; *«...по поводу, есть ли у него нелегальная литература, выяснить не представилось возможным»*⁷⁴²; *«что*

740 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 256.

741 Там же. Л. 441–442.

742 Там же. Л. 385–386.

же касается круга его знакомства, то таковое выяснить не представилось возможности»⁷⁴³. Бессодержательные отчеты нижних чинов полиции вынуждали заместителя начальника Московского охранного отделения подполковника Пастрюлина требовать большей информативности: «Прошу телеграфировать, в каком из домов дешевых квартир имени Солодовникова служит корридорным Василий Пивнев. Отрицательно не отвечать»⁷⁴⁴. Через год-два после окончания Первой революции в России полицейскими надзирателями и приставами, осуществлявшими контроль за различными частями и участками Москвы, служили полуграмотные люди, некоторые из которых не горели желанием выполнять распоряжения политической полиции.

Исследование анонимных донесений в Московское охранное отделение в 1909–1911 гг. позволяет сделать несколько выводов как о проблемах общества, так и о проблемах сыскной полиции данного периода. Во-первых, и те, кто анонимки писали, и те, кто по ним отчитывались, были преимущественно людьми малограмотными. Речь идет не только о безграмотности орфографической (хотя о ней, конечно, тоже), но и, прежде всего, о неумении обращать внимание на важные детали, проявлять внимательность и задумываться о последствиях. Анонимы, ретиво добывающиеся разоблачений революционеров, не стремились перепроверить слухи и предположения, являющиеся основой многих их доносов; полицейские надзиратели, получая задание проверять большое количество тенденциозных и даже курьезных сообщений, переставали обращать внимание на здравые голоса серьезных информаторов. Во-вторых, полицейским нижнего звена, осуществляющим надзор за различными районами Москвы, часто не хватало общей выучки и профессиональной грамотности. Одной из причин этого являлся кадровый голод и общая нехватка специалистов практически во

743 Там же. Л. 292.

744 Там же. Л. 239.

всех сыскных учреждениях Российской империи дореволюционного периода. Судя по документам фонда МОО, нередко нижними чинами сыска служили армейские резервисты или бывшие матросы. Степень их благонадежности в Москве определяло охранное отделение, в которое поступали запросы начальника резерва Московской столичной полиции подобного содержания: *«Запасной канонир 2 гренадерской Артиллерийской бригады, происходящий из крестьян Ковенского уезда, Батиголоской волости, Полипского Общества, Михаил Францевич Богданас, 26 лет, обратился ко мне с просьбой о приеме его на службу во вверенный мне Резерв, в городовые, в следствие чего прошу сделать надлежащее сношение с надлежащими властями о сообщении сведений благонадежности Богданас за время его службы матросом в городе Кельсе по реке Неман с 16-летнего возраста до 1907 года. Фамилии пароходовладельца не помнит»*. После подтверждения Московским охранным отделением благонадежности (состоящей из выявления возможных связей с революционными группами по запросу в Департамент полиции), кандидат мог приступить к службе. По документам не выявляются вступительные испытания, собеседования на предмет знания особенностей службы, описание характерных особенностей новых сотрудников. Также нет данных о прикреплении к новичкам более опытных сотрудников. Подобное попустительство в кадровой политике приводило к тому, что полицейские надзиратели порой сливались с тем обществом, за которым должны были наблюдать. Пьянство, бессодержательные отчеты, пренебрежение служебными обязанностями и откровенное нежелание осуществлять наблюдение за подозрительными личностями, прочитывающееся в формулировках *«не представилось возможным выяснить»*, было не только следствием формального кадрового набора нижних чинов полиции, но и причиной откровенного бардака на вверенных им участках: неприкрытой раздачи революционных прокламаций, прилюдных оскорблений императорской семьи, повсеместного распространения оружейных складов (во всяком случае, в сознании анонимов).

Увеличение количества анонимок на одни и те же темы свидетельствовало, с одной стороны, о том, что их авторы не чувствовали себя в безопасности, а с другой – о схожих ощущениях полицейских надзирателей. В фонде МОО за 1910–1911 гг. мы находим не единичные сообщения о нападениях на приставов и полицейских надзирателей. Департамент полиции не мог обеспечить безопасность нижних чинов полиции: их по-прежнему было слишком мало, они по-прежнему не очень отличались от малограмотных обывателей, их по-прежнему плохо контролировали.

2. Доносы на представителей различных социальных страт

Московское охранное отделение нередко получало анонимные доносы на представителей различных социальных страт, причем, чем больше письмо было похоже на донос, тем активнее их авторы убеждали получателей в обратном: *«Я был поражен свершившимся фактом... поверьте, это не донос»*. Очередное «письмо-не-донос» было адресовано московскому обер-полицмейстеру Д. Ф. Трепову и посвящалось скандалу, произошедшему в церкви св. Трифона в Напрудной слободе. Информатор достаточно подробно живописал обстоятельства и действующих лиц инцидента: *«Во время означенного молебна, кто не знаю, но мужчина средних лет, полный, курносый, одетый в нагольный полушубок и подпоясанный красным кушаком, лицо не по одежде, стал кричать “долой правительство, во всем неправда, долой святейший Синод, везде поборы” – что очень и очень смутило богомольцев»*.

Следует отметить, что в сообщении присутствовал набор основных характеристик, которыми массовое сознание наделяло революционеров: кушак непременно должен был быть красным, а лицо – интеллигентским, то есть доносчик намекал, что смутьян – либо студент, либо разночинец.

Приводимое письмо важно еще и тем, что демонстрировало усиливающееся недоверие к представителям духовного сословия:

«...священник в очках, фамилии я не добился, ни то, что дал какое-нибудь распоряжение, чтобы убрать подонка общества, но молчал и, после просьбы богомольцев, на тарелку лишь смотрел»⁷⁴⁵. По мысли анонимного соглядатая, священник должен был обратиться к пастве с требованием выгнать скандалиста из храма, совершенно не задумываясь о том, что это могло вызвать драку и в результате привести к поруганию церковных святынь. Содержащиеся далее в письме выводы приравнивают по злонамеренности священника к представителю антиправительственных организаций: «*Ваше Превосходительство, что, священство, опора Руси, станет из-за наживы рука об руку с социализмом?! Поверьте ради Бога, пишу Вам как приверженец царя и на костре и пытках подтверждаю то же*»⁷⁴⁶. Обращают на себя внимание еще две детали: во-первых, информатор предполагает, что ему не поверят, из-за чего усиливает текстовую эмоциональность вопросительными и восклицательными знаками и не совсем уместными обещаниями; а во-вторых, последние слова письма о «*костре и пытках*» изобличают его, возможно, не совсем адекватное представление о действительности. Тем не менее даже если донос был написан душевнобольным, он важен тем, что аккумулировал общественные представления о злонамеренных личностях.

* * *

В фондах Государственного архива Российской Федерации за 1900-е гг. достаточно часто встречаются дела, посвященные отдельным преподавателям. К примеру, по делу Сергея Григорьевича Френкеля, преподававшего в кадетском корпусе и женской гимназии в Полтаве, переписывались товарищ министра внутренних дел, министр народного просвещения и военный министр. Не исключено, что процесс по делу Френкеля начался из-за обычного

745 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 44. Л. 12–13.

746 Там же.

подметного письма. 21 июля 1901 г. товарищ министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский писал товарищу министра народного просвещения И. В. Мещанинову: *«По имеющимся указаниям, Френкель находился в сношениях с лицами, привлекавшимися к делам политического характера, и ныне получает из-за границы революционную газету “Искра”. Сверх того, на него падает подозрение, что он был не чужд делу о разбрасывании в ночь на 1 мая подпольных изданий “Искры” и Работника” в мастерских Харьковско-Николаевской железной дороги. Имею честь присовокупить, что Френкель, благодаря своему либеральному направлению, пользуется особыми симпатиями в среде учащейся молодежи»*⁷⁴⁷. Видимо, запрос был направлен и военному министру, так как в деле содержится его ответ Святополк-Мирскому. А. Н. Куропаткин опроверг популярность преподавателя в среде воспитанников и выразил уверенность в том, что *«Френкель никогда не замечался в высказывании либеральных мыслей и убеждений»*⁷⁴⁸. Однако, несмотря на положительные рекомендации военного министра, министр народного просвещения П.С. Ванновский распорядился Френкеля уволить: *«Мною предложено попечителю Киевского учебного округа уволить преподавателя Полтавской женской гимназии Сергея Френкеля от означенной должности»*⁷⁴⁹. Чем закончилась история преподавателя Френкеля, неизвестно – в архивном деле больше нет документов, кроме прошения растерянного Сергея Григорьевича на имя П.Д. Святополк-Мирского: *«Безусловно отрицая знакомство с предосудительными личностями и считая все обвинения плодом какого то крупного недоразумения обращаюсь к Вашему Сиятельству*

747 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 565. Л. 8.

748 Там же. Л. 9.

749 Там же. Л. 12.

с покорнейшей просьбой о расследовании моего дела, тем более что я, как не дослуживший до пятилетнего срока пяти месяцев, подлежу призыву к отбытию воинской повинности по набору, то есть в течение двух лет, и, таким образом, лишаюсь возможности содержать своим заработком семью»⁷⁵⁰.

* * *

Традиционно под подозрение попадали торговцы. Обилие анонимок на купцов могло быть вызвано происками конкурентов, завистью и недоброжелательностью покупателей, подозрениями в финансировании полиции или революционеров. Нередко доносы писались хорошими знакомыми держателей торговых лавок, что обнаруживалось в описании убранства внутренних помещений. *«Иван Акимович Капцов ведет крупную торговлю порнографией всякого содержания и политическими, снабжая множество торговцев-разнощиков. Он, Капцов, хранит такой товар, во-первых, у себя в палатке, у Ильинских ворот, там этот товар можно найти во всякое время, обыкновенно он раскладывает его между других книг, по углам, во-вторых, товар этот он, Капцов, хранит у себя на квартире... там он тщательно его прячет по уютным местам. Например: под матрац прислуги, в чемоданчик, который почти всегда лежит у двери в передней. Не покажется ли Вам несколько странным то отношение к упоминаемому Капцову, в каком он состоит с агентом сысжной полиции Орловым, который постоянно бывает там? Этот агент Орлов часто и часто принимает от Капцова угощения, Капцов его частенько поит чайком»⁷⁵¹.* Периодически о магазинах поступали сведения по телефону: *«Телефонная депеша. Шмаков Николай Алексеевич /член Русского народа / сообщил, что в магазине Семина в окне, на Никольской улице, выставлена картина, изображения*

750 Там же. Л. 13.

751 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 30. Д. 44. Л. 138.

коей порицает действия Правительства, собравшая большую толпу любопытных»⁷⁵².

Интереснейшее письмо обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов получил от Общества московских торговцев телеграммами. Это общество примечательно уже тем, что, в отличие от многих других, его членами являлись «бедняки неимущие, ни квартиры, ни одежды», которым «случалось голодать по целым суткам». Единственной надеждой для неимущих являлся выпуск телеграмм, от продажи коих общество улучшало финансовое положение. «Но вот опять несчастье: вышло будто бы разрешение от Вашего Превосходительства, чтобы нас ловили, как собак, если есть у попавшего 20 копеек, то приходится дать городовому, а он разорвет телеграммы, и можешь идти без денег и телеграмм»⁷⁵³. По закону жанра подобных прошений в первой половине следовало перечисление тягот и бедствий, сравнения с прошлой, гораздо лучшей, жизнью, а во второй, заключительной, – плавный переход к угрозам в адрес власти. «Просить я никогда не просил, и совести не хватает, воровать у меня и мысли не было... В Москве занимается торговлей телеграммами десять тысяч, в каждом человеке, вы, Ваше Превосходительство, находите себе врага... Постигла участь городского головы Алексеева, Министров Боголепова и Сипягина, и Вас тоже может постить то же самое. Из нашего общества нам каждому жизнь не дорога, но Вы, Ваше Превосходительство, поберегите себя для процветания Москвы и дозвольте нам торговать попрежнему телеграммами»⁷⁵⁴.

752 Там же. Л. 302.

753 Там же. Л. 136.

754 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 135–136.

* * *

Нередко обер-полицмейстер, пересылавший анонимные донесения в Московское охранное отделение, получал письма от коллективов разнообразных учреждений. Так, в 1904 г., на имя Д. Ф. Трепова пришло тревожное письмо из Большого Императорского театра. Обеспокоенные администраторы или актеры утверждали, что полицмейстер театра предупредил всех служащих о группе лиц, намеревающихся сорвать постановку. Реакция самого театрального полицмейстера, сообщившего эту новость, была, по меньшей мере, странной: «...*В случае если будут кричать пожар, то чтобы они не обращали внимание. Даже предполагает сделать распоряжение, чтобы во время антракта был поднят занавес и тем успокоить публику, что никакого пожара в театре нет*». Далее следовал вывод о злокозненности распоряжения театральной полицейской службы: «*Собираются кричать пожар для беспорядка и чтобы в толпе грабить*»⁷⁵⁵. В этом письме странно всё: каким образом можно было обвинять театрального полицмейстера в сочувствии вору, если он сам же оповестил служащих театра о готовящихся беспорядках? Что заставило составителей послания предполагать, что в полиции поверят содержанию письма? Так как никакой дополнительной информации о письме найти не удалось, можно попытаться объяснить его происками революционной молодежи, заинтересованной в срыве массовых предприятий.

Анонимные донесения за 1907 г. отразили беспокойство обывателей в связи с продолжающейся революцией. В письмах в Московское охранное отделение сквозит подозрительность, вызванная незатихающей охотой на революционеров. Так, 10 апреля 1907 г. некий А. Воскресенский (фамилия, вероятно, вымышленна) предупреждал полицию о том, что «*книгопродавец Николаев, тор-*

755 Там же. Л. 8–9.

гующий по Никольской улице, в здании Городской Управы, что вплотную к Владимирским воротам, торгует революционной запрещенной литературой. Журнал *Былое*” за март месяц сего года, который был запрещен, стоит даже в окне»⁷⁵⁶. Объяснить тот факт, что после двух лет революции в центре города выставлялись запрещенные журналы, представляется затруднительным. Возможно, некоторые нижние чины московской полиции сочувствовали целям революционеров или просто не хотели лишний раз рисковать своей головой, что вполне объясняется унижительно скудным жалованьем и плохим, давно устаревшим вооружением ⁷⁵⁷.

* * *

Среди документов Московского охранного отделения есть донесения на представителей самых разных профессий. Чаще всего объектами подозрительности осведомителей становились служащие, мелкие лавочники, приказчики, однако в ряде случаев в анонимках фигурируют полицейские и юристы. Интересной особенностью их донесений является и то, что обвинения в противоправительственной деятельности нередко направлялись в адрес служащих одних и тех же специальностей. В 1909 г. повышенного внимания обывателей удостоились швейцары. *«Ваше ВысокоБлагородие, спешу Вам сообщить о том, что мы нашли неудобного человека против полиции, развратный человек, тот, который развращает людей, даже раздает прокламации солдатам, которые проходят мимо его... (далее неразборчиво. – С.М.). Адрес его – Сретенка, Луков переулок, дом Домороцкого, первая парадная на право, еще раз прошу»*⁷⁵⁸. Если верить анониму, в феврале 1909 г., через полтора

756 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 27. Д. 44. Л. 15.

757 Дунаева А.Ю. Полиция Московской губернии в начале XX в.: условия службы и материальное положение // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19). С. 80–86.

758 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 77.

года после окончания Первой революции в России, московский швейцар свободно раздавал революционные листовки проходящим мимо его дома прохожим. Подобная история могла произойти только при полном попустительстве нижних чинов полиции, обязанных осуществлять наблюдение за Сретенкой. Соответствие действительности данного предположения косвенно подтверждается отчетом полицейского надзирателя Разумова, оперативно собравшего информацию о швейцаре Захарове Николае Никифоровиче. Сообщая необходимые сведения о подозреваемом лице (возраст, место рождения, домочадцы – *«принем жена Мария Викторовна, 26 лет, дети...»*; кем выдана паспортная книжка и ее номер, степень благонадежности – *«под замечанием небыл»*⁷⁵⁹), надзиратель Разумов обходит молчанием вопрос, поднятый анонимом: действительно ли швейцар раздавал прокламации. Из отчета совершенно неясно, осуществлялось ли наблюдение за подозрительным швейцаром, необходимо ли проведение обыска в его в квартире. Прочитавший отписку полицейского надзирателя заместитель начальника Московского охранного отделения И. И. Паструлин не мог составить никакого мнения о швейцаре Захарове: в деле отсутствует описание его внешности, краткая характеристика круга общения, примерный маршрут прогулок.

14 февраля 1909 г. в полицию была отправлена еще одна анонимка, касающаяся неблагонадежности швейцара: *«Всепокорнейше прошу у Господина Начальника сыскной полиции немедленно сделать обыск у служащего Лазаревского института Поликарпа Сокулина. Обыск после пяти часов нужно начать с квартиры, а потом специальные классы... (далее неразборчиво. – С.М.). У него много прокламаций... (неразборчиво. – С.М.), прятал оружие в колодезь»*⁷⁶⁰. Как обычно, Московское охранное отделение затребовало *«выяснить негласно и донести подробно»*⁷⁶¹, причем распоряжение имело

759 Там же. Л. 78.

760 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 30. Д. 44. Л. 92.

761 Там же. Л. 93.

грифы «срочно» и «секретно». «Подробности» от полицейского надзирателя Селезнева были получены охранкой через полторы недели: *«Поликарп Тимофеевич Сокулин – 39 лет, запасной фельдфебель Лейб-гвардии Литовского полка Владимирской губернии, Суздальского уезда, Гавриловой волости, села Шитово, прием жена Прасковья Лбрамовна, 38 лет. Служит в упомянутом Институте швейцаром, живет с 1908 года, а относительно литературы выяснить не представлялось возможности, что имеет или не имеет, об этом никому неизвестно»*⁷⁶². Последняя фраза Селезнева, объяснимая в устах случайного свидетеля на допросе, носит демонстративно-издевательский характер в отчете полицейского надзирателя. К сожалению, пока не удалось выяснить реакцию начальства Московского охранного отделения на столь оригинальные записки нижних чинов полиции.

* * *

К отдельной группе анонимных посланий можно отнести сообщения о подозрительных домах и помещениях. Так, перед визитом Николая II в Москву в 1909 г. обеспокоенный гражданин сообщал: *«Позвольте Вас уведомить по случаю приезда Государя в Москву – за домами и квартирами наблюдайте. Примите к сведению наше уведомление – боимся, чтобы не случилось какого несчастья. По Каланчевской улице, близ Красных ворот, в доме № 4 Сапожникова совершаются какие-то собрания по ночам и продолжаются до 6 часов утра ежедневно – следует проверить, что там творится, кроме того, у самого дома, около переулка, около 12 часов гасится городской фонарь»*⁷⁶³. Похожее письмо отправил в полицию *«Доброжелатель Монархии»*, добровольно наблюдавший за подозрительным домом: *«В районе 3 Лефортовского участка по Курскому проезду есть дом*

762 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 30. Д. 44. Л. 94.

763 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 506.

Молодцова: в дни революции тут была дружина, происходили митинги. В своем доме он укрывал и давал приют им. Он ярый анархист. Уберите его на время приезда Государя»⁷⁶⁴. Приезд Государя порой стимулировал впечатлительных москвичей видеть склады с оружием даже там, где их не было: «На Большой Серпуховской улице в доме Морозовой находится склад оружия, которое распродается нелегальным элементом в понедельник 23, вечером, под 24. Придет за оружием молодой человек, одет в осеннем пальто в шапки. И будет ночевать в этой квартире. Этот молодой человек, высланный из Москвы, проживает почужому поспорту»⁷⁶⁵. Ответ полицейского надзирателя Ромашова превзошел в безграмотности сообщение анонима: «23 ноября с. г. в квартире № 2 был обыск – склада оружия не оказалось. 22 ноября 1909 года в кв № 2 некакой молодой человек неначевал. Восеннем пальте вшапке некто неприходил»⁷⁶⁶. Внимание привлекали заброшенные таинственные дома, по мнению анонимов, априори подходящие под описание логова революционеров и склада оружия. Так, под наблюдение попал «одинокий дом за Серпуховской заставой», «в котором находится склад оружия разного калибра». Как видно из дальнейшего содержания письма, вывод о многообразии огнестрельного оружия не подкреплялся посещением самого дома. «Очевидец» сообщал: «Часто в этом доме собираются собрания, посторонних лиц вообще не пускают, пробовали туда ходить, но получали отказ, хотя около этого одинокого дома никого не видать, но Вы будьте добры навести следствие, там Вы все найдете, оружие, схороненное и в доме и внедалеке от него, в разных закоулках. Мы спрашивали, где этот дом находится, из-за интересу, и получали отказ, говорили: а Вам что нужно? Но мы все-таки узнали, где этот одинокий дом находится»⁷⁶⁷. Станный рассказ о навязчивых поисках дома заканчивался не менее удивительно:

764 Там же. Л. 356.

765 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 441.

766 Там же. Л. 442.

767 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 30. Д. 44. Л. 110.

«Будьте добры, по самому получению письма действовать, а то нам и Вам придется вскоре быть убитыми. Когда все узнаете, то будьте добры пропечатать во всех газетах, и я приеду к Вам за вознаграждением». Разоблачительный пафос и надежды на крупное финансовое вспомоществование разбились о прозаический отчет полицейского надзирателя Семашева: *«Имеется домик огородника Купцова 1 участка Серпуховской части, в означенном доме склада оружия не имеется, а также собрания не бывает»*⁷⁶⁸. Более серьезная депеша описывала дом по Большому Успенскому переулку, сданный в аренду некоему Смирнову. Взволнованный аноним приводил интересные подробности: *«В означенном доме живут все время без прописки, дом без дворника. В настоящее время живет 2 месяца какой-то Ананьин, вооруженный револьвером “парабеллум” который скрывается от суда»*⁷⁶⁹.

2.1. Доносы на представителей разных национальностей

Как правило, в предреволюционные периоды или во время военных конфликтов в определенных социальных кругах обострялась неприязнь к инородцам. В 1902 г., если судить по анонимным доносам, поляки были основным источником претензий «патриотично» настроенной общественности, отдельные представители которой с подозрением относились к наличию у человека фамилии, даже отдаленно напоминающей польскую. *«Фамилия Подгаевских – польская, сестры знают, что дед их выходец (беглый) из Польши; все польское им родное, а все русское – чужое... особы не останутся ни перед чем для достижения цели... (видимо, пропущено слово «готовили». – С.М.) поездку Софии, а потом Лидии, на*

768 Там же. Л. 111.

769 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 30. Д. 44. Л. 46.

несколько месяцев перед бывшими беспорядками в Московском университете – в Варшаву»⁷⁷⁰. Довольно сбивчивый и путаный текст заканчивался оригинальной подписью: «Старый грешник, по глупости бывший когда-то игрушкой в руках г. г. Корнеевой, Подгаевской и другой подобной сволочи»⁷⁷¹. В архиве содержатся письма с гневными выпадами в адрес поляков, обвинениями их в революционной деятельности, национализме; им не доверяли, видя в них потенциальную поддержку любому бунту, антиправительственному выступлению, сходке. Некий «Доброжелатель Правительства» докладывал, что «в Спасском-Тамбовском живет студент 1 курса физ-мат факультета Казимир Владиславович Вонсавский, поляк, который возмущает народ наговорами на правительство и, в особенности, на московскую полицию. Многие уже взбунтованы его словами»⁷⁷².

* * *

Отдельной проблемой для сотрудников охранного отделения являлся разбор содержания анонимных писем. Традиционно часть анонимок была посвящена фобиям, связанным с еврейской антиправительственной активностью. Так, 29 января 1909 г. охранкой было получено письмо нецензурного содержания: «У жидов Брумберга и Гаркави находятся тайные канцелярии. Актер Брумберг живет на чистых прудах; у этого жида находится масса нелегальной литературы-прокламации, и вообще у него собираются жиденята, и вы убедитесь, что это не выдумка, а правда. И у Гаркави на арбате тоже находятся прокламации, поэтому я думаю, что вы не затруднитесь произвести обыски у этих п...ых жидов»⁷⁷³. Четырехкратное

770 «ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 24. Т. 2. Л. 73.

771 Там же.

772 Там же. Л. 69.

773 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 53.

повторение слова «жид» в лаконичном послании явно свидетельствовало о ненависти автора к евреям и заведомо тенденциозных обвинениях, однако на имя полицейского надзирателя Ораткина последовало распоряжение выяснить, хранит ли Брумберг «массы нелегальной литературы». Судя по отчету Ораткина, Брумберг был членом общества вспомоществования бедным евреям, снимая при этом не самую дешевую квартиру. При квартире имелся оборудованный кабинет *«по внутренним и детским болезням»*. Никакой информации, помимо этой, Ораткин выяснить не смог, уточнив: *«...имеет ли канцелярию – выяснить не представилось возможным»*. Похожее письмо было получено Московским охранным отделением в этот же день, что косвенно свидетельствует о возможной кампании, направленной против подозрительных лиц еврейской национальности. *«Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что надо следить за еврейской аптекой, что на углу тверской площади – там под этой фирмой орудует еврей Фишбейн – у него служит революционный агент поляк Фадей Дорантович: он развозит по России нелегальную литературу и взрывчатые вещества»*⁷⁷⁴. На этот раз отчет полицейского надзирателя Варламова отличался обилием подробностей: сообщалось о владельцах аптеки до Фишбейна, приводились заверения в том, что *«при упомянутой аптеки, как из служащих, никого из евреев нет и не было, сам упомянутый выше со держатель аптеки не желает иметь евреев у себя и никаким партиям не принадлежит. Относительно Фишбейн не представилось возможности выяснить»*⁷⁷⁵. Интересно, что отчет полицейского надзирателя во многом схож с донесением анонима – то же повышенное внимание к евреям, то же опасение за аптеку, в случае, если бы в числе ее служащих трудились представители этой национальности.

774 Там же. Л. 57.

775 Там же. Л. 59–60.

Стоит напомнить, что в 1908–1909 гг. председатель Совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин пытался добиться отмены ряда ограничительных мер для евреев⁷⁷⁶.

Еще одной популярной темой анонимок, связанной с евреями, были их таинственные собрания по ночам в московских квартирах. В фонде Московского охранного отделения хранится несколько таких писем, схожих по стилистике и содержанию. *«Имею честь заявить, что на Тургеневской площади, в доме Гурлянда, квартире Зискинд, собираются по ночам подозрительные личности, преимущественно евреи, не имеющие права проживания: очевидно, что они занимаются нелегальными делами, а может быть, даже какими-нибудь заговорами, а может быть, и хранением оружия»*⁷⁷⁷.

Наряду с письмами тривиального содержания, тиражируемыми распространенные фобии общества, встречаются и более удивительные послания. Так, в январе 1909 г. корреспондент Московского охранного отделения, подписавшийся «Членом Русского Монархического Собрания», обвинил некоего князя Крапоткина в неблагоденности и сочувствии революционно настроенным евреям. *«Обращаю внимание начальника МОО на политическую неблагоденность Князя Михаила Григорьевича Крапоткина, проживающего в собственном доме по Большому Патриаршему переулку. Князь Крапоткин, живя еще в доме княжны Крапоткиной по Собачьей площади, укрывал в квартире своего квартиранта еврея Аихмановича, члена революционной партии, за что своевременно был подвергнут Московским градоначальником генералом Рейнботом штрафу в размере 500 рублей»*⁷⁷⁸.

Еще одно письмо антиеврейской направленности касалось *«шантажиста-революционера Сперанского»*, который, *«благодаря*

776 Могилевский К. Столыпин и модернизация России // Родина. 2012. № 4. С. 9.

777 ГА РФ. ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 121.

778 Там же. Л. 32.

красоте своей», отбирал деньги у содержанок гимназии Сток и замужних женщин, третируя их содержанием любовных посланий. Анонимное послание ничем не отличалось бы от описания обычной уголовной истории, если бы не внезапные восклицания его автора о евреях: «Теперь хлопочет принять лютеранство и переехать в Москву... (далее неразборчиво. – С. М.), где евреи и поляки будут участвовать все (в пользу Синего Креста). Я слежу за многими и укажу вам многих, но сейчас мне некогда. Советую обыск: у некоторых евреев присяжно-поверенных револьверы, у всех евреев, живущих в Леонтьевском переулке в доме Шк... (неразборчиво. – С.М.) и на Садовой», далее текст помещался вверх ногами – «в меблированных комнатах Англия на Тверской»⁷⁷⁹. Не обсуждая психическое здоровье анонима, заметим, что направленность сознания на обнаружение «повсеместного распространения евреев с револьверами» отражает возможные коллективные фобии, связанные с инаковостью евреев, а также их участием в революции. Порой, как казалось чрезмерно впечатлительным корреспондентам Московского охранного отделения, евреи организовывали на них гонения прямо на службе. В этом контексте примечательно письмо рабочего Московско-Брестской железной дороги, жалующегося полиции: «Меня всевозможно ругали, называли черносотенцем за то, что я обличал всех агентов станции Крупки в покровительстве евреев. Я попал в немилость агентов станции Крупки, участкового и населяющих поселок Крупки жидов, не исключая и жандарма, который вместе с дорожным мастером станции Крупки взяли плацы в Староборисовском имени великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича; первый, взяв плац размером одна десятина, выделил из него 25 сажений, на котором построился жид Лейба Ленин, второй, взял полный плац для еврея Персица»⁷⁸⁰. В похожей антиеврейской тональности выдержано письмо, поступившее в МОО 6 декабря 1909 г.: «В

779 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 478.

780 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 44. Л. 289.

конторе господина Нерославского, находящейся у Красных ворот, в доме Афрамова проживает не имеющий прав жительства в Москве некто еврей Копель Шайкин. Означенный Шайкин принят Нерославским в качестве... (неразборчиво. – С.М.) по торговле для разъезда по провинции, но мне известно, что он призван совершенно не к этой цели и человек крайне вредный русскому обществу... даже не значится отмеченным по домово́й книге Афрамова. Действия Нерославского в укрывании Шайкина известны приста́ву 1 участка Мещанского, но по моему то никаких мер им не принято: надо думать, что господин Нерославский не жалеет вознаграждения для укрывания подобной личности»⁷⁸¹. На запрос Охранного отделения адресный стол ответил, что Капель Шайкин еще в августе 1909 г. выбыл в Витебск. В графе «семейное положение» Шайкина почему-то было указано «проездом». О Нерославском никакой информации охранное отделение не запрашивало.

* * *

Помимо евреев, бдительную часть общества волновало присутствие в Москве китайцев. «Верноподданный» в апреле 1909 г. сообщал: «Приезд принца Японского, ухаживание за ним, братание с ним, награды ему бесспорно должны шокировать каждого русского патриота, но приезд китайцев, расхаживающих беспрепятственно по Московским улицам и дворам уж слишком должно бросаться в глаза своей произвольностью. Немедленно нужно принять меры к удалению китайцев из столицы: это не торговцы, а шпионы, как и было перед японской войной»⁷⁸².

* * *

Русско-японская война 1904–1905 гг. продолжала отзываться недоброй памятью в сознании россиян и в 1909–1911 гг. Нередко

781 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 454.

782 Там же. Л. 147.

споры о ней велись в пивных, постепенно становящихся своеобразными политическими дискуссионными площадками. Летом 1911 г. подобный спор состоялся в пивной Беккера, *«что в доме Кабанова у Мясницких ворот, где двое немцев, один по фамилии Цимер, а другой неизвестный, сидя за столом, грубо выражались, и на его замечания, нельзя ли потише, назвали его словами: “ты русская свинья, твоему Николаю II морду в кровь разбили в Маньчжурии”»*⁷⁸³. Справедливости ради отметим, что в контексте начинающейся неприязни к немцам этот случай рассматриваться не может, хотя конфликтовавший с ними подданный Российской империи называл *«Германского Императора дураком»*⁷⁸⁴. Скорее эта история напоминает бытовые разногласия, вызванные алкогольным опьянением. Данный тезис косвенно доказывают архивные документы: среди просмотренных нами анонимных донесений за 1909–1910 гг., это первое негативное упоминание о немцах. То же самое можно сказать о поляках: если сравнивать содержание анонимок 1909–1910 гг. с анонимками 1901–1904 гг., можно прийти к выводу о том, что количество тревожных сообщений о поляках значительно уменьшилось. Более похожи на свидетельства начинающихся антинемецких общественных настроений анонимки за 1911 г. Например, письмо от некоего «Григория Алексеева», отразившее сразу несколько коллективных фобий: *«На днях выехал за границу проживающий в доме Сегал по Большому Сергиевскому переулку Михаил Моисеевич Аверьянов. Господин этот проживал по чужому паспорту, его настоящее звание (так в тексте. – С. М.) Мордех Моисеев Дамант, он по происхождению еврей, неимеющий права проживать в Москве. Кроме того, он состоит, кажется, немецким шпионом, так как посылает часто какие то сообщения в Германию. Говорит великолепно по-немецки. Человек довольно подозрительный»*⁷⁸⁵, а также анонимное послание о некоем разговорчивом

783 ГА РФ Ф 63 Оп. 31. Д. 57. Л. 76.

784 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 57. Л. 76.

785 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 44. Л. 382.

финне: *«Провизор Роберт Герасимович Петерс ругает нашего Государя, называя его глупым, а своего единоверца, Вильгельма Германского Императора, превозносит до небес, говоря, что наш Государь не стоит его подметки и что он им вертит, как хочет. В силу этого я полагаю тем более, что он, как финляндец, находится в тесной связи с теми революционерами, которые идут против правительства и существующего строя, а к тому же я видел у него подпольные произведения, каковые он привозил из Финляндии»*⁷⁸⁶.

2.2. Доносы на студентов

Несколько писем, полученных Московским охранным отделением в 1902 г., информировали о предстоящих студенческих волнениях. Были среди них лаконичные безоценочные сообщения, лишённые какой-либо риторики: *«Прошу принять к сведению: в субботу, 9 февраля, Студенты Университета будут бунтовать»*⁷⁸⁷. В некоторых письмах указывались конкретные люди, готовые принять участие в масштабных волнениях: *«Федор Яковлевич Шуляев, техник, живущий на Арбате, Песковский переулок, занимается в конторе на Петровке, в доме Коровина принимает участие в готовящихся студенческих беспорядках. В прошлом году также раздавал прокламации на улицах и возбуждал народ к беспорядкам против правительства»*⁷⁸⁸. В этой анонимке, как и в приведенных выше, содержится критика агентурной деятельности полиции, признаваемой неэффективной в деле выявления студентов, пропагандирующих антиправительственные идеи.

В корпусе доносов, посвященных студенческому движению, обращает на себя особое внимание следующее письмо. Во-первых, адресат послания С. В. Зубатов назван своим старым агентурным

786 Там же. Л. 223.

787 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 44. Л. 15.

788 Там же. Л. 16.

псевдонимом – С. В. Лебедев. Во-вторых, письмо не было анонимным: текст подписан Левицким Владимиром Владимировичем, хотя, возможно, фамилия и имя являются вымышленными. В-третьих, в отличие от многих других доносов, в рассматриваемом письме приводятся конкретные факты. Так, автор цитирует оскорбления в адрес императора, его дяди вел. кн. Сергея Александровича и первых министров: *«Бывший студент Илья Медведев, личность крайне опасная, участвует в стачках студентов, тайно помогая им деньгами. Произносит непозволительные речи, оскорбляя Его Императорское Величество! Говоря, что это столб' на который надета корона, править он, государь, не в состоянии... Московского губернатора называет Сережа-дурачок. Министры все – Хлестаковы»*⁷⁸⁹. Исходя из вышеперечисленных особенностей и стилистики доноса, можно предположить, что его автором был либо секретный сотрудник охранного отделения, либо человек, пытающийся выдать себя за агента полиции.

Судя по сообщениям революционеров, количество студентов, вовлеченных в протестную активность, было велико.

В анонимках, направленных в Московское охранное отделение, возможности радикального студенчества преувеличиваются: *«Имею честь известить вас, что в начале мая месяца сего года будут произведены всероссийские бунты студентов и частных лиц, то есть все эти бунты будут по всем главным городам России»*⁷⁹⁰.

С другой стороны, некоторые авторы анонимок, наоборот, выражают обеспокоенность тем, что и небольшого количества студентов хватит для организации университетской забастовки: *«Советую вам пощупать студента на Новинском – Котлярова. Пока он в Москве, наш университет не может быть в покое. Под его агита-*

789 Там же. Л. 34.

790 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 44. Л. 133.

торством небольшая кучка студентов собирается повторить 9 февраля инцидент с Треповым... Он ратует за забастовку в университете, что нам, студентам-работникам, очень невыгодно»⁷⁹¹. Некая Иванова 21 ноября 1902 г. сообщала Евгении Корбоц в Берлин: «Уже более или менее выяснилась физиономия курсисток: многие из них истые консерваторы, большинство умеренных либералов, очень мало просто либералов и совсем не заметно радикалов. Курсовая жизнь совсем не развита, не то что на Бестужевских курсах. У нас теперь беспокойство с кассой. Герье предложил легальную, да только, кажется, хитрый старик хочет взять ее управление в свои руки, а курсистки никакого голоса иметь в ней не будут. Все равно нелегальная должна существовать»⁷⁹².

Интересно, что полицейские документы 1901–1902 гг. далеко не всегда объясняли студенческие забастовки происками революционеров. В конце 1901 – начале 1902 г. беспорядки захлестнули Университет св. Владимира в Киеве: «Беспорядки... являются ближайшим последствием распущенности студентов, замечавшейся в последние годы, благодаря отсутствию надлежащего надзора со стороны учебного начальства. Возникновению беспорядков содействовала праздность студентов младших курсов Юридического факультета, которые, пользуясь полной бесконтрольностью, не посещали лекций, находя себе отчасти оправдание в том, что некоторые профессора этого факультета не читали лекций... Попечитель Учебного Округа Тайный Советник Вельяминов-Зернов ни разу не посетил Университета, а в самый разгар волнений, 5 декабря, уехал в Подольскую губернию, откуда возвратился 8 числа, когда усмирение студентов по приезде Инспектора приняли на себя уже местные административные власти...»⁷⁹³

791 Там же. Л. 124.

792 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 24. Т. 2. Л. 37.

793 ГА РФ. Ф. Ю2. Оп. 229. Д. 500. Л. 2

Традиционно каждый год московская охранка получала письма о неподобающих порядках, царящих в учебных заведениях. Наряду с обвинениями одних студентов в активном членстве в подпольных организациях, а других – в злоупотреблениях сотрудничества с полицией, подозрение вызывали и преподаватели. Иногда бдительность проявляли родители студентов: *«Мой старший сын Иоанн был на экзамене в Техническом Училище, в два часа дня он пришел и рассказал мне и моему мужу, что на столе лежит бумага революционного комитета, в которой напечатано восхваление убийце, убившему министра Плеве»*⁷⁹⁴.

Описанная ситуация была довольно обычна для учебных заведений Москвы предреволюционного периода, в связи с чем Московское охранное отделение занималось контролем за внеучебной активностью студенчества⁷⁹⁵. Жалобы на студентов соседствовали в доносах с опасениями по поводу деятельности последователей Л. Н. Толстого, уже при жизни писателя объединявшихся в кружки и общины. Нередко авторы обращений в полицию наделяли фантастическими возможностями описываемых антагонистов монархии: *«На фабрике Прохоровской... официально они себя называют толстовцами, то есть в отношении религии православия полное безверие... в сущности же шовинизм, антиправительственная и религиозная пропаганда... они говорят, что при помощи и студентов, и англо-еврейских денег у нас скоро будет республика и московская полиция в их руках и проч...»*⁷⁹⁶ Для убедительности переданной информации автор доноса приводил название оппозиционной группы «Партия крамолы».

794 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 304.

795 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 27. Д. 44. Л. 37.

796 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 382.

3. Сведение счетов и недовольство полицией

Если недовольство в отношении безнаказанности студентов понять можно, то настойчивые, многократные требования о поимке тех или иных лиц объяснению поддаются сложнее. В качестве примера можно привести серию анонимок, написанных размашистым небрежным почерком с ярко выраженным наклоном влево. Удивляет не только властолюбивый тон писем, адресованных чинам Московского охранного отделения, но и бесстрашие корреспондента перед возможным вычислением, поимкой и дальнейшим арестом. Перо бесстрашного разоблачителя было направлено против конкретного человека – женщины по имени Мария Леонидовна Шульц. Описывая ее пороки, автор не забывает упомянуть о том, что она – социалистка, не уточняя, откуда ему это известно. Термин «социалистка» в представлении некоторых категорий населения являлся квинтэссенцией человеческих пороков и мог в высшей степени осложнить обвиняемому жизнь. В частности, в разбираемом нами письме определение «социалистка» было поставлено в один ряд с атрибуцией продажной женщины: *«Что же ваша полиция не может поймать Марию Леонидовну Шульц, которая живет в доме на Бронной и занимается развратом? Из-за нее и студентов много пропало, так как она их сманивает, живет с ними, а она социалистка. Застать ее можно утром, до 10 часов. Их там живет две – другая тоже бл... армянка-социалистка Лодочникова»*⁷⁹⁷. В письме дается «оригинальное» внешнее описание женщин: *«Шульц – рыжая стриженная, а Лодочникова – брунетка»*. Данными характерными чертами автор ограничивается. Традиционно обвиняются те, на чью помощь рассчитывает анонимный искатель справедливости: *«Полиция потому не взяла ее, что пристава просил другой пристав Юрьев, который к ней тоже валандается – вот и написали, что ее нет, а она все время здесь»*⁷⁹⁸.

797 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 24. Т. 2. Л. 17–18.

798 Там же.

Следующие письма о Марии Шульц были выдержаны в еще более критическом духе, строки посланий просто кричат возмущением и гневом: *«Все-таки ничего не делаете, чтобы забрать Марию Леонидовну Шульц? Хороша полиция, когда не знаете, что у ее матери Софьи Ивановны Кролау жил и князь Церетели – студент, которого забрали... и студент (неразборчиво. – С. М.), которого тоже забрали – обоих погубила эта Шульц, которая с ними жила. Ну и полиция: живет женщина развратного поведения, без прописки целый год, занимается проституцией и сбивает студентов, да еще в лице пристава Юрьева, прикрывается. Не даром студенты бунтуют с таким правительством»*⁷⁹⁹.

Московское охранное отделение заинтересовалось упомянутыми персонами только после третьего, самого эмоционального письма. По отработанной схеме в адресный стол был направлен запрос с распоряжением *«прислать все листки на фамилию Кролау Софью Ивановну, вдову подполковника, и Шульц Марию Леонидовну, жену офицера, 21 года»*⁸⁰⁰. Вполне возможно, активизация интереса охранки была связана с желанием «познакомиться поближе» с неустанным критиком полиции и общественных нравов.

* * *

Недовольство полицией – довольно общее место для анонимных посланий первых лет XX столетия. Некоторые угрозы полицейским едва не заканчивались трагедиями. Еще в 1901 г. в Московское охранное отделение был выслан отчет о событиях, происходивших в городе Либаве, находящемся под надзором Курляндского ГЖУ. Ротмистр этого отделения Вонсяцкий получил анонимное письмо, в котором указывалось место клада революционеров, содержащего кассу и прокламации: *«...Вонсяцкий вскоре об-*

799 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 24. Т. 2. Л. 46–47.

800 Там же. Л. 48.

наружил зарытый в песок деревянный ящик, обративший на себя внимание своей легкостью. При осторожном вскрытии ящика в нем обнаружены проволочные провода и жестянки, являющиеся, по-видимому, составными частями мины, якорем коей служил камень в 5 фунтов, приведенный к бичевке. Вследствие сего дальнейший осмотр ящика был прекращен впред до прибытия саперного офицера, по заключению коего мина была составлена из 5 фунтов охотничьего пороха, 3 бутылок бензина и приспособленных к воспламенению заряда спичек, что должно было произойти при поднятии ящика. Взрыв не произошел благодаря лишь тому, что проволока под ящиком была случайно перерезана при зондировании шашкой нижнего слоя песка, но если бы таковой произошел, то лица, стоящие непосредственно у ящика, были бы убиты, а находящиеся в 100–150 шагах от мины могли быть искалечены осколками бутылки и жестянки»⁸⁰¹.

* * *

Особое беспокойство в Московском охранном отделении и Отдельном Корпусе жандармов вызывали письма бывших и действующих сотрудников. За 1902 г. удалось найти только одно письмо, живописующее комплекс проблем, существующих в корпусе жандармов. Оно написано, по-видимому, семейным жандармом с выслугой не менее 10–15 лет, так как отражает недовольство именно этой группы корпуса. Основное содержание письма посвящено увеличению содержания офицерским и нижним чинам от 7 декабря 1901 г. Старый жандарм был крайне раздосадован распределением денежных выплат и их размером. Свои претензии он направил на имя командира отдельного корпуса жандармов, генерал-лейтенанта князя П.Д. Святополк-Мирского: *«Неужели, Ваше Сиятельство, не предвидели то, что у каждого Начальника Управления есть приближенные, подлые люди, подлокотники, всегда работа-*

ющие одним языком, а ни делом, эти люди были и будут такими милыми своему начальству, когда они стараются сплетничать, да клязничать на своих товарищей, даже и старше их по службе, лично сами и некоторые через вахмистров, власть которым дана ездить на чужой шее»⁸⁰². По мнению автора письма, молодые, несемейные, недавно поступившие в корпус жандармы не заслужили повышение жалования, а вот старые, опытные, отдавшие лучшие годы службе их коллеги могли рассчитывать на премиальные. При этом вопрос о качестве службы жандармов оставался за скобками, из-за чего складывается впечатление, что квалификация жандармов зависела исключительно от служебного стажа. Порядок, когда надбавки распределяли начальники управлений, признавался старым жандармом глубоко порочным из-за того, что «в них остался один только деспотизм и подлое распоряжение, не говоря о всех, есть и добрые, за которых много молят Богу, но таких очень мало»⁸⁰³. Интересно, что, осмеливаясь критиковать начальство, наделять его крайне нелестными характеристиками, пожилой жандарм не рискует обвинять руководителей в чем-либо более существенном и конкретном. Весьма эмоциональное письмо жандарма содержит частые указания на то, что старослужащие «неутешно плачут», чувствуют себя «пресмыкающимся червям», «посрамлены перед молодежью», «пришиблены на месте камнем». Помимо жалобной части, в письме можно найти и злобные выпады не только против начальников управлений, но и против самого командира корпуса: «С Высочайших приказов видно, что Государь Император всегда и старослужащим делает свое Монаршее благоволение более чем, как это Ваше распоряжение, которым кто из вас так глупо распорядился и со стороны обиженных заслуживает Проклятия»⁸⁰⁴.

802 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 44. Л. 97.

803 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 44. Л. 97.

804 Там же.

С одной стороны, командир корпуса называется «отцом всех жандармов», а с другой – в письме говорится, что *«предместник вашего Сиятельства никогда бы так не сделал... корпус жандармов учрежден не проливать слезы, а утирать»*: явный намек на идеализируемое представителями охранных структур николаевское время. В конце письма содержалась угроза, призванная обратить внимание на нужды недовольных жандармов, имеющих по 7–9 детей, на обеспечение которых не хватало скудного жалования: *«Теперь остается только одно – стать в ряды революционной партии и вместе грудью бороться за одну истинную правду»*⁸⁰⁵. Возникает вопрос, почему жандарм почтенного возраста, за многие годы усвоивший привычки и образ мыслей корпорации, внезапно называет правду революционеров истинной. *«Многие обиженные жандармы»* не могли не знать о том, что начальство, адресат послания, было осведомлено о призрачности подобной затеи из-за гипертрофированного недоверия революционеров к бывшим и настоящим полицейским, в том числе и из-за эксперимента Зубатова, вошедшего в историю левого движения как провокация. В розыскных целях письмо жандарма под псевдонимом «Козлов» было выслано в Московское охранное отделение с сопроводительной характеристикой: *«В виду крайне дерзкого тона письма, Его Сиятельство Командующий Корпуса приказал принять самые энергичные меры к обнаружению его автора»*⁸⁰⁶. Корпус жандармов предлагал охране организовать розыск составителя обращения, поручив это опытным агентам, так как предстояло обеспечить надзор за тем, кто сам не понаслышке был знаком с методами конспирации. В секретной инструкции содержалась пометка относительно деталей, которые могли оказаться полезными в розыскных мероприятиях: *«Письмо написано, по-видимому, на старой пишущей машинке и на бумаге со штемпелем Рига\»*

805 Там же.

806 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 44. Л. 95.

Недовольство рядовых сотрудников охранных отделений и ГЖУ могло быть вызвано равнодушием и несправедливыми взысканиями со стороны начальства. К примеру, в 1903 г. директор первого департамента Министерства иностранных дел направил исполняющему должность директора Департамента полиции А. А. Лопухину гневное послание, суть которого сводилась к тому, что его сотрудник был задержан агентом сыскной полиции на пятнадцать минут: *«Вновь назначенный студентом Императорской миссии в Тегеране коллежский секретарь Чиркин.... был остановлен на углу Литейной и Сергиевской улиц агентом сыскной полиции, потребовавшим от него, тут же на улице, документов, удостоверяющих его личность. Так как господин Чиркин, очевидно, не имел документов при себе, то он предложил агенту проследовать с ним на свою квартиру, находящуюся в непосредственной близости от указанного места, а именно по Захарьевской улице, дом № 3, тем не менее агент не согласился исполнить просьбу названного чиновника и предъявил ему требование отправиться вместе с ним в участок, пригласив одного дворника сопровождать их туда. В участке г. Чиркин был задержан в течение ²Л часа, после чего помощник Пристава объявил ему, что он задержан по недоразумению и что он свободен»⁸⁰⁷*. Несмотря на то, что начальник Санкт-Петербургского охранного отделения Я. Г. Сазонов писал о том, что студент Чиркин подозрительно себя вел (*«... в часы утреннего катания от 10–30 до 11–30 ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны появлялся неизвестный молодой человек, который, видимо, что-то выжидал... заметив за собой наблюдение, нанял извозчика № 1476 на Дворцовую площадь и уехал»⁸⁰⁸*), а агенты не должны были подвергать свою жизнь опасности, заходя в частные жилища, резолюция А. А. Лопухина на имя Я. Г. Сазонова определила: *«Признавая деятельность упомянутого агента опрометчивыми, предлагаю Вашему*

807 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 160. Л. 1.

808 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 160. Л. 6.

Высокоблагородию произвести по настоящему делу строгое расследование и о результатах оною мне представить в возможно непродолжительное время»⁸⁰⁹.

* * *

Урядники и околоточные нередко становились объектом жалоб и доносов. В вину им вменялась не только невнимательность в наблюдении за людьми, ведущими себя подозрительно, но и прямой сговор с оппозиционно настроенным студенчеством. В связи с продолжающимся экспериментом С. В. Зубатова по расширению количественного состава агентуры полиции в рабочей и студенческой среде образ полицейского-революционера еще больше укоренился в умах бдительных граждан. Некоторые из них настолько увлекались притягательной таинственностью агентуры, что с удовольствием пытались играть роль сыщиков, описывая, как им казалось, их образ мыслей и деятельность. Одно из писем на имя Д.Ф. Трепова так и подписано: *«Тайный сыщик»*. Несмотря на то, что «сыщик из народа» всеми доступными ему средствами демонстрирует в письме свою принадлежность к охранному отделению, уже в самом начале он проговаривается: *«Обратите внимание на эти беспорядки, на свою полицию»*. Далее в письме подробно повествуется об околоточном Желтове, *«служащем в резервном»*, который регулярно заходил в пивные и рестораны, встречался там со студентами и обсуждал с ними политические вопросы. Потребление пива вместе с оппозиционно настроенным студенчеством дополнялось его участием в сходках: *«... [Он] подтверждал, что он околоточный, и ему легко убить лично Вас или великого Князя. Бывают сходки на Пресне, близ Пресненской заставы. Если, говорит он, ему не удастся здесь, то он выхлопочет себе отпуск и поедет в Петербург. Наверное, ему там удастся убить Царя Госу даря Императора или*

809 Там же. Л. 5.

министра народного Просвещения, и, наверное, тогда переименуют законы, и что будут требовать студенты, то и сделается»⁸¹⁰.

Довольно обычные для 1902 г. угрозы в адрес Д. Ф. Трепова и великого князя Сергея Александровича соседствовали в письме с весьма нетривиальными угрозами в адрес охранного отделения: *«Правда, не при одной полиции не были такие беспорядки, чтобы околоточные состояли в лице преступников. Если Вы не прекратите эти сборы, то мы напишем и прилепим на улице, на столбах, что обер-полицмейстер скрывает таких преступников»⁸¹¹.* После столь оригинального внушения обер-полицмейстеру автор письма не нашел ничего более уместного, чем продемонстрировать свою принадлежность к агентурной сети охранного отделения: *«Я на следующий день, то есть в среду, 27 марта, пойду в резервный и узнаю, что он, в резервном или нет, или вы его выгоните из центра города. Я сам переоденусь в околоточного, и сам я лично один из платных сыщиков. Если видя на улице скандал, то он за каждый скандал требует 3 рубля»⁸¹².* Последнее предложение, согласующееся скорее с отрывком об околоточном Желтове и написанное без явной связи с текстом о переодевании сыщика в полицейского, заставляет сомневаться в полном душевном здравии составителя фантастического письма.

* * *

Странная, удивительная по своей неправдоподобности история якобы произошла на печально известном заводе Гужона у Рогожской заставы. Еще в 1902 г. ее французский владелец Юлий Гужон писал гневные письма во все инстанции, жалуясь на деятельность агентов тогдашнего начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова, склоняющих рабочих к забастовкам, а уже

810 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 24. Т. 2. Л. 116.

811 Там же. Л. 117.

812 Там же.

в октябре 1904 г., по свидетельствам анонимного информатора, на заводе вольготно чувствовали себя революционно настроенные мастера: *«Мастер, зазывая рабочих по одному к себе в контору, под угрозой расчета заставляет раскидывать прокламации по поводу войны и другие нелегальные брошюры»*⁸¹³. Ю. П. Гужон, один из авторитетнейших фабрикантов столицы (с 1907 года занял пост председателя Московского общества заводчиков и фабрикантов и сохранял его до 1917 года), добившийся удаления со своего предприятия рабочих, связанных с полицейскими организациями, по свидетельству анонимных информаторов, не мог оградить трудящихся от влияния противоправительственной пропаганды. Можно предположить, что Гужон, помня неудачный опыт общения с политической полицией в 1902 году, решил не прибегать к помощи Московского охранного отделения в последующие годы, предпочитая поддерживать порядок на предприятии силами собственной службы безопасности.

* * *

Письмо, окрашенное в тона подозрительности, было написано анонимом, представившимся «Черносотенцем», в декабре 1906 г. Содержание послания живописует подробности ежедневной революционной борьбы: *«Вы обыскивали Строгановское училище на Мясницкой улице, но ничего не нашли – а они опять все вооружены. Когда вы обыскивали помещение, то накануне этого дня они зарывали в землю финские ножи, пики, выломанные из ставен, самодельные кинжалы, патроны, зашивали в подушки револьверы, зашивали в перины ружья. Прошу, пожалуйста, обыщите их еще, так, чтобы неожиданно»*⁸¹⁴. «Черносотенец», не обвиняя прямо, указывает на неспособность полиции осуществить квалифицированный

813 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 389.

814 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 27. Д. 44. Л. 13.

обыск, найти спрятанное в койках оружие. Из-за профессиональной недобросовестности чинов политической полиции власть никак не могла искоренить революционное движение в студенческой среде – такой вывод напрашивается после прочтения анонимки радетеля самодержавия о «благонамеренности» учащихся Строгановского училища.

* * *

В 1907 г. градус возмущения полицией существенно поднялся. Некоторым обеспокоенным горожанам буквально мерещились повсюду революционеры: *«Удивляюсь, чем занимаются агенты полиции – у них под самым носом вертятся люди, которые так много причиняют другим всякой подлости. Укажу вам двоих: В. С. Краева и его любовница А. М. Чуракова. Эту пару я знаю давно – разыскиваю (в этом слове автор явно не дописал букву «т». – С.М.) как по политическим, так и по уголовным делам. Я же их встречаю чутьли не в каждом городе, где я бываю. Видно эту пару в Козлове, Томске, Туле, Пензе, Нижнем, Самаре, Саратове, Симбирске, Сызрани, Тамбове, несколько раз в Москве. Вчера я только возвратился из Казани и там эту пару встретил. Первый приобрел себе студенческую форму и занимается агентурой от фирмы Ундервуд и стереоскопическими снимками, а вторая проживает вместе с Краевым под чужим именем – состоит в партии с-р»*⁸¹⁵. Удивительно, но факт: Московское охранное отделение запросило Адресный стол прислать все мужские и женские листки на фамилию Краев. И получило в ответ информацию о том, что *«Краев Владимир Семенович, 30 л, Елизаветградский мещанин, Херсонской губернии, жил по 12 апреля 1906 года по Малому Палашевскому переулку, выбыл в Тверь»*⁸¹⁶. Полицию не смутили ни претензии на самостоятельные сыскные действия никем не уполномоченного автора анонимки, ни поразительная

815 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 27. Д. 44. Л. 15–16.

816 Там же. Л. 17.

способность ездить по всей стране и видеть одних и тех же подозрительных личностей, переодетых и выдающих себя за других персон.

* * *

Письма о неблагонадежных бывших и настоящих полицейских также отличаются своеобразием. 29 июня 1910 г. бдительный аноним представил свои подозрения о переодевающихся полицейских: *«Я уведомляю охранное отделение о том, что трое наших надзирателей переодеваются и каждую неделю переносят из бутырской тюрьмы от каторжных политиков письма и другое, что нужно, за смоленский в псковский переулок, в дом Доброхотова к девушкам Авдаевой и другой сожительнице, и отуда переносят политикам в тюрьму все, что нужно»*⁸¹⁷. Переодевающиеся полицейские не первый раз становились темой посланий в охранку – никакой реакции на подобные сообщения обычно не следовало. Некто «Черносотенец» не пожалел времени для того, чтобы написать анонимное послание ровными печатными буквами: *«Очень странно, почему вы не берете из Москвы Николива. Он в Александровский слободе черт знает что делает – это одна шайка с Лоцинским. Это сеятели крамолы. Николив сейчас живет Бог ведает на что, а занимается пропагандой. Обыщите и кой-что найдете – он ихний главарь, думает, что околоточный – так никто не узнает. Плохи Ваши охранки. Убери его – у него есть списки и печать»*⁸¹⁸. Интересно, что предположение, высказанное в анонимке, оказалось верным: Всеволод Владимирович Николев действительно был связан с полицией. Отчет полицейского надзирателя Вознина носил откровенно апологетический характер: *«Николев Всеволод Владимирович, 23 года, запасной младший унтер-офицер из вольноопределяющихся 4-го Невского полка из дворян. Находящийся в настоящее время в штате*

817 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 30. Д. 44. Л. 206.

818 Там же. Л. 483.

полицейский, в этом году служил околоточным надзирателем 3 участка Лефортовской части. По собранным сведениям, Николев часто ходит по трактирам. В Александровской слободке, видимо, кто-нибудь на него составил анонимное письмо. Кроме упомянутого Николева, в Александровской слободке нет и особенно подозрительных, как было сказано в анонимном письме, тоже нет. Уволился он в штат полиции добровольно, любитель употреблять много спиртных напитков, на язык болтливый, но, думаю, человек хороший. За время его службы околоточного надзирателя в 3 участке Лефортовской части, кроме вышеизложенного, ничего предосудительного замечено не было»⁸¹⁹. Обращает на себя внимание довольно терпимое отношение полицейского надзирателя к пьянству околоточного: вероятно, в среде нижних чинов полиции это не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Подвыпившие околоточные вступали в конфликты с посетителями пивных, что становилось предметом интереса политической полиции. Околоточный в интерьере рюмочной неизменно вызывал повышенный интерес со стороны бдительных посетителей. В декабре 1911 г. околоточный надзиратель 2 участка Лефортовской части Троицкий в ответ на анонимку был вынужден составить протокол, объясняющий причины его нахождения в трактире: «Около 10 часов вечера я проходил по своему околотку, по левой стороне Измайловского шоссе, в это время навстречу мне попался домовладелец моего околотка Иван Иванов Аронов, шедший от все-нощной, при встрече я ему сказал, что пора заплатить недоимку земских сборов, и при том же добавил, что Земская Управа уже жаловалась Господину Московскому Градоначальнику на бездействие полиции о взыскании земских сборов, на что господин Аронов ответил мне, что я могу заплатить сейчас и пригласил меня зайти в трактир 3 разряда Орловой. Я, не желая упустить момента получить вышеозначенные деньги, зайти в трактир согласился»⁸²⁰. Выпив «две чашки чаю», околоточный принял участие в обсуждении портрета

819 Там же. Л. 486.

820 ГА РФ Ф 63 Оп. 31. Д. 57. Л. 129.

графа Л. Н. Толстого, причем большая часть собеседников решила, что правильно поступили, вынеся портрет из пивной. Мирное течение разговора было нарушено гласным земской управы: *«В это время тут же сидевший домовладелец местности Благуша Василий Афанасьев Ермаков, онъже гласный Московской Земской Управы, ввязался в ихний разговор и между прочим сказал: Председатель сделал не правильно, что вынес портрет графа Толстого, а вот нашего Царя Николая давно бы надо послать к еб... матери, он такой гавно нам не нужен... и давно бы надо сделать республику, как в Китае и Персии»*^{821,822}. Перечисление в отчетном документе грубейших оскорблений в адрес императора со стороны нижнего чина полиции может свидетельствовать об увлечении подобной лексикой, а также о десакрализации венценосной особы в его сознании. Показательно, что подвыпившие посетители трактира обсуждали именно Льва Толстого. В фонде Московского охранного отделения сохранились анонимные послания с упоминанием прославленного при жизни писателя: *«Как велик и силен Толстой и как ничтожно, жалко русское правительство во главе с кровавым Николаем и его современным Малютой Скуратовым. Правительство боится Европы, а потому и не трогает Толстого. Нужны деньги, вот в чем вся суть. Статья Толстого произвела в Москве прямо ошеломляющее впечатление. Доживете вы скоро до чего-нибудь такого, что не снилось вам во сне. Николаю будет хуже, чем Султану и Шаху. Не забудьте это предсказание»*⁸²³. «Предсказания» в адрес Николая II соседствуют с разгромными письмами в адрес глав местной администрации.

821 Там же.

822 В 1911–1913 гг. в Китае произошла Синьхайская революция, в результате которой была свергнута маньчжурская династия и провозглашена республика. В 1912 г. император Пу И отрекся от престола. В 1908 г. в Иране началось восстание против шаха, в результате которого чрезвычайный национальный совет в составе руководителей фейдайских и бахтиарских отрядов, бывших министров и депутатов первого меджлиса объявил о низложении шаха Мухаммеда Али.

823 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 327.

4. Угрозы в адрес высокопоставленных лиц и членов царской фамилии

Особую группу анонимных обращений составляют письма, написанные с целью угроз тем или иным сановникам. Подобные письма тщательно прорабатывались полицией, по ним шла переписка, разрабатывались оперативные действия.

* * *

От простого хулиганства и сведения счетов было недалеко и до угроз. Конец 1902 г. был ознаменован всплеском протестной активности в отношении генерал-губернатора Москвы, великого князя Сергея Александровича, который погибнет 4 февраля 1905 г. в результате взрыва брошенной И. Каляевым бомбы. В фонде Московского охранного отделения хранятся подобные анонимные письма за 1902, 1903, 1904 гг. Стилистика анонимных писем с угрозами в его адрес эволюционировала в соответствии с правилами жанра: от сдержанных, туманных намеков до ругани и детального описания готовящегося покушения. Первое письмо, датированное 11 ноября 1902 г., имело целью убедить князя в том, что разрешенные им в ходе эксперимента С. В. Зубатова по легализации рабочего движения чайные для рабочих имели ярко выраженный вредоносный характер: *«Есть у них Председатель, который читает им разные наставления, как жить и как смотреть на правительство»*⁸²⁴. Помимо этого очень распространенного подозрения в отношении обществ взаимопомощи рабочих, автор живописал опасности, которые могли создать зубатовцы: *«Что касается 19 февраля, то чтоб рабочие забастовали на фабриках, и огромной толпой идти по улицам к Памятнику и развернуть красное знамя свободы, не признавая правительства, но им сказали, что это еще рано. Обы-*

824 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 24. Т. 2. Л. 59–60.

ватели удивляются, что анархические сходки правительством разрешены. Можно ли, Князь, развивать анархизм, так, пожалуй, подойдут к Губернаторскому Дому в карете и могут и вас извести, следите зорко»⁸²⁵. Содержащаяся в последнем предложении угроза не просто подводит итог всему письму, ставя в зависимость жизнь генерал-губернатора Москвы от продолжения или непродолжения легализации рабочего движения; авторы первого письма, выбрав издевательскую форму подачи информации и рассказывая полиции, что же на самом деле представляют собой общества, действующие под контролем Московского охранного отделения, не останавливаются перед тем, чтобы напомнить великому князю Сергею Александровичу участь отца и провести недвусмысленную параллель на будущее.

Буквально через три дня московская охранка получила следующее письмо «от доброжелателей», в котором тема готовящегося покушения максимально раскрывалась. В числе подробностей будущего злодеяния присутствовала информация о том, что заговорщиков было одиннадцать, они изготовили или приобрели шесть бомб, в их преступную группу входили студенты и полицейские: *«...во чтобы ни стало намереваются взорвать Вас по частицам на воздух. Пал жребий на двух отчаянных специалистов, они должны бросать в вас бомбы, стоя сами в калитках проходных дворов, одна за другой бомбы, чтобы поднять Вас на воздух с триумфом, так как стреляли в Вашего отца, а затем в Ваш экипаж, бросив две бомбы, злоумышленник обязан, заперев изнутри калитки, убежать на другую улицу, так, чтобы его не поймали; если же паче чаяния его будет кто-либо догонять, то он должен бросить третью бомбу в того и убежать дальше, когда же и дальше его будут ловить, то он должен моментально принять яд, кажется, стрихнин с шеколадом или конфетами»⁸²⁶. Помимо этого, сообщалось о том, что готовящееся убийство заговорщики планируют осуществить в Великий пост,*

825 Там же.

826 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 24. Т. 2. Л. 63.

из-за «жестокое отклонения некоторых просьб». Письмо циничным образом подписано «Спасатель», хотя понятно, что содержание письма ни на какое спасение не намекало. Цель этого письма и подобных ему других – запугать великого князя, для чего в заговорщики были определены полицейские, могущие обладать внутренней информацией о расписании выездов и передвижений светлейших особ, и студенты – как представители наиболее радикальной и решительной в своих антиправительственных действиях группы. Упоминание Великого поста в сообщении о заговоре было призвано продемонстрировать великому князю антихристианскую, да и антирелигиозную в целом, настроенность боевиков, готовых лишиться жизни ради устранения Сергея Александровича. В анонимном письме говорилось о неких прошениях в адрес великого князя, можно предположить, что это просьбы об освобождении арестованных за манифестации студентов.

Постскриптум дополнял угрозы ярко-отрицательными характеристиками Сергея Александровича и обер-полицмейстера Москвы Д. Ф. Трепова: *«Подлинные слова заговорщиков: этот жестокий Ирод, грубый извощик, получивший награбленные отцом миллионы, не входит в положение бедного труженика и злоупотребляет властью, добывает их окончательно, не задумавшись даже, как этот несчастный будет существовать, заграждая ему все пути. Так пусть же знает палач Трепов, что и от него можно избавиться»*⁸²⁷. Дмитрий Фёдорович Трепов, поддерживавший эксперимент по легализации рабочего движения, часто упоминался в анонимных посланиях разнообразного характера. Среди посланий обер-полицмейстеру встречались наивные предупреждения об опасности: *«Ваше Превосходительство, прошу, остерегайтесь разбойников, а то вас хотят убить. Проходя по Колосову переулку, мною было услышано следующий разговор. Двое неизвестных мне людей через три дня вас*

827 Там же. Л. 64.

хотят убить. Вы эти три дня невыходити никуда, а то вас убьют»⁸²⁸.

В другом письме, датированным 1904 г., детально описывается внутренний состав взрывчатого вещества и план убийства великого князя. *«Сережа, здравствуй! (следующая фраза неразборчива. – С.М.). Всего заговорщиков 15 человек, в числе которых нахожусь и я. Смерть ты получишь от взрыва динамита, наполненного в особый чугунный шар, который снабжен электрическим аппаратом. Шар очень удобен для взрыва, тем более что пристроенный к нему аппарат дает возможность быстро двигаться в желаемую сторону»*⁸²⁹. Неправдоподобность описания взрывного устройства восполнялась частотой террористических актов, совершаемых в отношении министров и чиновников Российской империи. О том, что «шар» может быть направлен в разные стороны, в анонимном письме говорится не один раз. Самодельная конструкция, как свидетельствовал неизвестный, была подвергнута неоднократным испытаниям, которые *«дали очень хорошие результаты»*. Увлекаясь описанием, аноним излагает совсем уж фантастические особенности взрывного агрегата: *«...благодаря аппарату, нельзя отыскать, откуда был пущен шар. Устройство электрошины взято от автомобиля, но только разница в том, что автомобиль без человека не может идти, хотя и может, но только не долго, иначе он на что-нибудь наткнется, но шар, стоя на месте, можно направлять в желаемую сторону»*⁸³⁰. Описание самого взрыва напоминает незатейливые сведения, почерпнутые из учебной книги по физике: *«Взрыв происходит от нажатия в аппарате кнопки, от которой по проводнику ток идет прямо в шар. Ток, дойдя до резервуара, переходит на металлический шпиль и вмиг его раскаляет, после чего шпиль начинает метать искры в узкое отверстие и происходит взрыв»*⁸³¹.

828 Там же. Л. 86.

829 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 318.

830 Там же.

831 Там же.

Вторая часть послания посвящена обзору причин, подтолкнувших автора или авторов лишить члена августейшей семьи жизни. Подробное перечисление тягот беднейшего крестьянства, боготворившего своих *«прежних благодетелей»*, обвинения вел. кн. Сергея Александровича в нерадении об их нуждах и непредставлении их челобитных царю, к которому он был *«более доступен»*, избличают в анонимных судьях лиц, близких к партии социалстов-революционеров. Характерной чертой анонимки можно считать искусственное разочарование в якобы прежде горячих монархических чувствах составителей письма. В послании прямо указывается на то, что если ранее властители вели жизнь святую, распространяя на всех подданных государственное благо, то современные правители *«преданы отцу Вашему. Ибо Господь говорит: Всяк ненавидящий брата есть сын б...»*⁸³² Удивительная стыдливость *«революционеров от крестьянства»*, не решившихся написать полностью наименование врага рода человеческого, и цитаты из Священного Писания могут также свидетельствовать об их желании выдать себя за представителей сельской общественности. В полном соответствии с известной двойственностью – цитаты из Евангелия соседствуют с желанием убить человека – потенциальные террористы, с одной стороны, расписываются в верности идеалам социализма, а с другой – демонстрируют своеобразное человеколюбие: *«Все-ваши доходы будут в наших руках. Уже давно бы мы всех вас перебили, но только жалели невинных детей и жен, которыми вы все, без исключения, очень богаты»*. Наконец, заключительная фраза письма содержала в себе не менее серьезную угрозу для монархии: *«Поляки готовы крестьянам помочь»*⁸³³.

832 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 318.

833 Там же. Л. 313.

* * *

Как и другие известные «охранители режима», Трепов был вынужден читать послания не совсем адекватных авторов. В ГА РФ находится письмо, подписанное «К. Левин» и высланное из Нью-Йорка, с *Division Street*. Особенность документа в том, что его стилистика выдержана в таком тоне, как будто автор находится перед Треповым и говорит ему в лицо всё, что он о нем думает. Частое употребление местоимения «я», речь от имени народа, ставшие уже привычными угрозы – характерные черты письма из Нью-Йорка. «Я, нижеподписавшийся, прошу оставить преследования бедного народа, а если я не услышу облегчения, то мы будем обращаться с вами и вашим царем Николаем II и всю фамилию Романов уничтожим со света. Прошу отдать низкий поклон начальнику Московского военного округа Г. Сергею и ему дожидаться скоро за его обращения к бедному народу, скоро он получит от нас смертной награда, прошу, отпишитесь, за что вы так поступаете со студентами»⁸³⁴. Через несколько дней последовало продолжение обращения американского корреспондента: на этот раз он предупреждал Трепова «в последний раз», обещая в случае невыполнения требования с ним разделаться. Левин выдвигал ультиматум: «...до 15 мая если не будет по-нашему, то ожидайте смерти»⁸³⁵. Как и в первом письме, в пример приводился американский президент Уильям Маккинли, убитый 6 сентября 1901 г.: «...прислужим (так в тексте. – С.М.) вас, как мы делали нашему американскому президенту Макинлею». Похожее письмо было ответом на арест известного книгоиздателя и переводчика, сотрудничавшего с социал-демократами, С. А. Скимунта: «Трепов, скажи нам, пожалуйста, за что забрали Скимунта, за то, что он делает для народа много хо-

834 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 22. Д. 24. Т. 2. Л. 143.

835 Там же. Л. 166.

рошего? Позна ты братец хватился забирать. Теперь ты ни пого-
сишь того огня, который в нас горит, теперь и мы стали понимать,
что мы люди. Надоело нам иго – несли мы цельные века»⁸³⁶. После
обыкновенно безграмотного по форме и содержанию текста следо-
вали традиционные угрозы и оскорбления.

* * *

Осенью 1904 г. на имя киевского, подольского, Волынского ге-
нерал-губернатора генерал-адъютанта Н.В. Клейгельса пришло
анонимное письмо, оскорбительное по отношению к министру ю-
стиции Н.В. Муравьеву. Так как письмо содержало московский
штемпель, Департамент полиции переслал его в Московское
охранное отделение с просьбой выявить составителей дерзкого
послания. Злокозненная депеша, как и многие подобные ей, была
составлена в ехидно-издевательском тоне: *«Вся Москва, взволно-
ванная происшедшим покушением на драгоценную жизнь Вашу и
помня Вашу плодотворную деятельность в качестве Прокурора Мос-
ковской Судебной Палаты, проявленную Вами в бытность Вашу в
Первопрестольной столице, спешим выразить Вам, Ваше Превосхо-
дительство, свои сердечные поздравления по поводу чудесного избав-
ления Вашего от смерти»*⁸³⁷.

Уже с первого предложения всем читающим было ясно, что
лживый, льстиво-угодливый тон записки предвещает дальнейшие
злобные угрозы обуреваемых жаждой мести составителей. По-
упражнявшись в эзоповых восхвалениях министра юстиции (*«бес-
корыстные труды по усовершенствованию отечественного правосу-
дия, идеал министра, посвятившего свою жизнь на привитие народу
правосознания»*), анонимы переходили к сути претензий, к пере-

836 Там же. Л. 159.

837 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 348.

числению дел, по которым был осуществлен «кривой суд»: *«Как пример, можем указать на дело генерала Гартунга, Золотовой, Баранцевича, а также и Кишиневское. В последнем христиане оказались виновными в покушении на них евреев, убитые же христиане оказались жертвами же христиан, а не жидов, зато Вы и Давыдов деньгами убийц христиан заплатили Ваши долги»*⁸³⁸.

Некоторые из перечисленных дел относились по времени к занятию Н.В. Муравьёвым должности товарища прокурора Московского окружного суда, а, в частности, дело генерала Гартунга слушалось в октябре 1877 г. Генерал-майор Леонид Николаевич Гартунг обвинялся в присвоении векселей и различных документов, оставшихся после смерти купца 1-й гильдии Василия Карловича Занфтлебена. Авторы анонимки явно не интересовало то, что, скорее всего, усопший по национальности был немцем, а не евреем; дополнительный резонанс делу придавал факт самоубийства Гартунга прямо на судебном заседании. Суицид обвиняемого, в восприятии незнакомых с обстоятельствами дела обывателей, автоматически причислял его к невиновным, а вся ответственность возлагалась на обвинителя – Муравьёва. Расследование кишиневских событий 1903 г. и арест активистов антиеврейских погромов также признавался виной министра юстиции: *«Читая же теперь о даровании евреям льгот, нам невольно приходится углубиться в сущность Кишиневского дела, и теперь нам только стало ясно, как искусно умеете вы делать из правды неправду, ради любостяжания Вашего»*⁸³⁹. Поскольку, по мнению авторов письма, Муравьёв небескорыстно сочувствовал евреям, он устаивался и заведомо ложных обвинений в неприкрытой коррупции: *«Вас во всякое время можно купить за 1 000 рублей и дешевле»*⁸⁴⁰. Дальнейшее содержание письма настолько оскорбительно, что для его ад-

838 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 348.

839 Там же.

840 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 348.

ресата и полиции становилось делом чести поймать его составителей. *«Первую оценку Вашим богоугодным делам и вместе с тем воздаяние за них воздал иностранец, посадив на Вашу физиономию – ни для чего более не пригодную – плевков, вторую – Ваш единоплеменник, как человек по природе более щедрый экономного немца, всего расчётливее русского, послав по тому же адресу сверток “ГОВНА” (слово выделено в тексте. – С.М.). Достойное – достойному: “ГОВНУ – ГОВНОВ»⁸⁴¹. Помимо министра юстиции Муравьёва, письмо явно адресовалось и самому императору Николаю II, сомнений в чем не оставалось после прочтения следующей фразы: *«Итак, уже 10 лет Вы Самодержец, но не Помазанник, теперь же, наконец, сбылось веление Свыше: Вы помазаны на Свое царствование этим благовонным елеем, на станции Петергоф, в месяце июле, лето же от сотворения мира 7412»⁸⁴².**

Чуть более месяца Московское охранное отделение пыталось найти автора или авторов глупого и дерзкого письма. 24 ноября 1904 г. отчаявшийся начальник Московского охранного отделения подполковник В. В. Ратко отчитывался в Департамент полиции: *«Выяснить автора дерзкого анонимного письма, направленного против министра юстиции, не представлялось возможным. При этом, однако, докладываю, что означенное письмо, не заключающее в себе ничего политического, не исходит от какой-либо местной революционной группы, а является выходкой какого-либо лица, принадлежащего к числу мелких служащих по Судебному ведомству»⁸⁴³. Примечательно, что охранка в лице своего начальника отказывалась продолжать дальнейшие поиски злоумышленника только лишь потому, что он не был связан с объединенными революционными группами. В период участвовавших террористических актов против чиновников различных рангов был грубо оскорблен один из министров Российской империи, а политическая полиция Москвы не*

841 Там же.

842 Там же.

843 Там же. Л. 421.

видела в этом действии ничего политического! Расследование – неизвестно, насколько тщательное, – длилось всего несколько недель, и было остановлено под предлогом бездоказательного предположения, что преступник в революционном обществе не состоял.

* * *

В деле анонимок за 1904 г. сохранилось формально не анонимное письмо от некоей княгини Н.А. Трубецкой, адресованное К. П. Победоносцеву. Поручиться за то, что автором письма была Трубецкая, нельзя, так как стилистически окрашенное в тона грубой простонародной брани – оно обвиняло во всех бедах чиновника, не занимающего лидирующие позиции в правительственном аппарате империи: *«Полагаю, Вам следовало бы приехать в Москву послушать, как костят наш милый режим, нашу дипломатию, проморгавшую, как японцы усиленно, на виду всей Европы, готовились к войне с Россией целых 8 лет, вследствие чего мы очутились неподготовленными, и по милости Его величества и сволочной К-О (Вы и прочие) теперь льется русская кровь несчастных воинов. Бедная Россия! Когда только избавится она от той саранчи, называемой Императорским Домом и его прихвостниками?»*⁸⁴⁴

Целью письма «Трубецкой» могла быть попытка запугивания престарелого сановника, пережившего покушение в 1901 г. Содержательно похожее обращение было написано в Московское охранное отделение человеком с распространенным псевдонимом «Русский». Ценность письма, лишенного четкой структуры и здравого смысла, заключается в том, что оно демонстрирует фривольность нравов и распушенность оппозиционной части населения, не останавливающейся перед отправкой в полицию откровенно нецензурных посланий. Из-за неразборчивости почерка «Русского» про-

цитировать письмо полностью не представляется возможным, однако такие речевые обороты, как «прохвосты», «мерзкий нос», «гнилые мозги», «уснувшая совесть», «еб...тское самодержавие», «Россия царями русскими засрана», «великое национальное дело уничтожения этой саранчи»⁸⁴⁵, достаточно полно характеризуют настроение и уровень культурного развития автора.

* * *

В 1907 г. сохранялась опасность и для официальных учреждений, в частности для сберегательных касс. В 12-м отделении Московской государственной сберегательной кассы, находившемся на Кудринской площади, в доме Салтыкова, были обнаружены подметные письма с угрозами и рисунками могил с датой смерти их потенциальных обитателей. Испуганные служащие банка могли прочитать текстовое приложение к рисункам: «Сим предупреждаются обитатели дома, что сберегательная касса будет взорвана бомбами ужасной силы»⁸⁴⁶.

Подобные «черные метки» нередко оставляли представители активизировавшихся в период революции групп анархистов и эсеров-максималистов. В частности, московские анархисты приговорили к смерти представителя администрации Московской центральной пересыльной тюрьмы: «...Вы, Помощник Начальника Московской Центральной Пересыльной тюрьмы, поручик Гартштейн, приговорены к смерти за то, 1) во-первых, что подписали исполнение приговора над Исправляющим должность Начальника сей же тюрьмы Богрецовым 2) за издевательство над вверенной Вам арестованной Фрумы Фрумкиной 3) за жестокое обращение с политическими арестованными (крепостниками)»⁸⁴⁷.

845 Там же. Л. 224.

846 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 27. Д. 44. Л. 257.

847 Там же. Л. 304.

* * *

Судя по внутренней переписке Московского охранного отделения, резонанс получила анонимка с угрозами екатеринославскому губернатору, в которой также содержались оскорбительные для императора выпады. Имя Николая II обозначалось стилизованной под виселицу «Н», с нарисованными на трех сторонах буквы повешенными. *«Бесовой Милостью, Мы, Николай II, палач Екатеринославский, великий обманщик финляндский и пр. и пр. Сим объявляем благодарность всем военным и гражданским мясникам города Екатеринослава за успешную заготовку восьми туш человеческого мяса для собственного Августейшей семьи Нашей употребления. Н.П.С.Е.И.В.Р.И.Н.»*⁸⁴⁸. Нередко об оскорблениях императора и его семьи сообщали сотрудники общей полиции: в феврале 1911 г. ротмистр А. Н. Турчанинов получил сообщение от пристава Марининского участка города Москвы о том, что *«в трактире Ионова по Ямской улице служащий трактира крестьянин Коринской волости, деревни Летуново, Петр Григорьев Поспелов, увидев в руках посетителей календарь, на обложке которого была изображена Августейшая Семья, и указывая на детей Его Величества, сказал: “вот посажены бл. и”*»⁸⁴⁹. Похожая история произошла в 1911 г. на одном из московских рынков, где *«торговка яблоками мещанка города Переяславля Владимирской губернии Анна Алексеева Ветрова, будучи яркой революционеркой, оскорбляет Государя Императора, понося Его всевозможными словами, например: сволочь, убили бы Его, чтобы Ему оторвало муде ит.д., всякими матерными словами, кроме того, оскорбляет все правительство и Администрацию»*⁸⁵⁰. Наряду с частыми оскорбительными анонимками и доносами, касающимися Николая II, нельзя не отметить равнодушие низов общества к уча-

848 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 350.

849 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 57. Л. 49.

850 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 44. Л. 305.

сти его лучших министров. Убийство П.А. Столыпина Д. Г. Богровым, ставшее сенсацией практически для всех российских газет, почти не получило отражения в анонимках. Удалось найти только одну телефонограмму на эту тему: *«Полицейский надзиратель сыскальной полиции Степащенко принял по телефону от неизвестного лица заявление, что по Газетному переулку в доме № 8, квартира 10, проживает Александр Тимофеевич Тимофеев и Дмитрий Тихонов – оба причастные к убийству Председателя Совета Министров»*⁸⁵¹.

Обоснованные опасения за жизнь монарха подкреплялись не менее обоснованным недоверием к дворцовой полиции, из-за чего обывателям приходилось в какой-то степени выполнять ее работу. Подтверждение серьезных сбоев в службе дворцовой полиции можно найти в переписке исполняющего должность ее начальника с Московским охранным отделением. В июне 1911 г. руководство дворцовой полиции внезапно озаботилось благонадежностью уже служащего нижнего чина Александра Михайловича Малахова. О Малахове, крестьянине из деревни Загредино Витебской губернии, был направлен запрос в Департамент полиции (видимо, в Особый отдел), однако в ответ пришло уведомление о том, что *«по делам Департамента известен Малахов Александр, звание и отчество не указано, который, по сообщению Начальника Нижегородского Охранного Отделения от 16 ноября 1908 года, принадлежал в 1907 и 1908 годах в Нижнем Новгороде к местной организации партии социалистов-революционеров: но относятся ли эти сведения к нижнему чину Александру Михайловичу Малахову, о коем сделан запрос, Департамент удостоверить не может»*⁸⁵². Не выяснив необходимой информации, руководство дворцовой полиции было вынуждено обратиться в Московское охранное отделение с тем же запросом. Удивляет не только факт службы в дворцовой охране, в Петергофе, в непосредственной близости от императорской семьи человека, к

851 Там же. Л. 260.

852 ГА РФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 33. Л. 114.

биографии которого появились вопросы, но и очевидная некомпетентность Департамента полиции, база данных которого не позволяла идентифицировать подозреваемого по известной информации о революционере с полным совпадением имени и фамилии. Обязанность центрального ведомства политического сыска – Департамента полиции – выявлять неблагонадежных лиц, проводя необходимые следственные действия, дезавуировалась расписками в том, что «Департамент удостоверить не может». Стоит предположить, что нижние чины дворцовой полиции в период 1909–1911 гг. не проходили скрупулезной многоуровневой проверки при поступлении на службу, благодаря чему становились возможными случаи, подобные изложенному выше.

* * *

Император, его семья и чиновники – не единственные объекты анонимных оскорблений и угроз. В архиве сохранилось анонимное письмо, адресованное некоей состоятельной женщине, которое, по всей видимости, она отнесла в охранное отделение. По форме напоминающее ультиматум, письмо было отправлено людьми, выдающими себя за представителей партии эсеров, что, видимо, должно было продемонстрировать особую серьезность намерений: *«Милостивая Государыня. Так как вы живете очень роскошно и слишком много денег тратите на ваши наряды, то мы, партия с-р, считаем, что вы обязаны дать нам две тысячи рублей в самом непродолжительном времени. Положить вы их должны на кружок направо около второй скамьи в сквере, ровно через неделю по получении этого письма. Не пытайтесь заявлять об этом в полицию или сыскную, это не поможет. В противном же случае, при малейшей вашей попытке отказаться дать нам эти деньги, вы будете убиты – и ничто тогда вас не спасет»*⁸⁵³. Судя по тону письма, ранее жен-

щина уже получала подобные письма или же встречалась с вымогателями, выдающими себя за террористов. Охранное отделение не стало пересылать анонимку в уголовную полицию, причиной чему может являться убеждение, что к ее составлению действительно причастна ПСР. В похожем ультимативном письме неизвестные, называвшие себя *«летучим боевым отрядом партии анархистов-революционеров»*, требовали уже пять тысяч рублей: *«24 июля, в 2 часа дня, имея с собой означенную сумму, будьте в Верхних торговых рядах у фонтана и имейте в руках книгу, перевязанную красной лентой на крест. Вручите пакет с деньгами тому, кто назовет Вас Лобовым»*⁸⁵⁴.

Источники

Архивные материалы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

Ф. 63 – Московское охранное отделение.

Оп. 1901. Д. 1090. Т. 1–6.

Оп. 1902, 1903, 1904, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911. Д. 44.

Ф. 102 – Департамент полиции.

По Особому отделу:

Оп. 1898. Д. 4. Ч. 10. л. Г. Т. 1–2; 5. Ч. 16. л. Б, Л, Д; Ч. 19.

Оп. 1901. Д. 404, 801. Ч. 1–3; 850. Т. 2.

Оп. 1902. Д. 95.

Оп. 1903. Д. 1390.

Оп. 316 (1908 г.). Д. 538.

Оп. 316 (1909 г.). Д. 461.

По 3-му делопроизводству:

Оп. 97. Д. 565.

По 5-му делопроизводству:

Оп. 143. (1907). 9 ч. 151.

По 6-му делопроизводству:

Оп. 1901. Д. 7а, 7. л. Б, 35, 36, 38.

Оп. 1902. Д. 13.

Ф. 124 – Уголовные отделения Первого Департамента Министерства Юстиции.

Оп. 46. Д. 1006.

Ф. 478 – Г. А. Гапон.

Ф. 504 – Комиссия по обеспечению нового строя при исполнительном комитете московских общественных организаций.

Ф. 542 – В. В. фон Валь.

Ф. 571 – Н. В. Мезенцев.

- Ф. 586 – В. К. Плеве.
- Ф. 595 – Д. Ф. Трепов.
- Ф. 634 – Л. А. Тихомиров.
- Ф. 697 – Б. В. Штюмер.
- Оп. 1. Д. 375.
- Оп. 2. Д. 26, 30.
- Ф. 826 – В. Ф. Джунковский.
- Оп. 1. Д. 748.
- Ф. 1167 – Коллекция вещественных доказательств, изъятых жандармскими учреждениями при обысках редакций, газет и отдельных лиц.
- Оп. 2. Д. 5546.
- Ф. 1695 – С. В. Зубатов.
- Оп. 1. Д. 4, 10, 12, 31, 40.
- Ф. 1723 – Л. П. Меньщиков.
- Ф. 1729 – П. Д. Святополк-Мирский.
- Ф. 1742 – Коллекция фотографий.
- Ф. Р-5802 – Бурцев Владимир Львович.
- Ф. Р-6889 – Комиссия по изучению истории профессионального движения при Центральном Комитете Профессионального Союза пищевиков.
- Оп. 1. Д. 602.
- Ф. Р-6935 – Комиссия по изучению истории профессионального движения при Всесоюзном Центральном Совете Профессиональных Союзов и Центральных Комитетах Профессиональных Союзов.
- Оп. 3. Д. 646.
- Ф. Р-7952 – Государственное издательство «История фабрик и заводов» при объединении Государственных издательств.
- Оп. 3. Д. 209.
- Ф. Р-9217 – Б. И. Николаевский.

2. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИА М):

- Ф. 16 – Канцелярия московского генерал-губернатора.
- Оп. 135. Д. 29.

Опубликованные материалы

Официальная документация

1. Полное собрание законов Российской Империи. Издание 3-е. СПб., 1902–1906. Т. XX–XXIV.
2. Россия. Законы и постановления. Устав о промышленности. СПб., 1909.

Публикации документов

1. Овченко Ю.Ф. Хмурый полицейский. Карьера С. В. Зубатова // Вопросы истории. 2009. № 4–9.
2. Пионтковский С. А. Новое о зубатовщине // Красный архив. М., 1922. Т. 1.
3. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014.
4. Протоколы заседаний общества взаимопомощи рабочих в механическом производстве // История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2.
5. Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плеве до В.Ф. Джунковского. М., 2015.

Периодика

1. Искра. 1902.
2. Московские ведомости. 1901–1903.
3. Московский листок. 1901.
4. Новое время. 1901–1902.
5. Новости дня. 1901.
6. Русские ведомости. 1901–1903.
7. Русское слово. 1901.

Воспоминания

1. Васильев А. Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2.
2. Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 томах. М., 1991. Т. 2.
3. Гаврилов А. И. Воспоминания старого обуховца // Красная летопись. 1926. № 4.
4. Гвоздев С. Записки фабричного инспектора. М.; Л., 1925.
5. Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2.
6. Герасимов В. Г. Жизнь русского рабочего. М., 1959.
7. Голубев И. М. От стачек к восстанию. Воспоминания рабочего большевика. 1896–1907. М.; Л., 1931.
8. Год М.Р. С. В. Зубатов // Былое. 1906. № 9.
9. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000.
10. Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2.
11. Зубатов С. В. Письма в редакцию // Гражданин. 1906. № 3, 19, 82, 87; 1907. № 61, 62, 69, 70, 73.
12. Зубатов С.В. «Зубатовщина» // Былое. 1917. № 4 (26), октябрь.
13. Иванов Б. И. Записки прошлого. М., 1919.
14. Киселёв М.С. Из революционного прошлого (1883–1920). Записки старого большевика. М., 1934.
15. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1991. Т. 1
16. Лавров З.Л. Жизнь рабочего революционера // Каторга и ссылка. М., 1925. Кн. 1.
17. Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М.; Иг., 1923.
18. Марциновский А. М. Записки рабочего-большевика. Саратов, 1923.
19. Махов И. В. Жизнь минувшая. Иваново, 1939.
20. Миронов К. В. Из воспоминаний рабочего. М., 1906.
21. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.

22. Петров А. Путь пролетария. М., 1931.
23. Самойлов Ф.Н. Воспоминания: в трех томах. М.; Л., 1922–1927.
24. Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991.
25. Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 80-х годов и С. В. Зубатов. М., 1928.
26. Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. СПб., 1906.
27. Тузовский П. Записки рабочего. Барнаул, 1925.
28. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М., 2006.

Литература

1. Айнзафт С. С. Рабочее движение в России до 1905 года. М., 1925.
2. Анофриев В. И. Основные вопросы деятельности потребительных обществ. М., 1902.
3. Балдин К. Е. Рабочее кооперативное движение в России во II половине XIX – начале XX века. Иваново, 2006.
4. Бибикова (Ульянова) Л. В. Либеральное движение глазами политической полиции Российской империи (1880–1905) // Русский сборник. М., 2012. Т. XI.
5. Брачёв В. С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998.
6. Бухбиндер Н. А. Зубатовщина и рабочее движение в России. М., 1926.
7. Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964.
8. Володин А.Ю. Фабричная инспекция в России (1882–1914 гг.): государственное учреждение, личный состав, посредническая деятельность. Дис... канд. ист. наук. М., 2006.
9. Галкин В. В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением России (1880–1910). М., 1996.
10. Гершензон Э. Пролетарские кассы взаимопомощи. Л., 1927.
11. Головков Г. З. Канцелярия непроницаемой тьмы. М., 1994.
12. Гонюхов С. О. Российская полиция в мундире. М., 2000.

13. Грабко М.Е. Организация церковной жизни при промышленных предприятиях Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 2.
14. Грабко М.Е. Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX в. М., 2017.
15. Григорьевский М. Полицейский социализм в России. СПб., 1907.
16. Гусятников П.С. Назревание революционного кризиса в России в начале XX века. М., 1959.
17. Дан Ф. И. Из истории рабочего движения и социал-демократии в России. СПб., 1906.
18. Джанибекян В. Г. Провокаторы и охранники. М., 2005.
19. Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Фёдорович Джунковский. М., 2012.
20. Жандармы России. М., 2002.
21. Жилинский В. Б. Организация и жизнь охранных отделений во времена царской власти // Голос минувшего. 1917. № 9-10.
22. Жухрай В.М. Тайны царской охранки-авантюристы и провокаторы. М., 1991.
23. Заславский Д. О. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923.
24. Иванов Л. М. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России // История СССР. 1958. № 4.
25. Иванов Л. М. Закон 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих и его практическое применение // Рабочее движение в России в период империализма. М., 1982.
26. Игнатъев В. И. Борьба против зубатовщины в Москве. М., 1939.
27. Измозик В. С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015.
28. Кабанов П.И., Ушаков А.В., Лескова Л.И. Пролетариат во главе освободительного движения в России. 1895–1917. М., 1971.
29. Кавторин В. В. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992.
30. Канель В.Я. Рабочий договор. К вопросу о положении рабочего класса в России. М., 1907.

31. Карусева И. М. Легальные рабочие организации в Петербурге: (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Спб., 2010.
32. Карусева И.М. Легальные организации рабочих Петербурга: Конец XIX – начало XX века. Спб., 2017.
33. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979.
34. Кирьянов Ю.И. Пролетариат России и международное рабочее движение в 1901–1904 гг. // Вопросы истории. 1984. № 7.
35. Клейнборт Л.М. История безработицы в России 1857–1919. М., 1925.
36. Козьмин Б.П. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928.
37. Козьмин Б.П. Рабочее движение в России до революции 1905 года. М., 1925.
38. Кононова О. А. «Под сенью церкви православной»: религиозная риторика «полицейского социализма» С. В. Зубатова // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 1.
39. Кононова О. А. Молодые годы С. В. Зубатова // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2016. Том XVIII.
40. Корелин А. П., Тютюкин С. В. Революционная ситуация начала XX века в России // Вопросы истории. 1980. № 10.
41. Корелин А.П. Крах идеологии полицейского социализма в царской России // Исторические записки. 1973. № 92.
42. Корелин А.П. Русский «полицейский социализм» // Вопросы истории. 1968. № 10.
43. Корелин А.П. Архитектор «полицейского социализма» // Родина. 1994. № 11.
44. Кравцев И.Н. Тайные службы империи. М., 1999.
45. Красин А.Н. Исторические особенности формирования русского пролетариата (1851–1895). Дисс... канд. ист. наук. М., 1953.
46. Краснов П.В. «Оградить учащуюся молодежь от доминирующего влияния на нее злонамеренного меньшинства...»: Записка С. В. Зубатова о студенческом движении рубежа XIX–XX вв. // Отечественные архивы. 2007. № 5.
47. Краснов П.В. Деятели политического сыска России о студенческом движении 1899 – начала 1902 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2007. № 6.

48. Краснов П.В. «Студенческий вопрос» и его истоки глазами служащих политической полиции Российской империи // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 6.
49. Краснов П.В. Департамент полиции МВД и студенческое движение в России в конце XIX – начале XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008.
50. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / под ред. Б. В. Ананьича и В. С. Дякина. Л., 1984.
51. Куцентов Д.Г. Петербургский пролетариат в 90-х гг. XIX века: Численность, состав и экономическое положение рабочих // История рабочего класса Ленинграда. Л., 1963. Вып. 2.
52. Кучинский Ю. История положения рабочего класса при капитализме. Мировой обзор. М., 1970.
53. Лавёрычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1961–1917 гг.). М., 1972.
54. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 5, 6, 9.
55. Лонге Ж., Зильбер Г. Терроризм и охранка. М., 1924.
56. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992.
57. Магидович А. С. «Социальный портрет» молодежи Москвы 1905–1907 гг. (по материалам Агентурного отдела Московского охранного отделения) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (18).
58. Макаревич Э.Ф. Политический сыск: офицеры и джентльмены: истории, судьбы, версии. М., 2002.
59. Матиенко Т. Л. Сысная полиция в России во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999.
60. Медведев С. В. Групповой портрет сексота // Родина. 2009. № 12.
61. Медведев С. В. С. В. Зубатов и опыт легализации рабочего движения в Москве в 1901–1904 гг. // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Материалы. М., 2009. Т. 2.
62. Медведев С.В. Обсуждение легального рабочего движения в российской периодике в 1902–1903 гг. // Вестник Московского Университета. 2010. № 5.

63. Медведев С. В. «Удивительные беспорядки царят в земле Российской...» Будни русской политической полиции в 1901–1902 годах // Русский сборник. М., 2014. Том XVI.
64. Медведев С. В. Анонимные письма в московские полицейские учреждения: доносы о противоправительственной деятельности и угрозы властям (1903–1907 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 1.
65. Медведев С. В. Анонимные обращения в Московское охранное отделение в 1902 году // Клио. 2017. № 9.
66. Меньщиков Л. П. Охрана и революция: в 3 ч. М., 1925.
67. Миклашевский А.Н. Стачки и социальный вопрос. Право стачек. СПб., 1905.
68. Милютин Н.П. Накануне первой революции в Москве. М.; Л., 1926.
69. Морской А. Зубатовщина. М., 1913.
70. Мулукаев Р. С. История полиции дореволюционной России. М., 1981.
71. Нестеренко А. А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX – начале XX века. М., 1954.
72. Овченко Ю.Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением. Дисс... канд. ист. наук. М., 1989.
73. Овченко Ю.Ф. Безопасность империи. (Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880–1917 гг.) М., 2012.
74. Овченко Ю.Ф. Политический розыск-средство обеспечения безопасности Российского самодержавия. 1880–1917 гг.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2013.
75. Овченко Ю.Ф. Охранка и зубатовщина. М., 2017.
76. Озеров И.Х. Нужды рабочего класса в России. М., 1906.
77. Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906.
78. Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917.
79. Панавас Ч.В. Борьба большевиков против оппортунистической теории и политики «Бунда» (1903 – октябрь 1917 г.). М., 1972.

80. Панкратова А.М. Рабочий класс и рабочее движение накануне революции 1905 года // 1905. История революционного движения в отдельных очерках. Л., 1927.
81. Перегудова З. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема). М., 1988.
82. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.
83. Политический сыск в России. История и современность. СПб., 1997.
84. Поспеловский Д. В. На путях к рабочему праву. Франкфурт-на-Майне, 1987.
85. Поссе В. А. История рабочего законодательства. [Б. м.], 1906.
86. Прийменко А. И. Легальные организации юга России в период империализма 1895–1917. Киев; Донецк, 1977.
87. Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб., 1997.
88. Рашин А. Г. Формирование рабочего класса в России. М., 1958.
89. Розенталь И. С. О количестве, численности и составе профсоюзов в царской России // История СССР. 1984. № 1.
90. Розенталь И. С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности (конец XVIII – начало XX века). М., 2007.
91. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 2017.
92. Светлов С. Очерки по рабочему и крестьянскому вопросам. СПб., 1907.
93. Слепов Ф. А. Путь к счастью. М., 1910.
94. Спиридович А. И. Революционное движение в России. Вып. 1. Пг., 1914; Вып. 2. Пг., 1916.
95. Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979.
96. Степанский А.Д. Легальные рабочие организации и самодержавие накануне первой русской революции // Сборник трудов Московского государственного педагогического института. 1980. Вып. 64.
97. Сысоев Н.Г. Тайный сыск России: от жандармов до чекистов. М., 2005.
98. Тюменев А. И. Очерки истории экономического быта. Пг., 1923.
99. Тютюкин С. В. О некоторых особенностях «рабочей аристократии» в России // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 г. Одесса, 1967.

100. Тютюнник Л. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX веков (1880–1904). М., 1986.
101. Угаров И.Ф. Положение рабочего класса Москвы накануне первой русской революции // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1957. Т. 9.
102. Ульянова Л. В. Политическая полиция и либеральное движение, 1880 – октябрь 1905 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2009.
103. Ульянова Л.В. «Возьмите меня для агитации...»: Секретная агентура в либеральном движении (1880–1905) // Родина. 2008. № 6.
104. Ульянова Л. В. Социально-профессиональный портрет политической полиции Российской империи (1880–1905) // Вестник Пермского университета. 2009. № 2 (9).
105. Ушаков А. В. Рабочий класс и рабочее движение в Москве в конце XIX – начале XX века. М., 2003.
106. Членов С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. [Б. м.], 1919.
107. Шестак Ю.И. Борьба большевистской партии против национализма и оппортунизма «Бунда». М., 1980.
108. Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.
109. Ярмыш А.Н. История полиции дореволюционной России. Ростов н/Д., 1976.

Литература на иностранных языках

1. Bonnel Victoria E. Roots of Rebellion. Berkeley, 1983.
2. Daly J. Autocresy under Sitge. Securiti Police and Opposition in Russia. 1866–1905. Illinois: Decalb, 1998.
3. Judge E.H. Plehve. New-York, 1983.
4. Kochan L. Russia in Revolution. 1880–1918. Letchworth, Hertfordshire, 1966.
5. McDaniel T. Autocracy, Capitalism, and Revolution in Russia. Berkeley, 1988.
6. Schneiderman J. Sergei Zubatov and revolutionary Marxism. London, 1976.
7. Tidmarsh K. The Zubatov idea. ACEER. V. 19, № 3.

Список сокращений

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГЖУ – губернское жандармское управление

ЖПУЖД – жандармское полицейское управление железных дорог

Д. – дело

д-во – делопроизводство

Л. – лист

л. – литера

МОО – Московское охранное отделение

НЕРП (НРП) – Независимая еврейская рабочая партия

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов

Оп. – опись

ПСС – полное собрание сочинений

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия

Т. – том

Ф. – фонд

ЦИАМ – Центральный исторический архив города Москвы

Ч. – часть

ЮРГСД – Южная рабочая группа социал-демократов

Об авторе

Сергей Владимирович Медведев родился 29 мая 1984 года в Реутове. Окончил исторический факультет Православного Свято-Тихоновского Богословского института. 20 апреля 2010 года под руководством Федора Александровича Гайды защитил диссертацию на тему «Департамент полиции и рабочий вопрос в 1901–1904 годах». В 2009–2012 годах был учителем истории в общеобразовательных школах города Москвы. С 2013 года и по настоящее время работает преподавателем истории на кафедре «Политология, история и социальные технологии» в Российском университете транспорта (РУТ).

Научные интересы: история России второй половины XIX – начала XX в., история политического сыска, секретная агентура в первые годы XX столетия, НКПС в 1930-е годы, проблемы железнодорожного транспорта в 1930-е годы.